

НАШИ • ТАМ

СОФЬЯ РОЛДУГИНА

КЛЮЧ ОТ ВСЕХ
ДВЕРЕЙ

У нее есть ключ от любой двери, но нет желания их открывать. Она может рассмешить любого, но сама не любит смеяться. Вокруг нее много людей, но они не могут прогнать ее одиночество. Говорят, она безумна. Да и сама она почти уверена в этом... Познакомьтесь — Лале Опал, шут Ее величества.

Ключ от всех дверей

Старики в одной деревне решили поделиться с внуками мудростью. Созвали молодежь и стали рассказывать:

«Помните, дети, — вещал тот из них, кто всю жизнь провоевал. — Много у вас на пути преград будет, много крепостных стен, но сдаваться нельзя. Всякую дверь откроют упорство и сила».

«Это для тех, кого духи разумом обделили, — посмеивался тот, кто торговал. — Я же скажу вот что: много мне довелось поехать по городам и селам, и часто меня гнали, но любую дверь открывают хитрость и лестное слово».

«Любую дверь открывает знание», — уверенно возразил старый колдун.

«Талант, только талант», — покачал седой головой бард.

«Власть», — твердо ответил староста.

А малявки на сходке заскучали... Еще бы — в душной избе, в темной — только свечи и горят.

Не стали детки терпеть — прошмыгнули, будто мышки, на улицу.

Дверь-то открыта была.

Глава первая, в которой шут Ее величества совершает героический поступок, а также обучает Мило премудростям ремесла

Одиночество не может длиться слишком долго. Год, два, а потом ты либо привыкаешь, либо тихо сходишь с ума. Это аксиома.

Я так и не привыкла.

Конечно, на первых порах помешательство было незаметным, необременительным. Оно начиналось с мелочей. Рассеянность, отстраненность, безразличие к деталям... Подумаешь — надела разные чулки. Под платьем все равно никто не видит. И расчесываться каждый день вовсе не обязательно, ведь некому оценить усилия. Разговаривать с собой вслух... А почему бы и нет? Кто осудит? Это было даже удобно — плевать на всех, не чувствовать ничего, кроме боли, ставшей уже глухой и привычной... Так продолжалось, пока однажды я не заглянула в зеркало — и ужаснулась.

Ах, разумеется, я пыталась бороться с подступающим безумием. Цеплялась за каждый всплеск эмоций, как утопающий за соломинку. Если смеялась — то до колик, до спазмов в груди и сведенных судорогой губ. Если злилась — то с криком, до сорванного горла, до разноцветных пятен в глазах, топая ногами и колотя хрусталь. Если плакала...

Впрочем, нет. Чего тогда не было, так это слез.

У меня появились новые ритуалы. Теперь не менее двух часов в день уделялось косметическим процедурам. Я заплетала волосы в сотню тонких косичек — не потому, что мне нравилась такая прическа, просто она отнимала достаточно много времени и не требовала посторонней помощи. Краска на лице — нарочито яркая. Сегодня — черные губы, завтра — белые ресницы, а через неделю — нарисовать золотой и алой тушью перо на виске, занавесив вторую половину лица неровно отстриженными прядями.

Спустя какое-то время я начала замечать взгляды. Разные — от осуждающих и сочувственных до завистливых и восхищенных. Но безразлично отвернуться не мог уже никто.

Я ликовала. Не одна!

А потом однажды в спину, как плевков, долетело брезгливое — «сумасшедшая». И почему-то это наполнило меня гордостью. И злостью. Что ж, хотите увидеть одержимую — пожалуйста. Получайте, с печатью и вензелем королевского дома. Я украсила косички бубенцами, сожгла ненавистные юбки. Моей излюбленной одеждой стали бриджи и чулки до колен — теперь уже намеренно разные. Белые блузы с пышными воротниками, жилеты, разноцветные пояса и шейные платки — что ж, теперь меня не спутают с добропорядочной горожанкой. Еще пару лет общество милосердно терпело безрассудные выходки и жестокие розыгрыши, а потом меня просто перестали приглашать в свет. Нет, никто не высказывал осуждения открыто — Хранительница ключа, как-никак! — но постные лица, но опасливые шепотки... Я перестала выезжать из имения.

А еще через год из королевского дворца пришла бумага, украшенная теми самыми печатями и вензелями. Меня приглашали ко двору и жаловали званием шута.

Так я стала одной из карт в раскладе Дома Камней и Снов.

— Госпожа! Госпожа, просыпайтесь, прошу вас. Ее величество настаивает на вашем

присутствии во время беседы с послами Дома Раковин и Песка.

Тон просительный, опасливый, чуть восхищенный. Иногда проскальзывают покровительственные нотки. Как же, что бы делала госпожа без помощи этого... этого... кхм.

К слову, знакомьтесь. Мило Авантюрин, мой, страшно сказать, ученик. По крайней мере, номинально. На деле же — нянька, комендант и прислуга в одном лице.

— А госпожа настаивает на спокойном сне — по меньшей мере, до полудня, Мило, — ядовито откликнулась я, не открывая глаз.

— Так время уже к закату, — вкрадчиво заметил мальчик, раздвигая шторы. Даже сквозь веки я ощутила ало-золотой солнечный жар.

Кончается день — начинается жизнь. Во дворце это так.

— А когда ожидается прибытие послов?

— Через час, госпожа Опал.

— Что?! Не мог разбудить хозяйку раньше, лентяй?!

Меня подкинуло на кровати. Одеяло отлетело, как пушинка. Тяжелая, набитая ароматными травами подушка врезалась в стену на ладонь выше головы ученика. Мимо, увы... Старею.

Мило невозмутимо наклонился, подбирая «смертоносный снаряд».

— Госпожа изволит вставать?

— Изволит, изволит.

— Подать завтрак в спальню или в кабинет?

— Никакого завтрака, Мило, — усмехнулась я, поднимаясь и потягиваясь. — Запомни, розыгрыши тогда будут злее и язвительнее, когда шут голоден и крепко не выспался.

— Запомню, госпожа, — серьезно кивнул ученик, накидывая на мои плечи фланелевое покрывало. Я благодарно потрепала мальчишку по светлым вихрам (для этого мне пришлось встать на цыпочки) и, зевая, отправилась в купальню.

Горячая, исходящая паром, непрозрачная вода темно-синего цвета одуряюще пахла ландышами. То, что нужно, чтобы прийти в себя. Я села на дно бассейна, притянув колени к подбородку, и откинула голову на край. Тяжелый резной ключ на цепочке никак не хотел теплеть и куском льда льнул к разогретой коже. Впрочем, от этого холода не спасали даже корсеты, в те времена, когда я их носила... Спустя положенные по этикету пять минут дверь застенчиво скрипнула. Звякнули о камень пола стеклянные флаконы и шкатулка из черненого серебра. Прохладные пальцы осторожно оттянули мои волосы.

Шею обдало сквозняком. Я поежилась, сползая в воду почти до подбородка. Мальчишка что-то недовольно проворчал, осторожно разделяя непослушные пряди щеткой.

— Разбудишь меня, когда закончишь, Мило, — я смежила веки.

— Да, госпожа.

Разумеется, спать я не собиралась. Просто мне необходимо было обдумать предстоящую встречу с послами, вспомнить все, что известно о Доме Раковин и Песка... А еще, когда притворяешься задремавшей, гораздо меньше вероятность, что раскроется постыдная тайна: королевский шут, первейшая язва двора, наводящая страх на высший свет, девятая в раскладе и шестая в совете, Хранительница ключа и просто уважаемая дама Лале Опал... стесняется слуг.

Позор на мои седины. Видимо, плебейские замашки не изжить и за две сотни лет.

— Две сотни и девять лет, госпожа, — педантично поправил бессовестный ученик.

— Нахал.

— Госпожа изволила говорить вслух.

И эту привычку, увы, не искоренить.

Впрочем, не столь важно. Верность Мило даже не обсуждается, а потому я могу быть уверена, что ни единое слово не покинет пределы этой комнаты. Так что можно расслабиться и подумать о деле.

Дом Раковин и Песка... Что же я знаю о нем? Небольшое королевство с классической тройственной системой управления — монарх, совет и ратная служба. Расположено на побережье, в заливе, богатом жемчужницами и многочисленными сортами рыбы. Граничит с четырьмя Домами, с одним из них, Домом Волн и Парусов, находится в довольно напряженных отношениях. С тремя оставшимися успешно торгует — перлами, морепродуктами, пурпурной краской и редкими алхимическими компонентами. Чтобы добраться до побережья из нашей благословенной столицы, придется преодолеть таможенные заставы еще двух государств... Словом, это весьма отдаленное, мирное и практически не имеющее веса в политике королевство. Если бы не экспорт пурпура и кое-каких ценных элементов, то вряд ли бы кто-нибудь вспомнил, что оно вообще существует.

Вроде бы все. Или...

Ах, да. Недавно там сменилась правящая династия. Сменилась мирно — последний король почил, не оставив наследника, и на престол возвели одного из юных родственников его покойной супруги, обладающего достаточной силой, чтобы стать первым в раскладе.

Хм. Что может заставить монарха, едва приступившего к обязанностям, отправить посольство в весьма влиятельную и воинственную страну, находящуюся на значительном расстоянии от его собственной?

— Как ты думаешь, Мило, почему Дом Раковин и Песка решил наладить дипломатические отношения с нашим двором? — озвучила я вопрос.

Руки, заплетающие косичку, на мгновение замерли.

— Не знаю, госпожа, — ровно отозвался мальчик. — Могу ли я услышать ваше мнение?

— А куда ты денешься, — хмыкнула я, открывая глаза. Волосы уже были вымыты, высушены, а прическа — почти закончена. Оставалось только закрепить на концах полутора сотен тонких косичек звонкие медные бубенцы.

Всего полчаса прошло. Мило становится настоящим умельцем. Интересно, а справился бы он с этой задачей, не прибегая к волшебству?

— Мое мнение, мальчик, что у побережников на носу война.

Звяк, звяк, звяк — разлетелись бубенчики по местам. Я поморщилась. Несколько прядей дернуло слишком сильно.

— Простите, наставница, — повинился Мило. — А почему именно война?

— Не знаю даже, — вылезать из воды не хотелось, но время уже поджимало. А опаздывать, разочаровывая Ее величество, было бы весьма недальновидно. — Посуди сам. Государство слабое, а сейчас ослаблено еще больше из-за смены династии. Один постоянный конфликт имеется. Армии, напротив, нет. Наш Дом же славится своими легионами...

— Как и Дом Осени, к примеру, — возразил мальчик, укутывая меня полотенцем. — У них даже есть общие границы с побережниками. Почему тогда дипломатов послали к нам?

— Потому и послали, что у нас совместных границ нет, глупый. Дабы мы не воспользовались оказией и не присоединили к своим землям лакомый кусочек...

«Дополнительная гарантия», вот как это называется. К тому же Осенние в давней дружбе с Парусами и Волнами, неофициально. А с нами — в столь же давней борьбе. Интересы пересекаются, сталкиваются... Мило, чулки одинаковые.

— Зато восхитительно полосатые, — хихикнул ученик. — Уверяю, это будет выглядеть смешно, госпожа. В нынешнем сезоне в моде цветочные узоры, так что вряд ли кто-то наденет такие же чулки, как у вас. Ох, вы столько знаете о политике... Я многое понял только сейчас.

— Плохо, что так поздно, — вздохнула я, застегивая ботинки. Конечно, одевать хозяйку — забота слуги, но мне легче самой справиться. — Шут обязан разбираться и в мировой политике, и в семейных неурядицах самого распоследнего аристократа в стране, не говоря уже о чаяниях простых горожан. Как иначе он сможет делать свою работу? Выходки должны быть смешными, злободневными, остроумными, своевременными и не выходящими за границы дозволенного. А без высокой степени осведомленности от природного чувства юмора мало толку. Еще спровоцируешь международный скандал... Придворному дураку, конечно, многое прощают, но рисковать не стоит. Голова-то одна...

Мальчик кивнул и задумчиво сощурился. Когда его мысли занимало что-то по-настоящему интересное, эти глаза принимали совершенно невероятный оттенок. Темно-карие, в фиолетовый отлив, с россыпью колючих золотых искр — словно драгоценный авантюрин на солнце. Именно из-за этого волшебного, фантастического взгляда я и выручила некогда Мило из неприятностей, в которые он вляпался по неопытности.

Давно это было... Десять, двадцать лет назад? Уже и не помню.

Кисточка порхала от одной баночки к другой, не забывая ластиться к коже, все еще румяной после горячей купальни. Обведенные медной краской глаза, прозрачные «капельки» на ресницах, хрустальная «слеза» на левой скуле... Я придирчиво оглядела результат в зеркале и осталась довольна. Черно-белые полосатые чулки, ботинки с огромными пряжками, серые атласные банты под коленями, удерживающие штанины, жилет цвета сажи с серебряным шитьем и пепельная рубашка с высоким горлом — то, что надо.

— Гм, наставница... Время, — ненавязчиво кашлянул мальчик. Я недовольно тряхнула головой, пробуя звон бубенцов на вкус. Безупречно. А вот горе-ученичок... Мои пальцы быстро распустили бант на коленке. Если закрутить ленту помудренее и приколоть ему на воротник — вполне сойдет. А еще — добавить руну «печаль» на виске алой краской... Вот так. Надо бы ему уши проколоть, а то позор — у мальчика четвертый десяток пошел, а все как ребенок, ни единого украшения.

— Знаю, Мило, — я отступила на шаг, любуясь результатом. Ну вот, так ты уже больше похож на шута. — Идем. Как раз успеваем.

— Но до зала приемов идти не меньше четверти часа!

Я выпростала из-под рубашки цепочку и подкинула ключ на ладони. Тяжесть приятно оттягивала руку.

— Скажем так, Мило, я знаю короткую дорогу.

Узорчатый металл легко вошел в скважину, будто был создан для нее. Вход в купальню, или перегородка кареты, или просто стенной шкаф — не важно, что за дверь, которую мне вздумалось открыть. Я всегда попадаю именно туда, куда надо.

Это мой дар и моя ноша.

Я — Лале Опал, советник Ее величества, королевский шут и Хранитель ключа от всех дверей.

— ...с величайшим к Вам почтением вручаю эти верительные грамоты от государя нашего Ларры Ночного Бриза!

Как замечательно, что за тронем есть потайная дверца! Можно не спеша высунуть нос, оглядеться, просчитать ситуацию...

— Почему так долго, Лале? — Ее величество кокетливо прикрыла губы веером, улыбаясь послу глазами. Слова, произнесенные шипящим шепотом, даже мне нелегко было расслышать. — Церемония подходит к концу. Ты не собираешься исполнять свои обязанности?

О, этот тон... Иногда манерой поведения она сильно напоминает своего отца — и не с лучшей стороны. Впрочем, пора начинать представление.

— Ах, не рассказать ли мне байку? — радостно пропела я, выкатываясь колесом из-за трона. Тихо, скороговоркой, королеве: — Ваше величество, каких пор вы именно это подразумеваете под моими обязанностями? А как же служба безопасности? — громко и весело, послам: — Ба, да у нас гости! О, моя госпожа! Почему вы хранили это в тайне? Я бы хоть подготовилась... — удрученно. — А так даже ленту свою не отыскала... Вы ее не видели? — я вытянула вверх ногу, демонстрируя хлопающую штанину. Взгляды послов метнулись сначала к моим чулкам, потом к банту под коленкой, потом — к серой ленте, ярко выделяющейся на фоне алого камзола Мило. Вежливо-каменное выражение не сходило с лиц. Пф!

— Опал, как смеешь ты врываться во время приема! — гневно выпрямилась на троне королева. Надо сказать, что это выглядело весьма внушительно. Все-таки росту в ней почти два метра... — Лале, я не могу отдать приказ обыскать послов. Это будет дипломатический скандал, — еле заметно шевельнулись губы.

Я пала ниц, расстилаясь на каменных плитках.

— О, простите свою ничтожную слугу, моя леди! — в моем голосе появился трагический надрыв. — Но мне так хотелось посмотреть на гостей! Прошу вас, не гневайтесь!

Выработка достоверно жалобной физиономии категории «глаза на мокром месте» — вопрос времени. У меня его было предостаточно. Даже многоопытных дипломатов проняло... По меньшей мере один из них смотрел с сочувствием. Совсем еще мальчишка, наверное, первая его миссия... На фоне остальных застывших истуканами послов он выглядел потрясающе искренним и живым.

Хм... А дипломат ли он вообще? Больше похож на провинциального аристократа, впервые попавшего в свет. Надо взглянуть при случае поближе...

— Ах, Лале, Лале, — «смягчилась» Ее величество, скрывая веером довольную улыбку. Что ж, такие грубые представления, вроде того, что я разыграла сейчас, как раз в ее вкусе. — Прошу простить меня, господа, — она, извиняясь, улыбнулась дипломатам. — Леди Опал служила еще моему прадеду, поэтому ей дозволяется чуть больше, нежели остальным подданным. К тому же бремя, которое она несет...

Я тем временем уже уютно устроилась на ступеньках, ведущих к трону, поджав под себя ноги и нацепив на лицо счастливую слабоумную улыбку. Ключ на цепочке застенчиво поблескивал на угольно-черном атласе жилета.

— Как вам угодно, — отвесил учтивый поклон глава миссии, пожилой мужчина в пышном парике, украшенном жемчугом. — Если вы доверяете госпоже... Лале... то и нам не

остается ничего иного, как последовать вашему примеру.

— Доверяю, как себе, — вежливо улыбнулась та, что носила имя Тирле Обманчивый Сон. Моих ушей коснулся тишайший шепот: — Действуй, Лале... — и громкое: — Итак, Опал, можешь остаться, но не слишком докучай господам посланникам.

— О, моя королева! Вы — самая великодушная королева из всех, что я знала, а поверьте, мне есть с чем сравнивать! — патетически воскликнула я, вновь падая ниц. — А... можно на них поближе посмотреть? О, прошу вас! — мои глаза увлажнились.

— Да, Лале, конечно, — благожелательно ответила Тирле — и быстро переглянулась с дипломатами.

Те наверняка были недовольны — как же, нарушение протокола! — но промолчали, не подав и виду. Во-первых, как я и говорила, дуракам прощается многое... А во-вторых, побережники все-таки крайне нуждаются в нашей помощи, раз терпят подобное обращение. И грех этим не воспользоваться.

— Как интересно... — пробормотала я, широко распахнув глаза. В такие минуты становилось жаль, что провидение наделило меня темно-серыми, почти черными глазами — сложно с таким материалом сыграть наивность. Густые трогательно-рыжие ресницы частично компенсировали это, как и невинный завиток, падающий на лоб, но общее впечатление все равно было тяжелым, опасным: по-лисьи острые черты лица, порывистые жесты пораженной безумием, млечно-белая кожа — результат ночного образа жизни. Из-за маленького роста меня часто путали с ребенком, особенно в последнее время, когда трон заполучила Тирле Обманчивый Сон. Нынешняя королева была очень стройной, высокой женщиной, пожалуй, даже красивой, если не принимать в расчет слишком большую голову и скверную привычку поджимать губы, складывая их в тонкую линию. С воцарением Тирле в моду стремительно вошли туфли на высоких каблуках и платформах и объемные короткие прически. Я не собиралась меняться, подстраиваясь под временные течения — сколько их уже было на моем веку, а сколько еще будет! Но появляясь в свете, начинала чувствовать себя неуютно среди рослых дам с пышно уложенными волосами.

Впрочем, на то и шут, чтобы смешить господ придворных.

— Сколько камешков! — мой восхищенный шепот шорохом осенних листьев разлетелся по залу. Королева небрежно взмахнула веером, не прерывая ответную речь, давая понять, что на меня не стоит обращать внимания.

Я обходила послов по широкой дуге, Мило уныло тащился следом, не забывая вполголоса причитать «Осторожней, хозяйка! Не споткнитесь, хозяйка! Не надо грызть ключ, хозяйка, возьмите леденец!». Отыскать взглядом спрятанное оружие — не такой уж большой труд, если вы обладаете обширным опытом. У меня не было недостатка в практике, да и в отличие от профессиональных соглядатаев королевы я могла незаметно обыскать подозрительную персону под предлогом осмотра прекрасных жемчужных украшений, не нарушая традиций — с безумной что возьмешь? Разумеется, у всех членов миссии обнаружили запрещенные предметы: острая шпилька в волосах самого посла, кинжал в сапоге мальчишки, пара лезвий в складках одежд леди-секретаря и целый арсенал у негласных телохранителей, также нацепивших на себя придворные платья... Ничего выходящего за рамки. Вряд ли королеве грозит опасность, ведь от метательного оружия и попыток прорваться к высочайшей особе по ступеням пьедестала защищает древнее волшебство дворца, созданное еще во времена моего предшественника. Так что вся эта горка железа должна была, скорее, успокоить самих дипломатов, подарив им ложное ощущение

безопасности. Шалости ради, а также чтобы преподать Мило очередной урок, я переложила кинжал паренька из одного сапога в другой и подбросила в карман послу свернутую в клубок удавку телохранителя, а потом знаками велела вернуть все на место. К чести юного Авантюрина, он почти справился, мне пришлось вмешаться лишь раз, когда один из дипломатов не ко времени обернулся... Но обошлось.

Напоследок я еще раз окинула всю миссию взглядом — не притаился ли где коварный убийца. Нет, чисто... И только собралась доложить королеве, что приказ исполнен, как Мило дернул меня за одну из косичек, подавая условный сигнал.

Девушка, которую я посчитала секретарем, незаметно поднесла руку к волосам, а когда опустила ее, в кулаке уже было что-то зажато. Будто бы дурачась, я кувырком подобралась поближе и замерла на полу в очевидно неудобной позе, якобы разглядывая туфли одного из дипломатов. Мило, притворно ругаясь громким шепотом, заходил с другой стороны, чтобы подстраховать меня.

Подозрительная леди незаметно огляделась. К счастью, на нас она практически не обращала внимания... жестокая ошибка. Сейчас я была уверена, что женщина что-то замышляет. О, да, она великолепно владела лицом и телом, но это напряжение в глазах, и запах... Запах затаенного в глубине сердца страха, профессиональной уверенности и терпеливого ожидания. Так пахнут наемные убийцы. Но неужели она нацелилась на королеву? Невозможно. Да и Мило стоит у нее на дороге, закрывая траекторию. Кто же тогда...

Кисть незаметно шевельнулась, будто взбалтывая что-то. В голове тут же вспыхнула картинка из далекого прошлого, когда мой наставник и спаситель рассказывал об обычаях западных царств. Неловкое на первый взгляд положение руки сразу обрело смысл... И я увидела жертву.

Мальчишка! Да кто же он?!

Время привычно замедлилось.

Я отчетливо увидела, как расширяются зрачки убийцы, как слегка напрягаются мышцы, как начинают сжиматься пальцы... Решение пришло мгновенно. Черно-рыжей молнией я сорвалась с места с восторженным визгом «Ах, Мило, там бусинка упала!» и метнулась между леди и ее жертвой. Что-то несильно укололо бедро, и почти сразу же в этом месте разлилось онемение, сменившееся навязчивым жжением — яд, и довольно быстрого действия. Ключ мгновенно нагрелся, пораженную ногу свела судорога... Я запнулась, почти упала, но Авантюрин успел вовремя, подхватив меня под руки.

Место укола в последний раз обожгло болью и все закончилось.

— Госпожа, все в порядке? — в его голосе была настоящая тревога. Я незаметно провела рукой вдоль бедра, убирая иголку в кулак, а затем в секретный карман. Позднее разберусь. Быстро сложила пальцы, подавая знак Ее величеству, сияюще улыбнулась и только после этого ответила:

— Да, Мило, все хорошо. Я такая неловкая...

Тирле поняла все правильно. Краем глаза я заметила, как зашевелились за потайными панелями и фальшивыми картинами подчиненные Тайной канцелярии. Теперь можно быть спокойной. Больше с леди-секретаря глаз не спустят. Осталось выяснить: что это за мальчишка такой, что его пытаются убить с огромным риском для исполнителя, но непременно так, чтобы подставить наш Дом?

Впрочем, у меня есть уже предположение... И еще, чуть не забыла, надо потом

поблагодарить Мило. На диво способный мальчик! И удачливый, что еще важнее.

— И бусинку потеряла... — я готова была «захныкать». Авантюрин с почтением поставил меня на ноги, opravил задравшийся жилет, поправил бант под коленкой, а затем протянул раскрытую ладонь.

— Возьмите, госпожа. Это не бусина, это жемчуг, или перл. Наверно, гости вам его теперь подарят, раз вы его нашли...

Я притворно ахнула, разглядывая подарок. А в голове меж тем вертелась одна мысль: где-то уже эта жемчужина мне встречалась... Неужели?... Взгляд метнулся сначала к «бусине», потом к прическе посла.

Так и есть! Шпилька-то теперь простая...

Ну и Мило! Ну и шельма! Я счастливо расхохоталась, запрокинув голову, и выставила на всеобщее обозрение жемчужину во вскинутой вверх руке. И когда этот хитрюга успел вытащить «оружие» нашего дипломата из прически, выломать камень и вставить шпильку обратно, не потревожив человека, да еще и так, что и я не заметила?

Нет, он определенно достоин награды!

— Полагаю, мы можем позволить себе такой подарок, — неожиданно произнес тот, кого я приняла за одного из телохранителей. Рослый седой мужчина, подтянутый, с манерами потомственного военного — о, эту осанку сложно вытравить, это мне известно еще со времен моего ученичества у Холо. Неужели этот мужчина и есть истинный глава миссии? — И дальше продолжить разговор в более узком кругу. А ты, Мариша, допустила ошибку. Можешь передать своим нанимателям, что они зря загубили столь ценного агента.

Леди-секретарь низко опустила голову. Потом вдруг начала заваливаться набок, бескостно, словно мешок с фруктовым желе. Тут же встрепенулась охрана, засуетилась Тайная канцелярия, кто-то позвал лекаря... Лишь королева, лидер побережников да мы с Мило сохраняли спокойствие, ибо знали, как быстро действует западная отравка... Вряд ли девицу еще можно спасти.

Тело унесли, слуг разогнали, а «канцеляристы» исчезли с глаз долой незаметно и совершенно самостоятельно. В зале осталась только Ее величество да делегация из Дома Раковин и Песка, глава которой, отбросив маску охранника, вышел на первый план и теперь недовольно посматривал на Авантюрина и меня.

— Ваше величество... При всем уважении, речь сейчас пойдет о действительно секретных вещах. Не стоит ли удалить посторонних из зала? Или, — он, очевидно, вспомнил, как я заслонила мальчишку собой, — это все же тайные агенты?

Такое предположение меня возмутило. Да, я Хранитель ключа, и еще порой меня призывают как советницу Ее величества по особо важным вопросам, но в первую очередь...

— Да шут я, шут! — я нетерпеливо вскочила с пола и тут же сделала стойку на руках, задорно звеня колокольчиками в рассыпавшейся прическе. — И безумна, как никто другой! Правда-правда, клянусь!

Тирле прикрыла губы веером, скрывая усмешку.

— Дорогая Лале, кажется, наши гости недоверчивы. Сделай милость, рассмеши их, пусть убедятся!

Я изобразила задумчивость, потирая ладонью подбородок. Стоять на одной руке было не очень удобно, но чего не сделаешь ради искусства...

— Ах, и не знаю даже... Никакие шутки в голову не приходят. Разве спеть песенку?

Послы недоуменно переглядывались. Суматоха посбила с них спесь, и теперь им было

сложно вернуться к прежнему чурбанному состоянию. «Она серьезно собирается выступать?» — шепнул мальчик своему соседу-телохранителю.

О, они сомневаются? В моем ремесле?

— Мило, доставай флейту. Я буду петь!

Ученик с достоинством поклонился и выудил из рукава инструмент. Я наконец-то приняла нормальное положение, ступив ногами на твердую землю.

— Пой, Лале! — усмехнулась королева.

Дипломаты застыли. С чего бы начать? Эх, начну, пожалуй, с начала!

— Здравствуйте все!

Я шут моей королевы,

Стою здесь во всей красе...

Обернитесь налево —

Это Мило, мой ученик,

Тот, поверьте, еще шутник,

Прозывается Авантюрином...

Ах, он вымахал слишком длинным,

Или я на рост коротка?

Но смотреть на меня свысока

Вам запрещаю железно!

Лучше смейтесь — ведь это полезно, —

я сделала «колесо», подскакивая поближе к дипломатам. Те напряженно подались назад — одновременно, будто актеры в спектакле.

— Я — шут, я смешная, честно,

И глядеть на меня интересно!

Ах, вперед меня летит слава...

А теперь посмотрите направо:

Там стоит господин дипломат,

Облаченный в чужой наряд.

Притворяться он любит неглавным.

И, поверьте мне, это забавно!

Даже я не могла понять сходу —

За чужую он взялся работу...

А все, чтобы с толку нас сбить,

Заговорщика определить,

Короля своего защитить... —

я обличительно ткнула в мальчишку. Тот испуганно отшатнулся, но быстро взял себя в руки и гневно сверкнул глазами. Охрана — настоящая охрана! — мгновенно придвинулась к нему, вытаскивая оружие. Похоже, последняя строка попала в точку... даже слишком. Надо заканчивать представление... и поскорее, пока излишне ретивые служаки не покрошили

меня на бекон для омлета.

— Попрошу вас меня не бить,
А, напротив, с душой любить,
Мою жизнь сгоряча не губить —
Ох, опасно бывает шутить! —

С этими словами я расстелилась перед послами по каменному полу в глубоком поклоне. Бубенчики глухо звякнули о плиты, финально взвизгнула флейта в руках Мило и воцарилась напряженная тишина. А спустя мгновение ее хриплым карканьем разбил смех королевы Тирле.

— Ах, Лале, мастерица, позабавила, — выдохнула она чуть погодя, утирая слезы. — Пожалую тебя орденом.

— Да нужен мне он, и так весь шкаф забит, — чуть слышно буркнула я, поднимаясь с колен.

— Что ты сказала? — брови королевы сурово сдвинулись.

— Что буду ужасно благодарна, Ваше величество.

Со стороны делегации послышался смешок. Мальчишка... нет, похоже, все же король, уже отошел от первого потрясения и теперь улыбнулся — очень по-взрослому.

— Вы и вправду знаете толк в хорошей шутке, госпожа Лале, — величественно кивнул он мне. И как я могла принять его за паренька на побегушках? Ума не приложу. — Благодарю вас за прекрасное представление... и спасение моей жизни.

— Присоединяюсь, Опал, — согласилась королева. — А теперь — ты свободна. Мы же с Его величеством обсудим некоторые детали.

Я еще раз поклонилась и, ухватив Мило за полу камзола, направилась к ближайшей картине. Ключ провернулся в нарисованной скважине, дверь с натужным скрипом отворилась, открывая нашим взорам Малахитовый коридор на седьмом ярусе. Вытолкав замешкавшегося ученичка за порог, я осторожно вернула картину на место, отсекая звуки Церемониального зала. Ни к чему нам пока знать детали переговоров... Все равно Ее величество Тирле завтра сообщит мне все действительно необходимое.

— А нам точно следовало уйти? — поинтересовался Мило, недоверчиво ощупывая картину, на которой и следа двери не было.

— Точно, точно, не волнуйся уж, — я, привычно подтянувшись, ласково пригладила его волосы. — Запомни, главное в деле шута — вовремя уйти... Пока смысл шутки не дошел до тех, кого высмеиваешь. Залог долгой жизни, знаешь ли... Да и раз королева нас отослала, то ничего интересного уже не будет. У этой женщины потрясающий нюх на неприятности, почти как у ее бабки, леди Карле Пророческий Сон. Ну, так та обучалась на прорицательницу до того, как встретила Его величество Соло Янтарного.

— Раз вы так говорите... — он послушно кивнул, а потом опустился на одно колено, чтобы мне было удобнее гладить его.

У Мило были совершенно удивительные волосы: вроде бы и светлые, как солнце, а приглядишься — удивляешься: да он пегий, как волк. Один волос рыжий, другой белый, а третий и вовсе золотой. И локоны такие мягкие, скользкие, как горный шелк, так и хочется запустить в них пальцы. Ах, когда мой мальчик вырастет, он определенно будет иметь успех

при дворе!

— А что там получилось с покушением? Признаться, я проглядел половину... — ученик вопросительно посмотрел на меня снизу вверх. Так мил, так мил...

— Позже, сейчас не хочу это обсуждать, — поморщилась я. — А сейчас...

Я задумалась. Идти спать было определено рано — время еще только к полуночи, лишь шесть часов назад встала. Королева освободится нескоро, хорошо, если переговоры закончатся до рассвета... Балов сегодня нет, развлечений особых тоже... Разве что лорд Галло Топаз собирался устроить поэтический вечер имени себя. Куда ему в поэты, этому старому, толстому обормоту! А ведь все в менестрели метит. Нет, решено!

— Мило... — по моим губам расплзлась проказливая ухмылка. — Как ты смотришь на то, чтобы сыграть небольшую шутку с лордом Галло? Заодно и потренируешься?

Авантюрин мечтательно улыбнулся. Ах, ну что за мальчик, прелесть! А, главное, сразу понимает, о чем я говорю...

— С величайшим удовольствием, госпожа.

Похоже, ночь будет долгой...

Глава вторая, в которой Мило получает подарок, а в кабинете Ее величества ведутся разговоры о политике

— Солнце завершает круг,
Ты приносишь роз букет...
Ах, мой милый, милый друг,
Я, увы, отвечу «Нет»... —

напевала я старинную песенку, крутясь перед большим зеркалом в Зале отражений. Вообще-то это место, представляющее собой огромный лабиринт, украшенный полированными каменными и металлическими пластинами, имело славу «уголка свиданий». Но мы с Мило традиционно использовали его для оттачивания актерского мастерства и пробы новых образов. Вчерашний вечер, вопреки надеждам и чаяниям, закончился для нас раньше обычного, так как лорд Галло, доведенный до кипения насмешливой декламацией его переделанных виршей, таки сорвался и спустил на бедного шута охрану, а когда мой замечательный Авантюрин раскидал этих горе-вояк, вступил в дело сам. Тут уж пришлось удирать, ибо мастерство не пропьешь и не проешь, а генерал Топаз когда-то считался лучшим бойцом своего времени. Да и Ее величество вряд ли бы одобрила, покалечь мы верного вассала короны.

— Ты заметил, Мило, что сейчас люди совсем не ценят искусство иронического экспромта? — пожаловалась я ученику, сосредоточенно рассматривающему свою разукрашенную физиономию в зеркале.

Роскошный синяк, заработанный вчера в честной схватке с лордом Галло, замазывать мы не стали, а напротив, всячески подчеркнули, обведя по кромке золотой краской и нарисовав пару звезд прямо поверх. В сочетании с фальшивыми бинтами там и сям это производило, на мой взгляд, потрясающий эффект. К тому же — о, загадка мироздания! — глаза Авантюрина казались именно наивными и жалостливыми, несмотря на темный цвет, и большинство встреченных аристократов, уже наверняка прослышавших о вчерашнем провале декламаций отставного генерала, смотрели на нас сочувственно. Похоже, в ближайшее время лорд Галло будет подвергнут порицанию общественности.

И правильно. Нечего было колотить моего Мило. Насмехалась-то над лордом я, просто он посчитал ниже своего достоинства своей рукой ударить женщину, да еще безумную.

Почему натравить на нее же телохранителей было, с его точки зрения, совершенно обычным делом, являлось для меня загадкой. Одна из тех аристократических заморочек, которые я не пойму и через четыреста лет.

— И не говорите, госпожа, — ученик осторожно почесал фингал, стараясь не задеть золотые звездочки. — Совершенно не ценят... Иногда мне даже кажется, что работа шута гораздо опаснее, скажем, профессии военного. Да и бьют чаще...

— А что поделаешь? — философски заметила я, поворачиваясь в попытках разглядеть рисунок на спинке жилета. Надо признать, портрет Галло вышел весьма похожим, несмотря на то, что Тарло Мечтатель рисовал его впопыхах, да еще по скользкому атласу. Впрочем, бездарности в придворные художники и в карты расклада не выбиваются. — И, обрати внимание, Мило, бойцам за риск быть битыми приплачивают, а мы трудимся

исключительно на добровольных началах... Разве что Ее величество иногда оделяет нас медалями да орденами... и драгоценными камнями... и золотом иногда... и тот дом в Старом городе сбыть удалось весьма выгодно... Но, в любом случае, вчера было забавно, согласишься?

Авантюрин кивнул и расхохотался.

— А помните, с каким он выражением пытался выдернуть застрявшую в стене фамильную шпагу, госпожа? А вы еще стояли и нудили, что, мол, нехорошо обнажать оружие против незащитных детишек?

Перед мысленным взором моим встала картина вчерашнего вечера: разгневанный коротышка-генерал, размахивая шпагой, теснит к стене жалобно поскуливающего и взывающего к гостям-аристократам Мило. Притом, что мой ученичок выше его на целых две с половиной головы и тонкий, как тростиночка... Ах, это было неподражаемо!

— И все же, Авантюрин, ты слишком рисковал, — скрепя сердце, пришлось пожурить мальчишку. Конечно, я не дремала и готова была кинуться на защиту ученика, но порой выверты судьбы совершенно непредсказуемы. Вдруг бы под ноги мне подвернулась складка ковра, а Мило замешкался и пропустил удар? Кровь хороша, только если это театральная краска...

— Не больше, чем вы, госпожа, — невозмутимо парировал он.

— На что намекаешь, паршивец? — весело поинтересовалась я, беззлобно дергая его за нос.

— На давешнее покушение. А если бы яд попал в вашу кровь?

Мне стало смешно. До чего наивен!

— Да он и попал туда, глупенький. К счастью, отравой меня не проймешь... Скажу по секрету, если бы вчера негодяй Галло пересилил свое аристократическое воспитание и пырнул меня своей игрушкой в сердце, то и это бы сошло одной нахальной шутовке с рук. А вот ты, дорогой мой, увы, не ворон, имеющий дюжину жизней... Будь осторожнее в следующий раз. Придворному дураку вовсе не зазорно сбежать, когда его преследует дурак вооруженный. Ученик у меня один, и новых я заводить не собираюсь.

— Я буду внимательней, — охотно повинился Мило с редкостно довольной физиономией.

Надо почаще его хвалить, а то совсем зашпыняла мальчика. И, к слову, о подарках...

— Мило, нам нужно заскочить к ювелиру, — непререкаемым тоном капризной светской львицы заявила я, принимая внушительную позу.

— Как прикажете, моя госпожа, — учтиво поклонился мальчик, подхватывая игру.

Зал мы покинули, всюду дурачась. Я громко командовала, поправляя воображаемую мантию и корону, скрипуче жаловалась на дурные манеры молодежи, и тут, же, практически без перехода, начинала весело щебетать о фасонах одежды и новейших веяниях моды. Мило тоже с явным удовольствием менял роли, прикидываясь то забитым слугой у властной хозяйки, то пожилым провинциальным лордом, туговатым на оба уха, то галантным кавалером-сердцеedom.

Встреченные придворные спешили слиться с обстановкой, коридоры пустели, как по волшебству. По дворцу вперед нас летела жуткая весть: Лале Опал в ударе, спасайся, кто может! Попавшие под горячую руку подвергались нещадному осмеянию. Чувствительные дамы теряли сознание, благородные господа — самообладание, но, к счастью, сегодня клинков никто не обнажал. Я же, забыв о самоконтроле и милосердии, просто развлекалась

и не думала о последствиях. Если заиграюсь, Мило одернет меня до того, как переступлю запретную черту.

— Дайле, открывай двери, когда в них стучит судьба! — бойко заколотила я в узорчатые створки.

Старая ювелирша смачно высказалась в том ключе, что не всяким придворным дурочкам здесь указывать, будь они хоть дюжину раз советницами королевы, а торопыгам к ней и вовсе ход заказан. Чтоб не беспокоили попусту, мол, старые кости. Я глубоко вздохнула, приводя себя в более-менее приличное состояние, и спросила уже серьезно:

— Госпожа Дайле, не готов ли вчерашний заказ? Если так, то нельзя ли мне его получить? Если же нет, прошу прощения за неурочный визит...

Мастерица поворчала для порядка, но сменила гнев на милость, пуская нас в рабочий кабинет. Разумеется, я могла войти и сама, но это выглядело бы невежливо. А мое уважение к грубоватой пожилой женщине было глубоким и искренним, не имеющим отношения к наносному придворному этикету. Дайле Кремень пережила уже двух королей, в более внушительном возрасте, пожалуй, пребывали только волшебники и некоторые могущественные карты расклада. А эта дама не просто достигла почтенных «золотых лет», но и сумела сохранить себя такой, как в молодости: порывистой, искренней и не имеющей ни единой задней мысли, а это уже немало, если вы живете при дворе, среди интриг, подковерных склок и заспинной брани.

— Оплату доставили? — поинтересовалась я, усаживаясь с ногами на пуфик. Дайле тем временем удалилась в дальние комнаты, чтобы через минуту вернуться уже с бархатным футляром. — Вы всем довольны?

Мое волнение было вполне оправданным — золото и заказ я переслала с мальчишкой-пажом. Вероятность того, что малютка мог что-то перепутать была весьма велика.

— Вполне, госпожа шут, — благосклонно кивнула ювелирша. — Как всегда, вы более чем щедры. Могу я поинтересоваться, для кого предназначен столь дорогой заказ?

— Для моего ученика, — усмехнулась я. Мило, до сих пор равнодушный, наострил уши. — Он вчера показал себя с лучшей стороны.

— Неужели юный Авантюрин также причастен к предотвращению покушения на Егс величество Ларру Ночного Бриза?

Меня охватило легкое раздражение.

— Как, об этом уже говорят во дворце? И что за сплетню распространяют здешние болтуны? И кто ее автор?

— Поговаривают, что придворный лекарь, господин Шило Яшма, — Дайле с почтением протянула мне футляр. Я осторожно приоткрыла его и залюбовалась, хотя знала приблизительно, что увижу. На шикарном черном бархате расположилась чудесной работы серьга. Миниатюрный многолепестковый цветок из алого золота, отчасти напоминающий полностью распутившийся бутон розы, выглядел почти живым: каждая жилочка, каждый изгиб листика были мастерски исполнены и разве что не источали сладкий аромат. В центре перламутрово переливалась трофейная фиолетовая жемчужина. Я поневоле поразились искусству Дайле: сотворить такое всего за одну ночь, пусть даже и по давней заготовке, было фантастически сложно. Другие бы и за неделю не справились. — Якобы он стал свидетелем того, как вы, госпожа, благородно бросились вперед, закрывая собой короля, переодетого слугой, и выхватили из воздуха кинжал, а потом отравили покушавшуюся на него особу жутким ядом с запада.

— Брешет. Все, кроме яда — бред сивой вороны, — презрительно скривилась я. — Ничего из воздуха не ловила, надо больно. На то у Ее величества есть Тайная канцелярия. С них и спрашивайте, а у меня так и своих дел хватает. И лучше бы и каждому так держаться за то, что у него хорошо выходит... Как, например, ваши работы, уважаемая Дайле — выше всяких похвал. Неповторимо, живо, утонченно! То, что надо.

— Благодарю, — наклонила седую голову мастерица. Меня всегда удивляла эта ее манера переходить с площадной брани на светскую болтовню без всякого напряжения. — Мне приятна столь высокая оценка. Куда руки тянешь, паршивец, кота твоего об стену?! — словно в подтверждение моим мыслям тут же взревела она, шлепая Мило веером по пальцам.

— Но госпожа сама сказала, что это для меня, — оскорбленно насупился Авантюрин. Я дружелюбно улыбнулась.

— Не будьте такой строгой, мастер. Право, это подарок для мальчика, и Мило вполне может заглянуть в футляр прямо сейчас, — с этими словами я до конца откинула крышку и сунула шкатулку под нос опешившему ученику.

Некоторое время он хлопал пушистыми ресницами, как девица на выданье, а потом восхищенно присвистнул, позабыв о манерах.

— Госпожа, это... это чудесно! Она действительно для меня, да? Я... я потрясен, нет, правда! Но... — Авантюрин удрученно повесил голову. — У меня уши не проколоты.

— Значит, проколем. Дайле, принесите, пожалуйста, иголку, — твердо заявила я, нацеливаясь на застенчиво розовеющую за золотистыми прядями мочку. Ах, какой стеснительный ребенок! — Давно пора, скоро жениться уже, а все как младенец, ни одной побрякушки.

Мило опасно отодвинулся от меня, заметив фанатичный огонек в глазах. Ювелирша, поискав в столе, торжественно предложила мне на выбор две игры, золотую и серебряную. Я взяла вторую, ту, что потолще, и решительно поднесла к пламени светильника. Сначала металл обжег пальцы, но лишь на мгновение, пока не проснулся ключ.

— Иди сюда, мой хороший, — проворковала я, маня Мило пальчиком. Парнишка дернулся.

— Может, не надо? Буду носить ее, как кулон, — жалобно проскулил он, сглатывая. — Госпожа, ведь и вы тоже не любите украшения, кроме браслетов... Смиловитесь...

Во мне тут же проснулось что-то хищное. Я толкнула мальчишку на лавку, бесцеремонно ухватив его за рубашку. Мило послушался, хотя чувствовалось, что его колотит. Дрожит, бедняжка... Я почти облизнулась, откидывая волосы с аккуратного ушка. Примерилась, занесла руку... И тут мальчишка вырвался, отскакивая в сторону.

— Я передумал, госпожа, — скороговоркой пробормотал он, отводя взгляд. — Это слишком дорогой подарок для меня, простите, — с поклоном паренек отступил к двери.

— Куда? — по-кошачьи мурлыкнула я, подхватывая его под руку и усаживая обратно. — Я уже решила, не спорь. Где твое мужество, Мило? Ведешь себя, как ребенок.

— Неправда, — он вздернул подбородок. В темных глазах появился странный блеск. Да что это с мальчиком, никогда не замечала в нем трусости! — Я уже взрослый. Просто не хочу, и все.

Дайле наблюдала за этой сценой с потрясающим равнодушием. Будто и не происходит ничего особенного. Ну да ладно, эта женщина лишнего болтать не станет, да и нет таких сплетен, что как-то могут повлиять на мою давно изгрызенную мышами репутацию.

— Взрослый он, как же... — я осторожно помассировала мочку, лишая ее чувствительности. Игры играми, а причинять боль моему несносному мальчишке по-настоящему не хотелось бы. — Рассказывай кому-нибудь другому. До сих пор, между прочим, сладкое предпочитаешь прочей еде, любишь сказки на ночь и с дамами общаешься исключительно на расстоянии анекдота.

Мило краснел, пыхтел, и, наконец, взорвался.

— Да что вы знаете! Я живу рядом с вами, каждый день мы вместе, но разве вам интересно, что происходит в моей жизни? Нет, нет, нет! Все время думаете только о себе, и ни о ком другом! Да к вашему сведению, госпожа моя, я уже лет пять не ем сладкого вообще, двенадцать лет читаю перед сном мемуары Лавре Пустынника и... и... И вообще, леди Сабле уже не раз приглашала меня посетить ее спальню!

Я не знала, смеяться мне или плакать.

— А вот последнее — зря, — мой голос был предельно серьезен. — Скажу тебе по секрету, все кавалеры, посетившие покои леди Сабле, потом обязательно посещают лекаря..

Мило залился краской и вскочил с лавки. Кинул на меня гневный взгляд и кинулся прочь, на ходу оттирая позолоту со щеки, а напоследок хлопнул дверями так, что лепнина лишь чудом не осыпалась.

— Трудная пошла молодежь, — вздохнула я, глядя ему вслед. Дайле покачала головой.

— И у вас характер не мед, леди... При всем уважении.

Сердце защемило. Какой, не побоюсь этого слова, дурень пустил столетье назад слух, что у королевского шута в груди пусто?

— Думаю, мне пора, — решительно попрощалась я. Колокольцы на концах косичек потерянно звякнули. — Еще раз позвольте восхититься вашим мастерством. На днях вам непременно доставят награду, в полной мере отражающую степень моей благодарности.

— Не стоит, — церемонно отказалась ювелирша. — Мне и самой было приятно работать с таким редким материалом. К тому же вы уже сильно переплатили, позволив мне забрать лишнее золото.

Я раскланялась с госпожой Кремень и вышла. К моему несказанному удивлению, коридор был пуст. Надо же, Мило всерьез разозлился. Вот ведь ненормальный... Да и сама я виновата. В первую очередь потому, что не проявила достаточно внимания. Вот свяжется мой мальчик с такой, как Сабле, придворной вертихвосткой, или нарвется на дуэль — а все потому, что наставница недосмотрела. Позор мне...

Недопонимание между умудренным и юным сердцем... Так ли давно я была по другую сторону этой пропасти? Так ли давно гневно бросала в лицо своему учителю такие же слова, как Мило — мне? И клялась себе, что уж я-то в старости точно отнесусь с пониманием к молодым? Что не забуду, не потеряю это волшебное чувство осознания?

Эх...

Сначала перестала видеть сказку за театральным представлением, разглядев убогие декорации и подтекший грим актеров. Потом разучилась слушать чужие сердца, погрузившись в свое безумие. Стала почти равнодушной...

Что дальше? Превращусь в такую же холодную жестокую сволочь, как мой уважаемый наставник? И уйду, бросив своего драгоценного мальчика, как Холо когда-то оставил меня?

— Госпожа Лале?

Я вздрогнула всем телом. Щеки холодило. Неужели слезы?

— Да? — мой голос прозвучал удивительно нежно. Паж, окликнувший меня, неловко

отвел взгляд.

— Госпожа Лале, Ее величество ждет вас в своем кабинете.

— Ах, ждет?

Паренек смутился. Меньше сарказма, моя дорогая, это всего лишь ребенок...

— Да, леди, — придушенно прошептал он и низко поклонился. — Извините... — и шмыгнул в тень, как мышка.

— Спасибо, — негромко бросила я ему вдогонку, вытирая лицо. Негоже перед королевой появляться заплаканной. Тем более, что ей до моих чувств и дела нет.

Проходить прямо в кабинет было бы невежливо, поэтому я открыла дверь в небольшую приемную перед ним. Стражник вздрогнул, когда на его глазах шутовка выпрыгнула из шкафа для документов, запертого на замок, но удивление свое оставил при себе. О, да, для современной молодежи чудеса — в порядке вещей...

— Доброй ночи, госпожа Лале, — поклонился он. — Ее величество велела заходить вам без доклада. Прошу, — он отступил назад, освобождая мне путь.

Кабинетом это помещение можно было назвать весьма условно. Личный зал Ее величества для приема высочайших и особо приближенных — так, пожалуй, будет вернее. Огромное пустое помещение практически без мебели, белые стены, черный потолок, шахматные плитки пола, почти четыре десятка картин, изображающих символы расклада. Справа — девятка высших, за ней — девятка вассалов, слева — девятка слуг и девятка безымянных. Прямо над столом — символ бренности всего. Пустая карта, карта дороги, карта потери. Ровное черное поле, пересеченное наискосок белой молнией. Единственная в раскладе, у которой нет живого воплощения. Проходя вдоль ряда картин, я по старой привычке подмигнула своему знаку — Безумному шуту. И могу поклясться, что красноволосый мальчишка с жестокой улыбкой подмигнул мне в ответ.

За столом никого не было. Каюсь, в мою глупую голову закралась бредовая мысль, что паж сыграл неплохую шутку вместе со стражником, но почти в ту же секунду я заметила, что кресла сегодня стоят гораздо ближе к очагу, чем обычно. Усмехнувшись про себя, я отвесила тому из кресел, от которого исходил запах грозы, глубокий поклон.

— Звали, Ваше величество?

Тягостную минуту ничего не менялось, а потом по залу раскатился хохот двух высочайших особ с весьма специфическим чувством юмора.

— Вот видите, Ночной Бриз, я была права, — отсмеявшись, заметила королева, спуская ноги с сиденья. — А вы, Ларра, как недоверчивое дитя: спрячемся, испытаем... Эту леди не одурачишь, она сама кого угодно оставит в дураках. Разгибайся, Опал, хватит уже креслу кланяться. Присаживайся.

— Благодарю, Ваше величество, — я послушно заняла пустующее место, самое ближнее к огню, сложив руки на коленях с видом юной провинциалки.

Любопытно. Значит, благороднейшая Тирле решила отбросить маски и показать иноземному монарху свое истинное лицо? Да и мое заодно.

Скверно. Надеюсь, побережник стоит оказанного доверия.

— Вы не похожи на обычного шута, — Ночной Бриз заботливо протянул мне кубок с разогретым вином, самолично наполнив его из котелка над очагом. О, мне уже прислуживают особы королевской крови? Впору возгордиться. Или он отравы туда подсыпал? Помнится, Дом Раковин и Песка исстари продавал за границу яд морских цветов — особых моллюсков, одно прикосновение к которым могло убить неосторожного

ныряльщика, если на его руках были царапины. Яд, воздействие которого я вчера испытала на себе.

— О, вас, очевидно, ввели в заблуждение, — светски прочиркала я, поднося бокал к губам. Вино обожгло язык. Многовато специй. И крепковато. Простой человек опьянел бы с одной порции. — Я не обычный шут. Я — Безумный шут.

— Одна из расклада? — красиво изогнул брови Ларра.

Слышала, что побережники общаются с помощью мимики так же, как мы, равнинные, подаем знаки пальцами и движениями веера. Так королева сейчас, сложив свой и дважды коснувшись им губ, советовала мне быть осторожней. «Этот человек не так наивен, как кажется. Тот еще вороний сын. Не сболтни лишнего», — говорили ее жесты. В ответ я улыбнулась и погладила мизинцем мочку уха — «Ваше предостережение услышано и принято во внимание».

— Девятая, — согласилась я. — А вы? Первый, я полагаю? Лорд Теней?

— У нас эту карту называют Лордом Волн, — мягко поправил глава Дома Раковини Песка, даря мне еще одну соблазнительную улыбку.

Ах, зря тратишь силы, молодой король. Мое сердце уже полторы сотни лет как забыло о любви. Единственный, к кому я испытываю хоть какую-то нежность — это мой ученик, мой мальчик Мило. Младший брат или сын, которого у меня никогда не было. Но ты красив, Ларра, действительно красив. Кудри цвета аквамарина, а еще — изменчивые, как море, глаза, то наивные, то умудренные. Загорелая кожа потомственного пирата, лишь поколение назад ступившего на землю, и прямота простодушных жителей прибрежных песков... Ты хороший человек, верный и честный, пока еще не испорченный властью. Оставь меня в покое. Лучше направь свои чары на гордую, но изголодавшуюся по искренним чувствам Тирле — это будет полезнее. Вам обоим.

— Пусть так, — склонила голову я, делая еще глоток. — Важно, что вы первый в своем раскладе. Но перейдем к делу, — бокал отправился на полку над очагом. — Зачем вы позвали меня, госпожа?

Тирле резко раскрыла веер, медленно сложила. Это не означало ничего, кроме того, что королева сильно взволнована. Но, разумеется, ее лицо выражало лишь насмешливое спокойствие.

— Мне хотелось бы услышать твое мнение, Лале.

— И по какому же поводу? — у меня вырвался вздох. Не часто Ее величество обращалась ко мне за советом. И каждый раз это знаменовало наступление нелегких времен. Если Лорд или Леди не могут решить вопрос самостоятельно и спрашивают ответа у Безумия, то дела совсем плохи.

— По этому, — королева провела рукой по вееру и извлекла из него уже знакомую мне тонкую иглу. Еще вчера я передала ее в Тайную канцелярию. — Просто скажи мне все, что знаешь.

Мною овладела задумчивость. Честно говоря, накануне я с легкостью выбросила из головы покушение и отправилась развлекаться. Но привычка взяла свое, и перед сном меня посетили кое-какие идеи, часть которых касалась именно происшествия с дипломатами.

— Это западное оружие, — решила я начать с общеизвестных сведений. — Игла используется либо в духовой трубке, либо, после небольших усовершенствований, в «газовом мешочке» — капсуле из алхимической пленки, менее прочной с одного конца. Обычно «мешочек» бывает наполнен парами некоего вещества, расширяющегося при нагревании или

встряхивании, без запаха и цвета. Внутри помещается смазанная ядом игла. Чаще всего яд медленнодействующий, но бывают и исключения. Убийце нужно всего лишь взять капсулу в кулак, встряхнуть и подождать некоторое время, пока газ согреется, а потом сжать. Слабая стенка прорвется, и игла полетит в цель. Дальность выстрела — не больше двадцати шагов, поражающая сила небольшая, но за счет толщины заряд пробивает порой и простеганную одежду, и кожу, и любую ткань, кроме горного шелка. Обращению с этим оружием учатся долго, обычно с самого детства, ибо любая ошибка приводит к смерти неудачливого убийцы, либо к ненужному шуму, если недостаточно прогретые пары слишком рано разорвут оболочку... — я перевела дыхание, вспоминая бледное лицо леди-секретаря. Жалкая, бессмысленная гибель. Но сила воли заслуживает уважения — суметь уйти, когда еще есть шанс отбрехаться, может не каждый. Наверняка девица выросла в одном из кланов, занимающихся воспитанием смертников. — Секрет изготовления капсул известен только в западных царствах. А вот яд, которым смазана была игла... О, это гордость уже вашего Дома, о Ларра, — я отвесила шутовской поклон государю. — Морские цветы... Впрочем, это лишь предположение.

— Нет, все верно, — королева, наверняка получившая уже доклад из Тайной канцелярии, одобрительно взмахнула веером. — Продолжай, Лале.

— Да, Ваше величество. Итак, что мы имеем? Убийцу, обучавшуюся на Западе. Редкий яд из Дома Раковин и Песка. Желание бросить тень на наше государство, обвинив в вашей смерти, государь Ларра, мою прекрасную и великодушную королеву. Получается, кто-то желает рассорить Дом Камней с Домом раковин, оставшись в тени. Враг имеет доступ к возможностям западных царств и, скорее всего, находится в плохих отношениях с нашим королевством. Также весьма вероятно, что он желает заключить с вами, о Ларра, сделку, ради которой вы решили обратиться к Дому Камней и Снов.

Высочайшие особы переглянулись.

— Дом Осени, — задумчиво опустил взгляд в бокал Его величество.

— Дом Осени, — согласно кивнула Ее величество, с презрением ударив веером по сжатому кулаку. — Благодарю тебя, Опал. Мои догадки, увы, подтвердились.

— Я могу быть свободна?

— Если пожелаешь, — пожала плечами королева. — Но я бы не возражала, останься ты еще ненадолго.

— Прошу простить, но у меня есть срочные дела, — я соскочила с кресла и еще раз поклонилась. Косички подмели пол, грустно бряцая бубенчиками.

Ларре Ночному Бризу ударило в голову вино.

— Это какие же иные дела могут быть у шута, кроме как веселить королеву? — рассмеялся он, откидываясь на спинку. Глаза его блестели, как драгоценные камни.

Я с достоинством выпрямилась. Ехидство растеклось по языку жгучим перцем.

— У королевского шута,
Мой лорд, работа не проста.
Ведь смотрит за порядком шут,
И без него дворцу — капут.
И потеряет всякий стыд
Аристократ, вассал, слуга,
И королева не простит

Шуту падения двора.

Лишь он за ложь стыдит лжеца,
За голос слабенький — певца,
Шпиона — за длиннющий нос,
И вас, мой лорд, за ваш вопрос,
Что и шута смешит до слез! —

— с этими словами я царапнула ключом по входной двери, к которой пятилась во время декламации, распахнула створки, прошмыгнула наружу и была такова. Вслед мне несся хриплый хохот Ее величества Тирле и веселые проклятия Ларры.

Несколько часов я бесцельно слонялась по дворцу, развлекая себя перепалками с придворными. Особенно хорошо удалась свара с лордом Галло, разглядевшим таки намалеванную на моей спине карикатуру. Он настолько разозлился, что почти поднял руку на слабую женщину... но в последний момент пришел в себя, выругался сквозь зубы и удалился, пытаясь сохранить остатки достоинства. Ну и поделом ему. Хорошая месть за беднягу Мило, щеголяющего с синяком под глазом.

Мило... Как он, мой мальчик? Успокоился ли уже?

Я нащупала в кармане злополучную сережку и сжала. Металлические лепестки впились в ладонь.

Скоро рассвет. Пора бы и возвращаться в свои покои. Может, великодушный Авантюрин уже простил свою глупую госпожу и теперь ждет ее, чтобы подготовить ко сну.

Увы, надежды мои не оправдались. В комнате было пусто. Я обошла кругом, зажгла все свечи — и мятные, и кедровые, и лавандовые, и жасминовые, и любимые Мило — сандаловые. От смешения запахов закружилась голова. Скинув жилет и ботинки, я с ногами забралась в кресло перед зеркальным трюмо и устроила голову на подлокотнике. Косички свесились вниз. Сквозняк шевелил их, вызванивая грустную мелодию. Веки тяжелели, свечи плавилась, небо за окном светлело. Я уже почти заснула, когда ставни щелкнули и раскрылись, впуская в душную комнату свежий воздух. Чуткие пальцы осторожно коснулись моей шеи, вытягивая придавленные косички. Порыв ветра — и бубенчики осыпались вниз медным дождем. Такое знакомое волшебство...

Я продолжала ровно дышать, словно была погружена в глубокий сон. Еще пара ласковых движений — и уже свободные пряди упали вниз рыжей волной. Щетка аккуратно прошла по ним — раз, другой, третий... Когда Мило посчитал, что волосы приведены в приемлемое состояние, он ловко подsunул одну руку мне под колени, а другую — под лопатки, и поднялся, осторожно прижимая к себе строптивую ношу, так и норовившую вывернуться и упасть обратно в кресло.

Дверь в мою спальню была предусмотрительно открыта. Заботливому ученику оставалось только уложить задремавшую наставницу на подготовленную кровать. Я думала, что на этом его труды закончатся и он со спокойной совестью отправится спать и сам, но... Чуть дрожащие от волнения пальцы распустили банты под коленями. Дальше пришел черед разноцветных чулок, шейного платка, пояса, штанов... Руки стали совсем неловкими, и коварные крючки на блузе никак не желали поддаваться.

— Вообще-то она расстегивается на спине, Мило.

От этих слов, произнесенных как бы между прочим, мой ученик подскочил, как

ошпаренный и залился краской.

— Вы-вы-вы не спите?

— Я-я-я не сплю, — беззлобно поддразнила я его, усаживаясь и подгибая под себя ноги. — Что за благоприобретенное заикание, Мило? Не замечала за тобой таких изъясно-речи.

Несколько томительных мгновений мы смотрели друг другу в глаза. Казалось, что слышно было, как пересыпается песок в больших часах на шкафу. А потом выпалили одновременно:

— Прости, Мило.

— Простите, госпожа.

Он снова залился краской и нерешительно присел рядом со мной. Так и не сошедшая синева под глазом выглядела жалко.

— Я не должен был так грубо убегать. Вы не виноваты. Вы очень многое делаете для меня, госпожа, правда. Я обязан вам жизнью и бесконечно благодарен...

— Мило, — тихо прервала его я, — это мне надо извиняться. За то, что была невнимательна. За то, что вечно решаю все за тебя. За то, что не заметила, как ты вырос... Ты единственный близкий мне человек. Поэтому — прошу, если что-то беспокоит твое сердце — говори мне. Не молчи. Это больно.

— Госпожа...

— Просто Лале, мой мальчик. Нас никто не слышит.

— Лале... я не знаю, что на меня нашло. Зачем все это сказал... — он низко опустил голову. Светлые пряди занавесили лицо. — На самом деле я не думаю так. Вы очень внимательны... И столько раз приходили на помощь, когда я мог оступиться и сорваться в пропасть... И этот подарок... Он меня очень-очень растрогал...

Мило смущенно замолчал. Щеки его полыхали, и мне даже казалось, что я чувствую исходящий от лица жар.

— А почему ты не захотел проколоть ухо? — я осторожно провела ладонью ему по затылку. Мальчик вздрогнул, но почти сразу расслабился. — Это одна из тех вещей, что я упустила из виду? Ты боишься иголок или что-то вроде того?

Он наконец-то улыбнулся.

— Нет, госпожа... Лале. Поначалу, конечно, струсил, а потом просто очень разозлился, когда вы сказали, что уже все сами решили... Не знаю, что на меня нашло, — повторил Мило, оборачиваясь ко мне. Карие глаза отливали фиолетовым, как у большой кошки.

— Тогда не возражаешь, если мы закончим то, что тогда начали? Если ты против, то можешь носить мой подарок как брошь, например, — я встрепала гладкие волосы. Лохматым он мне всегда больше нравился. Так мой ученик становился больше похожим на ребенка — и двадцати не дашь.

— Не возражаю.

Чувствуя глупую, слепую радость я вскочила с кровати и принялась разыскивать все необходимое. И игла, и свеча нашлись почти сразу, а вот сережка обнаружилась только после долгих трудов, под креслом у трюмо. Наверное, закатилась, когда я, задремав, расслабила руку.

— Ну, Мило, расслабься, — я со смешком дернула его за ухо, нажимая на обезболивающую точку. Другой рукой я прокаливала иглу над огнем. — А еще лучше глаза закрой, если все-таки переживаешь.

Мальчик послушно зажмурился. Ах, ну что за прелесть! Ловя момент, я проколола нежную мочку и тут же вдела серьгу.

— Можешь открывать.

— Уже все? — удивился ученик. Я рассмеялась.

— Все, трусишка. Перед сном протрешь свое ухо мазью для лечения царапин, заодно и синяк ей же подлечишь. Только сережку не снимай, иначе зарастет. Не волнуйся, все заживет очень быстро, пара дней — и будешь, как новенький... — я наклонилась и, поддавшись соблазну, дунула ему за ушко. Мальчик смешно дернулся и вскочил с кровати.

— А... благодарю вас, госпожа... Я пойду, пожалуй... Светлых вам снов! — и просочился за дверь.

Посмеиваясь, я стащила с себя блузку, швырнула ее наугад в угол и забралась под одеяло. Вот и помирились... Вот бы понять, что творится в голове у моего несносного ученика.

Впрочем, подумать об этом можно и утром... А пока — светлых снов, дорогая Лале...

Я отвечу «Нет», мой друг,
Пусть ты всех дороже мне...
Завершает солнце круг,
Розы вянут на окне.

Глава третья, в которой шут пытается помирить художника и менестреля, но в итоге оказывается в дураках

Я сидела и грызла большое яблоко.

Само по себе это, конечно, не особенно примечательный факт, но, во-первых, сочный красный плод был действительно внушительным — лишь вполовину меньше моей собственной головы. А во-вторых, местом для легкого позднего ужина был выбран Розовый зал, в котором сегодня имел место так называемый творческий вечер леди Нанеле Хрусталь. Проще говоря, очередная бессмысленная вечеринка для избранных аристократов, но с претензией на интеллектуальность. Культурный налет сему действию должны были придавать приглашенные музыканты, количеством ровно две дюжины, да пара придворных художников и поэтов. Увы, от безнадежной скуки, присущей подобным мероприятиям, не спасало даже присутствие острого на язык симпатяги Тарло, не далее как на прошлой неделе подарившего миру прекрасный шарж лорда Топаза, до сих пор красовавшийся на моем жилете.

До полуночи оставалось всего несколько минут — жалкая горстка песка в массивных часах у входа. Самое время уйти и поискать стоящих развлечений, но я не могла этого сделать по двум причинам. Одной из них являлось то, что блистательная, как ее камень-талисман, леди Нанеле состояла в раскладе. Тридцать третья, девятка вассалов, Смешливая кокетка. Проигнорировать приглашение... Ах, королева бы этого не одобрила. Мы, карты, должны держаться друг друга — вот девиз Тирле.

Что же касается второй причины... Ларра Ночной Бриз изволил заскучать в закрытых покоях, и Ее величество не придумала ничего умнее, как приставить бедную шутовку телохранителем к этому несносному мальчишке. Хорошо еще, хитрецы из Тайной канцелярии догадались переодеть неугомонного короля и выдать его за аристократа из провинции. Как итог — я сижу в кругу танцующих пар, вытянув ноги на всю длину, и ем яблоко. Прелесть какая.

— Скучно, Мило.

— Двадцать девять.

— Что двадцать девять?

— Вы констатировали этот факт в двадцать девятый раз, госпожа моя, — с мрачным спокойствием пояснил мой ученик, сверля взглядом кружащиеся по залу пары. Тоже грустит, бедняжка.

— Можешь сходить развеяться, — великодушно предложила я, отгрызая очередной кусок уже без прежнего энтузиазма. То, что весь плод мне одолеть не под силу, стало понятно еще пятнадцать минут назад, но природное упрямство не давало выбросить остатки. — Например, потанцевать. Фрейлины смотрят на тебя с большим интересом.

Взгляд его стал еще мрачнее.

— Фрейлины, простите великодушно, полные дуры. Им просто интересно, почему я послал к воронам леди Сабле, а у нее самой они спрашивать боятся. Точнее, боятся ее брата-волшебника. Говорят, скверного нрава человек. Мстительный.

— А ты послал Сабле? — настроение у меня разом взлетело до заоблачных высот. — Умный мальчик! Вот, возьми яблочко, скушай, — я сунула Мило злополучный фрукт, разом целясь по двум мишеням: и ученичка подбодрю, и, главное, руки освобожу.

К моему удивлению, Мило не только взяло яблоко, но с явным удовольствием впился в его красный бочок. Судя по тому, с какой скоростью исчезала ароматная мякоть в глубинах прожорливого молодого организма, вскоре от моего «подарочка» останется только хвостик.

Некоторое время я наслаждалась видом утоляющего голод Авантюрина, а потом опять заскучала.

— Мило... А давай что-нибудь учудим?

— Не стоит, госпожа, — подавил страдальческий вздох мой рассудительный ученик. — Ее величество велела воздержаться от выходов и уделить больше внимания охране известной вам особы.

— Ми-и-ило... Ну не будь таким занудой. Эта особа и без нас не пропадет, а я, если еще час просижу без дела, впаду в буйство и точно не могу никому уделить внимание.

Ученик задумался, закусив изжеванный хвостик — все, что осталось от моего яблока. Я умилилась — так забавно это выглядело.

— Госпожа... А что, если я с вами потанцую? — выдал, наконец, блестящую идею Авантюрин.

Я расхохоталась так громко, что оказавшиеся поблизости люди нервно отшатнулись. Впрочем, они быстро успокоились, увидев, что это всего лишь старушка Лале веселится.

— Мило, сознайся, ты все-таки отведал с голодухи грибного салата в буфете? Брось, это даже на шутку не тянет.

— Почему? — насупился мальчишка. — И вы, и я при деле, и приказ королевы не нарушим, и развлечемся, и к подопечному незаметно подберемся.

— Вот ведь дурачок... Ты нашу разницу в росте знаешь? Выше тебя только трижды благословенная Тирле, а меня и в увеличительное стекло не сразу разглядишь.

Авантюрина мои доводы нисколько не впечатлили, и он упорно продолжал гнуть свое.

— Наоборот, хорошо получится. Шуты мы или кто? Чем смешнее, тем лучше. И вообще, — глаза его загорелись нехорошим огоньком, — можно подгадать так, чтобы оказаться рядом с четой Топаз... Как вам моя идея?

Я представила и злорадно захихикала. Коротышка Галло и стройная Лафелле... Она лишь ненамного превосходит в росте своего супруга и никогда не ходит на каблуках, так что разница не заметна, если только не предложить уважаемой публике материал для сравнения.

— А ты тоже мстительный, дорогой мой, как и братец милейшей Сабле. Хорошее качество для шута! Уговорил, станцуем. Чур, я веду.

— Как вам будет угодно, госпожа.

К сожалению, провокация не удалась. Галло, наученный горьким опытом, стоически терпел смешки, которые окружающие сжегивали в рукава и прятали за веерами, а издеваться над его скромной и доброй супругой было абсолютно неинтересно. Зато ноги размяли славно. Пару раз мы протанцевали и мимо переодетого Ларры. Я мельком проверила, на месте ли покров иллюзий, наложенный самой королевой, убедилась, что все в порядке и дернула Мило обратно в круг.

Веселее не становилось. Терпение мое начинало иссякать.

И вот, когда я почти уже уверилась, что вечер безнадежно загублен данным мне высочайшим поручением, в поэтическом уголке на балконе за кадками с зелеными сосенками наметилось что-то интересное.

— ... то есть вы имеете смелость утверждать, что музыка есть материя более выразительная, чем живопись? — донесся до моего слуха язвительный голос Тарло.

Я с интересом завертела головой, выискивая среди пышных напомаженных шевелюр всклокоченную пепельную гриву. Ага, а вот и наш художник-скандалист. И кто же его жертва на сей раз? Неужели этот болезненный юноша в травяном венке? Ба, да это же новый любимчик двора — маэстро Танше, эмигрант из западных царств, уж не припомню, из какого именно. Надо будет потом уточнить у дворцовых сплетников.

— Разумеется! — горячо воскликнул менестрель. Черные, как полированный оникс, глаза азартно блестели. Гладкие волосы походили на вороньи перья — так четко распадалась прическа на пряди. — Чем оперирует живопись? Всего лишь цветом! Вслушайтесь, господа — цветом! Это ограничивает наше восприятие зрительным образом, заточая в рамки видения самого художника. А музыка, напротив, оставляет огромный простор для воображения. Наслаждаясь переливами нот, человек способен выйти за грань реального мира и узреть незримое!

— Вы, дорогой мой, видимо, уже вышли, — саркастично заметил Тарло. — И, узрев незримое, лишились способности трезво смотреть на вещи. Еще раз повторяю вам, что считать какое-то из искусств менее выразительным — абсурдно. К примеру, глядя на великолепные работы, изображающие тридцать семь карт расклада, осмелитесь ли вы заявить, что они ограничивают полет фантазии зрителя? Напротив, эти полотна раздвигают границы восприятия, делая разум более гибким и способным порождать невероятные образы.

— О, да, особенно для этого полезна Пустая карта, — вскинулся музыкант. — Бросьте. Живопись — искусство весьма и весьма конкретное, в то время как музыка — это воплощенные мечты и чувства.

— Краски — не менее тонкий инструмент для изображения чувств, чем звуки! — начал заводиться Мечтатель. — Я лишь из снисхождения к вам не упоминаю уже о таком виде работ, как портреты, отражающие саму суть владельца, но даже цветовые абстракции, которые, к слову, столь же отстранены от действительности, как и музыка, способны передать тончайшие оттенки человеческого эмоций.

— С вашего позволения, сударь...

— О-ля-ля! О чем спор, господа? — выгадав момент, я прыгнула и, сделав сальто, аккуратно приземлилась на перила между спорщиками. Мило тихо ругнулся в том духе, что полет с такой высоты если и не будет стоить кому-то жизни, то седых волос его ученикам — точно. Я только отмахнулась. Упаду, и ладно — шут всегда на ноги приземлится, что твоя кошка.

Сейчас беседа важнее — Тарло мне давно был симпатичен, к тому же мы не раз совместно пускались в такие авантюры, что лишь чудом удавалось выйти сухими из воды. Да и Танше в таланте и неповторимости мышления не откажешь, к тому же он искренен — великолепное качество, на мой взгляд. Оба — замечательные люди и настоящие творцы... Но один — слишком ехиден, а другой — горяч по молодости. Еще поссорятся... Ну уж нет. Таким людям враждовать — последнее дело. Весь дворец страдать будет.

— О, Лале! Долгих лет, — широко улыбнулся художник, галантно ссаживая меня с перил и подводя к стулу. Они с Мило, что, сговорились?! Нет, клянусь, непременно прыгну сегодня с парашюта. Только момент поострее подберу, чтоб уж всем наверняка пощекотать публике нервишки. — Так, небольшой вопрос образовался... Вот все не можем решить, что же выразительнее, живопись или музыка? Может, вы подскажете?

— Да, да госпожа Опал! — подхватил Танше, ловко перехватывая инициативу у

замешкавшегося Тарло. — К сожалению, не имел чести быть вам представленным раньше...

— Танше Горький Мед, верно? — обворожительно улыбнулась я, склонив голову набок. Колокольчики задорно звякнули. — Наслышана. Вы обо мне, думаю, тоже. Так что к чему эти формальности?

Танше расцвел и послал сопернику торжествующий взгляд.

— Да, вы абсолютно правы! Ну, так что ответите на предложение достопочтимого, — музыкант сделал выразительную паузу, долженствующую, видимо, показать, сколько там того почтения, — живописца?

— Хм... — я спрыгнула со стула и невозмутимо вскарабкалась обратно на перила, уже с ногами. Мило возмущенно засопел. Я мысленно показала ему язык. — Есть у меня идея... Почему бы вам не устроить состязание?

Художник и менестрель удостоили друг друга одинаково потерянными взглядами.

— Состязание? Лале, милая, как вы себе это представляете?

В моей дурной голове завертелся прелюбопытный план. Оставалось только поймать его за хвост, украсить бантиком и подать к столу. А если еще и Мило сообразит подхватить игру... Ох, повеселим благородное собрание! Заодно и мыслишку интересную подкинем нашим творчески одаренным спорщикам, чтобы они силы свои направляли в верное русло.

— Легко, господа. Мой ученик загадает любое чувство и сообщит вам. Для верности запишем его на клочке бумаги, дабы ваши умы не посетило недостойное благородного человека желание сжульничать — это лучше оставить мне. Далее, уважаемые, каждый возьмет по инструменту — палитру с красками либо флейту — и попробует сообщить присутствующим здесь, что же за чувство задумал Мило. Гости же решат, у кого вышло лучше... — я хитро оглядела притихших «людей искусства». — Возьмете на себя смелость или откажетесь?

Слово «трус», даже не высказанное, а лишь слегка обозначенное намеками, производит на любого мужчину, будь он бродягой с востока или царем с запада, одинаковое воздействие. Брови сурово нахмуриваются, в линии рта появляется жесткость, глаза начинают решительно блестеть, а с языка непременно слетают те слова, которые ни за что не были бы сказаны в другой ситуации.

— Разумеется, я согласен, — гордо поднял голову Тарло. — Эй, принесите мне краски и мольберт!

— А мне — гитару, — попросил Танше и виновато развел руками: — С флейтой, увы, я познакомился только после того, как переехал на равнины, и еще не успел освоить ее в достаточной мере... Сколько времени будет отведено на подготовку?

— Времени?... — мои ботинки с деревянным стуком свалились на пол. Я с удовольствием почесала одну ступню об другую, не обращая внимания на то, что чулки пошли сборками. Мило стойчески поджал губы и, опустившись передо мной на колени, аккуратно расправил складки. Сразу стали видны фигурные заплатки на пятках. Где-то в толпе невольных зрителей отчетливо щелкнули раскрывшиеся веера, выдавая неудовольствие своих обладательниц. Ну и что. Мои чулки, как хочу, так и ношу. Авантюрину, между прочим, нравится. — Полагаю, малого оборота часов вам хватит.

— Пятнадцать минут?! — поперхнулся музыкант, едва положивший пальцы на гриф. Струны подрагивали в предвкушении, как живые. — Но...

Тарло, столкнувшись со мной взглядом, быстро и едко ухмыльнулся.

— Пойдет. Только в этом случае обойдемся без красок, пусть это будет уголь. Разводить

порошки маслом — слишком долго получится.

Менестрелю не оставалось ничего иного, как принять условия. Я довольно расхохоталась: отказаться сейчас значило проиграть до начала соревнования. Для здешней публики, не умеющей ценить истинные таланты, победителем окажется тот, кто сумеет произвести наиболее благоприятное впечатление. На первый взгляд, преимущество находилось на стороне Тарло: он не первый год обретался при дворе и был достаточно широко известен... Но, к сожалению, язвительный и презирающий мнение света художник успел настроить против себя многих аристократов, а золотая кровь обид не забывает. Не будь Тарло одним из расклада, его бы давно сожрали из зависти и на косточках сплясали.

Трепетный, горячий и очаровательный Танше на подобном фоне выглядел просто милашкой... если бы не его яркий «западный» облик и манеры — к выходцам из царств у нас было предвзятое отношение, неприязнь пополам с подозрительностью — не лучшая смесь. К тому же менестрель держался во дворце особняком, а таких затворников, не ищущих покровителей или выгодных связей, ох как не любили...

Пока я размышляла, Мило уже где-то раздобыл клочок бумаги, нацарапал на нем загаданное чувство и показал «дуэлянтам». Один из добровольных помощников крутанул меньшие часы на постаменте. Розовый песок тонкой струйкой потек вниз. Тарло оглянулся на быстро растущую горку в нижней части колбы, одарил соперника высокомерной улыбкой и отвернул мольберт так, чтобы публика не могла раньше времени рассмотреть рисунок. Даже мне с высоких перил было видно лишь как ходит туда-сюда рука, сжимающая угольный стержень. Менестрель, впрочем, не обратил на подначку ровным счетом никакого внимания, полностью поглощенный своими мыслями. Он сидел на стуле, зажмурившись, откинув голову назад, обнажая трогательно незащитное горло. Губы его быстро двигались, а пальцы скользили по струнам, беззвучно, хаотично, словно пытались отыскать что-то потерянное.

Время тянулось медленно. Чтобы как-то разбавить ожидание, я болтала ногами, отстукивая пятками бойкий ритм по мраморным столбикам перил. Сначала машинально, а потом, когда заметила неодобрительный взгляд Мило, уже намеренно. Пусть позлится... Шуты и должны злить друг друга, чтобы ехидство не истощалось. А людям искусства, по моему мнению, напротив, надо держаться вместе, потому что сердца у них очень ранимые. На деле же получается наоборот — мы с Мило не можем серьезно поссориться, несмотря на мое безумие, эгоизм и пренебрежение окружающими и его молодую горячность. А тот же Тарло постоянно с кем-то спорит. И чаще всего — с коллегами по ремеслу. Неправильно это. Пока они препираются друг с другом, любой аристократишка, да хоть бы и Галло, может их раздавить.

— Время вышло!

У меня мурашки пробежали по позвоночнику — так неожиданно прозвучал голос Нанеле Хрусталь. Разумеется, хозяйка вечера не могла не заинтересоваться необычным соревнованием. По правде говоря, я уже начала сомневаться, что из него выйдет что-нибудь путное. Но, может, проигравший хотя бы выберет объектом своего недовольства меня, а не соперника... Мне-то ничего не будет. Переживу.

— Что ж, господа, прошу!

Тарло снисходительно посмотрел на музыканта, заметно переживающего, и небрежно повернул мольберт. В ту же секунду Танше коснулся пальцами напряженных струн...

Воздух в груди почему-то закончился.

На листе пористой, плотной бумаги, словно из глубины, проступали линии. Стремительный, схематичный росчерк — окно. Прижатая к стеклу ладонь — поразительно четко проработанные детали, путь жизни, путь сердца, массивный браслет на запястье. И лицо... приоткрытые губы, искаженные в болезненной улыбке, горькие морщинки в уголках глаз, глубоко залегшие тени, надломленные брови, и зрачки, из которых течет, течет наружу что-то...

Ты смеешься, и смех заглушает крик,
Что рвется наружу из темной души,
И изысканный яд уж под кожу проник
И теперь вместо крови по венам бежит.

Воздуха не хватало... Нет, эта женщина на рисунке, с ее гладкими волосами, далеко не юными чертами лица, — незнакомка в пустой комнате, окруженная лишь смутными тенями, источающая такое отчаяние, не была похожа на меня внешне, но что-то внутри...

Недоверчиво щуришь больные глаза,
Что к мраку привыкли скорее, чем к дню,
Ты уже никогда не вернешься назад,
Ты сжигаешь мосты, чтоб дать пищу огню.

Холод, холод, холод... Холодом веяло от струн, смертельным холодом, и ноты изморозью покрывали кожу, язык заledenел и я могла лишь беззвучно шептать: Мило, зараза, что же ты загадал... дрянь, дрянь...

И в безумии прячась, как кролик в норе,
Ты пытаешься вновь насладиться игрой...
...Никогда не признаешься даже себе,
Что устала уже оставаться... одной...

— Замолчи! Заткнись, закрой пасть!

Чистейшая ярость клокотала у меня в груди, как жидкое пламя. Одного пинка хватило, чтобы деревянная подставка развалилась на части, и лист бумаги спикировал вниз. Я перегнулась через перила, пытаюсь ухватить, скомкать, разорвать на клочки, но пальцы царапнули воздух в сантиметре от края. Из горла вырвался рык. Дамы взвизгнули и прыснули в стороны, как мыши от кота.

Ах, да, еще музыкант. Разбить бы визгливую гитару. Будь проклят его язык!

— Лале, успокойся! Лале, прошу тебя, перестань...

Зубы сводило. Мило, ах, дрянь! Что было на этой бумажке? Ведь одиночество, так? Одиночество?

Дрянь, дрянь, дрянь! Получи у меня!

Я успела ударить трижды — под колено, в живот и наподдать кулаком по подбородку, когда он согнулся, сщеживая сквозь зубы проклятия. Потом инстинкты волшебника все-таки взяли над мальчиком верх. Неведомая сила прижала мои руки к бокам и приподняла над полом так, что оставалось только извиваться и кусаться. Я и укусила, когда он выхватил меня из воздуха и осторожно опустился на кресло, пряча в своих объятиях. Ладонь, в которую вцепились мои зубы, мелко тряслась, пульс участился, но глупый ученик не делал никаких попыток освободиться. Только ласково поглаживал по голове, по спине, шепча бессмысленную успокоительную чушь. Кто-то из настырных аристократишек задал ему вопрос, и Мило принялся объяснять. Ровный, глубокий голос обволакивал, как теплый мед, как жар очага. Теперь начало лихорадить уже меня.

Ярость уходила, оставляя во рту солоноватый привкус крови. Постепенно голоса вокруг стали отчетливее, и уже можно было различить не только тембр и эмоциональный окрас, но и смысл слов.

— ...неразрывно связаны, являясь продолжением друг друга. Громкость и яркость, тон и цвет... Мелодия в музыке сравнима с композицией в живописи. Единственное, на мой взгляд, коренное отличие в том, что картина воспринимается сразу, цельным впечатлением, а песня — это нечто длительное. Поэтому спор ваш не имеет смысла. Нельзя определить победителя, когда оценить результаты можно лишь полагаясь на личные пристрастия.

— Пожалуй, вы правы, — растерянно согласился Танше. Кажется, ему до сих пор было не по себе. Новичок при дворе — все еще. Привычные же к моим выходкам гости старательно делали вид, что ничего не происходит, не замечая, как по золотистой коже Мило скатываются вниз багряные капли.

Нехотя я разжала зубы, отпуская ладонь. От укуса остался четкий отпечаток-полукруг маленьких ровных ранок. Конечно, Мило мерзавец, не уважающий собственную наставницу, но все-таки... Мне было стыдно. Ржавый вкус на языке стал невыносимым. Из духа противоречия я еще раз склонилась, быстро слизнув кровь, и только после этого сдернула с шеи шарф и начала перевязывать руку.

Хотелось плакать, но глаза оставались сухими.

— Значит, дуэль наша окончена? — с деланным равнодушием осведомился художник. Пальцы, механически перебирающие бахрому на рукаве его камзола, выдавали сильное волнение. Беспокоится обо мне? Как лестно! Но на лесть меня не купишь... Или об исходе дуэли? Ах, эти самодовольные эгоистичные мужчины!

— Полагаю, да, — так же спокойно ответил Авантюрин, никак не реагируя на мои манипуляции с шарфом. Просто бинтовать ладонь было скучно... Возможно, пара колокольчиков украсит повязку. И еще брошка, которая раньше скрепляла узел... Все равно теперь некуда ее цеплять. — Надо признать, ваш дуэт был... впечатляющим.

— Дуэт? Вы так думаете? — засиял улыбкой менестрель. — Честно сказать, лорд Тарло, — он обернулся к художнику, заливаясь прелестным румянцем, — именно ваша картина вдохновила меня на импровизацию... Слова и музыка первоначально задумывались совершенно иные, но этот портрет... Если бы не вы... — он восхищенно покачал головой и в смущении опустил голову.

Даже не оглядываясь на художника, я могла с уверенностью сказать, что тот был весьма доволен.

— Право, не стоит льстить, — голос его приобрел ленивые кошачьи интонации. — Чудесная песня, родившаяся этим вечером, — дитя исключительно вашего таланта и мастерства. И должен признаться, — Тарло усмехнулся, — что в моей мастерской есть несколько работ, образы из которых я позаимствовал из песен маэстро Танше.

Когда художник произносил последние слова, он положил одну руку на грудь, протягивая другую Танше в изящном жесте. «Мое сердце принадлежит вам», — знак старомодный и романтичный, ныне скорее принятый между влюбленными. А я все еще помню те времена, когда выражать восхищение и уважение подобным образом было вовсе не зазорно. Но взгляды меняются, и теперь даже слово «любовь» приобретает грязновато-обыденный оттенок, а уж подобная символика и вовсе становится уделом театральных актеров да столетних колдунов, душою так и оставшихся в родной эпохе...

Впрочем, язвительному и небрежному Тарло идут многие старомодные вещи.

— О, я так рад... — пролепетал вконец смущенный Танше. Удивительно, как по-разному выглядит этот молодой человек во время выступлений, споров и бесед на светские темы.

— В таком случае, почему бы нам не поработать вместе? — с улыбкой предложил художник. Смятение Танше определенно приносило ему удовольствие. — Несколько полотен в сочетании с музыкой и стихами... На мой взгляд, интересная идея.

Глаза менестреля радостно вспыхнули.

— С удовольствием соглашусь... Обсудим подробности?

— Позднее, — кивнул Тарло. — А потом можно будет провести выставку...

Я с интересом слушала, как сговариваются художник и музыкант. Хороший получался союз — обаяние и горячность Танше вместе с ядовитым языком и опытностью Тарло могут хорошенько встряхнуть дворец. Особенно если эта парочка почаще будет устраивать представления, подобные сегодняшнему.

— Госпожа... — тихо окликнул меня Мило, отрывая от размышлений. — Кажется, наш подопечный намерен покинуть вечер... с дамой.

Я хихикнула, пряча лицо за рукавом. Ну и Ларра, ну и вороний сын! Умеет приятно провести время. Но в личные апартаменты за ним мы последовать никак не можем... значит, пора перекладывать нелегкое дело охраны на плечи чиновников Тайной канцелярии.

— Слушай, Мило, — зашептала я, поглядывая из-под ресниц на окружающих. К счастью, все внимание было устремлено на Тарло, излагающего свое мнение по поводу совместной работы с Танше. — Сейчас ты подойдешь к тому господину в сером камзоле, с бордовой лентой в косе, и скажешь, что птенчик, кажется, улетает, а кошка себе крыльев не отрастила, придется последить за ним кузнечнику. Запомнил?

— Да, госпожа, — покорно склонил голову ученик. — Вы останетесь здесь?

Я кивнула, сгоняя с губ злорадную улыбку. Кроме нас, на вечере присутствовал еще один человек, чьей обязанностью было присматривать за Его величеством Ларрой — господин Транквило из Тайной канцелярии. Ни о каком шифре на случай отлучки короля мы, разумеется, не договаривались — достаточно просто подойти к нему и завести разговор на любую тему, тем самым давая понять, что дальше работать будут другие... Интересно было бы взглянуть на лицо Транквило, когда он услышит «пароль»... Ведь «кузнечиком» пройдоху-канцеляриста называет лишь дражайшая супруга и исключительно наедине, в

спальне...

Издали всего было не видно, но окаменевшая физиономия Мило и багровые щеки агента уже изрядно меня повеселили. Ничего, ученичок, терпи, за загаданное тобой слово мы еще не раз поквитаемся, а начинающему шуту полезно попадать в неловкие ситуации.

О, чуть не забыла.

— Тарло, — бесцеремонно оборвала я художника на полуслове. — А можно я заберу ваш рисунок?

Разговоры замерли.

— Мне показалось, милая Лале, что он вам не слишком понравился, — осторожно заметил Мечтатель, прощупывая почву.

— Не понравился, — замотала головой я. — Но впечатлил. Тарло, ну подарите, прошу вас, неужели жалко... — я заканючила, размазывая по щекам воображаемые слезы. — А хотите, я на руках пройду? А хотите, на чай позову? И покажу коллекцию конфетных оберток, честное слово!

— Хорошо-хорошо, для вас, дорогая Лале, — все, что угодно! — торопливо согласился художник, опасаясь повторения припадка. — Меняю картину на порцию чаю. И фантики, разумеется.

На моих губах расцвела довольная улыбка.

— Благодарю вас, — я вскочила с кресла и присела в реверансе, что презабавно смотрелось для девушки в бриджах. — Ну, я пошла за своей картиной... Скажите Мило, чтоб дождался меня! — с этими словами я влезла на перила и прежде, чем меня смогли остановить, спрыгнула вниз.

Леди испустили испуганные вздохи и визги, лорды помянули ворона, Тарло расхохотался, а подоспевший Авантюрин перегнулся через парапет с воплем «На кого вы меня покинули! Остался я теперь сиротинушкой!». Одновременно ученик корчил мне презабавные рожи, передразнивая встревоженную толпу.

К моей досаде, шутку затянуть не удалось — едва опомнившись от испуга, знатные гости оттеснили Мило от перил и убедились, что зловерная шутовка жива-здоровая и благополучно раскачивается на ветке, болтая ногами. Послав собравшимся невинную улыбку, я отпустила руки и приземлилась на клумбу. Как хорошо, что Тирле питает слабость к астрам, а не к розам, или, сохрани рыжий кот, «садам камней» на манер западных владык. С другой стороны, отыскать на серых бульжниках работу Мечтателя было бы легче, чем среди этого буйства природы... Сама я не справлюсь.

— Мило! А ну живо сюда!

К ужасу благородных лордов и леди, Авантюрин, как и я, не собирался тратить время, спускаясь по лестнице. Он взобрался на перила, подражая моему давешнему выступлению, издевательски поклонился и, раскинув руки, откинулся назад. Кое-кто из чувствительных дам с криком «О, безумец!» чуть не бросился следом за ним... Я усмехнулась. Уж к кому-кому, а к сумасшедшим горе-ученик не причислялся, а в акробатике и подавно был половчее меня. Вот и сейчас он мягко приземлился, кувырнувшись через голову, и никакие промежуточные остановки вроде веток ему не понадобились.

— Чего желаете, госпожа? — Мило покорно опустил взгляд — сама предупредительность. Жемчужина в серье таинственно сверкнула, ловя отсвет дворцовых огней.

— Найди рисунок.

Мне хотелось приказать ему, насмешливо, издевательски, но голос дрогнул. Дуться уже не было желания. Вряд ли Мило специально загадал такое неприятное слово, а на глупые совпадения и сердиться не стоит.

«Больше милосердия, дорогая Лале», — вздохнула я, смиряясь.

— Госпожа Опал...

Ученик согнулся в придворном поклоне, протягивая мне чуть подмокший от предутренней росы лист. Я немедленно выхватила его и, повернувшись к свету, еще раз внимательно рассмотрела.

Нет, все далеко не так страшно, как мне казалось в первый момент. И не столь много общего у нас с незнакомкой на портрете. Она — слабая, отчаявшаяся. Я — сильная и уверенная в своей судьбе. В ее глазах, детских на взрослом лице, таится глупая надежда на чудо, мне же давным-давно известно, что чудес не бывает. Ей страшно, а в моей душе нет места этому чувству... как и многим другим, отброшенным за ненадобностью.

Ах... Какая замечательная идея — оставить портрет у себя. Недурное выйдет напоминание о том, что все могло сложиться гораздо хуже. Что когда-то все и было именно так...

— Лорд Мечтатель! Спасибо за подарок еще раз! Заходите на днях! — крикнула я, размахивая листом. Художник улыбнулся и послал мне воздушный поцелуй. Неисправимый романтик...

Замерший в ожидании рассвета сад всколыхнуло порывом ветра. Закачались ветки, зашептались листья, мотнулись из стороны в сторону монохромные в сумерках венчики цветов. Где-то там, за шпилями дворца, на востоке наверняка уже светлеет небо. Ларра воркует со своей фрейлиной, посмеиваются за гобеленом сопровождающие из Тайной канцелярии, а в высокой башне, в огромном пустом кабинете Ее величество Тирле устало смотрит в документы — и не понимает смысла уже ни единой руны.

Я глубоко вздохнула. Завтра — новый день, новые трудности... Хорошо, что этот уже закончился. И почему преследует меня странное чувство пройденного перекрестка? Что за роковое деяние я совершила, какое испытание осталось позади? И почему кажется, что если не разберусь сейчас, в этот самый момент, то рискую потом по не знанию попасться в жестокую западню?

Что-то мягкое щекотнуло ухо, отвлекая от путаных мыслей. Я механически хлопнула рукой и с удивлением обнаружила у себя на ладони алый, как свежая кровь, лист. Странно. До осени еще довольно далеко.

Вдруг лист дернулся, сложился пополам, хлопнул хрупкими крылышками и взлетел. Я подскочила. Звякнули бубенчики в волосах, словно в согласии со старинной песенкой, звучавшей в душе.

И мир затих,
И сладок миг,
Как в странном сне, последнем сне...
Невинном...

И ты, дружок,
Как мотылёк,

Сгоришь в огне, моём огне...
Бездымном...

Тревога усилилась. Я помотала головой, чтобы отогнать навязчивые строчки, навеянные наваждением.

Бабочка? Вот редкость. Как она добралась сюда с запада? Или бедной королевской советнице, девятой в раскладе и прочая, прочая, начитает мерещиться?

— Мило, твои проделки? — обернулась я к волшебнику-недоучке. Тот ответил мне искренним непонимающим взглядом. — Ладно, забудь.

— О чем, госпожа? — в голосе скользнуло ехидство.

Ах, как я утомилась! Привидится же такое. Мотыльки на диво красные, ученики больно самостоятельные... Последнее — так точно примерещилось.

Все, возвращаемся в покои, пора бы и честь знать.

— Мило, мне кажется, что уже поздно...

— Согласен, госпожа.

— Время идти спать...

— Вы правы, госпожа.

— Но у меня устали ноги...

— Это весьма прискорбно, госпожа.

— ...значит, ты понесешь меня.

— Ваше слово — закон, госпожа, — пакостно улыбнулся Мило.

«И ведь не поспоришь, — философски подумала я, теребя ленты камзола на поясе у ученика. — И впрямь несет».

Наверное, завтра весь двор будет обсуждать, как Авантюрин тащил свою наставницу через полдворца, перекинув несчастную через плечо, словно военный трофей.

Тяжела доля шута...

Глава четвертая, в которой рассказывается история Мило, а Лале поступает совсем не как благородная дама

Любой на восточных равнинах знает, что приготовление чая — искусство для людей терпеливых и спокойных сердцем. Наполнить керамический ковшик чистой водой из подземной скважины, поставить на огонь, разведенный из смолистых поленьев, дождаться, пока кипяток начнет бить ключом и хорошенько ополоснуть им чашки — это первый шаг. Выбрать цветы и кусочки фруктов, которые наилучшим образом подойдут каждому гостю, и добавить их к скрученным в горошину чайными листьями — второй. Залить смесь кипящей водой, укрыть чашки льняными салфетками и на четверть часа оставить в покое — третий. Выдержав напиток необходимое время, со всем почтением предложить его гостю — четвертый и последний. Каждый шаг должен быть неторопливым, исполненным достоинства.

А любому при дворе хорошо известно, что Лале Опал никогда не ходит степенно, а носится по коридорам, как безумный мотылек. Но это не значит, что я не умею ценить старинные ритуалы. И, хотя никто никогда не видел шутовку с ковшиком в руках, отведать ароматного чаю именно в моих покоях стремятся многие из тех, кто считается знатоками.

— О, Лале, как всегда — несравненно, — Тарло в блаженстве зажмурился. — Не хватает слов, дабы выразить восхищение вашим талантом. Что же добавили к напитку на этот раз? Аромат крайне необычный, чем-то похож на западные лимоны...

Я польщенно улыбнулась.

— Имбирь, уважаемый. Редчайший корень с юга. Слова благодарности можете обратиться к моему ученику — приготовление смеси лежит полностью на его плечах. А уж во всяких редких травках и фруктах Мило толк знает, правда, замечательный мой?

Мило залился румянцем.

— Госпожа слишком хорошо обо мне думает, — скромно возразил мальчик, опуская глаза. Но ставлю свои колокольчики против распоследних крестьянских сандалий — ему было приятно. — Вы рискуете меня захвалить.

— Кто не рискует — тот и не живет по-настоящему, — фыркнула я, щелчком пальцев указывая Мило на третью чашку и подлокотник своего кресла. Ученик послушно приготовил себе порцию чая и сел рядом со мной, осторожно опираясь на спинку. — А тебя, сокровище, трудно перехвалить.

— Кстати, — оживился художник, подаваясь вперед. — Давно хотел спросить, Лале: а где вы, собственно, подобрали это... — он с хитринкой покосился на Мило — ...сокровище?

— Долгая история, — в темном напитке в чашке на мгновение отразилась моя мечтательная физиономия. — Как раз для такого вечера. А для начала... Помните ли вы, Тарло, легенду о рыжем коте и черном вороне?

— Как не помнить, — задумался живописец. — Некогда, на заре юности этого мира, когда люди только пробудились...

— ...а магия, подобно ветру, струилась над землей, — подхватила я каноничный текст, — два могущественнейших создания, белые братья, Кот и Ворон, стали делить все сущее. «Я возьму себе день, по праву старшего», — сказал Кот. «А мне и ночь сойдет», — усмехнулся Ворон. «Я заберу солнце, и небо, и все светила на нем», — продолжал Кот. «Хорошо, но то, что под землей, — мне отойдет», — согласился Ворон, хотя был недоволен

— уж очень любил он небо. «Мне достанется ум да ловкость» — «А мне — ложь да коварство». «Мне — все твари бродячие» — «А мне — летучие». «Удача и свобода — мои» — «А я тогда заберу судьбу и власть»... Делили они мир целый год и поделили весь, только люди остались ничейные. Хотели и их поделить, но жалко стало Коту разлучать друзей да семьи. «Давай вместе человечками править», — предложил он. Ворон согласился, но затаил обиду. «У брата — и день, и солнце, и ум с ловкостью — а у меня одни остаточки. Да еще людьми с ним делись... Несправедливо!». Думал он, страдал, и так распалился от зависти и жадности, что решил брата со свету сжить — ночью, когда Кот ослабеет, а сам он в силу войдет. Повернул судьбу так, чтобы с первого удара попасть, а все равно боится: вдруг заметит? Взял тогда Ворон сажи и натер свои белые перья — от самой тьмы не отличить их стало. Забрался на гору, где Кот спал, да как тюкнет его клювом! Но Кот удачлив был — промахнулся Ворон, только ухо брату рассек. Тот спросонья хватить его лапой — и ну перья драть! Насмерть закогтил, не узнал под сажей-то. Лишь когда солнце взошло, увидел, что погубил родного брата, опечалился. Снял с неба самых ярких двенадцать звезд, вложил их в глаза Ворону — тот и ожил. С тех пор братья друг друга стороной обходят — не доверяют. Кот, как ни вылизывался, ни умывался, так рыжим от своей да вороновой крови и остался — поэтому удача рыжих любит. Зато с тех пор к крови живой пристрастился и к охоте — особенно на птиц небесных. Ворон же от сажи не отчистился, так черным и остался. Звезды выжгли его глаза, и стал он слеп — потому и судьба незряча, а еще у каждого его потомка двенадцать жизней, потому что прежде чем умереть, должен ворон двенадцать звезд растерять. Помнит Ворон, как мертвым был, а потому кроме отжившей плоти в клюв ничего взять не может. А люди — единственные из тварей земных после того раздела свободными остались. Воины, лекари да игроки Кота чтят, а воры, убийцы да волшебники — Ворона. Вы, наверное, думаете — зачем она все это рассказывает? — мои губы сложились в ироничную улыбку. — А потому, Тарло, хочу задать еще один вопрос: знаете ли вы, как наказывают вора, попавшегося на краже в двенадцатый раз?

— Сажают в «воронью клетку», как растратившего последнюю свою воровскую жизнь, — скривился художник. Полагаю, его утонченной творческой натуре подобные действия были глубоко противны. — И замок свинцом заливают. Какое это отношение имеет к вашему ученику, драгоценная Лале?

— Самое прямое... — сердце мое наполнилось грустью, а перед глазами замелькали образы прошлого. — Когда-то я вытащила моего Мило из такой вот клетки. А случилось это восемнадцать лет назад в один дождливый, но воистину замечательный день...

...С самого утра небо затянуло влажными перинами туч. Болезненно бледное солнце изредка совершало попытки прорваться сквозь плотный заслон, но сил немощному светилу хватало лишь на пару мгновений, а потом прореха быстро затягивалась серыми заплатками облаков, и вскоре о ней и памяти не оставалось. Мое настроение, последние месяцы бывшее неизменно прескверным, сегодня стремительно скатывалось к мрачно-кровожадному.

А все потому, что Его величество Шелло, ежа ему за шиворот, вместе с августейшей супругой и дорогой дочерью укатил в летний дворец, а меня оставил здесь. И из-за чего? Да из-за пустяка! Из-за глупой хлопушки! Впрочем, допускаю, что гнев высочайшей особы был вызван не самим шуточным взрывом, а тем, что прогремел в тронном зале... во время приема... И, возможно, мне стоило воздержаться от размещения злополучной хлопушки в дебрях прически уважаемой госпожи Лавенрой, посла Осеннего дома... Но, клянусь,

удержаться было совершенно невозможно! Эти искусственные локоны, переплетенные с лиственными гирляндами и гроздьями рябины, так и взывали к моим эстетическим чувствам...

К слову, принцессе Тирле моя милая шалость пришлась по вкусу. Ее высочество даже пожаловала свою покорную слугу орденом «За храбрость», позаимствованным у одного из надутых, подобно заморскому индюку, отцовских генералов. Думаю, в скором будущем, когда на престол взойдет новая королева, мои позиции окажутся несколько устойчивей, чем при нынешнем монархе, отчего-то невзлюбившем меня с детства...

Ах, мечты, мечты... Что толку в сладостных картинах грядущего, когда в суровом настоящем поворачивается к вам лицом первейший враг аристократов — скука? Дворец опустел до первых заморозков, и, если Его величество не сменит гнев на милость, то придется куковать в одиночестве до наступления холодов. Единственная радость в этом унылом месте — визиты к старинной моей приятельнице, Дайле Кремень. Талантливейший мастер, остроумный собеседник — чудо, а не женщина. Но что особенно дорого моему сердцу — ювелирша всегда осведомлена о последних городских новостях. Еще бы, при таком количестве юных и непоседливых подмастерьев...

— Что угодно благородной госпоже? — почтительно склонила голову Дайле, отворяя для меня двери мастерской. — Желаете сделать заказ?

Я рассмотрела эту соблазнительную возможность, но вынуждена была со вздохом отказаться.

— Нет, уважаемая, не нынешним летом. Ваша последняя работа, — я демонстративно встряхнула головой, рассыпая по плечам косички, и серебряные бубенцы отозвались нежным звоном, — просто великолепна. Изумительно подобрана тональность звучания, и гравировка, и сама форма... Выше всяких похвал. Но, к сожалению, в последние годы я трачу куда больше, чем обретаю. Королевская немилость, увы. К тому же нынешнему владыке не превзойти в щедрости добрейшего Соло, который любил одаривать верных своих подданных землями и драгоценными камнями.

— Короли меняются, а вы, Лале, остаетесь, — мудро рассудила женщина. Уже за одну эту фразу она могла бы отправиться на увлекательную встречу с палачом, если бы кто-то осмелился донести на мастерицу. — Не секрет, что Его величество Шелло уже стар, а наследница питает к вам известную слабость... Думаю, с воцарением новой правительницы для леди Опал настанут золотые времена.

— Возможно, но для этого нужно еще пережить времена серые, — вздохнула я. — Ах, мне так скучно в пустом дворце! Кажется, что жизнь остановилась.

К счастью, ювелирша верно истолковала мои взгляды, исполненные тоски и надежды.

— Детки поговаривают, что на площади перед башней волшебников градоправитель устроил ярмарку для простолюдинов, — небрежно заметила она.

Ярмарка! С радостным визгом я кувырнулась через голову и отвесила пожилой женщине глубокий поклон:

— Думаю, моей первейшей обязанностью будет посетить это славное место. Да, определено! Это поможет, хм... дальнейшему совершенствованию шутовского мастерства. Именно так.

— Что ж, желаю удачи вам, госпожа шут, — вернула мне улыбку Дайле.

На том и расстались.

Выбор одежды для выхода в город затянулся надолго. Конечно, с моим ростом и

прической затеряться в толпе вряд ли получится, а значит, нужно наоборот постараться привлечь побольше внимания. Малиновые бриджи, желтые сапоги на шнуровке, оранжевый жилет и синяя блуза... Ах, да, еще, пожалуй, возьму тот великолепный плащ цвета фиалок, которым оделила меня Ее высочество после зимних праздников. В самый раз для дождя будет.

Вопреки ожиданиям, ярмарка оставила после себя ощущение разочарования. Шумная, грязная и довольно вонючая — лотки с рыбой и печеными яблоками соседствуют с лавками благовоний и шелковыми развалами из западных царств. С моим чувствительным обонянием находиться в этом ужасном месте дольше одного оборота было совершенно невозможно, но я стойко выдержала почти час, дыша исключительно сквозь пропитанный духами платок. А потом с неба начало накрапывать, и покупатели потихоньку разбрелись по домам, а торговцы принялись сворачивать лотки. Похоже, вскоре на площади станет совсем скучно.

Я с неудовольствием погрозила низким тучам кулаком... и заинтересованно замерла. Под балконом башни волшебников, на головокружительной высоте, болталась престранная штуковина, облепленная птицами, как сахарный ком бывает покрыт муравьями, если положить его на траву в лесу.

— Милейший, — бесцеремонно дернула я одного из стражников за полу камзола. — Что это там, наверху?

Мужчина окинул меня оценивающим взором, отметив яростно-рыжие волосы и бубенцы на концах косичек, и тут же сменил пренебрежительную гримасу на подобострастную:

— «Воронья клетка», госпожа шут.

— «Воронья клетка»? — недоверчиво протянула я. — Так их же уже добрых полвека не видели, с царствования благородного короля Соло Янтарного, легких ему странствий. Разве не так?

— Все так, благородная госпожа, — закивал стражник. — Да только случай сей особый. Колдуны изловили в башне своей воришку, да не в первый раз, а тот, отбиваясь, одному из них бороду подпалил. Вот они и осерчали малость...

Малость? Ну, если для господ волшебников запереть человека в клетку и оставить там умирать от жажды и голода, чтобы потом досыта кормить ворон — малость, то могу только посочувствовать хрупкому душевному равновесию этих замечательных людей. Разумеется, и меня саму трудно назвать милосердной или доброй, но настолько бессмысленная жестокость не вызывает ничего, кроме омерзения.

А хуже всего — безразличие людей. Там, на немислимой высоте, медленно погибает человек, а внизу, как ни в чем ни бывало, градоправитель устраивает ярмарку. Впрочем, в нашем благословенном королевстве хотя бы не делают из казней зрелище, как на западе.

— И давно заперли?

— Да с неделю уже, — почесал он в затылке. — Сначала парнишка кричал чегой-то, а теперь затих. Помер, что ли?

Я быстро прикинула. Последнюю дюжину дней с неба лило, как из дырявой лохани, так что гибель от жажды незадачливому воришке не грозила. Неужели колдуны еще и избili его перед тем, как запереть? Надеюсь, что нет.

— А можно поближе как-нибудь посмотреть?

— Разве что к самим волшебникам в гости напроситься... Но чего на мертвяка-то вам глазеть, благородная госпожа? — удивился стражник.

В этот момент вороны разлетелись от клетки, как цыплята от девочки со скрученным полотенцем. А пленник с норовом попался... Нет, не достойны колдуны такой игрушки. Заберу-ка я ее себе — и дело доброе сделаю, и развеюсь немного.

— Нет, — с нехорошей улыбкой протянула я. — Не на мертвяка. И не просто поглазеть...

Найти поблизости дверь было делом минутным. Ключ привычно провернулся в замке, и через мгновение я уже стояла на балконе, оглядывая площадь с высоты птичьего парения. А неплохой вид! И вонь ярмарочная не долетает... Увы, ароматов здесь и своих хватает.

Сноровисто перекинув ноги через перила, я соскользнула вниз, приземлившись аккуратно на верхушку клетки. Железный штырь угрожающе закрипел, но выдержал двойной вес. Остается только тешить себя надеждой, что колдуны хорошо постарались, дабы заключенный не сорвался вниз и не помер раньше времени.

— Эй... — негромко произнесла я, обращаясь к куче тряпья, распластанной на железных прутьях пола. — Ты живой?

Мучительную минуту ничего не происходило, а потом куча зашевелилась, и на свет показался грязный, тощий мальчишка лет двенадцати, обритый почти налысо. Запах от него исходил такой, что я готова была в ту же секунду повторить свой путь в обратном порядке, если бы не глаза воришки. Темные, блестящие, с таинственными сполохами золота в коричнево-фиолетовой глубине. Взгляд человека сильного, не сломленного... ребенка, слишком рано ставшего взрослым.

— Живой, — хрипло отозвался парнишка. Наверное, голос сорвал от криков. — А тебе что? Ты из их учениц, что ли?

— Поздновато мне в ученицы, — весело хохотнула я, чуть раскачивая клетку. — Стара больно.

— Стара... — задумчиво протянул он. — Значит, из волшебников?

— Не-ет, — помотала я головой. — Да ну их, этих зазнаек. Никогда не любила. Ты погоди расспрашивать... Сначала скажи мне лучше: за что тебя так? Только за паленую бороду?

— Обижает, — нагло ослабилась мальчишка. — За кражу колдовских книг.

— Зачем тебе книги, мышонок облезлый?

— Сама ты... крыса разряженная. Затем, чтобы учиться, — добавил он едва слышно. — Я волшебником родился, но обучать меня никто не захотел, вот и пришлось... самому.

— Врешь небось все, — выгнула я брови. — Стал бы сидеть в этой клетке, будь ты волшебником.

— Так ее тоже не дураки делали... Заколдовали замок и прутья, теперь мне живым не выйти... Только по частям, когда вороны кости обрабатывают.

Меня охватила злость — на дурацкие традиции, позволяющие убивать так жестоко, на мерзких старикашек в колпаках и робах, на тупых горожан, с чьего попустительства все это творилось... Славный ведь мальчик, смысленный, гордый, остроумный, учиться хочет. Ему бы воспитателя толкового, вырастет — всех урожденных лордов за пояс заткнет.

— Тебя как зовут?

— А зачем спрашиваешь? — недоверчивый. Это тоже хорошо.

— Надо.

— Ну, Мило.

— И все?

— Да.

— Так, слушай меня внимательно, — я аккуратно переползла по клетке, нащупывая люк. Прутья были сплавлены накрепко, но очертания дверцы все еще угадывались. — Во-первых, с этого дня ты — Мило Авантюрин, вассал благородной леди Опал, отпрыск не менее благородной, но, увы, обедневшей семьи...

— Опал — это кто? — подозрительно.

— Опал — это я, — снисходительно. — Во-вторых, ты — мой ученик.

— А ты чем занимаешься?

— Потом узнаешь. Не разочаруешься, честно. За книжками твоими мы позже придем, и это в-третьих... И выбирайся давай, отмоешься у меня в купальне, тогда разговор и продолжим. Это в-четвертых.

Вор хрипло рассмеялся.

— Думаешь меня волшебники так просто отпустят? В таких делах, как наказания, им сам король побоку. Как же ты меня вытаскивать собираешься?

— Очень просто.

Я рывком вставила ключ в один из прутьев и потянула на себя. Люк с жутким скрипом отошел. Глаза у мальчишки полезли на лоб.

— Это как получилось? Даже волшебник бы не смог люк сразу открыть! Ты кто такая? — в голосе его сквозил почти суеверный ужас.

— Лале. Лале Опал, благородная дама, — я протянула ему руку. — Цепляйся, воришка.

Судя по взгляду, которым наградил меня паренек, он с радостью обошелся бы и без моей помощи, если б мог. Но неделя без еды и практически без воды вымотала его до предела. Языком трепать он еще мог, а вот что иное сделать... Сил хватило лишь на то, чтобы, шатаясь, подняться на ноги, цепляясь за прутья, и ухватиться за мою ладонь. Вытаскивать бедолагу пришлось, разумеется, одной хрупкой особе. Какое счастье, что в отношении меня хрупкость — понятие относительное!

— Не надорвешься, а?

— Не надорвусь, не беспокойся. Ты по виду не суди, я троих таких, как ты, могу поднять и не чихнуть даже. Слово благородной леди, — улыбнулась я.

— Не похожа ты на благородную, — прохрипел воришка, сползая на каменные плиты, как только героическое перетягивание далеко не легкого тела через парапет осталось позади. Мне подумалось, что если бы несчастный не пытался сам карабкаться, возможно, вытащить его было бы даже легче, но мой новоиспеченный вассал упрямо старался обойтись без чужой помощи.

— А на кого похожа? — заинтересовалась я.

— На девчонку-циркачку. Не обижайся, конечно...

Приступ хохота согнул меня пополам.

— Ой, насмешил! Ой, потешил старую! — стонала я, пытаюсь унять припадок. Давненько со мной такого не случалось. Обидел, ха-ха... Знал бы, кого циркачкой назвал...

— Чего смеешься? Дура, — разозлился мальчишка. Ох, ну и дети пошли. Никакого уважения ни к старшим, ни к спасителям.

— Придворная.

Лицо его приобрело озадаченное выражение.

— Что — придворная?

— Я — придворная дура, — последовало охотное пояснение. — А ты с этого дня —

придворный дурак, вот. Точнее, пока всего лишь ученик, но потом...

— А с чего ты взяла, что я соглашусь?

Примерзко усмехаясь, я цапнула несговорчивого паренька за нос двумя пальцами и потянула вверх, заставляя подняться на ноги.

— Уже согласился, глупыш. Просто ты еще не понял...

Упрямец явно желал продолжить спор, несмотря на то, что и стоял-то с трудом, но в этот момент балконная дверь отворилась, являя нашим взорам лысого красномордого мужчину в колпаке с кисточкой и черной рубахе до пят, опоясанной лохматой веревкой. Судя по ароматам, перебивавшим даже запах тела много дней не мывшегося мальчишки, волшебник был пьян до разноцветных птичек в глазах. Да и кто на трезвую голову пойдет любоваться на пленника «вороньей клетки»?

Мужчина сделал еще два нетвердых шага и уперся взглядом в нашу замечательную, дружную компанию. Воришка испуганно сжался в комочек, растеряв весь свой гонор. Да, похоже, не сладко ему пришлось в гостях у колдунов.

— Вы кто? — удивленно выпучил он глаза. Полагаю, мой чудесный плащ с первого взгляда покорило его сердце. — Скоро... с комом... скормят... скоморохи, да? — видать, язык его поворачивался с трудом.

— О, нет, — беззаботно рассмеялась я, в один прыжок подбравшись к незадачливому пьянице. — Мы — прекрасное видение из страны грез, где народом правят золотые жуки с телегу величиной, а юные девы по утрам отправляются к реке, ведя на поводу голубых лошадок...

На лице волшебника появилось выражение радостного узнавания.

— О! А я был там! Вче... ик!.. ра. Наверное...

— Вот и умничка, — ласково пропела я, тыкая ему пальцем в шею. Волшебник издал булькающий звук и без чувств рухнул наземь. Замечательно... Осталось только перетащить его в клетку и оставить вместо воришки. Благо волшебник без памяти, противиться не будет.

— Ты... ты не боишься? — изумленно выдохнул мальчик, глядя на меня почти с благоговением. Надо же, как мало понадобилось, чтобы впечатлить эту юную душу! Ах, такой милый ребенок...

С трудом пропихнув пьяницу в отверстие, я захлопнула люк и вынула ключ из скважины. Протрезвеет — позовет своих, а поболтаться между небом и землей даже полезно бывает... Может, состраданию научится.

— Нисколько, — улыбнулась я, стягивая с себя плащ и укутывая им бедного ребенка. — Волшебники — те же люди. А уж пьяные-то... Зато как смешно будет, когда колдуны обнаружат в клетке вместо тебя этого недотепу! Давай, маленький, хватайся за меня, но только через ткань, а не то блузу перепачкаешь, а мне ее жалко... Плащик-то, увы, уже изгвазданный. И пойдем скорей, а то еще кто-нибудь из почтенных колдунов заглянет на огонек, а с трезвым я дело иметь не рискну. Меня-то, разумеется, даже пальцем не тронут, а вот тебе удача может и не улыбнуться. Постарайся уж, здесь недолго идти... — подбадривала я мальчишку, который уже практически повис на моем плече. Вот подлость, ему лет двенадцать, а он уже выше меня. Нет под этим небом справедливости, да...

— Так ты в башне все-таки живешь? — еле слышно спросил воришка, едва переставляя ноги.

— Нет, во дворце. Мы направляемся именно туда.

— Но он же далеко!..

Объяснять сейчас ничего не хотелось. Ох, ну и тяжелый же ученик попался... во всех смыслах... хотя полегче волшебника... зато волшебник не брыкался...

— Есть и короткая дорога — для тех, кто владеет нужным ключом.

А вот и вожделенная дверь. Домой, домой, скорее домой! С охами, ахами и поминанием ворона я втащила мальчишку в свои покои и уронила в кресло. Мышь метнулась в спальню и дернула за шелковый шнурок, вызывая служанок. Спустя один оборот в комнату постучалась дородная женщина, явно происходящая из крестьянской семьи, всего несколько лет назад осевшей в городе.

— Как твое имя?

— Капа, леди, — она сделала неуклюжий реверанс. Точно, бывшая крестьянка. Только у этого сословия имена оканчиваются на «па» и «пу».

— Слушай внимательно, Капа. В моей гостиной отдыхает молодой господин. Ты должна будешь вымыть его, переодеть в свежую одежду и накормить. Он не ел около недели, так что дай ему для начала что-нибудь легкое. Бульон или вроде того... Вещи можешь пока взять из моего шкафа, посмотришь, какие мальчишке подойдут. Когда сделаешь все это, можешь идти. Ах, да, — вспомнила я. — Если услышу, что при дворе болтают о мальчишке, можешь распрощаться со своим языком. Думаю, господин королевский палач сделает мне такое одолжение, в знак давней дружбы. Все поняла? Смотри, я слов на ветер не бросаю...

— Все будет исполнено, леди, а болтать мы не приучены, — пробасила служанка и, смешно семеня, направилась в гостиную, где ждал своей участи мальчишка, не подозревавший, что сегодня он ухватил за хвост рыжего кота удачи...

Художник, так увлекшийся рассказом, что даже душистый чай был позабыт, восторженно хлопнул в ладоши:

— Bravo, Лале! Чудесная история. По правде сказать, никогда бы не подумал, что сей замечательный юноша, — он благосклонно улыбнулся Авантюрину, — всего-навсего уличный воришка, на свою беду решивший обокрасть волшебников... Впрочем, даже за многократное преступление «воронья клетка» — это слишком жестокое наказание. Тем более — для такого славного мальчика... Говорите, ему тогда было всего двенадцать?

Я оглянулась на Мило и кивнула, разрешая вступить в беседу.

— В клетку я попал, будучи уже шестнадцатилетним, — разъяснил любопытному живописцу мой ученик. — Просто те, кто с рождения наделен волшебным даром, взрослеют и стареют гораздо медленнее... Примерно в два-четыре раза, в зависимости от возраста. Меня ждет еще несколько веков интересной, полной событий жизни! Поэтому я безмерно благодарен госпоже Лале — если бы не ее доброе сердце...

— ... моя неодолимая скука во дворце, Мило, не обольщайся...

— Не столь важно, госпожа моя. Если бы не вы, стать бы мне пищей для воронов еще на заре юности.

— Мило изучает колдовство? — с интересом приподнял бровь Тарло.

— Изучаю, — кивнул Авантюрин, не забывая заварить нам троим по новой порции листьев. — И опять-таки благодаря леди Опал.

Художник благодарно кивнул, принимая из рук Мило фарфоровую чашку, и воскликнул:

— Неужели за этими словами кроется еще одна занимательная история?

Я вздохнула. Разговоры меня утомили. Хотелось посидеть немного молча, глядя на жаркое пламя в очаге, но любопытство Тарло было воистину неистощимо.

— Ничего особенного. Спустя пару дней после освобождения Мило из плена в башне, мы снова наведались к волшебникам, на сей раз в библиотеку. Разумеется, ночью и не без помощи Ключа. Нас чуть было не поймали, чудом беда прошла стороной. Колдуны тогда сильно разгневались, настроили жалобу Его величеству Шелло. Тот спешно покинул летнюю резиденцию, дабы лично разобраться в деле. По нелепому стечению обстоятельств, его экипаж опрокинулся на горной дороге и упал в пропасть. Спустя дюжину дней на престол взошла Тирле Обманчивый Сон, а я снова попала в фавор. Волшебники же к тому времени выяснили, что пленника из «вороньей клетки» вызволила шутовка, а значит, вполне вероятно, что и к исчезновению драгоценных томов из библиотеки причастна тоже она. Соперничать за мальчишку и редкие, но все же не единственные в своем роде учебники с девятой в раскладе, пользующейся благоволением венценосной особы, почтенные старички побоялись. А вскоре я представила юного воришку королеве в качестве моего ученика, благо роду Опал и вправду служила некогда семья Авантюрин, чей последний отпрыск скончался от яда, подсыпанного неверной женой, лет этак за десять до воцарения Шелло. Ее величество Тирле была весьма довольна нашим первым совместным с Мило выступлением... Кажется, ей пришлось тогда по вкусу одна незатейливая песенка... — я хитро подмигнула ученичку. — Не напомнишь мне?

— Охотно, — улыбнулся Мило и негромко запел, отстукивая пальцами ритм:

В клетку старик соловья посадил,
Птичке злодейски крыло повредил,
Клетку накрыл и созвал всех гостей:
Только открою — пой, соловей!
Пой для меня, соловей!

Гости собрались — шумят и галдят,
Все с любопытством на клетку глядят,
Вдруг из-за прутьев послышалось: «Кар!»
И прихватил старикашку удар!
Что за кошмар? Что за кошмар?

Сдернул платок — и не верит глазам,
Чем досадил наш герой небесам:
Вместо соловушки ворон сидит,
На старика мрачный ворон сердит.
Грозно глядит — очень сердит!

Все суетятся, шумят и снуют,
А в уголке заливается шут:
Птица должна на свободе летать,
Жаль, что вам это, друзья не понять!
Нет, не понять... нет, не понять...

Ворон сердитый клетку разбил,

Взмахом крыла старика уронил.
Шут хохотал, распевал соловей
Песню о сладкой свободе своей —
Лишь для себя — не для гостей!
Не для гостей!

— Прелестно, Мило! — зааплодировала я. — У тебя талант, не устаю повторять! И нрав, как у прирожденного шута — язвительный, и глаза — зоркие, все подмечают! Ах, как же чудесно, что у меня есть такой ученик!

Авантюрин выглядел ужасно смущенным. Румянец, не сходявший с его щек большую часть вечера, теперь пунцовел, подобно цветущей розе.

— Благодарю, госпожа. Но слова песни принадлежат вам, я только исполнитель...

Я сложила бровки домиком и с восхищенным придыханием в голосе простонала, краем глаза наблюдая за улыбающимся художником:

— Ах, он еще и скромненький! Ну не чудо ли, Тарло?

Мечтатель откинулся в кресле, с хитринкой поглядывая то на меня, то на моего ученика.

— Если вы так любите своего Мило, почему не выйдете за него замуж?

Авантюрин глупо хлопнул ресницами и выронил чашку из рук. Хрупкая фарфоровая вещь стукнулась о край очага и разлетелась на тысячу бело-золотых осколков, мерцающих в свете оранжевых языков огня, словно драгоценные камни.

— За меня? — негромко произнес он с престранненьким выражением лица.

Смех, клокотавший у меня в груди, вырвался наружу безудержным потоком. Обливаясь чаем, я все ниже сползала в кресле, не в силах перестать. Вид хохочущего напротив художника никак не добавлял мне спокойствия. Только когда чашка все-таки вывернулась у меня из пальцев и окатила живот кипятком, я сумела взять себя в руки.

— Ох, Тарло, из-за вас мы с Мило весь сервиз переколотим. А это, между прочим, северная работа, уникальная. За всю жизнь не расплатитесь!

— Ни за что не поверю, что вы опуститесь до взыскивания подобных долгов, дорогая Лале, — в тон мне ответствовал Мечтатель, потирая лицо в попытке согнать улыбку. — Это совершенно не пристало благородной даме.

Я кокетливо приложила пальчик к щеке:

— Вы не представляете, Тарло, на сколь неблагородные поступки я способна. Так что долг мы вместе с Мило взыщем... Скажем, в виде картины. Совместный портрет Опал и Авантюрина, не правда ли, интересная затея?

— Поживем — увидим, — усмехнулся художник. — Вдохновение — материя капризная...

— Ваша правда...

С мелодичным звоном опрокинулся большой конус часов, начиная отсчет нового дня. Темно-синий песок тоненькой ниточкой потек вниз, образуя правильную горку. Конечно, любой ребенок знает, что на самом деле песчинки белые, а цвет им, в зависимости от дня или ночи, придает подкрашенное стекло, но все равно наблюдение за сменой часов завораживает рассудок. Кажется, что внутри прозрачной колбы спрятано само время, живое, непостоянное. Протяни руку — и коснешься вечности, что находится в вечном, незаметном,

неумолимом движении.

История, которую я рассказывала сейчас, видится мне так, словно случилась вчера, а между тем уже прошло почти двадцать лет. Умер ледяной король Шелло, умер пьяница-волшебник из башни — вывалился после очередного застолья из верхнего окна, повзрослела и ожесточилась нежная принцесса Тирле, превратившись в коварную, чуть грубоватую властительницу. Мило, мой хрупкий мальчик Мило вытянулся, похорошел, отпустил длинные волосы в насмешку над теми, кто когда-то брил его налысо, научился колдовать и скрывать свою силу.

А я... я осталась прежней. Только все реже ночью разноцветные плащи, отдавая предпочтение оттенкам пепла и сажи.

— Госпожа... не пора ли идти спать?

Я словно очнулась.

— А куда подевался Тарло, эта язва? — вырвалось у меня удивленное.

Мило сидел на корточках перед очагом, сгребая в совок хрупкие осколки. Голос его был ровным, словно море в штиль.

— Вы впали в задумчивость, госпожа, и не заметили, как Тарло Мечтатель попрощался и ушел.

— Давно это было?

— Да с час назад, госпожа.

— Лале, глупыш. Мы одни, никто не слышит.

Шурх, шурх — царапала метелка мозаику на полу, дзинь, дзинь — пели осколки, а пламя в очаге успокоительно гудело.

— Скажите... Лале... а вы... не могли бы... всерьез подумать...

— Что? — я вскинула голову.

Мило смотрел на меня так, будто боролся с собой. Глаза сверкнули азартом, губы шевельнулись... А потом вдруг лицо его сделалось совершенно невыразительным.

— Да говори уже, Мило, — улыбнулась я.

— Вы правда спасли меня только потому, что вам было скучно? — тихо произнес Мило. А мне почему-то показалось, что хотел он спросить совсем не это.

Сыпался вниз песок. Постоянно, непрерывно, с каждой песчинкой приближая дату чьей-то смерти.

Но не моей. Я никогда не умру. Я пережила четырех королей, и лишь первый из них, Лило-из-Грёз, был моим другом. Он все понимал, тот усталый, рано состарившийся, потерявший почти всех близких владыка.

Лило и Лале. Одиночки. Смешно, право слово...

Он давно ушел по небесным тропам. Человеческий век короток...

Авантюрин не такой. Он волшебник. Не пятьдесят зим, и не сотню — гораздо дольше он останется со мной.

— А кто сказал, Мило, что я спасала только тебя? — голос мой прозвучал непривычно хрипло.

— Госпожа? — растерянно обернулся он.

Тихо перетекали песчинки. Сколько бы их ни было — все равно слишком мало.

— Пообещай, что не бросишь меня. Никогда, Мило. Иначе я сама убью тебя.

— Я не оставлю вас, Лале. Не надо бояться.

Сыпался песок. Пожалуй, это было даже красиво...

Глава пятая, в которой Ее величество устраивает чудесный бал, а Лале встречает ужасного Незнакомца

Кирим-Шайю, Незнакомец на Перекрестке *Айне*)

У Мило совершенно необычайное чувство стиля. Для моего мальчика испортить цельный образ, создаваемый нарядом, практически невозможно. Только ему удается сочетать цвета и фасоны так, что это никогда не кажется ни вульгарным, ни приторным, а напротив, всегда ярким и гармоничным. А ведь Авантюрин питает непреодолимую тягу к экспериментам с оттенками красного и сложным кроем! И, тем не менее, даже надевая свой любимый алый камзол с золотой вышивкой и белую рубашку с немыслимым количеством кружев, он умудряется выглядеть почти скромным. Полагаю, если Мило по какой-то нелепой случайности напялит костюм задом наперед и перепутает правую туфлю с левой — и это будет воспринято при дворе, как очередная модная находка.

Я же, во что не оденусь, все равно останусь шутом. И колокольчики, увы, здесь абсолютно ни при чем.

— Мило, дорогой, в чем моя вина перед королевой? Знаю, это всего лишь жестокая месть, но должна же быть причина! — причитала я, расхаживая перед зеркалом.

Обычно забавный или экзотический наряд только радовал мне сердце, но на сей раз Ее величество пожелала видеть на балу не шута, а леди Опал. Леди, женщину! О, страшный сон... Впрочем, светлейшая Тирле не настаивала на том, чтобы выбор «дамского» наряда пал именно на платье.

«Если чулки будут хотя бы одинаковые, я сочту, что ты приложила все возможные усилия, Лале», — насмешливо улыбаясь, промолвила королева.

Что же, могу лишь порадоваться, что Ее величеству не пришла мысль повелеть мне посетить бал в образе моей карты.

— При всем уважении, госпожа, не думаю, что королева желала досадить именно вам, — спокойно заметил Мило и покачал головой: — Но с чего ей вздумалось устроить бал в геральдических цветах Дома Раковин и Песка — ума не приложу.

— Никакого секрета здесь нет, — я зевнула и уселась на корточки. О, а в таком положении костюм производит более благоприятное впечатление. Интересно, Тирле разрешит мне передвигаться по залу на четвереньках? — Ее величество заключила невероятно выгодный договор Ларрой. Наш Дом почти полностью завладеет потоком товаров с побережья и получит несколько «жемчужных заводов» в обмен на возможную военную помощь побережникам в случае конфликта. Ночной Бриз согласился на такие условия с превеликим неудовольствием, и, дабы подсластить пилюлю и выразить уважение к союзнику, мудрейшая Тирле устроила праздник в честь Дома Раковин и Песка. Итог — сегодня вечером аристократы должны будут облачиться в синие и серые цвета... Но, Мило, мне не идет синий! Я выгляжу в нем отвратительно.

Авантюрин посмотрел на меня добрым, терпеливым взглядом.

— Госпожа моя, если бы вы только позволили своему ничтожному ученику подобрать для вас правильный оттенок синего...

— Боюсь, даже тебе это не под силу, — спешно оборвала я мальчишку, пока соблазн довериться его вкусу не стал неодолимым. И так негодник в последнее время заважничал и начал позволять себе выходки, на которые ранее не мог решиться. Взять бы хоть его фокус с

дуэлью Тарло и Танше... Поначалу мне казалось, что слово Мило выбрал случайно, но на днях я застала ученика в своем кабинете перед злосчастным рисунком — с улыбкой на устах, да еще такой довольной, будто бы ему удалось обыграть в «три стаканчика» самую королеву.

Чудеса, да и только.

— Нет, Мило, не стоит и пытаться. Достаточно того, что ты сегодня будешь неотразим.

Он залился румянцем.

— Вы преувеличиваете, госпожа.

— О,нисколько.

В самом деле, я ничуть не кривила душой, расточая Мило похвалы. Вот уж кому в совершенстве подошли геральдические цвета жителей побережья! Главный акцент делался на темно-синий атласный камзол, без рукавов, но с высоким воротником — под самые уши. Рубашка из мерцающего серого шелка, не горного, конечно, но очень близкого по качеству материала, укрывала руки сложными складками ткани. Бриджи, сапоги вместо привычных туфель, серебристая вышивка — Мило не упустил ни одной детали. Рядом с ним я, облаченная в мужской костюм цвета дорожной пыли, смотрелась весьма бледно. Ничего, самое главное, чулки одинаковые...

Ах, надеюсь, Тирле будет довольна.

— Нам пора, Мило. Хватит любоваться на себя, — уколола я мальчишку, внимательно разглядывающего в зеркале свое отражение. — Перед началом бала тебе еще нужно осмотреть зал, а мне — посетить кабинет Ее величества. Поспешим же!

Отворив ученику дверь в бальное помещение, я выждала мгновение и вновь повернула ключ, направляясь напрямиком в апартаменты Тирле.

— Опаздываешь, — встретил меня голос королевы, источающий мягкую укоризну. — Ах, Лале-Лале, когда ты научишься правильно считать песчинки?

— Не представляю, Ваше величество, — присела я в реверансе. Широкие бриджи вполне сошли за юбку. — Боюсь, я разучилась серьезно относиться к времени...

— Нахалка, — сурово поджала губы Тирле.

Впрочем, не сомневаюсь, что ее недовольство вызвали не столько мои слова, сколько хлопоты доброй полудюжины слуг, готовивших госпожу к приему. Две женщины завершали украшение сложной прически драгоценными топазами и жемчугом, перевивая отдельные седые пряди серебряной проволокой и выплетая из них причудливые кружева. Еще трое закрепляли складки роскошного синего платья белоснежными лентами. Юноша, в котором я узнала одного из подмастерьев Тарло, осторожно водил кисточкой по лицу высочайшей особы, нанося на веки краску цвета ночного неба. Руна «власть», похожая на свернувшуюся змею, уже украшала оба виска.

— О чем вы желали побеседовать со мной, о несравненная Тирле? — как ни в чем ни бывало прощбетала я, усаживаясь у ног своей королевы. Говорить, задрав голову, разумеется, не слишком удобно, но от шутовских привычек за один вечер не отделаешься.

Одного выразительного взгляда хватило, чтобы слуги засуетились, заканчивая макияж и прическу высокой госпожи, и спустя всего минуту спешно покинули кабинет. Королева снисходительно улыбнулась своему отражению в оконном стекле и обратила свой взор ко мне.

— Этот бал очень важен для нашего Дома, Лале. Даже больше — для нашего расклада, ибо союз заключен не столько между королевствами, сколько между Лордом Волн и Леди Теней. Не исключено, что следующим шагом будет совершение династического брака, и

побережье получит наследника крови Дома Камней и Снов.

Вот это новость! На мгновение у меня остановилось дыхание, но я постаралась как можно скорее взять себя в руки, чтобы лицо не отразило ничего, кроме почтительного внимания.

Дом Раковин соединится с Домом Камней — вполне оправдано, если учесть, что оба расклада не полны. Побережники, связанные с нашим королевством еще и кровью наследника, фактически станут провинцией — да, во многом сохраняющей прежнюю независимость, но все же... Если же взглянуть на это дело по другому, то и Тирле придется несладко: первенец ее будет воспитываться по обычаям Дома Раковин. Что могло подвигнуть монархов на такой шаг? Разве что явная угроза войны и полного подчинения обоих государств. А из столь сильных противников поблизости расположен лишь Дом Осени, который и так уже подозревается в покушении на жизнь Ларры Ночного Бриза.

— Я осознаю степень ответственности, о моя королева. Но чего бы вы хотели от меня?

Тирле задумчиво поджала губы, слегка касаясь их веером.

— Служащие Тайной канцелярии полагают, что убийцы с запада могут попытаться сделать то, что не удалось завершить две дюжины дней назад. Государь Ларра в опасности, Лале.

— Вы желаете, чтобы я охраняла его сегодня?

Королева покачала головой.

— Нет. На сей раз Канцелярия возьмет охрану в свои руки. Мне нужно другое, то, с чем больше никто из моих слуг справиться не может... Ты должна поговорить на балу с представителями всех Домов, кто принадлежит к раскладами, и узнать — не ждут ли они войны.

Признаться, королевское приказание порядком меня озадачило. Можно было предположить, что королева попросит разузнать мнение высшего света о заключенном союзе, но война... Неужели все так серьезно, и опасность живет не только в голове безумной леди Опал? Или Тирле вновь лишь потекает своей природной подозрительности?

— Иди, Лале, — мягко улыбнулась Ее величество, неторопливо обмахиваясь веером. — Если, конечно, ты не желаешь присоединиться к моей свите.

— Рискнуть жизнью, потерявшись среди пышных юбок фрейлин, или вывихнуть язык, соревнуясь в остроумии с кавалерами? Благодарю за оказанную честь, но, боюсь, ваша смиренная слуга ее не достойна, — я вскочила на ноги и присела в реверансе. — До встречи на балу, о благородная королева.

— Поторопись. Праздник уже начался...

У самой двери я обернулась, поддавшись внезапному порыву.

Тирле стояла, положив одну руку на спинку стула. Неестественно прямая осанка, прижатый к губам голубой веер, потерянный взгляд, бесцельно скользящий по роскошной обстановке...

И мне почему-то подумалось, что пусть королева далеко немолода, а Ларра — еще совсем мальчик, но ни ей, ни ему не суждено уже найти свою половину. И это ужасно, отвратительно несправедливо.

Местом проведения бала был выбран парадный тронный зал. Недурное решение, на мой взгляд — есть где спрятать шпионов и выставить на всеобщее обозрение оркестр, а это для подобных мероприятий самое главное.

Ах, да, еще важен богатый, производящий неизгладимое впечатление интерьер. Нынче придворные декораторы постарались на славу: от прежних черно-желтых украшений не осталось и следа, геральдические цвета Дома Камней и Снов сменились всевозможными оттенками серого и синего. Драгоценные сапфиры и бериллы, топазы и лазурит, авантюрин и алмазы, аквамарин, опалы, бирюза, цирконы, агат и кварц — все это великолепие сверкало, искрилось и завораживало даже самое черствое сердце, превращая обычный зал в мистическое пространство. Пол, как и раньше, остался темным, будто уголь, но сейчас его было не разглядеть за торжественными нарядами аристократов. Сегодня вечером людское море и впрямь напоминало море, живое, яркое и непостоянное. Пары кружились в танце, ведомые стопами скрипки, а поверх голов, словно голос ветра, заплутавшего в прибрежных скалах, лилась песня флейты.

— О, Лале, этой ночью вы просто великолепны! — пропели у меня над левым ухом. — Позвольте украсть у вас пару танцев?

— Не позволит, Танше, — усмехнулись над правым с коварными интонациями Тарло. — Леди Опал не танцует ни с кем, кроме своего вассала, Мило Авантюрина. Не так ли, прекраснейшая?

— Ах, вижу, вы вполне сошлись характерами, — негромко рассмеялась я, оборачиваясь. — На одно мгновение даже мелькнула мысль, что за спиной у меня стоят Ворон соблазняющий и Кот оберегающий.

Танше одарил меня очаровательной улыбкой. Менестрель, подчинившись воле королевы, не изменил, однако, привычному западно-мрачному стилю, украсив волосы венком из полыни и подобрав камзол весьма близкого к зеленому оттенка — океанской волны.

— Надеюсь, леди, вы все-таки уступите соблазну, — коварный бард ступил ближе, — и сделаете ради меня исключение из правил?

— Увы, нет — даже ради вас, — развела я руками. — Дела, дела и ни минуты свободного времени. К тому же для полноценного танца необходимо платье с широким подолом, так что моя компания в этом смысле так же бесполезна, как, скажем, общество Тарло, не в обиду будет вам сказано, Мечтатель.

Художник расхохотался и панибратски хлопнул барда по плечу:

— Что, любезный Танше, горская обходительность не тронула сердце дамы? Может, прислушаетесь к Лале и выберете меня?

— Благодарю, но с вами, Тарло, я спляшу как-нибудь в следующей жизни, если великодушная и насмешливая судьба ниспошлет мне женскую оболочку, — хитро сверкнул глазами менестрель. — А до тех пор лучше поищу леди, которая откроет мне свою душу и подарит танец.

— Я запомню это обещание, — хмыкнул Тарло. — Обязательно дождусь вашего, Танше, перерождения. И попрошу не отказывать мне в следующий раз по причине, скажем, преклонного возраста.

— Как знать, Мечтатель, как знать...

— Не верьте ему, Тарло, — нахально вмешалась я. — Он за спиной пальцы замкнул кольцом.

— Нет предела западному хитроумию, — притворно огорчился художник. — О, эти горцы... Но что я вижу, вы покидаете нас, леди Опал?

— Боюсь, что так, — пришлось повиниться мне. — Служба, будь она неладна...

Я осторожно чиркнула ногтем от уголка глаза к мочке, словно отводя невидимый волосок, и шевельнула кистью, раздвигая невидимые карты веером.

«Дела расклада, Художник».

Тарло, продолжая шутливую перепалку с Танше, сложил ладони в ответном жесте:

«Я к вашим услугам, Шут».

Кивком поблагодарив за предложенную помощь, я распрощалась с собеседниками и отправилась выполнять волю королевы.

На первый взгляд, мое поведение ничем не отличалось от манер дворцовых нахлебниц, именуемых фрейлинами. Я бродила по залу, останавливаясь то тут, то там, вела бестолковые разговоры с леди и лордами, смеялась, шутила, флиртовала... Серо-голубое море придворных мерно колебалось, лишь однажды разразившись штормом, когда в зал величественно вплыли благороднейшие владыки Тирле и Ларра. Итак, я веселилась и развлекалась, но в то же самое время на ином, потаенном слое велись судьбоносные беседы. Движения веера, небрежные жесты, пальцы, словно бы невзначай оправляющие прическу, задавали на разные лады один и тот же вопрос:

«О, Кокетка, что слышно о войне?»

«Нет ли дурных предчувствий у Волшебника?»

«Что думает Хозяин Коней...»

«Дитя...»

«Мудрая Дева...»

И раз за разом получала ответ:

«Все тихо, Шут. Слишком тихо».

О, да, боюсь, Ее величеству это не понравится...

Всего бал удостоила вниманием дюжина иностранных послов — ничтожно мало. Лишь четверть Домов соизволила отправить миссии ко двору Тирле, дабы выразить одобрение или порицание заключенному союзу. Остальные, ни тайно, ни явно не присутствовали среди гостей сегодня вечером, что само по себе говорило о многом. Слабые королевства и княжества затаились, страшась попасть между двух жерновов, а сильные хранили напряженное молчание. Лишь немногие давние союзники и торговые партнеры решились посетить праздник.

— Леди... позвольте пригласить вас на танец?

— Не позволю, — сорвалось с губ прежде, чем я успела обернуться. — Право же, лорд, если дама...

И тут я обомлела, начисто позабыв даже окончание шутки. Кажется, задумка была завязана на неумении отличить леди от шута и бриджами на женских ножках...

...Алый, как свежая кровь, золотой, как закатное солнце, багряный, как ривийские розы, как роковая звезда столетия — он был столь ярок, что все прочее вдруг утратило цвет... Так грациозен, что кошка рядом с ним стала бы неуклюжей, так изящен, что лилия увяла бы от зависти, так прекрасен, что больно смотреть... Стремительно рассекал он толпу, приближаясь ко мне, и с каждым шагом все новые подробности открывались моему взору, как мазки краски на полотнах восточных мастеров.

...локоны, взметнувшиеся вверх, словно непокорное пламя, лицо, бледное, будто драгоценный фарфор... сердце бухает, как барабан, рокот крови оглушает...

Шок, дрожь — смотри, кричи!

Рви мрак лучом свечи!
Мчись в ночь — прочь, прочь,
Босиком рожь топчи!

...рдяные брови — росчерком пера, и смеется красный, как морские цветы, рот, и впились жадно в меня глаза — один огненно-янтарный, другой темно-сапфировый, и не отпускают, и плавают кости, и сжигают дотла...

Пощади! — кинь клич!
Я — хищник, ты — дичь,
Ты слаба — вот судьба:
По плечу хлопнет бич!

Шаг — и он вдруг оказывается совсем близко, по-паучьи длинные пальцы оплетают мою ладонь, стремительный поклон — и узкие карминные губы прижимаются к белой перчатке, дыхание опаляет кожу — даже сквозь ткань я чувствую его жар...

Вой, визг, хрип ворон!
Я — смерть: бей поклон!
И восход — не спасет,
Как ни плачь: сон, сон, сон...

— Ты — моя, Хранительница... — шепот углями рассыпается по запястью. — Еще не поняла этого, дурочка? Моя!..

...в волосах его — нет, не листья, тысячи багровых бабочек, ползают, трепещут мохнатые тельца, трясутся усики, осыпается пыльца и жжет глаза... и он поднимается, выпадают на пол заколки, рассыпаются по плечам гранатовые пряди, и — глаза в глаза, страшный взгляд, мучительный... а бабочки вдруг взмывают вверх облаком, мечутся бестолково, толкаются в уши, в нос, в горло... задыхаюсь, захожусь в кашле, катаюсь по полу, и кричу, кричу, кричу...

— Лале! Лале, очнитесь!
Э? Очнуться? А я сплю? Ох, ну и нагородилось же...
Или?...

Я развлекалась на балу — это помню, но все дальнейшее сокрыто туманом. И гложет меня ужасное подозрение, что некая шутовка устроила только что занятнейшее представление.

В лицо мне плеснуло что-то холодное и — я облизнулась — кислое. Вино.

— Мило... убью.

— Простите, госпожа... — покаянно прошептал ученик, а потом вдруг стиснул в таких объятиях, что даже мои крепкие кости чуть не затрещали. — Лале, как же вы меня напугали...

— Мило, у меня грязное лицо, что ты наделал!

— Простите, госпожа, простите, сейчас, я вытру... Лорд Галло, одолжите ваш шарф, впрочем, я уже взял сам, спасибо.

— Наглец, вы ищите дуэли?! Это фамильная ценность, награда, пожалованная самими королем Соло Янтарным моему прадеду!

— Ну и забирайте, не жалко.

— Мило, я хочу пить.

— Да, да, конечно, вот, держите кубок. Осторожней, не пролейте... Не бойтесь, я помогу.

— О, несчастный, да на шарф теперь больно смотреть, сердце кровью обливается: он весь в винных пятнах! Нет, дуэль, только дуэль!

— Да уймись же вы, наконец, эта безделица того не стоит. Ведете себя истерично, как девица в положении.

— И вы туда же, Тарло?

— Что, и меня на дуэль?

— Господа, господа, не наступите на Лале, я же ноги оторву... Не поймите меня превратно...

— О, щенок придворной сумасшедшей огрызается? Умеете за себя постоять, Авантюрин? Почему тогда шарф...

— Тарло, умоляю вас, заткните этого пустозвона.

— Чем?

— Да хоть шарфом.

— Рад буду помочь, милый юноша. Галло, подойдите ближе... Что? Вы покидаете нас? Как обидно! Впрочем, лорд, в гневе покидающий поле битвы за драгоценный шарф — картина, достойная моей кисти...

— Мило, я хочу пить, а не напиться, хотя повод, безусловно, имеется. Убери спиртное, дай мне воды.

— Да, да, да, конечно, вот, возьмите, госпожа... И, может быть, вы все же откроете глаза?

Я представила толпу, галдящую вокруг, и мне стало худо.

— Ну же, госпожа, взмахните своими чудными ресничками и удостоьте меня взглядом, — мягко увещевал Мило. Немного подумав, я послушалась.

Все оказалось не так страшно. Благодарная и не очень публика держалась на расстоянии, образовав круг, подобный цирковой арене. Поближе подобралась лишь условные друзья-дрессировщики — Тарло, Танше, Нанеле и Мило, вероятные враги-зверюги, вроде Галло, и еще военные и шпионы — ну да им по должности положено. А всего в паре шагов стоял, потягивая вино из отвергнутого мною кубка...

— Вы!

Неизвестный манерно выгнул алую бровь.

— Кирим-Шайю из Дома Осени, к вашим услугам, дама Опал.

С трудом заставив себя сделать хотя бы один жалкий вдох, я немного пришла в себя и сумела непредвзято взглянуть на того, кто чуть не лишил меня дара речи. Ничего inferнального и мистического в мужчине не было: обычный житель равнин, в чьей родословной заблудились несколько горцев. Облачен в традиционные цвета и одежды Осеннего дома: бордовые прямые штаны из жесткой ткани «джи-тса», расшитые золотыми

травмами, рубиново-красный атласный камзол с двойными рукавами — одни, потемнее — невероятно узкие, вторые, оттенком светлее — ниспадают обширными волнами; подол длинный, до колен, но срезан наискосок уже от бедер, по краю его тянутся те же растительные узоры. В глубоком вырезе, на выбеленной коже лежит драгоценное узорное ожерелье из янтаря и огненных опалов — есть камни крупные, с ноготь, а то и больше, а рядом с ними — совсем крошки. Примечательным было лицо, сочетавшее в себе черты женские и мужские столь причудливо, что лишь по портрету я бы не решилась определить пол гостя из Дома Осени. Глаза — определенно женские, с длинными пушистыми ресницами, теплого светло-карего оттенка, но взгляд совершенно нечитаемый — война или убийцы, а никак не дамы. Губы — мужские, узкие, с твердыми линиями, но то и дело искривляющиеся в такой жеманной гримаске, что зазывная улыбка Нанеле кажется начисто лишенной флирта и манерности. Подбородок по-горски острый, скулы по-равнинному узкие, брови — как начертаны кисточкой... Впрочем, они и впрямь начертаны — как минимум, наполовину... Да он же разрисован, как распоследняя фрейлина!

Я пригляделась внимательней. Вот и разгадка диковинного пламенно-алого цвета волос — краска. У корней уже предательски пробивается природный черный оттенок. Да и кожа так фарфорово бела неспроста — без пудры не обошлось. Даже губы покрыты блестящей глазурью, будто в кровь окунулись. Высокая сложная прическа украшена, по обычаю осенних, листьями — золотыми и алыми, кленовыми и осиновыми.

И никаких, к ворону, бабочек.

— Рада знакомству, Кирим-Шайю. У вас... необычное имя.

Светскую беседу следует начинать с комплимента. Умница, Лале, хорошая девочка.

— Да, — склонил он голову набок. — В горах людей нарекают в зависимости от того, в темное или светлое время родился младенец. Меня подкинули к воротам дворца на рассвете, в серой мгле, и никто не мог сказать, при свете звезд или уже солнца испустил я свой первый крик. Потому мне даровали сразу два имени: дневное — Кирим, что значит «омут», и ночное — Шайю, в честь цветка с ядовитым нектаром, распускающегося лишь в новолуние. Вы можете звать меня одним именем, либо другим, либо двумя сразу — на все ваша воля.

Кирим-Шайю, значит. Омут и ядовитый цветок. Как ни крути, все одно — гибель. К слову, ни прозвища, ни родового именованья он так и не назвал. Сирота, никем не признанный, никем не опекаемый, дитя дорог? Незавидная судьба.

— Занятная история, о благородный лорд, — опираясь на локоть Мило, я поднялась на ноги. Все тело ломило, как после жестокой драки. — Не расскажете ли еще одну — о том, как шут королевы изрядно повеселил гостей на балу? К слову, Мило, не пора ли тебе начать продавать билеты — такое представление пропадает, — насмешливо протянула я, оглядывая придворных бездельников. — Полно вам, господа, возвращайтесь к танцам.

Разумеется, любопытные и не думали отворачиваться и разбредаться по залу. Ох-хо-хо, одно дело — самой людей развлекать, другое — быть поводом для развлечения. Это даже шуту неприятно.

— У вас случился припадок, госпожа, — почтительно ответил Мило вполголоса. — Вы кричали, катались по полу и...

— Вопрос был задан мне, юноша, — с вежливой улыбкой прервал моего ученика Кирим-Шайю. — Позвольте мне и вести речи. Но не здесь, — кроваво-красные ресницы задумчиво опустились. — Слишком много ушей и глаз, жаждущих зрелища. Но мне ведомо

место, где нас никто не потревожит.

— И где же оно? — насупился Авантюрин. Я возмутилась и пнула грубияна под коленку в воспитательных целях. Этот Кирим-Шайю, скорее всего, новоприбывший дипломат или преемник, еще не представленный официально королеве, с такими следует соблюдать разумную осторожность.

К счастью, гость из Дома Осени продемонстрировал воистину западное великодушие, пропуская слова моего мальчика мимо своих очаровательных, украшенных золотыми серьгами ушей.

— Следуйте за мной, — одарил нас он еще одной кукольной улыбкой и стремительно скользнул через зал. Я, пользуясь поддержкой недовольного Мило, отправилась за ним.

Толпа потянулась следом.

Да, давненько не случалось мне откалывать подобных номеров. Отвыкли господа аристократы, успокоились. Позабыли, почему Лале Опал безумицей кличут.

В дверях я обернулась, обвела толпу мрачным взглядом и веско, со значением сказала:

— Кар-р-р!

Благородное собрание дружно охнуло и подалось назад. Расхохоталась на троне довольная королева, и вторил ей Ларра Ночной Бриз.

Я с достоинством поклонилась и вышла.

Плохо было дело.

Тирле смеялась, Тирле играла веером, Тирле хлопала рукой по колену — но в глазах Ее величества горел гнев.

— Прошу, располагайтесь. Вина? — любезно предложил Кирим-Шайю.

Мило яростно замотал головой. Я благосклонно кивнула. Вряд ли меня здесь угостят чаем или хотя бы простой водой, а пить все еще хочется. Стоит только взглянуть на эту... фарфоровую куклу в красных тряпках, как в горле пересыхает, будто там поселилась парочка мотыльков.

— Это ваши покои?

— Да, леди Опал. Нравится декор?

Ковры, занавеси, покрывала. Подушки, кресла, диваны. Ширмы, зеркала, гобелены...

— Скорее нет, чем да. Слишком много алого... и мягкого.

— Это мои комнаты, как дипломата, — с непроницаемой улыбкой ответил Кирим-Шайю. — Они должны быть обставлены в национальных цветах и традициях Дома Осени независимо от личных предпочтений. Впрочем, музыка может добавить уюта... Открыть ли мне шкатулку?

— Музыкальная шкатулка? — я так удивилась, что на мгновение позабыла о неловкости. — Довольно дорогое удовольствие.

— Любое удовольствие бесценно, — возразил Кирим-Шайю, протягивая мне бокал. Я с благодарностью приняла напиток. Точно такого же жеста вскоре удостоился и Мило, несмотря на возражения, и лишь затем хозяин позаботился о себе.

Мелодия внутри шкатулки показалась странно знакомой. Старинная, нежная, похожая на колыбельную... Где-то мне ее уже доводилось слышать, и совсем недавно. В задумчивости я отпила вина. Оценила и вкус, и температуру, и некоторые совершенно необязательные приправы.

— Мило, — чуть слышно шепнула я. — Оставь бокал. «Эликсир откровения», — и

скорчила для Кирима-Шайю восхищенную физиономию. Хранительнице ключа можно не опасаться расслабляющих снадобий, а вот у Мило одна капля эликсира может отворить поток красноречия. — Очень интересное вино... — похвалила я вслух напиток.

Мило, понятливый мальчик, сделал вид, что пьет, а потом «забыл» бокал на столе.

— Так что же произошло на балу благороднейшей Тирле? — задала я, наконец, вопрос, с которого и следовало начинать.

— Вы разговаривали с неким господином, намереваясь отказать ему в танце, — медленно опустил ресницы Кирим. Лицо его сразу сделалось похожим на стеклянную маску с карнавала. — Потом прекрасная леди обернулась, и наши взгляды встретились. Вы побледнели, и пали на землю, и закричали ужасающе... Ваш гневливый слуга...

— Ученик, — педантично поправила я. — Мило — мой ученик. Он такой же аристократ, как и мы, о Кирим-Шайю, но Авантюрины в силу своей малочисленности уже много веков являются вассалами рода Опал. Сейчас я и юный Мило — последние в своих семьях.

«И никто из нас на самом деле не является настоящим потомком благородной фамилии», — добавила я уже про себя.

— Пусть будет ученик, — согласно склонил голову посланник Осеннего Дома. — Так или иначе, сей невыдержанный молодой человек подбежал к вам и принялся хлестать по щекам...

«Умница», — похвалила я Мило мысленно. Что ж, не в первый раз от припадков меня таким образом лечит.

— ...и затихли. Долгое время никто не мог привести вас в чувство, пока...

«Пока один мальчик не догадался позвать меня по имени».

— ...пока господин Авантюрин не плеснул леди в лицо вином.

— И это все? — разочарованно вздохнула я. — А как же бабочки, поклоны, жуткие песни? Ничего не было?

Кирим-Шайю обворожительно улыбнулся. Шкатулка звякнула, обрывая мелодию, но спустя пару мгновений музыка полилась снова. Знакомая, очень знакомая...

— Боюсь, что нет. Тем не менее, я должен принести вам глубочайшие извинения...

Неожиданно мужчина поднялся с дивана, приложил руку к груди и низко поклонился.

— Леди Опал, прошу простить за тот вред, который могла нанести вам мое волшебство — против воли и ненамеренно.

— Волшебство?!

Кирим — не колдун. Мило бы заметил опасность и предупредил меня. А это значит...

— Благородный лорд, извинения будут приняты... но только тогда, когда вы назовете мне свою карту.

Аристократ медленно распрямился. Я почувствовала, как напрягся Авантюрин, как напряжинилась его сила — бесполезная против одного из расклада, даже если это всего лишь Кокетка или Дитя.

— Я — Незнакомец-на-Перекрестке. Я — то, чего ждут от неизвестности: страхи и мечты, надежды и опасения. И, кажется, вы, леди Безумный Шут, невольно заглянули в лицо своему кошмару. Прошу меня простить. Я не желал зла.

Седьмой в раскладе. Скверно. Ни за что не поверю, что он просто потерял контроль над собою и не ведал, что творил. Но с другой стороны... раскаяние его выглядит искренним. Вероятно, Кирим хотел лишь добиться моего расположения, приправив свой облик чертами

из мечтаний и грёз, и не ожидал того, что я провалюсь в видение.

— Извинения приняты, лорд Кирим-Шайю, — кивнула я. — О соблюдении тайны можете не тревожиться — Мило посвящен в расклад, но пока не имеет карты, — «И вряд ли ее получит, потому что нынешний «Колдун-в-Башне» не собирается уходить на покой в ближайшие двести лет. — Думаю, наше таинственное происшествие нашло себе исчерпывающее объяснение. Благодарю за гостеприимство, но, к сожалению, нам пора. От обязанностей шута меня еще никто не освобождал.

— Увы, — отсалютовал мне бокалом Шайю. — Смею надеяться, что эта встреча была не последней.

— С удовольствием побеседовала бы с вами еще раз, лорд, — кокетливо хихикнула я. Мило передернуло.

— Да, и посидела бы за чашечкой «эликсира откровения» или какой еще отравы... — процедил он сквозь зубы.

Ой, ой, совсем нехорошо. Нельзя давать посланцу Дома Осени повод для ссоры. Слишком уж напряженная вышла встреча, а такого врага, как седьмой в раскладе Осени, следует остерегаться. Впрочем, есть еще время обратить все в неудачную шутку.

— Мило! — я осадила юнца, дернув его за серьгу. — Что ты себе позволяешь! Разве не учила я тебя, что когда знатный лорд обнаруживает в своем бокале что-то подозрительное, аристократу, согласно правилам приличия, надлежит притвориться довольным и ни о чем не подозревающим, а впоследствии сделать в сторону обидчика равноценный жест, попотчевав гостя снадобьем из личных запасов? И что я вижу?! Прямой укол, будто действует обиженный простолюдин!

— Ай, простите, госпожа... ай! — согнулся в три погибели Мило. — Я, ай, больше, ай, не буду... Слово лорда!

— Так-то лучше, — смилостивилась я, отпуская ухо. Мальчишка прожег меня мрачным взглядом — кажется, нисколечко не наигранным.

Дипломат (или, быть может, шпион?) Дома Осени наблюдал за нами с все возрастающим недоумением, а потом вдруг откинул голову и расхохотался. Смех у него, в отличие от глубокого, бархатного голоса, оказался высоким, почти визгливым. Жуткое впечатление...

— Прошу простить меня, леди Опал, но это было слишком неожиданно, — повинился лорд, резко оборвав смех. — Теперь я понимаю, за что ценит вас королева Тирле...

«А вот вы и попали впросак, сударь», — пронеслась в моей голове язвительная мысль. Судя по выражению в глазах ученика, его тоже одолевали схожие думы.

— Что же касается вас, юноша, то позвольте объяснить, — Кирим-Шайю склонил голову к плечу. — Конечно, «эликсир откровения» может развязать язык... Но подумайте вот над чем: я не задал ни вам, ни леди Опал ни одного вопроса, ответив между тем на все ваши. А вино в моем кубке все из той же бутылки... Доброй ночи — леди, лорд.

— Доброй, доброй...

Коридор был пуст. Конечно, ведь все отплясывают на празднике в честь союза Тирле и Ларры... Ах, как не хочется идти! Сейчас бы лечь и уснуть, да чтобы никто не тревожил до полудня... Но — нет. Придется возвратиться в зал, где веселятся аристократы, отрабатывают жалование тайные агенты и плещется волнами негромкая музыка... К слову, о музыке.

— Мило, — негромко окликнула я ученика. — Ты не припомнишь, что за мелодия играла в шкатулке у лорда Кирима-Шайю?

— А вы не узнали, госпожа Лале? — удивленно вскинул брови мальчишка, забыв о своей обиде. — Это же романс трижды величайшего Суэло Аметиста — «Свеча и Мотылёк».

Далёк рассвет,
Спит звук и свет,
И лишь горит, свеча горит
Так жарко...

И мотылька
Издалека,
Огонь манит, на смерть манит

К огарку... — пропел Мило. — Разве вы не помните слова, госпожа? А впервые я их услышал от вас...

— Да, да, — оживилась я. — Теперь припоминаю. Одна из слезоточивых песенок поганца Суэло... Ужасного характера был человек, поверь мне, Мило. Абсолютно бессовестный... Но что-то в нем трогало. Ах, ностальгия! Вот продолжение, послушай:

А во дворце
В златом венце
Ты ждёшь меня, так ждёшь меня,
Царевна...

И ты грустишь,
И все молчишь,
В душе кляня, закон кляня
Тот древний...

Мило улыбнулся и подхватил:

И мне, поверь,
Смешна теперь
Твоя печаль, ах, та печаль
Не нова...

Другая страсть
В душе сейчас,
А мне не жаль, ничуть не жаль
Былого...

— А дальше я забыл, — смутился ученик. Я вздохнула.

— Это и к лучшему, Мило. Грустная песня, право... Подойди ближе, я открою проход в парадный тронный зал. Боюсь, Тирле не одобрит дружеские посиделки с Незнакомцем Дома

Осени.

Я достала ключ, потянув за цепочку, и оглянулась в поисках двери... Ах, целый коридор на выбор! Пожалуй, эта подойдет — кажется, она ведет в крыло слуг.

Но как же привязалась проклятая песенка! Мотыльки, листья. Листья, мотыльки. Мотыльки... А, пропади оно все пропадом! Желая я того или нет, а мысли так и бродят вокруг Кирима, а губы сами высвистывают мелодию.

И мир затих,
И сладок миг,
Как в странном сне, последнем сне...
Невинном...

И ты, дружок,
Как мотылёк,
Сгоришь в огне, моём огне...
Бездымном...

Ключ повернулся в скважине, дверь послушно скрипнула...

— Госпожа, вы перепачкались вином, — перехватил мою руку Мило, вытаскивая чистый платок. Вот ведь паршивец, значит, намеренно оскорбил лорда Галло! «Ах, растёт мальчик», — умиленно подумала я.

— Где, Мило?

— Да здесь же, — он перевернул мою кисть тыльной стороной кверху. Я вздрогнула и до боли стиснула зубы. Значит, то было все же не видение...

На белоснежной перчатке отчетливо опечатался след карминово-красных губ.

Глава шестая, поучительная, в которой Лале бродит по дворцу, а незнакомая придворная дама рассказывает любопытную притчу

— Послушай, Мило, я, конечно, сумасшедшая, но никак не дура! И видениями, хоть порой и страдаю, но все же, смею надеяться, могу отличать их от яви! И...

— Успокойтесь, пожалуйста, госпожа, я понимаю, о чем вы.

— Нет, не понимаешь!

Птицей с перебитым крылом металась я по своим покоям, и длилось это уже не один час. Бедняга Мило из сил выбился, пытаюсь меня утешить: то чаю приготовит, но на флейте примется наигрывать, а уж уверений, что все «будет хорошо» и «вы справитесь, госпожа», довелось мне наслушаться на год вперед. И сам Авантюрин, и Тарло, призванный в свидетели, и даже тот неудачливый лорд, что пытался пригласить меня на танец, — все хором утверждали, что Кирим-Шайю и близко не подходил к моей драгоценной особе до того, как я очнулась. Но откуда тогда, позвольте узнать, взялся след поцелуя на перчатке? Иллюзии Незнакомца не могут воздействовать на мир материальный, вещественный — на это способно только волшебство, да и то не всякое.

— Госпожа, ничего страшного пока еще не случи...

— Нет, случилось! — взвизгнула я прямо в лицо ученику. — Случилось, случилось, случилось!

— Ну, довольно, — рассердился Мило. — Сцена, пожалуй, слишком затянулась.

И с этими словами мой милый мальчик ухватил свою хозяйку в охапку и, не обращая на гневные вопли ровным счетом никакого внимания, утащил в купальню, где и окунул в холодную воду.

— Тьфу... ох... Мило... я все поняла, может, хватит? — стуча зубами, прохныкала я, выползая на бортик.

— Нет, госпожа, — угрюмо ответил ученик, сталкивая меня обратно. — Думаю, еще один разок вам не повредит. Для общей закалки и упрочения нервов.

Плюх! Я с головой ушла под ледяную воду. В ушах защекотало, в носу засвербело, а жгучий холод, казалось, проник аж до костей.

— Мило! Чтоб тебя так закаляли! — взвыла я, стрелой взмывая над бассейном и перекатываясь по скользкому полу, выложенному расписной плиткой. — Вот негодяй неблагодарный!

— Прекрасная госпожа, когда-то вы сами изволили заметить, что шут не должен терять голову, если хочет сохранить ее на плечах, — философски развел руками сей подлец. — Произошло нечто таинственное и, соглашусь, весьма неприятное, но это ведь не впервые? Сколько уже раз преподносили нам сюрпризы карты из чужих раскладов, да и из нашего собственного, сколько еще удивят! Так что же вас так обеспокоило?

— Что, что... — причитая, я перекинула мокрые косички через плечо и выкрутила их, выжимая воду. Бубенчики обиженно звякнули. — Кирим-Шайю не показался мне плохим человеком, вот что, Мило. Интриган — несомненно. Лицемер, или, скорее, лицедей — весьма и весьма вероятно. Шпион, который не упустит возможность вытянуть из нас с тобой, дорогой мой, побольше секретов — почти наверняка. Но при всем при этом он мне глубоко симпатичен. И потому предположение, что припадок на балу не был случайностью,

что Кирим мог обратить против меня свою карту, разрывает сердце.

Мило нелепо застыл с полотенцем в руках. Лицо его приняло презабавное выражение.

— Он симпатичен вам, госпожа Лале? Эта крашенная кукла?

Немного смутившись, я ковырнула мыском плитку.

— Даже не знаю, как объяснить тебе, мальчик... Видишь ли, Кирим-Шайю может стать замечательным врагом или соперником, с которым довольно приятно будет сыграть партию-другую. Он хорошо держит себя, не позволяя чужим заглянуть за маску, умеет с достоинством признавать поражение, почти обращая его этим в победу — вспомни, как наш гость из Осеннего Дома повел себя, когда мы обнаружили «эликсир откровения» в вине, — я покачала головой. — И, кроме того, Кирим гораздо старше, чем выглядит. Ему уже далеко за шестьдесят, полагаю, но взглянув на него, ты никогда не дашь больше тридцати. Еще один обман, еще одна личина... А знал бы ты, Мило, как интересно срывать с людей маски, слой за слоем!

— Будьте настороже, госпожа. Смотрите, как бы он ненароком не заглянул под вашу, — мрачно изрек ученик и, встретившись с моим недовольным взглядом, мгновенно сменил тему: — Впрочем, это не мое дело. А как вы собираетесь поступить сейчас, Лале? Может, приляжете отдохнуть?

Из груди вырвался вздох сожаления. Поспать бы мне сейчас и вправду не мешало. Всю ночь я провела на ногах, выполняя поручение Ее величества. Опросить почти полсотни человек так, чтоб ни одного лишнего слова не уловили уши непосвященных, — задача почти непосильная. Кроме того, нельзя было забывать об обязанностях шута. Приходилось непрестанно сновать туда-сюда по залу, обращая ссоры и перебранки вельмож в розыгрыши, становясь мишенью чужого гнева, осаживать язв и завзятых бретеров, не допуская дуэлей, слушать, о чем шепчется знать — не замышляет ли недоброе против благороднейшей нашей владычицы? Сама же королева, к слову, покинула бал незадолго до рассвета вместе с лордом Дома Раковин и Песка. Официальной причиной назвали «необходимость обсудить мельчайшие детали договора», но мне-то хорошо было известно, что Тирле просто утомилась за день и отправилась в спальню, доверив следить за порядком чиновникам Тайной канцелярии и бедняжке Лале.

— Увы, Мило, о сне мы можем только грезить, — развела я руками. — Ее величество ждет меня к полудню с докладом, а ты, разумеется, будешь меня сопровождать.

Авантюрин старательно подавил зевок. Несчастный мальчик, он тоже всю ночь не сомкнул глаз. Но коротать время до визита к королеве в одиночку было бы так скучно!

— У нас есть еще три часа, госпожа. Возможно, стоит использовать их для отдыха?

— А сумеешь ли ты потом разбудить меня? — рассмеялась я. — Право же, не думаю. Да и на то, чтобы привести себя в порядок, уйдет не менее часа... Нет, Мило, оно того не стоит. Предлагаю поступить наоборот.

Ученик одарил меня непонимающим взглядом.

— Что вы имеете в виду, Лале?

— Давай-ка прогуляемся по дворцу. Это займет время до полудня и успокоит мои расшатанные нервы, — усмехнулась я. — А чтобы сделать наше путешествие чуть более интересным — доверимся ключу. Он выведет нас именно туда, куда нужно, — я хитро посмотрела на мальчика. — Как тебе такая задумка?

— Вы, как всегда, бесподобны, госпожа, — со вздохом поклонился Мило. Врет ведь, бесстыдник. Ему ничуть не хочется слоняться по дворцу, лишь бы доползти до подушки.

Ах, неправильная нынче молодежь пошла! Вот в эпоху правления Его величества Лило загулы на два-три дня никого не удивляли. Вполне приличным и даже достойным уважения считалось переходить с бала на званый ужин или поэтический вечер, лишь сменив одеяние.

К слову, об одеяниях.

— Мило, приготовь мне сухое платье. Что-нибудь на свой вкус. И будь порасторопнее, сам намочил госпожу, сам и исправляй положение.

Выставив паренька за дверь, я быстро избавилась от хлюпающей одежды и завернулась в мягкую ткань, которую обычно использовала после купания. Волосы, увы, теперь не скоро подсохнут, но ничего страшного, простуда мне не грозит.

— Мило! Поторопись, бездельник, время не ждет!

— Иду, иду, госпожа, — проворчал мальчишка, ногой открывая дверь и сваливая на лавку ворох тряпок.

Так, так, глянем, что приготовил мне дорогой ученик. Зеленый сюртук — замечательно, теплая и удобная вещь, строгая рубашка, рыжий бант, чулки — один в бело-красную полоску, а другой — целиком оранжевый, коричневые ботинки с серебряными пряжками... Как приятно надеть милый сердцу шутовской наряд после скучнейшего официального платья!

— Что ж, Мило, думаю, мы готовы к небольшому развлечению, — подвела итог я, закалывая бант брошью. — Итак, вперед, навстречу судьбе!

И с этими словами я распахнула дверь, не думая ни о чем. Ключ сам приведет туда, где нам следует сегодня побывать. Мило, зевая, шагнул следом.

В комнате, где мы оказались, царили темнота и холод. Ни окон, ни ламп. В щелочку под дверь лился желтый свет и проникали людские голоса. По стенам комнаты были развешаны связки колбас, окорока и прочие копчености, с потолка свисали «косы» из чеснока и лука, а из бочек доносился отчетливый запах квашеных овощей. Подвал или кладовка за помещениями для слуг, не иначе. «Зачем бы ключу заманивать меня сюда?» — размышляла я. Эх, для меня разговор с ключом — это начало раздвоения личности. Ведь по сути своей мы едины...

Тем временем голоса сделались громче. Шикнув на Мило, я подкралась ближе и прильнула к замочной скважине. Ученик заглянул в щель между дверью и косяком, и мы застыли.

— Ну ты и жулик, друг Раппу, знатный жулик! — обижено ворчал молодой парень. Светлые его волосы растрепались, лицо покраснелось и от этого на нем почти незаметны были крупные, с полмонеты, конопушки. — Знаю же, что надуваешь, а поймать не могу. Смилуйся, не бросай дело так, достань свои стаканчики! Сыграем-ка еще разок, а? Угадаю — вернешь мне мой нож и кошель с медью, нет — добавлю сверху еще и шапку. Идет?

— Идет, — усмехнулся его собеседник — бодрый старичок с глазам столь хитрыми, что непроизвольно я потянулась к своему карману — затянуть шнурок потуже. — Клади свою шапку на стол, Сайсо, да смотри в оба глаза!

С этими словами Раппу извлек из мешочка на столе деревянный шарик и складные стаканчики из коры. Сноровисто расправив их, уронил в один из них бусину и погремел демонстративно у мальчишкиного уха.

— Слышишь, Сайсо? Вот тебе и шарик, вот тебе и стаканчик, все честно, без обмана. Следи давай, воронят не считай, и все свое добро мигом отыграешь!

Хлоп! — с глухим стуком опустил старичок стакан на столешницу, и второй, и третий, и

ну вращать ими! Того и гляди голова закружится, как на качелях на ярмарке. Шуршала кора, поскребывая стол, присвистывал Раппу... Я усмехнулась: а вот шарика-то не слышно. Хмыкнул Мило, словно соглашаясь с моими мыслями. Уж его зоркие глазки наверняка заметили, как хитрец Раппу спрятал бусину между пальцев.

Бедняга Сайсо не был столь проницателен. Он бледнел и краснел, мял в руках злополучную шапку с яркой вышивкой, кусал свои губы и следил, не отрываясь, за шустрыми руками старика. Паника все явственнее проступала на лице паренька, и я бы поставила целую золотую монету на то, что он давным-давно потерял нужный стаканчик.

— Ну-ка, Сайсо, отвечай, где шарик спрятался? — весело воскликнул Раппу, остановившись. — Смотри внимательно, размышляй старательно!

— Ох... — повесил голову парень. — Думай, думай голова, а то последней шапки лишишься... Эх, была — не была! Здесь!

И ткнул пальцем в крайний стаканчик.

— А вот и нет! — хихикнул старик. — Не угадал. Моя шапка будет!

— А где ж тогда? — растерялся Сайсо. — Неужто здесь? — указал он на тот, что был посередке.

— И снова впросак попал! — еще шире улыбнулся Раппу. — Вот она, бусина-то.

Ловкие пальцы старика незаметно перекатили шарик и протолкнули в щелочку на крышке стакана.

— Трам-тарарам! — воскликнул Раппу, заглушая звук падения, и перевернул стаканчик. — Убедился?

Парень поник.

— Убедился, на свою беду... Твоя взяла, Раппу. Забирай выигрыш.

Довольный старик подбросил на ладони кошель с мелочью и спрятал его за пазуху. Туда же после недолгих раздумий отправил он и нож. А шапку с размаху нахлобучил на голову невезучему Сайсо.

— Забирай, дурень, — вздохнул Раппу. — Деньги да резалку я возвращать не буду, чтоб урок получше запомнился, но шапку, которую мать твоя по ночам бисером расшивала, отдаю. Береги ее, а пуще всего береги голову!

— Благодарствую, дядька Раппу, — радостно поклонился мальчишка, так что стало ясно, что ничего он не понял. — Не забуду теперь наставленья. Да только... — замялся Сайсо. — Кабы мораль в словах была али в стихах... Как в книгах ученых...

Старик засмеялся.

— В стихах тебе мораль, паршивцу малолетнему... Дай-ка подумать... — наморщил он лоб. — Сам-то я болтать не силен, но к случаю присказку знаю. Еще дед мой от шута придворного наставленья получил. Послушай-ка:

Сторонись костей и карт,
Ведь почти наверняка
Даже умника азарт
Обращает в дурака!

— Так-то, Сайсо, — усмехнулся Раппу. Паренек сосредоточенно жевал губами, проговаривая вполголоса стишок. — Но полно, засиделись мы с тобою, заигрались. А ну-ка,

беги в кладовку, повара давно окорок на кухне ждут!

Паренек, кряхтя, поднялся и направился к двери.

— Ну, все, Мило, пора делать ноги! — шепнула я и отворила ключом дверь. — За мной... — и мы тихо, по-мышьиному, выскользнули из комнаты прежде, чем Сайсо добрался до входа.

...и очутились на кухне.

— Госпожа Лале! — басом проорала дородная повариха. — Неужели вы? Ай, проходите, не стойте, садитесь! Как здоровьице ваше? Как дела? Все шутки шутите?

Мои губы тронула добрая улыбка. Шумную, грубую, толстую кухарку Шалавису я помнила еще худющей, вечно недоедающей девчонкой, грезящей путем менестреля. Помнится, мы с подлецом Суэло лет сорок назад устроили за нее настоящую войну. Под конец даже пришлось вмешаться Его величеству Шелло. Король тогда единственный раз за все свое правление пошел мне навстречу и пристроил бедняжку поваренком на кухню, уберегая девочку от побоев совсем зарвавшегося на старости лет Аметиста, да и то лишь потому, что ненавидел того еще больше, чем меня.

О, Суэло тогда недолюбливали многие. Хотя и говорят, что таланту характер прощают, но к несносному барду сие высказывание никак нельзя было приложить. Еще в молодости он прославился дурным нравом. Мог неугодного человека приложить и словом, и кулаком, да хорошо, если не насмерть. А судьба, словно в насмешку, наделила Аметиста чудесным, невинным обликом. Дымчато-серые глаза и мягкие светлые кудри барда вошли в легенды, а вот о вспыльчивости и нетерпимости его позабыли еще до восшествия на престол добрейшей королевы Тирле. А сколько дам проклинало Суэло при жизни, сколько кавалеров грозилось ему дуэлью! Были дурочки, не перенесшие расставания с ветреным возлюбленным, и покончившие с собой.

Куда бы Суэло не шел, следом за ним стелились слезы, скандалы и ненависть. А ведь бардом он был замечательным, до самой его смерти голос не терял силы, а слова — меткости, цепляя сердца и покоряя души.

С возрастом характер менестреля совершенно испортился. После того, как Аметист довел до карниза башни Астрономов двоих своих учеников, к нему, на горе, прибилась девчушка по имени Шалависа. Она была младшей дочкой многодетного семейства почтенных горожан, и в лучшем случае ей светила судьба служанки в благородном доме или супруги какого-нибудь лавочника. А юная мечтательница более всего на свете хотела стать... бардом. И, к несчастью, провидение одарило ее неплохим голосом и вниманием известнейшего певца того времени, проходимца Суэло.

Я вовремя спохватилась и успела спасти девочке жизнь и душу, но вот от желания петь Аметист избавил свою «ученицу» навсегда. Мне удалось с разрешения короля устроить Шалавису на кухню, помощницей повара. Через некоторое время неудавшаяся менестрелька освоилась, выбросила из головы романтический бред и нашла себе мужа — дворцового пекаря. Тот в ней души не чаял и до сих пор звал «ненаглядной крохотулечкой», хотя весила сейчас Шалависа, словно добрая лошадь.

Как бы то ни было, повариха меня прекрасно помнила и считала своей спасительницей, а потому я всегда могла рассчитывать на кусок торта с замысловатой начинкой, когда попадала на кухню.

— И шутки шучу, и дела делаю — все одновременно, — хмыкнула я, облакачиваясь на засыпанный мукой стол. — И на здоровье вроде не жалуюсь. А ты как поживаешь? Как муж,

как детки?

— Уже не детки — внуки пошли, — гордо задрала нос повариха. — Младшую Лалесой назвали, в вашу честь, госпожа!

— Надеюсь, хоть не Опальной, — хихикнула я. — Лестно это, Шалависа. Благодарю тебя, сегодня же пошлю пажа с подарком для внучки. Но то вечером, сейчас мне недолго без дела бродить осталось... Угостишь по старой памяти вкусеньким?

— Отчего не угостить? — улыбнулась широко Шалависа и прикрикнула на поварят: — Эй, принесите госпоже сладостей да настоя ароматного!

Мило жалобно посмотрел на меня.

— И ученику моему, — негромко подсказала я.

— И ученику ее! — грозно пробасила повариха. — И поживей, поживей! А вам, госпожа, — обратилась она ко мне, — в сторонке посидеть лучше. Сейчас завтрак королевский готовить будем, вот-вот окорок из кладовых прибудет... Как бы чем вас не задели али не забрызгали, — чуть виновато закончила Шалависа.

Ох, понятен сей намек...

— Не беспокойся, мастерица, мы не помешаем, да и вообще заскочили ненадолго, — я скромно притулилась на ящике в уголке, рядом с бочкой. Мило тут же достал из кармана платок и набросил его на крышку, как скатерть. — Работа прежде всего.

— Работа прежде всего, — согласилась Шалависа. Через мгновение она шумно шмыгнула носом и поджала губы. — Чую, подгорает что-то, заболталась я с вами, госпожа. Разрешите откланяться?

— Иди, Шалависа. Со сладеньким я и сама справлюсь, — подмигнула я ей. Повариха хохотнула и поспешила к печам.

Через минуточку мальчишка-помощник расставил перед нами кружки с травяным настоем и блюдца с десертом. Я с удовольствием ковырнула лопаточкой ягодный пирог, присыпанный сахарной пудрой. Нежное тесто так и таяло во рту, кисловато-свежая начинка дразнила язычок, корочка завлекательно хрустывала, и оторваться было совершенно невозможно. Судя по тому, с какой скоростью уплетал свою порцию Мило, ему угощение Шалависы тоже пришлось по вкусу.

— Сайсо, воронье ты брюхо, сколько ж окорок тащить можно? — отчитывала на кухне повариха паренька. — Небось, опять играть вздумал?

— Нет, тетка Шалависа, — хитрил Сайсо. — Меня дед Раппу поучал.

— Поучал он его, негодника... А ну, руки кыш от ягод! Не про тебя положены, не тебе и брать! Как я тебя сейчас половником!

— Ой, ой, убегаю — нет меня здесь, примерещилось.

— Как я тебе сейчас примерещусь!

После явления долгожданного окорока поварята забегали вдвое быстрее. Мальчишки и девчонки в белых платках сновали туда-сюда с ножами и травами, грибами, соленьями, мисками, мукой, медом и фруктами, кувшинам, полными молока и сливок, большими дырчатými ложками, картофелем и помидорами. Шалависа бойко командовала своим маленьким войском, то и дело басовито покрикивая на малышню. Все были заняты, все при деле...

— Госпожа, взгляните, — шепнул мне Мило, наклонившись к уху. — Там, в углу...

Я с интересом уставилась туда, куда указывал ученик. Надо же, какое безобразие: девчушка-поваренок с потешными рыжими хвостиками утащила с кухни целую здоровенную

миску взбитых с сахаром сливок, заправленных корицей, и теперь, схоронившись за ящиками с посудой, с довольным видом поглощала уворованное лакомство. Шалависе и дружкам-подружкам маленькой обжоры было ее не увидеть, а вот нам с Мило — запросто.

— Смотри-ка, какая счастливая, — хохотнул Авантюрин. — Прямо как котенок, до молока дорвавшийся! И на вас похожа, госпожа...

Тяжелая миска так и норовила вывернуться из рук маленькой проказницы. Девчонка крепко прижимала к себе скользкое свое сокровище, но понятно было, что скоро везенье закончится. Так оно и случилось: вздрогнув от очередного окрика Шалависы лакомка выронила миску, умудрившись измазаться с головы до ног и разбить посудину вдребезги.

— Ай, мамочка! — взвизгнуло охочее до сладостей дитя дурным голосом и подскочило, наступая на осколки. — Ой, мамочка! — от неуклюжих движений с полки наверху свалился куль с мукой, покрывая лицо и одежду девочки ровным слоем.

Мы с Мило переглянулись, и расхохотались самым злодейским образом, расплескивая чай из кружек и чуть не давясь пирогом. На смех и крики со всей кухни сбежалась целая толпа с недовольной Шалависой во главе. Сурово нахмутив брови, повариха принялась отчитывать девчушку:

— Ах, дармоедка, ах, бездельница! Опять сливки стащила! Сколько раз тебя просила, Миса, не бери сама сладкого! Коли хочется — попроси, неужто пожалеем для тебя куска? Али ты нам не как дочка родная? Али мы тебя не любим, обделяем? Ух, негодница, так бы отлупила веником!

— Пожалей ее, тетка Шалависа, — вмешался самый старший поваренок, паренек лет девятнадцати. — Сироткой девочка росла, до этого года и знать не знала, что бывают такие сладости! Может, она мечтает хоть разок до отвала вкусным наесться, что ж теперь, веником ее за мечту лупить?

Повариха в сердцах, топнула ногой.

— Если мечта глупая, вредная, за нее не то, что веником — вожжами отходить не стыдно! Уж я-то, старая, знаю, — покачала она головою. — Даже ежели тебе чего-то не хватает до скрежета зубовного и душа к чему-то замечательному тянется — и то не всегда оно на пользу будет. Иной раз сбудется мечта, а глянь — и стоишь с макушки до пят в той мечте изгвазданная, и хорошо еще, если она сладка на вкус покажется... Потянешься, как дитё за вареньем на самый верх кладовки — так не жалуйся потом, что по затылку звездануло. Да что толку пояснять вам, непутевым, — вздохнула Шалависа. — Пока молодые — все мимо сердца пройдет, а потом уж горевать поздно будет...

Рыжая девчонка внимала ей, изумленно раскрыв рот. Поварята тоже замерли, не сводя глаз с пожилой, мудрой женщины. А у меня екнуло сердце... и почти сразу вспыхнул, ожег жаром ключ.

— Идем, Мило, — тихонько прошептала я. — Нам дальше пора.

Ученик молча кивнул. Мы встали, на цыпочках прокрались к выходу и покинули царство запахов и вкусов, так и не узнав, чем кончилось дело.

На третий раз ключ завел свою хозяйку в чьи-то личные покои. Дверца, впустившая нас, располагалась за занавесью, мягкими складками спускавшейся до самого пола. Ткань была приятного глазу темно-зеленого цвета с красивой вышивкой — травы гибкие, цветы золотые и белые, все исполнено пушистыми тонкими шерстяными нитками. В комнате играла негромкая веселая музыка. Подмигнув Мило, я слегка отодвинула штору и заглянула внутрь.

На небольшом мохнатом пуфике сидела, подогнув ноги и выпрямив спину, леди

неопределенных лет. Вокруг нее на подушечках с кистями по углам расселись детишки — совсем маленькие еще, годков по пять — по шесть с хвостиком. Госпожа была одета в узкое платье цвета пепла и сажи с затейливой вышивкой жемчугом по корсажу и рукавам. От колен юбка расходилась широкими многослойными волнами, словно раскрытый бутон розы. Лицо незнакомки скрывалось за бархатной серой полумаской, украшенной хрусталем и перлами. Нежно-розовые, словно цветочные лепестки, губки улыбались, на щеках играли ямочки. В руках у леди была большая книга в обложке из черной кожи.

Ребятишки в комнате принадлежали к разным сословиям. Я заметила и отпрысков знатных семей, и детишек прислуги, но все они с одинаковым восхищением и предвкушением разглядывали госпожу с книгой.

— Придворная дама, придворная дама, расскажи нам сказку! — решила, наконец, попросить девочка на зеленой подушке.

Леди склонила голову к плечу.

— А все ли собрались? Никого боле не ждем?

— Нет, нет, — закричали ребятишки. — Сказку нам, сказку!

— Про мышат, — заливаясь краской от смущения, добавил мальчик в костюмчике молодого лорда.

Леди серебристо рассмеялась.

— Хорошо, детки. Слушайте... — она быстро лизнула палец и зашуршала страницами. Открыв книгу в нужном месте, леди разложила ее на коленях и кашлянула в кулачок. Малышня замолчала, прекратила возню и замерла в почти мистической неподвижности столь несвойственной детям. — Стоял за оковицей Лес, и в корнях его ютились мышата, а в кронах гнездились совы, и много всякого зверья обреталось посерединке, не тут и не там. Жили они мирно и весело, и ничего не боялись. Днем мышата собирали упавшие колосья на поле и припрятывали в норке зерно на зиму, а по ночам спали, сбившись в кучку для тепла. Прямо как вы, Тириса и Лииса, — улыбнулась она девочкам-близняшкам, одетым, как слуги. — И однажды осенью, когда в Лесу уже почти облетели все листья, а с полей убрали последние колосья, мышата спустились в норку и увидели, что зерен хватит им на целых две зимы, и очень обрадовались. И самая старая мышь сказала — быть празднику!

И мышата на полянке
Развеселую гулянку
Закатили вечерком —
На всю ночь целиком!

Мышки сновали туда-сюда, грызли зернышки, играли в прятки в листьях, прыгали через хвостики друг у дружки и не заметили, как с неба подкралась беда. Совы сквозь прорехи в кронах разглядели мышат на поляне и решили полакомиться свежим мясом. Бесшумно слетели с неба, да чиркнут когтями! Ой, что тогда началось!..

Мыши мечутся по кругу
И друг к дружке льнут с испугом,
Кто-то замер под листом,
По земле метет хвостом...

А совы на один круг зашли, на другой... Уже осталась от всей стайки мышат всего половинка. Все боятся, трясутся, из-под листвы нос высунуть боятся, а все равно их совы ловят. Тогда один умный мышонок собрался с духом да как припустил по поляне!

Тот мышонок был умен:
Быстро в норку юркнул он,
Не достать его сове,
Как ни рыскай по траве...

Вот так умный мышонок спрятался и спасся, — заключила леди и закрыла книгу.
— А что стало с остальными мышками? — пискнул мальчишка на голубой подушечке.
— Что, что, — пожала плечами леди. — Съели их всех до единого.

Мораль сей сказки такова:
Когда пикирует сова,
Лишь тот останется живой,
Кто был с холодной головой.

Впрочем, тот мышонок тоже долго не протянул, — улыбнулась мечтательно госпожа в сером. — Одному-то в лесу не выжить. Той же зимой и околел...

— У-у-у... — заплакали дети. — Плохая сказка, страшная. Хотим другую!

— Приходите завтра, — рассмеялась леди. — Будет вам другая история. А эта не для вас была придумана. Кыш, кыш!

Услышав, что завтра расскажут другую, хорошую сказку, ребята вытерли слезы и шумной стайкой выбежали из комнаты — прямо как мышата из побасенки. Когда покои опустели, леди обернулась. Черные глаза в прорезях маски весело разглядывали щель в занавесах.

— Рада приветствовать вас, госпожа шут, — улыбнулась леди.

Смущенно кашлянув, я отдернула портьеру и прошествовала через комнату, плюхнувшись на одну из подушек у ног госпожи в сером. Мило, недолго думая, последовал за мной.

— И я рада приветствовать вас, госпожа... кхм, а кто вы?

— О, это совершенно не имеет значения, — рассмеялась леди. — Можете называть меня просто Придворной Дамой, Которая Любит и Рассказывает Сказки. Да, пожалуй, это будет вернее всего.

— Как вам угодно, — добродушно согласилась я. — Могу ли я поинтересоваться, что за книжку вы читали детям?

Придворная Дама, Которая Любит и Рассказывает Сказки, казалось, несколько растерялась.

— О, эта? Ничего интересного, поверьте. Просто собрание старинных поучительных историй.

— Можно посмотреть? — неожиданно попросил Мило.

— Прощу, — с улыбкой протянула книгу дама в полумаске.

Мой ученик с поклоном принял ее из рук дамы принялся с сосредоточенным видом листать страницы. Я же, пользуясь случаем, решила рассмотреть леди получше.

Глаза в прорезях маски — темные, как потухшие угли, но, словно угли, все еще хранящие память о прежнем тепле. Губы — нежные и розовые, постоянно складываются в улыбку, но в ней почти нет чувств — только равнодушие и капелька любопытства. Вокруг рта — морщинки. Эта дама далеко не так молода, как может померещиться сначала...

— Здесь ничего нет, госпожа! — послышалось удивленное восклицание Мило.

— Что? — я непонимающе обернулась к ученику. — О чем ты, дорогой мой?

— Книга пуста, — нетерпеливо пояснил юный волшебник. — И всегда была пуста!

Страницы девственно чисты!

— Неужели! — выгнула брови я. — Откуда же вы тогда берете свои истории, о Придворная Дама, Которая Любит и Рассказывает Сказки... Э-э?

На пуфике никого не было.

— Выдумываю, конечно, — шепнули мне в ухо. — Береги себя, Лале. Привет от учителя...

— Стой! — резко вскочила я, разворачиваясь, поскользнулась на шелковой подушке, неловко взмахнула руками и упала... на пушистый ковер в собственной гостиной.

Рядом с потрясенным видом шлепнулся Мило.

— И что это было, дражайшая моя госпожа? — озадаченно почесал затылок он.

— Похоже, привет от моего наставника — милейшего Холо, — невесело усмехнулась я. — Все никак не забудет любимую ученицу.

Мило прекратил с дурацким видом пялиться в потолок и повернулся ко мне. Лицо его было предельно серьезно.

— Госпожа... Мы уже восемнадцать лет знакомы, а я до сих пор ничего о вас не знаю. Ни о вашем детстве, ни о наставнике, ни о том, любили ли вы хоть кого-нибудь... — голос его дрогнул. — А если я спрашиваю — притворяетесь, что не слышите. Может, пора распроститься с некоторыми из ваших тайн?

— Какими именно, Мило? — устало вздохнула я. Только вот разговоров о моем темном прошлом еще не хватало.

— Ну... — растерялся от такой покладистости ученик. — И часто вам наставник присылает такие... приветы?

— Частенько, — улыбнулась я. — Раз в двадцать-тридцать лет уж точно. В последний раз с приветом от Холо меня навестил мальчишка-разносчик в трактире незадолго до того, как я встретила тебя. Помнится, паренек рассказал мне любопытную притчу о том, как женщина нашла в куче прелых листьев золотую монету, потому что не побрезговала раскопать мусор руками, поддавшись любопытству.

— Ха! — воскликнул Мило. — Так меня оценили в целый золотой!

— Умница, догадался, можешь взять себе за обедом лишнее пирожное, — хихикнула я.

— А остальное? Детство, ученичество... любовь? — Мило опять чуть запнулся перед последним словом.

— Позже, мальчик мой, — я со вздохом покачала головой, разом посерьезнев. — Обещаю, однажды я расскажу тебе абсолютно все.

— Почему не сейчас? — нахмурился Авантюрин.

Я с трудом подавила желание потрепать его по макушке.

— Потому что сейчас меня ждет Ее величество Тирле, и королеве нужны совсем другие рассказы. Поэтому вынуждена покинуть тебя, дорогой мой. Приготовь пока купальню и постель, чтобы по возвращении я могла сразу вымыться и лечь спать. Сделаешь?

— Конечно, госпожа, — склонил он голову. — Уже уходите?

— Да. Скоро полдень, часы вот-вот перевернутся.

Я неохотно поднялась с пола и вытащила ключ из-за ворота рубахи. Уже у самой двери меня нагнал задумчивый вопрос Мило.

— Все, конечно, ясно — старый наставник, это серьезно... Но мне вот интересно: а хоть дети-то были настоящие? А был ли мальчик на подушке, и те девочки в платках, и близнецы, и молодой лорд? Неужели все — иллюзия?

— Кто знает, Мило, кто знает... — ухмыльнулась я, проскальзывая в дверь. — Судьба любит баловаться наваждениями...

И, думаю, Холо наверняка бы одобрил мою точку зрения.

Глава седьмая, в которой Её величество читает нотации, а с Лале происходит неприятность

— Полдень пробьет
И королева ждет
В гости шута, в гости шута.
Сплетни и слухи
Бодро шепнет на ухо
Прямо с утра, прямо с утра,

— ни в склад ни в лад горланила я песенку, расхаживая у дверей в спальню Ее величества.

Ну надо же, никак не ожидала от благороднейшей Тирле такой подлости! Значит, вызвала меня ни свет ни заря, а сама еще в кровати сладко спит-почивает? Ух, непорядок!

Петь песенку я начала примерно в половине второго, когда терпение мое подошло к концу, и сейчас в ней было уже восемнадцать кривых, кое-как срифмованных куплетов, исполняющихся непременно дурным голосом и до того фальшиво, что морщилась даже привычная ко всему стража.

— Ночь на пролет
Шут свою службу несет,

А хочется спать, хочется спать! — с надрывом голосила я, заламывая руки и сводя бровки домиком. Нет, положительно, минувшие сутки выдались исключительно тяжелые. Взять для примера хотя бы «привет» от дражайшего наставника Холо! Но и без него событий, достойных внимания, хватало. Сначала подготовка к балу и бесконечные подборы наряда, что само по себе весьма утомительно. Далее — разговор с Ее величеством и странное поручение. Потом — танцы и нудные попытки опросить все присутствующие на празднике карты. И — случайность или диверсия? — столкновение с иллюзиями Незнакомца.

Любопытно, а являлся ли Кирим-Шайю частью моего поручения или же королева еще не знает, что за бабочка выпорхнула из врат Дома Осени? Сомнительно и первое, и второе. Напрямую спрашивать у врага, желает ли он войны — дело бесполезное, тем более, если это столь уклончивая и скрытная персона, как Шайю. Еще маловероятней, что Тирле, Леди Теней и первая в раскладе, умудрилась проворонить Незнакомца-на-Перекрестке, даже если он и не был официально ей представлен. Мне же, лишь девятой в раскладе, игры с Киримом могут оказаться не по зубам...

Впрочем, это яхватила лишку, вполне справлюсь — благо опыта у меня все же побольше, чем у этого, кхм, дипломата, двести лет подковерных склок против, самое большое, сорока — преимущество весьма и весьма существенное. Конечно, партия может выйти рискованная, но опасность и азарт лишь добавляют специй в кипящее вино дворцовых интриг. Тут и опьянеть недолго, но, не будь я Лале, победа останется за мной! Но королева наверняка так не считает, и потому влепят мне, чую, знатнейший нагоняй за самодеятельность.

— Ваше величество,

Будьте хорошей личностью,

И отпустите шута в кровать, в кровать! — вырвался у меня отчаянный крик души.

И, словно в ответ на мои мольбы, звякнул колокольчик-приглашение, дверь бесшумно приоткрылась, выпуская из глубин комнаты теплый воздух с запахом ванили и красноватый свет. Крутанув от радости колесо, я вошла в святая святых — королевскую спальню.

И ошалела.

Обстановка самой желанной опочивальни Дома мало изменилась за семьдесят лет, что я не бывала здесь. Подавляло своей роскошностью ложе, устеленное драгоценными покрывалами лиловых и бронзовых оттенков и в беспорядке заваленное шестиугольными подушками с кистями и вышивкою, тлели ароматные угли в очаге с непременно решеткой для разогрева напитков, мягко горели багряные и золотые свечи, манили древними рукописями любопытный разум книжные шкафы со стеклянными витринами, ластились к ногам мягкие шерстяные ковры, звали понежиться в нежном бархате уютные кресла...

Нет, разумеется, не убранство поразило меня в самое сердце, и даже не вид королевы — заспанной, с распущенными небрежно волосами, наспех облаченной в утреннее платье с простой шнуровкой и шаль. Видала и не такое, уж поверьте, а в каком только облике не представал передо мной светлой памяти Лило-из-Грёз! И уж, конечно, смущала не измятость наряда. Штука в том, что слуги в комнату не входили, а значит, надеть платье и затянуть шнурки Тирле помогал...

— С пробуждением вас, о королева Тирле. И вас, государь Ларра. Сладко ли спалось?

Я низко поклонилась, прикусывая язык. Вопрос, провел ли Ночной Бриз последние пол-оборота в королевской опочивальне или явился лишь под утро, пришлось позабыть, как крайне вредный для здоровья. Подобных бестактностей даже шуту не прощают, но, видит ворон, до чего ж любопытно!

— Сладко, — довольно улыбнулась Ее величество, раскладывая на низком столике исчерканные документы. Воистину, нет границ для государственных дел, нигде от них не спрячешься.

— Скверно, — в голос с ней отозвался Ларра, уныло опираясь щекой на ладонь. Костюм на высочайшей особе выглядел так, будто напялили его второпях: верхние пуговицы рубашки — расстегнуты, а жилет так и вовсе распахнут. Кажется, одежды были те же самые, в которых глава Дома Раковин щеголял на балу. Синие кудри Ларры растрепались, под глазами его залегли тени.

— Даже дремать урывками — лучше, чем вовсе не спать, — пошутила я, с позволения королевы усаживаясь прямо на ковер — мягкий, не хуже кресла. — А нынче ночь у королевского шута выдалась беспокойная.

Ее величество отложила в сторону бумаги и устремила на меня внимательный взгляд.

— Да, я уже наслышана, Лале.

Тон Тирле мне очень не понравился. Слишком уж спокойный.

— Желаете услышать отчет, о моя королева? — склонила я голову набок, выразительно поглядывая на Ларру.

— Лучше — твои впечатления, Шут, — попросила Тирле, оставляя мои намеки без ответа. Что ж, надеюсь, у нее есть причины настолько доверять Ночному Бризу. Морской ветер ласково веет, да легко студит.

— Впечатления... — протянула я задумчиво. — Что-то неладное творится в королевстве нашем, да и в прочих Домах — вот вам мое главное впечатление. Тихо, как на морском

побережье перед приходом большой волны, — это был реверанс в сторону Ларры, и юный государь его оценил. Хм, а ведь скоро мне звать его своим повелителем... быстро меняется власть. — Союзники осторожничают, равнодушные прячутся, враги — и те подальше держатся. Лишь «пояс верных», ближайшие королевства и княжества, все так же готов поддержать Дом Камней и Снов. Не только дипломаты беспокоятся, даже карты сейчас изменчивы, словно кто-то тасует колоду.

«Как бы этим кем-то не шулер оказался», — добавила я мысленно.

— Что думают в раскладах о войне? — задала вопрос королева.

— Ничего, — мне оставалось только развести руками. — Ни малейших намеков со стороны персон, облеченных властью. Все в напряжении, как перед грозой, но будет ли эта гроза войной или чем-то иным — никто не знает. «Слишком тихо» — вот о чем думают в раскладах. И еще, о королева, — голос мой стал шепотом, — говорят, что Дом Осени собирает волшебников и воинов. Конечно, сие лишь слухи...

— Вороновы отродья! — с жаром воскликнул Ларра. — Как чуял, что они замышляют недоброе.

— Мудрые поучали: коли хочешь мира — готовься к войне, — сурово поджала губы прекрасная Тирле. — Мы всегда к ней готовы, а потому Осенние не рискуют пересекать наши границы с оружием в руках. Но сейчас время беспокойствия, перемен, и старая традиция щелкать друг на друга зубами из-за высоких заборов может рассыпаться в пыль. И в свете этого, Лале, — Ее величество прожгла меня взглядом, — я недовольна твоим поведением на балу.

Ох-ох, будто дитя малое отчитывает! Я покаянно повесила голову, пряча сверкающие от приступа гнева глаза. Чем, простите великодушно, провинилась — тем, что под раздачу Незнакомцу попала?

— Что именно пришлось вам не по вкусу, о великодушная Тирле? — с почти искренним огорчением задуманно поинтересовалась я.

Но такую проницательную даму, как Тирле, парой нарисованных слезинок не обманешь.

— Во-первых, припадок. Я понимаю, что ты любишь представления и жить без них не можешь, но неужели нельзя было избрать другой объект для шуток? Или моей милой Лале показалось, что вызвать Дом Осени на открытое противостояние будет любопытно? Или...

От изумления я словно бы оглохла, перестав понимать смысл слов.

Тирле Хитроумная не увидела?

Тирле Проницательная не поняла?

Неужели Кириму удалось скрыть от очей моей королевы свою карту?

— Лале, кажется, вы не слушаете, — мягко прервал мои панические мысли ласковый голос Ларры. Мне отчего-то сразу стало спокойнее. Словно море волной пляж облизнуло — и снова песок ровный, бархатный. Чайки плачут, вода шепчет...

Бр-р. Я помотала головой. И занесло же! Одно слово — Лорд Волн.

— Нет, почему же, слушаю, — возразила я, сияя улыбкой, будто весеннее солнце.

Королева посмотрела на меня с укоризной. Я виновато отвела взгляд. Угли в очаге насмешливо перемигивались багровыми отсветами, медленно остывая.

— Если так, не могла бы ты повторить мои последние слова, милая Лале?

— Милая Лале, — с готовностью отозвалась я, наивно хлопая ресничками. Ларра коротко хохотнул, а умудренная, многое повидавшая Тирле поняла, что ответа добиваться

бесполезно и, как будто забыв о последних минутах, задала новый вопрос:

— Что ты знаешь о Багряном Листопаде?

— О ком — о ком? — вырвалось у меня озадаченное. — Не знаю такого. Это случаем не посол из Дома Осени? — догадалась я с опозданием, на какую персону намекает Ее величество.

— Не совсем, — покачала головой королева. — То Пурпурный Листопад. Речь идет не о почтенном лорде Коваи, а о его новом секретаре — Кириме-Шайю.

— О!

— То-то и дело, что «о!», Лале. Ты знаешь, что Кирим-Шайю, в заверенных княжеской печатью бумагах зовущийся лордом Багряного Листопада из Дома Осени, на самом деле — Незнакомец-на-Перекрестке?

— Догадываюсь об этом, о моя королева, — почтительно ответила я, в то же время отстраненно размышляя.

Тирле не знала о том, что Кирим использовал против меня свою карту — умышленно или случайно. И поэтому сейчас передо мною стоял выбор: рассказать об истинной подоплеке того, что случилось на празднике или промолчать. Без сомнений, мой долг, как подданной Дома Камней и снов — поведать обо всем своей королеве, то же советует и благоразумие... Но есть в сердце уголок, в котором царствует Безумный Шут и та малость, что осталась от прежней Лале — порывистой, жадной до жизни девочки, переставшей взрослеть в пятнадцать лет. И этот крохотный кусочек меня хочет рискнуть всем и выиграть у Шайю битву — в одиночку, а потом преподнести его голову Тирле на золоченом блюде.

Ее величество смотрела на меня, выжидая. Я смотрела на нее — с кристально ясными, честными и немного наивными глазами. Ларра, казалось, совершенно устранился от беседы, спокойно созерцая рубиново-алые блики в очаге. Отсветы жарких углей плясали на его лице, меняя выражение — то веселое, то опечаленное, то равнодушное, как море в штиль.

— Догадывалась... — задумчиво произнесла наконец королева. — Что ж, подобная проницательность делает тебе честь, Лале. Даже мне не удалось раскрыть инкогнито Незнакомца с первого взгляда. Кирим-Шайю прибыл во дворец около месяца назад, был заочно представлен, как скорый преемник лорда Коваи из Дома Осени. До того времени, как Багряный Листопад станет послом, он словно бы и не присутствует при дворе. Кирим исправно посещает все светские мероприятия, не особенно скрываясь, но и не выделяясь — насколько возможно не выделяться, предпочитая прочим алые одеяния в западном стиле...

Тут я позволила себе улыбку, вспомнив дражайшего ученичка. Мило Авантюрин тоже любил цвета заката, огня и крови и, пожалуй, на его фоне яркость Незнакомца могла бы несколько поблекнуть.

— Он не приветствует меня, прибывая на бал, — продолжала меж тем королева. — Я же не гляжу в его сторону, когда он бродит по залу, разговаривая с гостями. «Невидимка до вручения верительных грамот» — давняя традиция, не мы ее заводили, не нам ее и отменять. С одной стороны, это безусловное благо — кандидат в послы появляется при дворе заранее и вполне успевает проникнуть в суть вещей до вступления в права. С другой же стороны, подобный статус дает слишком много свободы для маневра. Иначе говоря, Лале, — склонила голову к плечу Ее величество, одаривая меня непроницаемым взглядом, — Кирим-Шайю пользуется сейчас неприкосновенностью, словно особа дипломатического ранга, но в то же время действует лишь от своего лица — не подданного Дома Осени и даже не Незнакомца из вражеского расклада... И если он совершит нечто... неприглядное... я не смогу

предъявить осенним никаких претензий, дабы его наказали в родном Доме, и не имею прав покарать Кирима сама. Понимаешь ли ты?

И вправду, серьезная проблема. «Быть может, — подумалось мне, — все же рассказать Тирле? Но что она сделает? Скорее, вновь обругает бедную шутовку за неосмотрительность, — пришла я к парадоксальному выводу. — А потому — пусть все идет, как идет».

— Понимаю, Ваше величество. Я буду осторожной.

— И никаких разговоров за чашкою чая с Незнакомцем?

— Постараюсь избегать этого, о моя королева, — я встала, выпрямляя затекшие долгой неподвижности ноги, и сделала вежливый реверанс. — Будут ли еще приказания?

— Нет, — смягчилась Тирле. — Можешь идти отдыхать. Когда проснешься — поброди по дворцу, поищи моего котенка...

— Котенка?! — удивленно вскинула я брови, пользуясь несравненным шутовским правом перебивать царственных особ.

— Да, да, котенка, — нетерпеливо отозвалась мудрейшая королева Тирле. — Рыжего, с синим бантом на шее. Котенка зовут Пирра, и он — подарок от Его величества Ларры на заключение союза.

Какой союз, брачный или политический, между Домами, моя добрая королева не уточнила.

— Котенок выбежал вчера из моей спальни и потерялся. Найдешь его и доставишь ко мне, — продолжила отдавать указания Тирле. мимоходом вновь утыкаясь в наиважнейшие государственные бумаги на столе. — Можешь быть свободна.

— Тирле, о великодушнейшая... — встрепенулся вдруг Ларра. Ее величество улыбнулась уголками тонкого рта.

— Ах, да, совсем позабыла. Отведи государя Ларру в его апартаменты так, чтобы никто не заподозрил, что он их покидал.

О, значит, все же изначально их величества разошлись по разным спальням! Как любопытно.

— Слушаюсь, о моя королева, — отвесила я прощальный поклон. — Следуйте за мной, о Ларра. Бирюзовые комнаты, верно?

— Верно, — зевнул, изящно прикрывая рот ладонью, король. — Все-то вы знаете, Лале.

— Ах, это входит в мои обязанности, — гордо задрала нос я, пропуская вперед государя и лишь потом прикрывая за собой дверь. — Вот мы и на месте. Позвольте распрощаться, — ключ снова скользнул в скважину.

Ларра коротко рассмеялся.

— О, нет, подождите, моя дорогая.

Я обернулась в недоумении, вглядываясь в лицо молодого владыки.

Бирюзовые покои, в отличие от королевской спальни, располагались с южной, солнечной стороны, и днем были полны света. «Бирюзовые» значило «отделанные бирюзой», а если говорить о цветах, то больше всего в этих комнатах было белого. Белые высокие потолки с синим орнаментом, белые стены, легчайший белый тюль на окнах и белый-белый солнечный свет...

После полумрака у Тирле — ослепляет. Не разглядеть выражения глаз, не различить улыбки или гримасы — один только темный силуэт на фоне сияющей арки окна.

— Что вам угодно, государь Ларра?

— Мне угодно дать вам совет, милая Лале. Как Лорд Волн — Безумному Шугу.

— Слушаю вас, господин.

Надо же, полдень, а такая тишина. Ни птиц, ни детского смеха, ни воркотни придворных, ни цоканья лошадиных копыт в парке за дворцом.

— Знаете, Лале, — задумчиво произнес Ларра. — Среди тех, кто живет на берегу, ходит такая поговорка: «Не за тем сети ставятся, чтобы рыбку потешить».

По верхушкам деревьев промчался ветер-непоседа. Листья зашуршали, зашевелились — мурашки по спине.

— Слышала такую, — медленно кивнула я. — Это значит, что самая очевидная причина — не всегда правильная.

— Можно и так сказать, — в голосе его слышалась улыбка. — И если уж вы дернули за сигнальную леску — тяните рыбака в море, пока не опомнился! — Ларра резко наклонился ко мне, окутывая запахами соли, океана и солнца. — Тирле — Леди Теней. Она могущественна, но осторожна, и предпочитает тайную месть открытому удару. Я — Лорд Волн. Когда наступает Прилив приливов, целые страны вода смывает в море. И потому я выбираю удар единственный, но сильный. Вы попались в сети, сладкая моя Лале, но сумеет ли рыбак удержаться на берегу?

— Надеюсь, что нет, — пробормотала я.

Рыбка в сетях, надо же. Похоже, что Ларра заметил действия Кирима-Шайю... и сделал собственные выводы о его намерениях, и очень неприятные. И Ларра знает, что я утаила от королевы.

Но... кажется, он решил подыграть мне? Зачем? Он преследует какие-то тайные цели?

Ларра с видимым удовольствием наблюдал за моими метаниями, словно видел все мысли насквозь.

— Вы о чем-то желаете спросить, шут?

— А... да, — ухмыльнулась я и, выбросив из головы предположения и домыслы, произнесла совсем не то, что хотела секунду назад: — А как вы попали в королевскую опочивальню, если ваша стража уверена, что двери Бирюзовых покоев не открывались?

От растерянности молодой король растерял весь свой апломб Лорда и превратился просто в мальчишку, застигнутого на месте преступления. Все-таки некоторые вещи, вроде умения держать лицо при любых обстоятельствах, приходят лишь с возрастом.

— Обошел кругом, держась за плющ, и в стекло постучал, — ответил, наконец, Ларра и, устало прикрыв глаза, запустил пальцы в спутанные локоны. — А Ее величество Тирле мне только через час открыла. И натерпелся же... Не только у вас тяжелая ночь была, Лале, — он поднял руку в прощальном жесте. — Мягких волн!

— Светлых снов, — отозвалась я и вышла в коридор недалеко от собственных апартаментов.

Да уж, длинный выдался денек! Веки отчаянно слипались, превращая мир вокруг в смутное пятно. Еще немного — и возьму назад слова о том, что нынешнее поколение не умеет веселиться по нескольку дней подряд. Или бедняжка Лале постарела, или жизнь стала намного утомительней... Терзаемая зевотой, с тяжестью в ногах и гулкой пустотой в голове, я успела сделать всего несколько шагов, прежде чем кто-то высокий, сильный и дурно пахнущий метнулся из темной ниши за моей спиной.

Раз — и чья-то грязная лапа вцепилась в подбородок, задирая его с такой силой, что ноги мои оторвались от пола.

Два — прежде, чем я успела вцепиться ногтями в мерзкую руку или хотя бы завопить, по горлу мне полоснуло лезвие, превращая неродившийся крик в хриплое бульканье.

Три — отвратительные пальцы зашарили у меня за корсажем, вытягивая цепочку, а дверь в мои комнаты начали медленно-медленно открываться. Или мне казалось, что медленно?

Четыре — ладонь чужака сомкнулась на ключе... и время вновь ускорило ход. Завизжал тонко, как свинья, убийца, когда ключ вдруг раскалился добела, распахнулась, врезаясь с размаху в стену, дверь. Мило, мой смелый мальчик Мило вылетел из покоев, пылая такой яростной силой, что у меня сердце лужицей растеклось. Темное, жуткое волшебство вырвалось из сжатых пальцев ученика, и я почувствовала, что как позади меня оседает сломанной куклой неудавшийся убийца. И — завалилась назад, на его труп, инстинктивно схватившись рукою за ключ.

Теплый металл, ласковый металл, спокойный металл... Жаль, над болью ключ не властен.

— Госпожа!.. — Мило упал на колени рядом со мной — прямо в лужу крови, не жалея дорогих одежд. — Госпожа, вы ведь не умрете, не умрете же? Скажите что-нибудь, не молчите.

Я мрачно оглядела ученика и ответила жестом, понятным даже не на равнинах: «Дурак».

Как мне ему сказать, если горло перерезано?

— Вы живы! — хрипло выдохнул Авантюрин. — Госпожа... как вы?

Еще один наиглупейший вопрос. Мне чудится, или Мило резко оболванился?

Для того, чтобы ответить ему, пришлось-таки пересилить себя и выпустить ключ из судорожно сведенных пальцев.

«Дважды дурак. Конечно, плохо. Горло видишь?»

— Ох, госпожа, простите... Очень больно?

Знака, способного выразить степень идиотизма последнего вопроса, я не знала, потому пришлось ограничиться мрачным:

«А сам-то как думаешь?»

— Потерпите, Лале, прошу вас, — голос его сорвался. — Я сейчас, сейчас...

Мило вдруг опять засветился волшебством, словно восковая лампа. Лишь мгновение помедлив, он решительно протянул окутанные сиянием ладони к моей ране.

Ключ протестующе пыхнул жаром.

«Не надо, — быстро вскинула руки я в запрещающем жесте, уберегая неразумного ученика от участи быть изжаренным. — Само пройдет. Скоро»

И, подумав, добавила:

«Забери меня. Здесь слишком грязно».

— О... да, конечно, госпожа, сейчас, — засуетился мальчик. — Вот так, осторожнее... придется потерпеть, ага?

Аккуратно просунув руки под мои колени и спину, Авантюрин выпрямился и шагнул к комнатам — медленно, словно боясь расплескать воду из бокала. Я поморщилась. Горло будто когти драли. Края раны уже сошлись и кровь хлестать перестала, но общее самочувствие было препоганейшим — даже хуже, чем в первые минуты. Кости ломило от холода, сердце слабо-слабо трепыхалось, то и дело замирая. Перед глазами опустилась какая-то пелена, и лицо Мило виделось, как в дыму.

«Довольно нить, Лале, — сделала я себе строгое внушение. — Не в первый раз в такую передрыгу попадаешь, родная, и не в последний — с твоим-то везением».

— Куда дальше, госпожа? В купальню? — растерянно спросил Мило, замирая посередине гостиной.

Я указала на диван.

— Вы уверены? Может, следует сначала смыть кровь? Воду я приготовил заранее, к вашему возвращению...

«Потом», — увы, пришлось отказаться. Сначала надо было отлежаться.

— Пока нельзя? — догадался ученик. — Долго ждать?

«Малый оборот», — жестом ответила я и махнула рукой в сторону письменного стола. Умничка Мило, наловчившийся за двадцать лет понимать меня с полувзгляда, притащил бумаги, подставку и грифель.

«Итак, дорогой мой, какие версии?» — написала я на листе. Руны выходили корявые, бумага сразу заляпалась темно-красными отпечатками, но общаться так было все же легче, чем жестами.

— Никаких, госпожа, — покачал головой Мило, прочитав записку.

«Для начала — расскажи, что ты видел. Нет, — я пощекотала кончиком пера за ухом, — в первую очередь сходи и опечатай труп волшебством, чтобы никто от него случайно не избавился. Потом — зови Тайную канцелярию. Когда все сделаешь, возвращайся».

— Вы уверены? — ученик не хотел оставлять меня одну.

«Да! — перо почти порвало бумагу. — Иди, ничего со мной не случится».

К счастью, Авантюрин был послушным мальчишкой. Одарив меня напоследок мучительно-сочувственным взглядом, он покинул комнаты и запер двери — волшебством.

И только тогда я позволила себе сбросить маску «бравой Лале» и беззвучно завывать от ужаса.

Если бы я была обычным человеком... не ключом... то все бы на этом и закончилось? Липкая кровь, обжигающий страх, холодеющие руки... и пустота следом?

Оказалось, что за две сотни лет страх перед смертью никуда не делся. Он ждал совсем рядышком, где-то в темном закуточке в груди, этакий скользкий червяк, способный в одно мгновение обернуться огнедышащим змеем. Выскользнуть наружу, разрастись до размеров дракона, свернуться вокруг давяще-узкими кольцами, убивая все желания, кроме одного — уцелеть любой ценой.

И, как ни стыдно признавать, такова моя сущность — бояться, прятаться и вечно выходить сухой из воды. Будь я иной — и Холо бы выбрал кого-нибудь еще. Смелычаки не могут быть... не могут стать...

— Лале? — тихо шепнули совсем рядом.

Собрав волю в кулак, я открыла глаза и улыбнулась Мило.

«Все в порядке, солнышко. Просто немного болит, — появилось на исчерканном листе. — Помоги мне добраться до купальни. Думаю, уже можно».

Пугающая слабость уже отступила, сменившись настырным жжением во всем теле. Ноги больше не пытались подломиться в самый неподходящий момент и обещали довести свою хозяйку до вожаденного бассейна с горячей водой медленно, но верно, и я склонна была им поверить. Но невыносимый, настырный, заботливый Мило оказался параноиком — он вновь подхватил меня на руки и внес в купальню, как невесту в спальню комнаты.

«Иди, сама справлюсь», — жестом приказала я, но Авантюрин непреклонно нахмурил

брови.

— Нет, госпожа, не сегодня. Позвольте вам помочь...

В кои-то веки мне не захотелось спорить. Устало махнув рукою, я позволила Мило избавиться от грязных, липнущих к телу одежд и окунуть в воду.

Почти блаженство... сердце колотилось, как сумасшедшее — издержки быстрого исцеления и жары вокруг.

Мило прищелкнул пальцами, и колокольчики, ехидно звеня, покатались по полу, подпрыгивая, и шмыгнули в шкатулку.

— Есть две новости для вас, госпожа, — негромко произнес ученик, отвлекая меня от волнующего процесса отмывания волос от засохшей крови. — Хорошая и, увы, плохая. С какой начать?

«С хорошей!» — вскинула я кулак над водой. Чем еще хороша сине-синяя вода, помимо своих маскирующих свойств — в ней не видно багровых кровяных разводов.

— Как пожелаете, — послушался Мило. — Имя вашего убийцы уже известно. Собственно, мне даже не пришлось привлекать Тайную канцелярию, чтобы назвать его.

Я заинтересованно выгнула брови.

— Рэйсо, военный седьмого ранга. Не элита, разумеется, но и не последних чинов. Проигрался в пух и прах не так давно. И вот такая незадача: покойный Рэйсо отвечал за мир и спокойствие именно в нашем крыле дворца. Дальше мне продолжать?

«Не стоит», — махнула я рукою. Нет сомнений, как только храбрый вояка задолжал энную сумму, к нему обратились какие-нибудь заинтересованные лица — под масками или через уста посредников. Быть может, они же и устроили «проигрыш».

История стара, как мир. Но на сей раз в ее центре оказалась я, и это пришлось мне не по вкусу.

— Плохая же новость заключается в том, моя госпожа, что ничего о заказчике, вероятней всего, выяснить не удастся. Последний удар, — в голосе Мило слышалось смущение, — начисто стер «память тела», да и материальные улики опалил изрядно. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, зачем этому безумцу понадобилось атаковать вас.

В ответ я лишь фыркнула, окунаясь в воду до подбородка и почти сразу выныривая обратно — жарковато. Здесь к гадалке не ходи — дело ясное. Кто-то очень захотел обмануть смерть и решил, что для этого достаточно сдернуть с моей шеи резной ключ.

Вот ведь наивные. Такой, как я, нужно родиться... а потом еще повстречать столь же могущественное и безалаберное существо, как Холо.

— А как вы думаете, почему он это сделал?

Почему Холо вытянул меня? Ох, нет, Мило же не умеет читать мысли...

Убийца, ну конечно же.

— Госпожа?

Вместо ответа я вытянула из воды цепочку и покачала перед мальчишкиным носом своей любимой игрушкой.

— Ради... ключа? Ради глупой возможности заходить в любую дверь без стука?

Эх, и это говорит мне Мило, мой ученик, десятки раз наблюдавший свою госпожу в действии.

Нет, драгоценный, не в дверях и замках дело. В бессмертии.

За бессмертие любой — предаст.

За бессмертие любой — убьет.

За бессмертие...

Я задрала голову, заглядывая Мило в глаза. Темно-карие, в глубокий фиолетовый — искренне недоумевающие, тревожные глаза. Он и вправду не понимает очевидного... потому что ему, Авантюрину, вечная жизнь не нужна. Ключ на моей шее не вводит его в искушение, и не надо бояться засыпать на руках Мило, размышляя, проснусь я завтра с цепочкой на шее или с удавкой.

— Лале?... — чуть шевельнулись его губы.

Мои же — растянулись в улыбке.

Мило медленно опустил гребень на край бассейна. Горячие — гораздо горячее воды! — пальцы коснулись виска, скользнули к краешку рта... улыбка застыла болезненной гримасой... очертили линию подбородка, обвели тонкую нитку побелевшего уже шрама...

А потом Мило как-то глухо застонал и уткнулся мне в плечо.

— Госпожа... Знаете, я ведь понимал, что ничего вам не грозит. Помните, однажды мне и самому случилось схватиться за ключ, так рука потом месяц заживала. А вы мне столько повторяли, что даже если на наши головы обрушится весь дворец, то Лале просто встанет, отряхнетесь и пойдет дальше — куда уж там жалким потугам вояки с ножом... Понимал — и все равно перепугался до седых волос... Если бы с вами... с тобой...

Если ты вдруг... уйдешь...

Рухнет ли небо? — Нет...

Но для меня... — Врешь?...

Небо утратит цвет.

Если ты вдруг... уснешь...

В явь позабудешь путь...

Думаю я... — Ложь!

Что не смогу уснуть.

— Глупый Мило, — выдохнула я и вздрогнула, услышав вместо привычного певучего голоса свистящий сип. — Лучше бы себя поберег. Тот мерзкий тип мог бы сначала наткнуться на тебя, и, поверь, мне бы это доставило гораздо больше огорчения...

— Я буду осторожен, госпожа, — тихо пообещал Мило, щекоча дыханием мокрую кожу. Я дернула плечом, но ученичок и не думал отлепляться и позволять своей наставнице вздохнуть поглубже. Будто и впрямь испугался. Вот мальчишка...

Если... забудешь мне...

Сердце вернуть... вдруг...

— Лжец!.. Лучше... верь... нет

Пут, чем твоих рук...

— Мило, Мило... Ну кто я тебе, подумай? Наставница? Да не смей меня. Шутком тебе не стать, душа не та, — я рассеянно запустила пальцы в его шевелюру. Волосы мягкие по-прежнему, но мокрые. Еще бы, в такой-то парилке...

Авантюрин улыбнулся — странно было не видеть его улыбку, а ощущать на своем плече, как печать.

— Да разве в этом дело, госпожа? Разве вы не понимаете, что я...

Если... Да что гадать!
Сколько не шли б дни,
Им тебя... не отнять...
Знаешь... мы здесь... — Одни?...

— Госпожа... А кто я — для вас?
Вода тихо плескала в бортик. Горячая. Меня разморило.
Глупый Мило. Как я тебе отвечу, если руки уже не поднимаются, а голос едва слышится?
Да и нужен ли тебе ответ...

Горько глядишь... смеяшь...
Кто ты?... Мудрец? — Шут...
Если уйду... я...
Если... — Не отпущу!

Глава восьмая, в которой Лале ищет рыжего котёнка, а Кирим-Шайю кружит головы

Я проснулась в одиночестве.

Разумеется, это никак нельзя считать значительным событием, ведь свежи еще в памяти времена, когда мне даже туфли с утра некому было подать. Но последние два неполных десятка лет, на протяжении которых я непременно пробуждалась под приветствия Мило и запах свежеприготовленного чая с какой-нибудь хитрой добавкой, порядком меня разбаловали. На миг мою голову посетила эгоистическая мысль, что неплохо было бы переселить ученика в одну из пустующих комнат в покоях, а то и вовсе — на коврик у изножья кровати.

Нет, пожалуй, это слишком жестоко. Да к тому же Авантюрин наверняка нарушил наш милый ритуал лишь потому, что нынче я проснулась невероятно рано — и одиннадцатый оборот не миновал после полуночи. Впрочем, нечему здесь удивляться — непробудный сон мой длился с шести вечера.

Так неспешно тянулись мысли, в то время как рука сама нашарила серебряный колокольчик, и по сумрачной спальне рассыпался пронзительный звон.

— Мило! — высоко пропела я, пробуя голос. От вчерашней раны и следа не осталось, что не могло не радовать. Ах, легких путей мерзавцу Холо, открывшему мне силу ключа! — Мило, солнце давно встало, где же завтрак для дорогой наставницы?

За дверью завозились, и спустя ровно минуту она отворилась и в спальню легко скользнул сияющий улыбкой Авантюрин. На одной руке у него красовался поднос с исходящей паром чашкой и блюдцем с пирожными, а на другой — аккуратно сложенная стопочкой одежда для нового дня.

— С вашего позволения, госпожа, моё солнце изволило подняться лишь пару минут назад, — он ловко пристроил наряд на пуфик, подтянул повыше подушку, чтобы мне было удобно на нее облокотиться, и присел рядом. — Надеюсь, сегодня его лик не омрачат никакие тучи.

— Льстишь, негодный мальчишка? — шутливо возмутилась я. — Мне ли быть солнцем, с этакой-то физиономией?

— Не принижайте своих достоинств, о леди, — чопорно поджал губы Мило и, расправив салфетку, вручил мне изящную, словно бутон лилии, чашечку. — Разве ваши яркие локоны не напоминают о жарких солнечных лучах? Разве не греют сердца людей ваши теплые слова? Разве не тает, подобно льдинке, каждый, кто попадает под жгучий поток вашего очарования?

Распинаясь, словно заправский сердцеед, Мило корчил столь забавные рожи, что сохранять спокойствие и невозмутимость было совершенно невозможно.

— Вот ведь маленький негодяй, хочешь, чтобы госпожа чаем подавилась? — отсмеялась я и пригубила напиток. — Беру свои слова назад. Может, шутом тебе и не стать, но на должность придворного менестреля рассчитывай смело. Постарайся еще чуток, и самого Танше позади оставишь. Придворные красавицы услышат такие речи — все твои будут!

— Да больно нужны они мне, — стушевался мальчишка, и в груди почему-то разлилось теплое чувство. Не иначе, от чая. — К слову, вам повариха благодарность передавала вместе с пирожными.

— За что это? — мне сделалось любопытно.

— За подарок внучке ее, Лалесе.

— О! — и когда я успела обещание выполнить? Впрочем, вспоминается кое-что: кажется, какой-то паж под руку попался, когда мне королеву пришлось ожидать. Точно-точно, отловила, и золотой в ладошку сунула, наказав купить большую красивую куклу и отнести в комнату дворцовой поварихи — с наилучшими пожеланиями от Лале для Лалесы. Шустрый, видать, мальчонка попался, в тот же вечер приказание исполнил. Ох, что-то мне и самой куклу захотелось — не наигралась, наверное... — Учись, Мило, везде поспевать. Бери с меня пример. Только рассвело недавно, а я уже завтракаю.

Ученик скромно промолчал, хотя, ручаюсь, мог бы и поведать о том, что сам-то встал на три-четыре оборота пораньше, да еще успел одежду для меня приготовить и за сладостями на кухню наведаться.

— Мило, ты прелесть, — поделилась с ним открытием я. — Открой рот, золотце мое.

— Зачем? — с подозрением осведомилось золотце.

— Баловать тебя буду, — хихикнула я. — Давай-давай, не капризничай!

Как выяснилось, играть с Мило было даже интересней, чем с куклой. Он, в отличие от фарфоровой красавицы, ел вовсе не понарошку, смешно морщился, если я случайно пачкала ему кремом нос, и принимал такой потешно-сосредоточенный вид, когда вытирала его салфеткой, что тень недовольства, навеянная одиноким пробуждением, отступила далеко за горизонт.

Нет, не прав был паршивец Суэло, в запале свары бросивший, что для улучшения характера некой даме Опал надо завести мужа. Мол, он сразу и дисциплину наведет, и воспитанием ее займется — а там и до вечно благодушного настроения недалеко.

К ворону мужей. Даже ребенок, мой ненаглядный Мило, вполне справляется со всем перечисленным.

— Чем сегодня займемся, госпожа? — поинтересовался паренек, украдкой оттирая со щеки пропущенную мною капельку сливок.

Я не раздумывала ни секунды.

— Разумеется, отдыхать будем... — в памяти шевельнулся подлый червячок. — Или нет... ах, чуть из головы не вылетело! — с размаху хлопнула я себя по лбу. — Ее величество наградила меня заданием. Дело государственной важности, так что развлечения подождут.

Мило отложил салфетку и с жадностью подался вперед. В солнечном луче волосы блеснули чистым золотом.

— Каким заданием, госпожа? Снова будете охранять Его величество Ларру?

— Нет, — очень-очень серьезно ответила я, глядя ему прямо в глаза с расстояния меньше, чем в ладонь. — Мы будем искать котенка.

— Котенка?... — растерялся ученик.

— Рыжего, — дотошно уточнила я. Мило фыркнул.

— Рыжего котенка?

— Не просто рыжего котенка, мальчик мой, — я подняла вверх указующий перст. — А рыжего котенка государственной важности.

На лице Авантюрина, словно водяной узор, проступило подозрение. Бедняжка, думает, что я его дурачу!

— Этот котенок, случайно, не того же происхождения, что алые канарейки, которых мы ловили прошлой весной?

Верите или нет, но я стыдливо покраснела.

— Ну подумаешь, Мило, померещилось разок. В конце концов, весело же получилось... И вообще, я полностью уверена, что именно эти канарейки мешали мне спать! А потом они просто улетели... Гм... — я опустила глазки. — Котенок государственный, потому что его подарил Ее величеству Тирле сам Ларра Ночной Бриз. Так что можешь считать, что мы ищем не бедную пушистую зверюшку, каких под каждой лавкой по десятку, а символ благородного союза! И, кстати, его зовут Пирра.

Авантюрин с поклоном протянул мне одежду, скрывая скептически поджатые губы.

— Как вам будет угодно, госпожа. Не желаете ли сначала посетить купальню?

— Нет, благодарю покорно, — хмыкнула я, выбирая чулки из двух предложенных пар. Зеленые в рыжую клетку, один короче другого, или желтый и фиолетовый? Да, задача... — Вчера напосещалась до одури. Чуть в бассейне не уснула, так что сегодня — увольте. Только умоюсь, и довольно будет.

Следующий оборот был посвящен торжественному омовению моей солнцеподобной физиономии, расчесыванию и заплетанию полутора сотен косичек и полировке ботинок совершенно феерического лилового цвета. Где Мило раскопал такую прелесть, он так и не сознался, но на радостях я даже передала способному ученику один из пожалованных Ее величеством генеральских орденов.

— Итак, твоя госпожа бодра и полна сил, и потому — приступаем к поискам немедленно! — возвестила я, закончив приготовления к выходу в свет. — Как думаешь, сердце мое, с чего нам начать?

— Думаю, лучше всего будет попросить ключ открыть проход в то место, где спрятался котенок, — рассудительно предложил Мило, но я лишь разочарованно покачала головой.

— Фи, Авантюрин, как скучно. Право, никакого полета фантазии! Время мы таким образом, конечно, сократим, но и удовольствия не получим. Пойми, глупыш, это же приключение, можно сказать, нам доверили роли придворных сыщиков! Вот как бы поступил на нашем месте служащий Тайной канцелярии?

Мило с невиннейшим видом ковырнул мыском ковер.

— Полагаю, он бы наведлся к горничным и забрал у девушек первого подходящего по цвету котенка.

— Нет, это тоже жульничество, — скисла я. — А как бы поступили герои в сказке?

— Ну... — Авантюрин сморщил лоб, старательно продумывая ответ. — Полагаю, они отловили бы рыжую кошку и пустили бы бежать по дворцу — где один кот, там и второй!

Я восторженно захлопала в ладоши и вскочила с кресла, обходя Мило по кругу.

— Bravo, дорогой! Чудесная идея! Именно так и поступим. Где, говоришь, котов полно? У кухарок?

— У горничных, — вздохнул ученик, смиряясь с перспективой стать посмешищем для дворца. — Они полагают, что присутствие в комнате кошки поможет им выйти замуж за какого-нибудь обеспеченного лорда.

— Не без оснований, — хмыкнула я. — По крайней мере, бабка нынешней королевы, прекраснейшая Карле Пророческий Сон, в девичестве Карса Сонная, выскочила замуж именно так.

— Неужели? — неподдельно изумился Мило. — Я полагал, это просто легенда.

— Легенда наполовину, — я рассмеялась. — Хочешь узнать, как все было на самом деле?

— Конечно, хочу!

— Вот ведь любопытный! Так уж и быть, слушай. Его высочество Соло Янтарный слыл воистину завидным женихом. И не потому, что родился принцем — нет, все дело было в его легком характере, щедрости и необыкновенной красоте. Волосы, как драгоценный янтарь, как мед с горных лугов, достались ему от матери, голубые, словно весеннее небо, глаза — от отца, незабвенного короля Лило. Но еще в детстве Соло прославился тем, что ужасно боялся... кошек. Когда страх этот разросся до неприличных размеров, августейшая чета решила обратиться за помощью к волшебникам. Те, недолго думая, отрядили на выполнение этого бесполезного, по их мнению, задания самую юную и бестолковую ученицу, Карсу Сонную. Она тогда обучалась прорицательскому искусству и, по обычаю провидцев, завела себе животное-фамилиара — рыжую кошку по имени Бестия. Удачное совпадение, не так ли? Детишки крепко подружились, пока молодая волшебница помогала наследнику преодолевать позорный страх. Позже, когда перед принцем встал во весь свой внушительный рост вопрос выбора невесты, Соло, не задумываясь, сделал предложение Карсе, благо ее статус ученицы прорицателя не позволял назвать подобный брак мезальянсом. Это был воистину замечательный союз, Мило, — мечтательно вздохнула я. — И прочнее его не встречалось в истории Дома Камней и Снов ни до, ни после.

— Интересно, почему? — пробормотал Авантюрин с таким видом, будто ему ни капельки не интересно.

Вот ведь недогадливый. Впрочем, это свойство молодости.

— Потому что в основе его лежало доверие, Мило, и забота друг о друге, а не романтическое приукрашивание образа возлюбленного. Вижу, ты со мной не согласен? Ничего, подрастешь — и все поймешь, мальчик, — снисходительно подергала я его за сережку. — Вот и вся история. А теперь — за работу! Королева надеется на нас. Наведаемся же скорее к горничным!

Настроение у меня было презамечательное, поэтому по дороге к ярусам слуг я то и дело оглашала полупустые — утро ведь! — коридоры дворца радостными воплями: пусть все знают, что мне весело! Мило страдальчески вздыхал, то и дело бросая на свою госпожу полные укоризны взгляды. Думается, он намекал на то, что можно было бы вести себя и поприличнее. Что за глупости, право. Мой статус шута и слава безумицы еще и не такое позволяют откалывать.

— О, прекрасные девы! — шваркнула я дверью об косяк, подобно урагану врываясь в спальни горничных. Комнаты были почти пустыми, ибо день у прислуги начинается задолго до господского, но нам с Мило все же посчастливилось напугать своим неожиданным вторжением пару задержавшихся девушек. — Вы меня, полагаю, узнали, а мне ваши имена без надобности. Итак, перейдем сразу к главному! — моя улыбка стала хищной, а Мило выразительно закатил глаза и сделал бедняжкам знак, что все в порядке. — Кто хочет одолжить мне кошку? Лучше бы рыжую и свою, но сойдет и соседская трехцветная!

Служанки пискнули что-то маловразумительное, сделали одинаково корявые реверансы и замерли, будто деревянные истуканы. В солнечных лучах, льющихся из высокого круглого окошка, парили золотые пылинки, мяукал в коробке рядом с комодом позабытый котенок, а парочка горничных глядела на меня чистыми невинными глазами, в которых и тени мысли не наблюдалось.

Настоящая, ворон ее побери, идиллия.

— Что, никто не одолжит мне кошку? — разочарованно протянула я. — Ну, так не

интересно...

Мило у меня за плечом совершил какое-то движение, и в девичьих очах мелькнул азарт.

— Мое имя Гласса, госпожа Опал, — вновь присела в реверансе та из девчонок, что была чуть помладше и похитрей, с короткими льняными волосами и с ямочками на щеках. — И я готова дать вам займы кошку Масу. Она совсем старая уже, мышей давно не ловит, но по-прежнему бодра и весела...

— Чудесно! — хлопнула я в ладоши, не дожидаясь, пока малютка закончит расхваливать животинку, и расхохоталась. Колокольчики задорно зазвенели в такт. — Мило, бери госпожу Масу и пойдём. Время не ждёт! Ах, да, о прекрасные девы, — обернулась я как раз вовремя, чтобы заметить, как Авантюрин украдкой передает светловолосой служанке серебряную монету. О, вот воистину ключ от дверей в людские сердца! — Кошку мы вернём вечером, точнее, она сама вернется, если захочет. Мило, полно тебе транжирить жалованье, эта красавица и так от тебя без ума. Ну же, идем, идем!

Мило и служанка Гласса отпрянули друг от друга, залившись краской, и вскоре я с учеником уже стояла в коридоре, держа в руках с таким трудом добытую кошку. Зверек был тощим и довольно облезлым, но в зеленущих кошачьих глазах светилось столько достоинства и ленивой уверенности в собственной неотразимости, что мы с Мило единогласно переименовали киску из Масы в Марле, даровав ей титул леди.

— Итак, леди Марле, — наклонилась я, завязывая на кошачьем хвосте ленточку с колокольчиком, снятым со своей косички, — ведите нас к Пирре! Лишь на вас вся надежда! — хмыкнула я... и тренькнула колокольчиком, опуская зверьку на пол.

Кошка окинула нас удивленным взглядом, в котором весьма поубавилось самоуверенности, и со всех лап драпанула по коридору, подгоняемая перезвоном бубенчика.

— За ней, Мило! Нельзя упускать госпожу Марле из виду! — весело воскликнула я и, хохоча, понеслась вприпрыжку за поворот.

Ученик помянул ворона и воронью дочь и принялся меня догонять. Несмотря на свой невеликий рост, бегаю я быстрее прочих, и даже Авантюрин не всегда может угнаться за мною.

— Мне кажется, госпожа, — выкрикнул он, чуть не сбивая дыхание, — что это слишком жестоко! Кошка испугалась...

— Ничего, — хихикнула я. — Потом извинюсь перед ней! Мило, не отставай!

Звон и гам — спасайся, враг!

Во дворце с утра бардак!

По ковровой по дорожке

Шут-дурак бежит за кошкой!

— Доброго утра, госпожа казначей! Не видали рыжего котенка?

— Нет, леди Опал, сожалею... Ох!

— Простите ее, леди Татиаса, она случайно толкнула! С вашего позволения...

Колокольчик — дин-дин-дон!

Как задорен этот звон!

Кошка очень резво скачет,

Что сулит шуту удачу!

— Доброго утра, лорд Топаз! Как поживает леди Топаз?

— Прекрасно, благодарю... Что за шум, леди Опал?

— Да так, котенка ищем! Не видали? Рыжий, с синим бантом!

— Не видал, да слышал. Что-то мяукало в библиотеке...

— О, спасибо, дивный лорд! Попрошу Ее величество одарить вас еще одним шарфом...

Ну, не скучайте!

Марле-киска, вот так раз!

И куда ты собралась?

Ведь дано лишь человеку

Право спать в библиотеке!

— Вот видишь, Мило! Кошачья теория работает!

— Ох... сомневаюсь... госпожа... Думаю, что... дело в том... что вы уже полдворца опросили...

— Эй, не киснуть! Скоро уже на месте будем!

Кошка скачет — весела!

А за нею — вот дела! —

Шут несется во всю прыть...

...я с размаху врезалась в чью-то спину, сбивая незнакомца с ног, и спешно закончила стихотворение:

— ...Ох, прошу меня простить! Сударь, вы целы? — я поднялась на ноги, отбросив с лица распутившуюся косичку, отряхнулась и только после этого соизволила обернуться.

Благородный лорд Кирим-Шайю, расплескав по полу волны алой ткани, сидел на ковре, сохраняя все ту же непроницаемо-вежливую улыбку, но в глазах его кувыркались смешинки.

— Леди Опал! Какая чудесная встреча, — низкий глубокий голос бархатом обласкал мой слух. — Признаться, я несколько... сбит с толку, — Кирим чуть склонил голову к плечу. Я хохотнула. Надо же, и в таком положении сохраняет достоинство и даже пошутить может! — Неужели вы интересуетесь редкими книгами?

— Лет девяносто назад — интересовалась, но потом убедилась, что каждое новое поколение повторяет прежние мысли другими словами... — махнула рукой я. Мило стоял, упершись ладонями в колени и низко опустив лицо, и тяжело дышал. Бедняга, запыхался совсем. Даже лорда Шайю страшными взглядами не сверлит, вот как умаялся! — Я ищу здесь котенка. А вы что делаете?

Обернувшись обратно к Незнакомцу, я с удивлением обнаружила, что он уже успел встать и расправить одеяние, приведя сложные складки в идеальный порядок. Причудливый макияж тоже несколько не пострадал от нашего, гм, внезапного столкновения.

— Готовлюсь принять должность посла, леди, — улыбнулся одними губами Кирим. — Именно сейчас мне надлежит изучать геральдику и символику Дома Камней и Снов, дабы в дальнейшем не нанести по случайности оскорбление. Геральдика — прелюбопытнейший

предмет, должен заметить...

— Неужели? — я оглянулась по сторонам и, недолго думая, взгромоздилась на ближайший стол. — А по мне, так скулы от скуки сводит. Камни, фамилии, фамилии, камни... Тоска, право!

Лорд Дома Осени покачал головой и медленно приложил палец с длинным багряным ногтем к щеке. Темно-красное на снежно-белом... Жутковато это выглядело, скажу я вам... Хищно.

В глубине библиотеки, за книжными шкапами, мяукнула кошка... или королевский котенок, и смешной звук разрушил мрачноватую торжественность момента.

— Вы ошибаетесь, леди. Камни и их геральдическое значение могут многое рассказать о судьбе владельца... Не желаете ли убедиться на личном примере? — Шайю улыбнулся, подначивая. Мило неодобрительно нахмурился. В пику ученику я благосклонно кивнула:

— С удовольствием.

Кири́м слегка поклонился и скользнул к одной из полок, обдав меня мимоходом томным ароматом благовоний. Так пахнет сладкая ваниль, когда ощущаешь ее горечь на языке. Таков вкус дыма с примесью меда...

Голова закружилась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Интересно, — подумалось мне, — а шелк его одежд такой же гладкий, каким кажется? Гладкий и холодный... А кожа под этим гримом? А...»

Тут я напоролась на острый, пугающий взгляд Мило. Глаза почти утратили карий цвет, став полностью фиолетовыми, до черноты. Как ведро холодной воды за шиворот вылил!

— Мило... — одними губами прошептала я, теряясь в собственных чувствах. Ученик вздрогнул и отвел взгляд.

И в то же мгновение зазвучал бархатный голос Кири́ма-Шайю.

— Вы ведь происходите из рода Опал, леди?

— В какой-то мере, — пожала плечами я. По спине все еще бродили мурашки — от запаха Кири́ма и от выражения глаз Мило.

— А известно ли вам, — тон Шайю стал вкрадчивым, — что издревле опал считали камнем страстей и непостоянства? И не зря. У этого самоцвета множество обликов. Огненные опалы и черные, молочно-прозрачные и с багровыми сполохами в глубине... Сей камень притягивает взгляды, завораживает и освобождает душу от плена условностей. Опалы рассеивают хандру и печаль, помогают своему владельцу найти истинную любовь. Особую ценность имеют они для волшебников. Если владелец опала — человек чистой души, то камень станет его оберегом и уберет от дурных поступков. Но если волшебник лелеет черные помыслы, то опал ввергнет его в пучину тьмы и порочных желаний, из которой не будет возврата...

За спиной раздался жуткий грохот. Я испуганно обернулась.

Мило, пряча пылающее лицо, наклонился за упавшим фолиантом. Кири́м-Шайю благородно сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил рассказ:

— Подаренный опал — дурной знак. Такое приобретение приведет к ссоре, раздорам, подозрениям и страху. Лишь тем, кому опал достался по наследству, да еще волшебникам, победившим в себе порочные наклонности, опал принесет удачу и власть. Этот камень изменчив. Если у вас есть кольцо с опалом, не стоит носить его все время на одном пальце — самоцвет может заскучать, и горе тогда владельцу! Нужно, напротив, все время удивлять

камень, перекидывая украшение с пальца на палец, с руки на руку, повинуюсь малейшим своим прихотям и желаниям. Лишь самому необычному хозяину будет служить опал. Так же советуют сей самоцвет приобретать людям, страдающим меланхолией, ибо опал имеет способность вселять даже в погасших людей надежды, иллюзии и фантазии, но... увы, он абсолютно не способствует их исполнению. Лишь манит за собой красочными картинками, но никогда не воплощает в жизнь... Потому опал не следует носить особам творческим, одаренным, склонным к бесконечным мечтаниям и фантазиям, ибо сей камень может усилить невероятно эти черты и даже свести своего владельца с ума... С другой же стороны, даже в заостренном материалисте опал пробудит способность творить, дарует вдохновение. Часто опал сравнивают с прекрасной, загадочной, но легкомысленной и непостоянной женщиной, которая кружит головы поклонникам в силу лишь своей природы, не желая того и не понимая, что делает...

От его голоса кровь в моих венах превратилась в пряное, пьянящее вино. Когда-то я всерьез изучала геральдику под руководством Холо и, конечно, не раз слышала все эти рассуждения о камнях и символах, но в устах Кирима знакомые слова будто приобретали глубину и загадочную волшебную силу. Здесь смысл скрывался под смыслом, словно вода подо льдом, и, как темная полынья, нес опасность.

— А что вы скажете об авантюрине... лорд Кирил-Шайю? — тихо спросил Мило, пряча выражение глаз за ресницами. На щеках моего ученика были красные пятна, будто он в запале сам себя поцарапал.

Лорд Дома Осени ненадолго задумался. Его лицо стало пустым. Пальцы неспешно скользили по корешкам старинных фолиантов, оставляя едва заметные частички мерцающей белой пудры.

— Авантюрин... Немногое говорят книги об этом камне, но все сходится в одном: это символ света и добра. Авантюрин помогает сохранять бодрость духа, возвращает унылым радостное настроение. Этот камень проясняет рассудок, развеивая злые иллюзии и ночные кошмары. Символ чистой, незамутненной низостями и предрассудками, всепоглощающей любви. Сей самоцвет — талисман страсти и удачи в делах романтических. Он дает силу мистических откровений, побуждает совершать странные, неожиданные поступки. Это камень верности, дарующий владельцу эмоциональную чистоту и глубину...

— Любить лишь раз — но всей душой,
Быть до последней капли крови — верным,
Подняться к солнцу — следом за мечтой,
И там парить — не думая о тверди... — вполголоса пробормотала я.
Мило встрепенулся.

— Что вы сказали, госпожа?

— Разве ты не помнишь, хороший мой? — рассмеялась я, встряхивая головой, вплетая в смех перезвон колокольчиков. — Эти слова написаны под гербом Авантюринов. Неплохой девиз, верно?

Ученик несмело улыбнулся.

— Думаю, я мог бы сделать его своим личным девизом.

— Найдите, что это описание соответствует вашему видению мира? — Кирил переплел пальцы и опустил на них подбородок.

— Да, пожалуй... — Мило запнулся. — Не думал, что скажу это вам, но — благодарю за

рассказ. Хотелось бы верить, что я хоть чем-то напоминаю свой геральдический камень...

— Глупости, Мило, ты напоминаешь его в точности! — хлопнула я мальчишку по плечу, подбадривая. — Вернее тебя человека не сыскать, а уж в плане прояснения рассудка ты так вообще персона незаменимая! Не сомневайся.

— А вы, леди? — мягко прервал меня Шайю. — Подобаает имени «Опал»?

На мгновение я потерялась, не зная, что сказать.

— Знаете, о лорд осени, что написано на гербе Опалов? — медленно произнесла я, чуть погодя. Кирилл лишь улыбнулся. — «Не верь никому». Так что можно сказать, что опал для меня — камень людей скрытных и подозрительных.

— Неужели? — выгнул бровь лорд. — Сочувствую... Наверное, это довольно сложно.

— Что? — рассеянно отозвалась я. — Что сложно?

— Жить в одиночестве.

У меня сердце пропустило удар, будто в него кольнули иголкой. Глаза словно затянуло пеленой. Да, одиночество...

— Лале... — мои пальцы сжала теплая ладонь. — Госпожа моя...

— Все в порядке, Мило, — я встряхнула головой, изгоняя морок, и одарила ученика ослепительной улыбкой. — В чем-то вы правы, лорд Кирилл-Шайю. Воспитание в родовом поместье Опал было весьма... уединенным. Я жила там вдвоем со своим... — «хозяином» — рвалось на язык, но мне удалось вовремя поправиться. — ... своим опекуном, сиятельным лордом Холо. К слову, он был в раскладе того времени Незнакомцем.

Кирилл коротко поклонился, отдавая дань уважения собрату по карте.

— Вероятно, вы скучали по обществу?

— Нет, — я покачала головой, — нисколько. Холо Опал заменил собою весь мир. Да, порой мне не хватало игр со сверстниками, но внимание и забота наставника возмещали все возможные потери с избытком... Лишь после...

После того, как он ушел от тебя. Бросил. Оставил одну, одну...

Горло сдавило. Боль в сердце стала невыносимой. Так нестерпимо хотелось излить ее в словах, но что-то не позволяло это сделать. Предчувствие? Возможно... А может быть, я просто разучилась разговаривать с людьми по душам?

— Леди? — пальцы Кирилла скользнули по моей скуле, вытирая непрошенную слезинку. Я вздрогнула — прикосновение было шелковым и холодным, несущим покой. Хорошо бы оно так длилось и длилось...

— Прошу прощения, лорд, но мне кажется, что стоит оставить эту тему, — твердо произнес Мило, сгребая меня в охапку. Мой добрый, заботливый мальчик... пожалуй, тебе-то уже следовало рассказать мою грустную историю... — Нам уже давно пора... Ох, госпожа! — воскликнул вдруг он. — Смотрите!

Я обернулась и тут же позабыла обо всех своих слезах.

— Котенок! — мне стало смешно. — Он, точно он, и ленточка похожа! Наверное, услышал, как мы разговариваем, и подошел поближе... Или его кошка привела? Ну, та, которая леди Марле?

— Сомневаюсь, госпожа моя, — выдохнул Авантюрин, легонько чмокнув меня в затылок. Я недовольно передернула плечами. — Полагаю, кошка уже избавилась от колокольчика и вернулась к хозяйке. Посидите-ка здесь, я поймаю нашего беглеца.

Мило шагнул вперед. Котенок попятился.

— Да не бойся ты, глупое животное, — увещевал его ученик. — Хочешь, я тебя

молочком угощу? Не хочешь? Куда убегаешь! Эх, заколдовать тебя, что ли?

— В этом нет нужды, — манерно улыбнулся Кирым-Шайю. — Он сам подойдет. Верно?

Последнее слово он не проговорил — промурлыкал, будоражаще перекатывая на языке букву «р», тягуче выпевая гласные.

Котенок жалобно мяукнул.

Кирым опустил руку вниз, играя пальцами. Цок-цок — защелкали алые ногти по дереву... Звереныш поначалу просто с любопытством следил за ними взглядом, а потом смешно опустил уши, прижался к полу, высоко оттопыривая хвост, и медленно-медленно пополз к лорду. Когда котенку осталось преодолеть до добычи все один человеческий шаг, Шайю резко метнулся вперед, хищно выбрасывая пальцы, ухватил котенка за шкурку и пристроил у себя на груди. В равнодушных глазах Незнакомца на мгновение появилось выражение — торжество, и предвкушение, и упоение своей властью, даже и в малом...

Котенок сначала недовольно пищал и царапал коготочками скользкую ткань, а потом пригрелся, успокоился и довольно заурчал.

— Он ваш, леди? — Кирым-Шайю, улыбаясь лишь губами, протянул мне мурлыкающий комочек. Я осторожно приняла зверька и усадила под жилетку. Теплый какой, надо же... живой. Мои пальцы почесали его за ушком. Котенок раскрыл голубые глазенки и тут же опять зажмурился, утыкаясь носом в рубашку.

— Не совсем... Как раз собиралась отнести его, м-м-м... владелице.

— Не смею вас задерживать, — церемонно поклонился Кирым-Шайю. — Благодарю за то, что уделите мне песчинку своего драгоценного времени.

— Это нам стоит поблагодарить вас за интересный рассказ, — рассеянно отозвалась я, осторожно разглаживая пальцами блестящую рыжую шерстку. Да какую шерстку — пух... Маленький мой, нежный мой... Мурлыка. — Надеюсь, увидимся вскоре...

— Легких путей, леди Опал, лорд Авантюрин.

— Легких путей...

До королевских покоев мы добрались в полном молчании. Мило, правда, то и дело порывался что-то сказать, но я не слушала. До того ли, когда на твоей груди свернулось такое вот урчащее пушистое чудо! Подозреваю, что на моих губах бродила отрешенно-мечтательная улыбка, никак не подобающая Безумному Шуту.

— Госпожа Лале! — пробасил вдруг стражник, глядя, как Мило безуспешно стучит в дверь.

— Да? — обернулась я.

— Ее величество изволила отлучиться. Для вас же повелела оставить сообщение: мол, пропажу занести в кабинет, да не откладывая надолго.

— О, вот как? Что ж, спасибо, добрый... гм?

— Каломсо.

— ...спасибо, добрый Каломсо. Мило, не отставай, совсем уже замечтался!

— Это я-то? — обиженно насупился ученик. — На себя бы посмотрели. Сияете, как... ну, не знаю даже, кто так сиять будет.

— Ты еще поговори у меня, — ласково пригрозила я, поглаживая котенка. — Хватит путешествий, давай сразу в кабинет.

Придерживая одной рукой живую ношу, я повернула ручку. Дверь тихо отворилась, открывая проход в малую приемную перед кабинетом королевы. Лишь закрыв за собой створки, я с опозданием осознала, что забыла достать ключ... Впрочем, Мило, кажется,

ничего не заметил.

Вот и славно.

— Ваше величество! — радостно воскликнула я, без стука врываясь в зал. — Мы с Мило нашли котенка! Вот он!

Тирле, чуть хмурясь, подняла голову.

— Да, это он, — королева расцвела улыбкой. — Благодарю тебя, Лале. Где он прятался, маленький негодник?

— В библиотеке, Ваше величество, — я бережно ссадила котенка на стол. Зверек сразу перестал мурлыкать, но зато заинтересовался пером, которое вертела в пальцах довольная Тирле. Ладонь королевы осторожно накрыла котенка, провела по спинке вниз — и тот вновь заурчал. Вот прелесть! — Правда, мы его только нашли, в руки он сам не дался. Если бы не лорд Кирим-Шайю...

Пальцы Ее величества сжались, сминая нежную шерстку.

— А что сделал лорд?

— Поманил его, и котенок сам в руки прыгнул... — я осеклась, увидев, как губы королевы сложились в жесткую линию.

— Понимаю. Очень жаль, если так.

Тирле приподняла котенка за шкурку, усадила к себе на ладонь... и одним движением не по-женски сильных пальцев свернула тоненькую шейку.

— Благодарю тебя за работу, Лале. Можешь идти, — ровным голосом заметила королева, брезгливо сбросив тельце со стола, будто грязную тряпку, и вернулась к изучению документов.

А я все стояла и никак не могла вдохнуть.

— Почему?... — слетело с моих губ почти беззвучное.

— Почему? — Тирле наградила меня жестким холодным взглядом. — Я не люблю предателей, только и всего. Если он позволил врагу себя приручить...

— Его никто не приручал! — у меня к горлу подкатил соленый комок. — Он же еще маленький, ничего не понимает! Он просто поиграть хотел!

— Там, где замешана большая власть и большая ответственность, места для игр нет, Лале, — сузила глаза королева. — Можешь идти, — повторила она.

А у меня подкосились ноги. Разом, будто все кости вынули. Я рухнула на пол такой же бесформенной, разноцветной тряпкой, захлебываясь плачем.

— Нечестно! Нечестно! Нечестно!

Завывая, я каталась по полу, колотя ковер руками и ногами. Мило пытался обнять меня и шептал какие-то глупости, но я слышала только мурлыканье котенка и видела холодные глаза королевы.

Моя истерика продолжалась целый оборот, и за все это время Ее величество даже не подняла голову от бумаг. Потом слезы кончились, кажется, вместе с силами, и Мило взял меня на руки, крепко прижимая к себе, и унес прочь.

Вечером мы вернулись за котенком. Тайком, как воры. Я завернула его в тряпку и похоронила в саду, под каштанами.

Мило ничего не сказал. Просто глядел на меня и молчал. И, пожалуй, я была ему даже благодарна.

Глава девятая, в которой Лале рассказывает долгую историю, сидя в шкафу

— Лале? — негромко кашлянули за дверцей. — Не хотите ли отужинать?

— Нет, спасибо, Мило, — мрачно отозвалась я, по нитке распуская чулок. У моих ног уже лежала слабо блестящая в свете лампы кучка пряжи. — Не голодна сегодня что-то.

Снаружи почесали в затылке, вздохнули и, кажется, уперлись лбом в дверцу.

— Госпожа, вы не можете всю жизнь провести в шкафу.

— Разумеется, могу. Кто меня вытащит? Ты, что ли? Не смеши.

— Госпожа, — проникновенно прошептали в щелку. — Вы уже два дня безвылазно сидите в этом...

— Почему безвылазно? — последовало резонное возражение. — Я выходила четыре раза. Трижды в туалет, еще за лампой.

За дверцей с чувством выругались сквозь зубы и отступили. А через пол-оборота в темное нутро шкафа проник волшебный запах запеченного в специях мяса, хлеба и... м-м-м... кажется, свежего клубничного сока.

Я шумно сглотнула и временно отложила истерзанный чулок в сторону.

— Мило... — робко царапнули мои ногти дверь. — А мясо ты сделал с перцем?

— Разумеется, — прозвучал невозмутимый ответ. — С перцем и мягким сыром, смешанным с зеленью.

— А хлеб?...

— Наисвежайший. Только что из печи, горячий еще. А как корочка хрустит, послушайте!

В животе жалобно забурчало.

— А...

— А в клубничный сок я добавил две ложки сахара и украсил его сливками и мятой.

В душе моей скорбь боролась со зверским аппетитом.

— Мило... Отсюда я не выйду, не надейся... а можно передать тарелку в шкаф?

Снаружи вздохнули, а потом дверца медленно открылась, впуская свет и новую волну заманчивых запахов.

— По-хорошему, госпожа, мне надо было бы сказать, что нельзя, — вздохнул Мило, расставляя блюда. — Да жаль вашего здоровья. Так и пищеварение себе испортить недолго.

Я лишь рассмеялась в ответ — впервые за два дня.

— Ты, мой дорогой, ведешь себя, будто лекарь из больницы для бедных. Полно, ничего мне не сделается. Вот если бы я с дюжину дней здесь провела без пищи и воды, тогда уже и стоило бы проявить беспокойство. Впрочем, даже в худшем случае мне грозил бы лишь долгий сон без сновидений...

Мило покачал головою, улыбаясь чуть растерянно.

— Сколько живу с вами, госпожа, никак не могу взять в толк, как могут соединяться в вас самолюбие — и безразличие к себе, жестокость — и чувствительность, мудрость — и воистину детская наивность. Порою мне кажется, что вы упали в наш мир с одной из высоких звезд, где все устроено по-другому.

Сердце сжалось. Ах, мальчик мой, не так уж ты и неправ. Почти угадал... Выстрелил наугад, и сам того не зная, попал в яблочко. И, пожалуй, это знак. Слишком долго я

пряталась от мира, слишком долго оставалась здесь чужой... Возможно мне нужно лишь довериться кому-то? Довериться... Мило?

— Послушай... — медленно произнесла я, глядя в сторону. — А хочешь ли ты узнать, как я попала во дворец? И... как я стала такой?

Ученик с готовностью подался вперед, чуть не уронив курточку с вешалки прямо в тарелку с кушаньем.

— Да! Конечно, хочу! Вы... вы правда расскажете? — голос его звучал недоверчиво. Думается мне, мальчик ждет рассказа о чудесах... боюсь, моя повесть его разочарует.

— Это будет глупая, несмешная история, Мило. История о девочке-неудачнице. Знаешь, ей...

— Вам, — твердо поправил меня Авантюрин. — Ведь это история о вас, госпожа. Не так ли?

Я усмехнулась. Снова прячусь за словами... Нет, пора выходить на свет.

— Знаешь, мне редко не везло, но если уж удача отворачивалась, то это почти наверняка сулило катастрофу. Так было всегда, с самого моего рождения. Память о тех временах словно подернута дымкой, но кое-что видится удивительно ясно. Приют — такой большой дом для детей, чьи родители слишком рано ушли искать высоких путей. Драки за кусок хлеба. Мошенничество и воровство... Попавшихся на преступлении ребятишек до двенадцати лет не трогали, но для старших наказания были предельно жестокими. Поставят клеймо или высекут — если повезет. Если же нет... Провинившихся отправляли в тюрьму, вместе с взрослыми. А там — болезни, голод и верховенство грубой силы. Лишь один из трех мужчин, попавших в темницы, выходил на волю — изломанным и слабым.

Дети и женщины не выходили вовсе.

Я... я всегда была очень маленькой и хилой здоровьем, но ума и хитрости мне было не занимать. Ловкие руки и нахальство обеспечивали если не разнообразное, то хотя бы сытное питание, а невысокий рост и хрупкое телосложение, так вредившие в драках, помогали смягчать сердца воспитателей и вызвать жалость, если уж меня все-таки ловили. Я охотно делилась добычей с другими детьми, много улыбалась и шутила, и потому вокруг всегда вертелось множество друзей — таких же голодных, чумазных и изворотливых ребятишек. И если случалось твоей госпоже в юности оставаться без ужина, то ночью кто-нибудь обязательно подкладывал ей в ладонку кусочек хлеба или яблоко. Знаешь, Мило, несмотря на голод, побои и постоянный страх за свою шкуру, тогда я была счастлива...

Все закончилось в одну ночь. Какие-то высокие, громко и зло кричащие люди разбудили меня пинком в бок, цапнули за шкурку и потащили в подвал. Кто-то донес, что это я стащила у воспитателя золотые часы и продала их на городском рынке. Меня и прежде ловили на кражах, поэтому тогда и разбираться не стали, правда это или злой навет. Мое наказание хотели сделать показательным, поучительным для остальных — тут уж, хоть волком вой, хоть щенком скули, все равно не поможет.

Ночь я должна была провести в подвале, а на рассвете — отправиться в тюрьму. Для меня, слабой, худой, хрупкой девчушки это означало всего лишь отсроченную смертную казнь. Конец жизни, конец пути... И в тот момент, когда я осознала это, мне стало так страшно, как никогда до тех пор.

Скоро наступит осень — но не для меня. Созреют в приютском саду мелкие, но сладкие груши — но я их не попробую. Не пробегусь по улицам, не залезу на старое дерево, не поколочу вредного мальчишку, который оттащил меня на днях за волосы, не признаюсь

другому, столь же вредному, но такому родному, что люблю его... Миллион несказанных слов, тысяча пропущенных рассветов, сотня невестренных друзей, десятков непрощенных врагов...

Одна непрожитая жизнь. Разве этого мало?

Я беззвучно размазывала по щекам слезы, оплакивая свою судьбу, и меня колотило, словно в припадке. Сил оставалось все меньше. И когда сонная, тяжелая хмарь почти заволокла сознание, кто-то окликнул меня по имени и спросил:

«Ты боишься смерти?»

Как сейчас помню — сон слетел с меня в одну минуту, а сердце пропустило удар.

«Кто здесь? — хотела закричать я, но смогла лишь прошептать. — Что вам нужно? Или уже... пора?»

Незнакомец в темноте, казалось, улыбнулся — такое впечатление производил его тон.

«Нет, девочка моя, я не из твоих палачей. Меня сюда занес добрый ветер высоких путей, и как знать — возможно, он унесет и тебя с рассветом. Лишь ответь мне на один вопрос, не таясь: ты боишься смерти?»

Не знаю, почему, но тихий, но мелодичный звук голоса того человека вызвал у меня чувство абсолютного доверия, словно бы я говорила со своим отражением.

«Да! — страстно выдохнула я. — Я боюсь смерти».

«Больше всего на свете?»

«Больше всего на свете!» — твердо прозвучал мой ответ.

Невидимка рассмеялся, и смех этот был похож на звездные осколки — далекий, холодный и манящий.

«Скажи... если бы я предложил тебе путь к спасению — что бы ты отдала мне взамен?» — сказал незнакомец, и мне стало страшно.

Но смерть в холодной, сырой тюрьме от побоев или болезни пугала еще больше, и потому я колебалась недолго.

«Все, что угодно».

«Все? — насмешливо протянул человек в темноте, и по спине пробежали мурашки. — Если я заберу у тебя всю твою прежнюю жизнь, и ты лишишься своего прошлого — это будет справедливая сделка?»

«Да!» — крикнула я.

«А если сотру твоё имя, лишая тебя настоящего, — ты не отступишься?» — вкрадчиво продолжил мой соблазнитель.

«Нет», — сорвалось с моих губ.

На сей раз незнакомец молчал чуть дольше.

«Но что, если в этой сделке ты потеряешь свое будущее, девочка? И тогда ты согласишься?»

«Будущее?» — мой шепот походил на шорох осенних листьев.

«Да, — голос его отдавал сталью. — Твою любовь — ибо впредь никто тебя не полюбит. Твой путь — ведь я выберу его за тебя. И... право на смерть. И тогда ты отправишься со мною в бесконечное путешествие?»

Признаться, после этих слов мне стало дурновато. Невольно вспомнились старые легенды о злых духах, стремившихся поработить человеческие души. Вдруг меня навестил один из таких духов? Но если я откажусь...

«Решай, милая, — произнес незнакомец. — Скоро рассвет».

Его слова стали последней песчинкой на весах судьбы — ведь мне хотелось увидеть не только этот восход солнца, но и следующий, и тот, что будет за ним, и еще миллион восходов...

«Я пойду с тобой».

Из темноты послышался смех.

«Я знал, что не ошибся в тебе. Протяни руку, девочка моя, и простись с этими стенами навсегда».

Робко подняла я ладонь, и мои пальцы переплелись с чужими — лихорадочно-горячими и сухими. Незнакомец шагнул, увлекая меня за собой...

— Вам было страшно, госпожа? — тихо спросил Мило.

— До оцепенения. И позже мне не раз приходилось сожалеть о своем решении, но изменить что-то было не в моих силах. Столько слез пролилось, столько проклятий слетало с языка в порыве отчаяния! Но тогда, в самом начале я чувствовала к своему наставнику лишь благодарность.

...К моему удивлению, мы не рассыпались тысячью искр и не провалились сквозь землю. Мужчина просто подошел к двери камеры и открыл ее... Но за ней обнаружился не знакомый до отвращения закуток с лестницей наверх, прочь из подвала, а роскошно обставленная комната, полная солнечного света, словно в полдень. А ведь до восхода солнца оставалось еще несколько часов! Право, не могла же я сойти с ума за эту бесконечно мучительную ночь под землей!

«Вот твои покои, Лале», — спокойно произнес незнакомец.

«Лале?» — рассеяно переспросила я, оглядываясь на чудесного спасителя, и замерла. Никогда прежде не встречалось мне таких людей! Будучи не особенно высокого роста, он, тем не менее, подавлял волю своим обликом и внутренней силой. Казалось, что передо мною стоял король — самое малое! Черные с сединой волосы незнакомца были заплетены в длинную, до пояса, косу, перевитую желтой лентой. Серые, будто остывший пепел, глаза в обрамлении угольно-четких ресниц взирали на меня с насмешкой — мол, что теперь скажешь, девочка? — но то была добрая насмешка. Прямой нос, полные чувственные губы, кожа оливкового оттенка... Во всем чувствовалась порода. В нашем приюте подобные люди были редкостью, даже среди воспитателей, Иногда из города приезжали богачи, члены попечительского совета — но даже они не могли сравниться в умении держать себя с этим человеком. Осанка и наклон головы, манеры и выражение глаз...

А какую одежду носил незнакомец! Ручаюсь, такой костюм половине попечителей наверняка был не по карману. Какая ткань, какой крой! Все — черное-пречерное, хоть бы нитка одна цветная. Блуза с бантом, сюртук, расшитый драгоценными камнями, брюки со шнуровкой по бокам, высокие сапоги на каблуках — будто из сажи.

«Чему ты удивляешься, девочка? — усмехнулся мужчина. — Я же говорил, что заберу твое имя... Но совсем без прозвания оставаться нехорошо, почему бы не дать другое взамен? Теперь ты будешь Лале Опал».

«А вы?» — спросила я.

«Мое имя Холо. Лорд Холо из рода Опал, как можно уже догадаться, — он любовно огладил один из черных переливающихся камней на рукаве. — И с этого момента ты заменишь мне дочь и наследницу».

Холо улыбнулся и склонился над моей ладонью. Теплые влажные губы легко коснулись кожи. От неожиданности я сжала пальцы, царапнув его ногтями по подбородку.

«Почему вы пришли за мной?» — спросила я, пытаюсь сгладить неловкость. К счастью, Холо продолжал спокойно говорить, словно не замечал ни пылающих щек, ни подрагивающих пальцев.

«Пришел? Куда? Ты выросла в этом доме», — безмятежно отозвался лорд Опал.

Вот что значит «лишишься прошлого», подумалось мне. Мужчина не шутил, когда говорил со мною в подвале. Значит, и все остальное правда? Ни свободы, ни любви... ни будущего? Я всецело принадлежу ему?

Против ожиданий, сердце наполнилось не страхом, а гневом.

«Как мы попали сюда?» — твердо спросила я, глядя своему хозяину прямо в глаза.

«Через дверь», — последовал ровный ответ.

Ни слова не говоря, я метнулась к выходу и дернула ручку на себя. Заперто.

«Она захлопнулась?»

«Она всегда была закрыта».

«Как мы прошли? И как вы попали в подвал? У вас был ключ?»

Холо вновь засмеялся, чуть откинув голову назад.

«Можно сказать и так. У меня есть ключ, который подходит ко всем дверям в этом доме».

«Хочу такой же!» — тут же воскликнула я. В конце концов, этот Холо ведь назвал меня своей наследницей, так что пусть подает ключ от дома. Не взаперти же сидеть, на самом деле.

Лорд Опал оглянулся по сторонам и расцвел улыбкой. Потом, приняв серьезный вид, он подошел к комоду и вынул из замочной скважины небольшой ключ затейливой формы.

«Этот — твой», — произнес Холо.

«А он правда открывает все двери в доме?» — недоверчиво протянула я, принимая подарок. Ключ показался мне волшебным: он сильно оттягивал руку и еще — источал тепло, будто живое существо. Возможно, его нагрели солнечные лучи, а что касается веса... откуда девчонке из приюта было знать, что золото куда тяжелее железа...

Вместо ответа Холо забрал у меня ключ и вставил его в замочную скважину. К моему изумлению, несмотря то, что форма их была разной, тут же послышался щелчок, и дверь отворилась. За нею, против ожиданий, обнаружился не мрачный закуток перед темницей, а другая, большая и светлая комната, оформленная в синем цвете. Я протерла кулаком глаза, ущипнула себя за локоть, но видение и не думало исчезать. Значит, мне не померещилось, и мы действительно покинули... мой мир?

Холо наблюдал за мной с понимающей улыбкой.

«Теперь твоя очередь», — произнес он, закрыл дверь и вручил мне ключ.

Нисколько не веря в то, что у меня получится, я повторила действия наставника. На сей раз за дверью оказалось помещение с огромными, во всю стену окнами и столом, уставленным разнообразными яствами.

«Ах, ты проголодалась, бедняжка, — хохотнул лорд Опал и потрепал меня по волосам. — Надо было сразу сказать, неужто я не накормил бы свою любимую доченьку?»

«Я вам не дочь», — мрачно отозвалась я. Образы настоящих родителей давно изгладились из моей памяти — и я была этому рада, но и тревожить их все еще было больно.

«Нет, дочка, — упрямо возразил Холо, заключая меня в объятия. Я неловко вывернулась и уперлась ему руками в грудь — не потому, что такая близость была мне неприятна, просто страшно стало запачкать его дорогие одежды, ведь в баню приютских водили только раз в

неделю, да и ночь в подвале не прибавила мне чистоты. — Ладно, не хочешь быть дочкой — будешь ученицей, — смягчился мужчина, увидев на моем лице смятение. — Так пойдет?»

«Пойдет», — улыбнулась я впервые за много-много часов.

«Здесь ты научишься верить в чудеса, Лале», — серьезно пообещал лорд.

А я смотрела на него и чувствовала — так и будет.

— Что же случилось потом, госпожа? — осторожно поинтересовался Мило, когда пауза неприлично затянулась.

Я с сожалением отложила вилку. Тарелка опустела. Вот уж не думала, что могу так проголодаться, просто сидя в шкафу!

— Многое случилось, Мило... Всего и не вспомнить. Откровенно говоря, после стольких лет я позабыла даже свое настоящее имя, что уж говорить о житейских мелочах. Но некоторые вещи моя память хранит в неприкосновенности. Странно, не так ли?

...Холо не любил людей — это стало мне совершенно ясно еще в первые месяцы. В огромном поместье Опал не было ни кухарок, ни дворецких, ни горничных, ни даже приходящих слуг. Покои поддерживались в чистоте с помощью волшебства — основатель рода, поговаривали, баловался колдовскими штучками. Еду приносили раз в день из ближайшего трактира. Стайка молоденьких девушек под руководством повара споро расставляла кушанья на столе и тут же покидала негостеприимный кров. На следующее утро разносчицы возвращались, убирали остатки трапезы и заново накрывали стол. Обычай этот не менялся уже почти сорок лет, со времени смерти хозяйки дома, матери Холо — леди Лиониле Опал.

Мне, как «дочери» господина, приходилось соблюдать множество странных правил и помнить об ограничениях. Оглядываясь на свою тогдашнюю жизнь, я прихожу в ужас. Холо воспитывал из меня затворницу, такую же, как он сам. В то время это меня не тяготило, ибо лорд Опал мог заменить собою весь мир. Обучение премудростям новой моей жизни, этикету и географии, экономике и литературе, путешествия с помощью заветного ключа в дальние страны, дабы наяву увидеть все, описанное в учебниках, танцы и музыка, долгие истории перед камином по вечерам... Холо показал мне, как правильно готовить горячее вино с приправами, рассказал, как приветствуют короля и как — наследного принца, и почему нельзя приседать в реверансе, не придерживая юбки, почему гости из Осеннего Дома украшают свои прически, а из Дома Цветов и Трав — раскрашивают лицо, поделился секретом, как сорвать дипломатические переговоры и не развязать при этом войну... Если все знания, что вбивались в мою ошалевшую от впечатлений голову, написать на тончайшей бумаге, то получившиеся свитки не уместились бы и в библиотеке Ее величества!

Частенько Холо сопровождал свои рассказы красочными иллюстрациями, не чураясь использовать силу своей карты...

— Постойте-постойте, госпожа, — от растерянности Мило даже прекратил отщипывать кусочки от принесенного для меня хлеба. — Так лорд Опал состоял в раскладе?

— Именно, мой мальчик, — кивнула я, отпивая клубничного сока. Строго говоря, это был даже не сок, а толченые с сахаром ягоды. Интересно, Авантюрин сам приготовил мне лакомство или принес гостинец от Шалависы? — Холо был Незнакомцем-на-Перекрестке, последним в Доме Камней и Снов. После его ухода карта поблекла, выцвела, не желая принимать нового хозяина. Мы все еще надеемся, что когда-нибудь Дом снова обретет Незнакомца. Иллюзии и мечты — очень важная часть расклада, это настоящая сила, порой

жестокая и равнодушная... Но Холо использовал ее исключительно для развлечения.

Королевский дворец, западные горы, Великий восточный океан, шумные ярмарки столицы и пустынные поля, засеянные золотой пшеницей, — все это я видела, словно воочию. Лорд Опал желал, чтобы мое внимание было поглощено лишь им, без остатка. Довольно эгоистичное желание, если рассудить... Да и жизнь мне он спас лишь потому, что хотел разнообразить свое существование. Будучи особой благодарной, я во всем потакала его капризам. Безвылазно сидела в поместье в отсутствие наставника, послушно осваивала возможности ключа, хотя до сих пор побаивалась волшебства, запоминала бесконечные правила и запреты и неукоснительно следовала им...

Но все это не помогало. Я чувствовала, что Холо тоскует, несмотря на свою привязанность ко мне. Частенько он впадал в уныние. В такие вечера он подолгу сидел у камина, глядя сквозь языки пламени, напевая одну и ту же песню. Плач его гитары и сейчас снится мне...

Мой полон дом. Горит огонь.
Здесь танцы, смех, бокалов звон,
Но мнится мне, что — только тронь,
Мой дом развеется, как сон.

Не греет пламя очага,
И в кубке не пьянит вино.
Себе хозяин и слуга...
Мне душно здесь, и так темно!

Пусть шепчет старый дом: забудь...
Пусть отдых ночь дает глазам, —
Я снова не смогу уснуть,
Я проклят тягой к чудесам.

Среди людей — я одинок.
Покоя сердцу не найти...
И мне сладка лишь пыль дорог,
Но хватит ли мне сил уйти?

Оставлю все, что близко мне,
И лишь тогда смогу вдохнуть.
И, улыбнувшись в тишине,
Ступлю на Бесконечный Путь...

Каждый раз, слушая его песню, я плакала и очень боялась, что он все-таки уйдет. Ведь несмотря на эгоизм и замашки тирана, Холо забрал мое сердце без остатка... Но месяц проходил за месяцем, год за годом, а мы по-прежнему жили в уединенном поместье Опал, наслаждаясь лишь обществом друг друга.

Так миновало девять лет. И однажды, любуясь своим отражением, я вдруг осознала, что

за эту пропасть времени ни капельки не повзрослела. Фигурка так и осталась полудетской, рост ни чуточки не увеличился, даже кожа была столь же юношески свежей, как и десятилетие назад.

«Что это значит, наставник? — ворвалась я в кабинет Холо, пряча за гневом страх. — Почему я...»

«Осталась прежней? — с ласковой улыбкой закончил фразу лорд. — Разве тебя это огорчает, юная леди? Многие отдали бы все, чтобы оставаться вечно молодой».

«Но не девочкой же!»

Взгляд Холо стал жестоким.

«А что тебе не нравится? Самый, что ни есть, замечательный возраст для моей дочери...»

«Я не твоя дочь!»

«Ты моя, — холодно заметил лорд. — Этого достаточно. Верно, ты не повзрослела с тех пор, как попала ко мне домой и взяла ключ. Но лишь потому, что сама этого хотела. Каждый прожитый год приближает нас к смерти, а ее ты страшишься больше всего на свете».

В душе противными коготками заскреб ужас.

«Хочешь сказать, я стала бессмертной?»

Холо рассмеялся.

«Неужели ты лишь сейчас это поняла, дурочка? Потому я и сказал тогда, что любви тебе не испытать... Кто полюбит девчонку, да еще бессмертную? Нет, милая, вокруг тебя всегда будут лишь зависть и страх пополам с недоверием. Ни друзей, ни возлюбленных... Лишь я могу разделить с тобой одиночество. Без меня ты — ничто».

«Лжешь!»

«Посмотрим, что ты скажешь, когда придет время».

Время пришло через семь лет. Мне стукнул тридцать один год — неплохая цифра, верно?

Холо просто исчез. Однажды утром я проснулась в поместье совершенно одна. На столе лежало подписанное завещание и документы на имя Лале Опал, удостоверяющие мое право владеть домом, прилегающими землями и носить титул леди.

Поначалу я надеялась, что это всего лишь шутка. Холо и прежде порой пропадал на дюжину-другую дней... Но на сей раз путешествие оказалось не просто долгим, а Бесконечным. Мой наставник все-таки ушел.

Спустя четыре месяца начала медленно сходить с ума от одиночества. Тогда я и решилась впервые выйти в свет. И каково же было мое удивление, когда обнаружилось, что Лале Опал уже хорошо знают при дворе, как Хранительницу ключа от всех дверей. Холо прежде часто меня так называл, но я и не представляла, что этот титул — легендарный.

Меня уважали, мне кланялись в ноги, словно королевне, но чаще предпочитали просто игнорировать мое существование. В жестах и взглядах сквозила опаска: мол, что еще придет ей в голову? Не откроет ли ключ дверь, за которой окажется гибель Дома? Среди аристократов и горожан не существовало, казалось, никого, кто не узнавал бы меня с первого взгляда, как бы я не маскировалась, ведь ключ всегда был со мною. Все попытки завести друзей под чужим именем с треском провалились. Стоило мне привязаться к человеку и поверить, что уж он-то точно примет Лале такой, какая она есть, и признаться в своем происхождении, как с другом происходили разительные перемены, и вскоре уже было не отличить его от десятков таких же пугливых и презрительных горожан.

Возможно, мне просто не везло. Не знаю, Мило. Но в какой-то момент мой рассудок окончательно помутился... Сколько я тогда глупостей натворила!

Знаешь, меня несколько раз пытались убить. Из мести за слишком болезненную шутку или из зависти — кто теперь скажет. Один такой случай закончился смертью нападавшего — сила ключа сожгла его подчистую. Другой мог бы увенчаться успехом для убийцы... Меня оглушили, связали и бросили в реку. Как было страшно очнуться на дне! Ни вдохнуть, ни выдохнуть, ни даже сознание потерять... Чудом удалось мне развязаться и добраться до поверхности. Разумеется, я хорошо запомнила своих обидчиков, и вскоре их ждал очень неприятный сюрприз в виде ядовитых змей под подушками. Пока я возилась с рептилиями, они пару раз запустили в меня свои смертоносные зубы, и появился лишний повод убедиться в правоте Холо.

После этих событий меня стали бояться еще больше. Если раньше поведение общества было похоже на равнодушие к неуютной особе, то сейчас меня начали сторониться, как дикого зверя. Я из кожи вон лезла, чтобы понравиться людям — по-своему, конечно. Красила волосы, наносила дичайший макияж, одевалась, как бродячая циркачка...

К чему все это привело, ты знаешь. Вдовствующая королева Ширле, Леди Теней, получила нового Безумного Шута, а я — титул королевской любимицы и первого настоящего друга, Лило-из-Грёз... Но эту историю я расскажу тебе как-нибудь в другой раз.

Воцарилось долгое молчание. Я бездумно катала по полу пустой стакан. Мило сидел, устремив взгляд в одну точку. Свеча в фонаре давно растеклась лужицей воска, и пламя на огрызке фитиля чадило и мигало, будто на сильном ветру, хотя в шкафу стояла страшная духота. Что ж, неудивительно, два взрослых человека дышат, да еще и огонь горит... В сдвинутых на одну сторону костюмах было уже не различить цвета, но зато короткие вспышки света четко высвечивали мелкие детальки: неровный шов на рукаве, свисающую с полы нитку, масляное пятнышко на белоснежной ткани, паука, торопливо пересекающего пространство между тарелками... Тени убегали от свечного огонька прочь, по стенкам с вытертым от времени и растрескавшимся лаком, по ворохам ткани — и, покружив, возвращались назад, чтобы сплясать танец на наших лицах.

— Я должен извиниться перед вами, госпожа, — тихо произнес, наконец, ученик. — Мне и в голову не могло прийти, что на самом деле это было настолько страшно.

Я лишь передернула плечами. Стакан с хлопком накрыл несчастного паука. Ужасно не люблю этих тварей. Надо будет потом подбросить в комнату к какой-нибудь противной фрейлине.

— Не понимаю, о чем ты, Мило.

Авантюрин залился краской и отвел глаза.

— Я говорю о том портрете. Помните, как Танше поспорил с Тарло? Я с умыслом посоветовал им изобразить одиночество. Мне думалось, что если вы вспомните, как скверно вам было раньше, то освободитесь от своих страхов, и начнете радоваться тому, что сейчас у вас есть, и еще... еще...

— Продолжай, Мило, — подбодрила его я. — Чего еще тебе думалось.

— Я надеялся, что вы начнете больше ценить меня... — совсем тихо прошелестел мальчик. — Вы не сердитесь?

Сердце сжало болью.

— Глупый... Ну как на тебя сердиться? Терзаешься такими нелепыми вещами... Страх одиночества — не из тех болезней, что лекарь может исцелить прижиганием. Такие раны,

будучи растревоженными, ноют еще сильнее... Лучше позволить им заживать самостоятельно. Но откуда тебе знать, Мило, — вырвался у меня вздох. — Ты еще так молод!

— Мне тридцать четыре года, — сверкнул глазами ученик. — Пора бы вам уже перестать считать меня ребенком. Я не был им даже в шестнадцать лет, когда мы впервые встретились. Улицы быстро старят.

Я не смогла не улыбнуться. Право, какой наивный мальчик!

— Мне не хотелось обижать тебя, лорд Авантюрин, — слова прозвучали немного иронично. — Но мой возраст исчисляется столетиями. Ты для меня всегда останешься ребенком, сколько бы ты не прожил.

— А себя вы, значит, считаете взрослой особой? — моментально нахохлился Мило. — И эта взрослая особа сидит второй день в шкафу, потому что огорчена смертью котенка?

— Да что ты понимаешь! — вспыхнула я. — Впрочем, думай, что душе угодно. Я никоим образом не претендую на роль нормального человека. Безумный Шут, видишь ли...

Мило фыркнул.

— Да к ворону ваше безумие! Возможно, то, что я скажу сейчас, удивит вас, госпожа, но, поверьте: вы совершенно нормальны. Настоящим безумием здесь и не пахнет.

— Да что ты говоришь! — насмешливо протянула я. — Желаете поспорить?

— Госпожа, поверьте мне, прошу, — спокойно откликнулся Мило. — Не спорю, вы инфантильны, эгоистичны, порою жестоки и нелогичны, абсолютно избалованы, легкомысленны. Многие поступки леди Опал не вписываются не то, что в рамки дворцовых приличий — а даже и в то, что можно назвать обыкновенным поведением. Но безумицей я вас назвать никак не могу... И поэтому то, что вы сейчас прячетесь в шкафу — не более, чем детский каприз, — уверенно завершил Мило.

Я прищурилась. С таким менторским тоном, по-взрослому прищуренными глазами и иронично приподнятыми уголками рта, Авантюрин и вправду походил на мужчину, а не на мальчика. Хм, думаю, это какой-то странный оптический эффект.

— Мир слишком жесток. Он наполнен злом и страданиями, не удивительно, что порою мне хочется отдохнуть от него.

— В одиночестве? — едко уточнил Мило.

— В одиночестве, дорогой. У этого слова множество граней, и не все из них ранят.

Он склонил голову набок, пристально разглядывая меня.

— Моя госпожа... Позвольте мне доказать, что вы не правы.

— Ну, попробуй, — мрачно откликнулась я.

— Закройте глаза... Прошу не подглядывать, — повеселел Мило и завязал мне глаза скользким шелковым платком. — Одну секунду... Так лучше.

Поверх платка лег пояс. Кажется, бархатный.

— Видно вам что-нибудь?

— Нет.

— Чудесно.

Мило осторожно поднял меня, прижимая к плечу. О, так мы покатаемся? Как прелестно!

— Мальчик мой, если нам нужно куда-то попасть побыстрее, то не лучше ли будет воспользоваться ключом?

— Не думаю, госпожа, — отозвался Авантюрин. — Не волнуйтесь, у волшебников свои способы сокращать пути. Потерпите немного.

Пахнуло свежим воздухом, и кожу приласкал порыв ветра. Шелковый шарф на голове изрядно приглушал звуки и запахи, а свет и вовсе не достигал моих глаз. Я чувствовала себя потерянной. Мы на улице, или Мило просто открыл окно? Любопытно...

Вдруг Авантюрин резко выкрикнул гортанную фразу, и тело наполнила восхитительная легкость. Это продолжалось всего несколько минут, а потом меня привычно потянула к себе земля.

— Долго еще?

— Уже все, госпожа, — он бережно поставил меня на ноги, и встал позади, осторожно придерживая за плечи. — Смотрите! — и сорвал с моих глаз повязку.

Мы стояли на смотровой площадке самой высокой башни дворца. А вокруг была... жизнь, наверное... И она накрывала с головой, как неудержимая приливная волна.

Запахи, миллионы запахов. Сухая трава, цветы, сладкие дуновения из пекарни, земля и разогретые камни.

Свет. После бесконечных дней в темном, забитом одеждой шкафу даже восходящее солнце слепило. Небо было разрисовано розовой и золотой краской, словно воздушная ткань из западных гор.

Ветер сбивал с ног. Птичий гомон оглушал.

— Ну что, госпожа? — вкрадчиво поинтересовался Мило. — Стоит ли прятаться в шкафу? И кто вы после этого, взрослая женщина?

— Нет, Мило... — прошептала я, сраженная этим невыносимо ярким, свежим миром вокруг. — Я не знаю, кто я... Но, кажется, мне нравится быть собою.

Я прошу — улыбнись!

За окном столько света,

Там деревья, и птицы, и запах дождя...

И небесная высь

Так ярка нынче летом,

И скользит по реке белой птицей ладья.

Оглянись с высоты:

Этот сад так прекрасен!

Видишь? Дети играют у яблонь внизу,

Собирают цветы

И хохочут от счастья,

И мне кажется, смех — замечательный звук.

Слышишь — птица поет...

И пусть дождь льется где-то,

После гроз будет лучше нам солнце светить.

Леди, сердце мое...

И в тебе — столько света!

Как иначе меня ты могла ослепить?

Глава десятая, в которой Лале устраивает маскарад, а также наблюдает за Мило в неловкой ситуации

Большой тронный зал Дома Камней и Снов воистину восхитителен. Любой, кто попадает туда впервые, оказывается зачарованным пышностью и роскошеством убранства.

Некоторым кажется, что самым большим украшением зала можно назвать искусный паркет на полу. Черные дощечки подобраны столь совершенно, что чудится, будто под вашими ногами — сплошной срез ствола огромнейшего дерева, в тысячу шагов в поперечнике. Поговаривают, что сей шедевр создавали приглашенные из далеких северных княжеств мастера, а лак, покрывающий паркет, насчитывает два десятка слоев, каждый из которых немного различается оттенком. Быть может, поэтому порой восклицают впечатлительные фрейлины, что в тронном зале вы словно ступаете по застывшей смоле.

Иные, слушая подобные речи, знай посмеиваются себе и твердят, что истинное чудо этого места — постоянно меняющийся узор из самоцветов на стенах и потолке. Каких только камней здесь нет! И простой полированный кварц, и агаты, и бериллы, и хрусталь, и опалы, и жадеит, и александрит, и малахит, и блестящие черные пластины гематита, и аметист, и кошачий глаз, и гранат, и бирюза, и авантюрин, и нефрит, и заморский жемчуг... А у самой дальней стены, умышленно лишь облицованной темным мрамором и украшенной арками из мерцающих цирконов, расположен постамент с усыпанными сапфирами, бриллиантами, рубинами, изумрудами и драгоценным янтарем величественными тронами. Один из них, увы, пустует. И все же многие считают, что главная и самая яркая деталь зала — именно постамент, где восседают монархи. Что ж, сложно не согласиться, однако...

...Однако никогда вы не убедите в этом Лале Опал, ибо, несмотря ни на что, полагаю я главным и самым ослепительным украшением парадного зала Ее величество королеву Тирле, о чем не забываю упомянуть при случае. И дело, поверьте, вовсе не в шикарных, поражающих отделкой платьях или замысловатой прическе.

— Право же, ты льстишь мне, Лале, — в притворном смущении прикрыла губы веером повелительница, а на щеках ее заиграли ямочки. Справа от королевы, лишь на ступеньку ниже, расположился в кресле почетный гость и, как шептались в углах, будущий супруг — Ларра Ночной Бриз.

— Нисколько, Ваше величество, — склонилась я в почтительном поклоне, подметая косичками драгоценный паркет. — Нынче вы сияете, подобно солнцу.

Еще бы ей не сиять! Наверняка на вышивку наряда пошла не одна катушка золотых ниток, а голубые топазы и аквамарины, украшающие ткань, переливались, как крошечные звезды.

— Вижу, к тебе вернулось доброе расположение духа, дама Опал, — королева чуть опустила веер, показывая улыбку. — И это радует мое сердце. Негоже шуту печалиться!

Я задумчиво покрутилась на мыске. Колокольчики звякнули, сталкиваясь.

— Все мы люди, о моя королева. Все мы имеем право на слабость.

Ее величество покачала головой.

— Отнюдь, Лале. Вспомни знаменитые строки маэстро Аметиста:

Кто веселит сердца чужие —

Унынья должен избегать

И вечно радугой сверкать,
Когда вокруг дожди сплошные.

Ларра, чей взор до того равнодушно блуждал по залу, встрепенулся и одарил королеву ослепительной улыбкой:

— Не могу согласиться, о мудрейшая моя госпожа. Да и разве не принадлежат тому же Суэло следующие слова:

Я балагур и весельчак —
Все это так.
Могу улыбкою сразить —
Не возразить.
Пусть я владелец многих благ,
Но тот дурак,
Кто говорит, что можно жить —
И слез не лить...

— Воистину, разумная мысль... — степенно начала Тирле, но ее речь была прервана моим невежливым смехом:

— Вот бы, наверное, повеселился мерзавец Суэло, слушая, как поминают его высказывания высочайшие особы. Да будет вам известно, господа, — я присела в реверансе, смягчая невольную грубость, — Что первое четверостишие есть эпиграмма, сочиненная, дабы уязвить вашу покорную слугу, любившую рисовать на щеке тушью слезинки. Помнится, как-то раз я попала с таким узором на лице под дождь, и рисунок расплылся некрасивым пятном...

Королева поджала губы, делая их еще более тонкими, а Ларра заинтересованно подался вперед. Синий локон, выбившийся из-под серебряного обруча, изящным завитком свесился на его лоб.

— А что со вторым стихотворением, дама Опал? С ним тоже связана какая-нибудь прелюбопытная история?

— Увы, ничего мало-мальски интересного, — заломила брови я и продолжила трагическим голосом. — Аметист всего лишь хотел соблазнить неуступчивую красотку, и потому решил добавить своему образу трагичности. Несчастный герой, что может быть трогательнее? — хлюпнула носом я под оглушительный хохот Их величеств.

— Вижу, ты сегодня в ударе, Лале, — заметила, отсмеявшись, королева. — Впрочем, оставим шутки и перейдем к делам...

— Которые для меня — почти всегда шутки, — закончила фразу я. — О чем вы желали поговорить, о хитроумная Тирле?

Королева выпрямилась на троне и приняла величественную позу.

— Как известно, леди Опал, в середине каждого лета во дворце проходит бал в честь самой короткой ночи в году. Обычно устройением развлечений на этом празднике занимаются волшебники, но на сей раз в Башне случилось печальное событие: ступил на высокие пути сын и единственный наследник магистра. Траурные мероприятия, увы,

совпадут с ночью проведения бала... Поэтому рассчитывать на помощь колдунов не приходится. Ты же, моя милая, — ласково улыбнулась королева, больше пугая меня, чем ободряя, — уже занималась подготовкой торжественных вечеров, да и повидала немало. И потому лишь тебе, и никому иному, могу доверить я обдумывание забав для праздника.

Другими словами, меня выбрали белой жертвенной кошкой. К счастью, в подобной ситуации я и вправду оказывалась не впервые.

— А что здесь обдумывать, Ваше величество? — хитро сощурилась я. — Превратим этот бал — в маскарад. Пусть придворные бездельники и высокие гости наденут личины и забавные костюмы, да не простые: каждый должен будет поведать о маске, которую выбрал, хотя бы маленькую историю, спеть о ней песню или прочесть стихи. Самым изумительным рассказчикам мы вручим прекрасные венки из летних цветов и памятные свитки. Мой ученик, Мило, позаботится о фейерверке вместо волшебников из Башни — вот и финальный штрих.

— Bravo! — захолопал в ладоши Ларра. — Лале, вы прелесть.

— Стараюсь, Ваше величество, — скромно опустила глаза я и шаркнула ножкой.

Даже королева позволила себе восхищенную улыбку.

— Чудесная задумка, леди Опал. Получается, что придворные будут развлекать себя сами! Да и затрат особых не понесем...

— Почему же? — откликнулась я. — Надеюсь, Мило получит достойную награду. Ему еще жениться когда-нибудь придется, а семья, знаете ли, дело дорогое...

Ларра и Тирле обменялись таинственными взглядами.

— Полагаю, невеста у лорда Авантюрина будет особой устроенной и весьма обеспеченной, — уверила меня Ее величество со странным весельем.

— О, да! Бедной крестьянке я его не отдам. Но все же, о щедрая королева... — состроила я жалобное выражение, хлопая пушистыми рыжими ресницами.

— Мы оплатим его труд, не терзай себя, Лале, — благосклонно кивнула Тирле. — Итак, дело решено! Осталось лишь оповестить придворных и гостей, а также раздать указания поварам и декораторам.

— Я позабочусь об этом, Ваше величество, — смиренно поклонилась я. — Позвольте удалиться? Дел у меня теперь невпроворот...

— Иди, иди, Лале, — согласилась королева. — Мне еще надо принять надлежащий величественный вид, прежде чем в зал войдут представители торговой гильдии. Как тяжелы дни проведения приёма!

— Вы все вынесете, о терпеливейшая королева! — весело выкрикнула я, скрываясь за тронном и доставая ключ. А вот и секретная дверка... — Ждите доклада к вечеру.

Щелкнул замок. Пора браться за работу! И, конечно, обрадовать уже Мило вестью о неожиданно подвернувшейся возможности упрочить свое благосостояние... Да, пожалуй, именно к ученику я загляну в первую очередь!

К моему удивлению, Авантюрина не было ни в его личных покоях, ни в моих. Проверив наугад еще пару мест, где он мог находиться, и не обнаружив там ни следа пребывания ученика, я разозлилась не на шутку. Он что, прячется от наставницы? Не хочет по хорошему — буду играть нечестно!

Следующий проход отворился в каморку садовника рядом с садом — светлым, благоухающим и радующим глаз яркими летними красками. Любопытно, что здесь понадобилось Мило? Да вот еще проблема — сад велик, дверей в нем нет, прямо к

мальчишке попасть не получилось, а отыскать среди деревьев и ветвистых кустарников даже такого дылду, как мой ученик — ой, как непросто. Что ж, не найду — так прогуляюсь в свое удовольствие.

Я покачнулась на пятках, оглядываясь по сторонам. Какую же тропинку мне выбрать? Ведущую налево, к источающим пряные ароматы клумбам с белыми лилиями? Или свернуть направо, к манящим прохладой и свежестью дворцовым прудам? Или... Я сощурилась. Мерещится или нет? Кажется, на безупречной изумрудной зелени травы затерялся багряный, словно осколок заката, асиновый лист. Ну-ка, интересно... А дальше — еще один! И еще...

Нагибаясь и собирая в ладошку сухие, хрупкие «подарки», я не заметила, как пересекла парк почти насквозь и вышла к тенистому, укромному уголку. Здесь, под сенью величественных каштанов с цветами-свечками, за раскидистыми кустами сирени с темной, восково-гладкой листвой и белыми и фиолетовыми гроздьями благоухающих лепестков, спряталась лавочка с узорчатой спинкой. Будто бы деревянное кружево, право слово!

Место не пустовало. Смущаясь и краснея, нервно перебирая пальцами, на самом краю лавочки сидела премилая девушка — кажется, юная аристократка то ли из благородного рода Предутренних Мечтаний, то ли прелестная веточка семейного дерева Аквамарин. Волосы — пшенично-русые, рассыпающиеся мелкими кудряшками, чуть тронутая загаром кожа, нежный розовый румянец и пухлые губки бантиком... Сама невинность, право! Поклясться готова, не пройдет и полугода после представления ко двору, как эта чистая душа выскочит замуж за какого-нибудь романтически настроенного молодого лорда. Постойте, а кто это рядом с ней терзает пальцами перевитое синей лентой письмо?...

Мило?! Да что он делает здесь с этой... с этой... легкомысленной вертихвосткой?!

— ...Прошу простить мою дерзость, благородный лорд, но с того мгновения, как наши взгляды соприкоснулись на вечере у леди Нанеле, сердце мое неспокойно, — смущенно щебетала девица, взмахивая ресницами. Плохо стараешься, дорогая! У Мило-то они подлинней будут, да и погуще. Его такими фокусами на раз не проймешь. — Беру ли я иглу для вышивания — и на полотне проступают ваши черты. Голос ваш слышится мне в каждом шорохе, и чудится всюду ваш взгляд...

Ох-ох, малютка, это не я, это ты безумна!

— Каждый день и каждую ночь терзает меня жажда, которую не утолят и все воды мира! — воскликнула леди, роняя слезы, и от страсти в ее словах меня словно жаром обдало. — Прошу, не отвергайте моих чувств, и... и...

— Прекрасная леди, — Мило отложил письмо и взял мятущиеся ладони девушки в желанный плен своих пальцев. — Ваши слова тронули меня до глубины души. Давно не встречал я столь чистого и невинного человека.

Мило, Мило, да где твои глаза! Посмотри, на этой девице нет ни грамма краски — вот тебе и вся «чистота»! Жажда ее терзает ночью, видите ли... Невинные и чистые девы спят от заката до рассвета, а не терзаются!

— Ваши черты совершенны, волосы подобны солнечному свету, а губы — лепесткам роз... — продолжал меж тем Авантюрин, и взгляд его странно потемнел. Девица залилась румянцем и прерывисто вздохнула. — Но, увы, для меня светит другое солнце и цветут иные цветы... Я не могу принять ваших чувств, о прекрасная леди, ибо лгать и пользоваться подобной чистотой — преступление, для которого и «воронья клетка» — слишком мягкое наказание. Прошу вас, о дева, — он грациозно склонился к запястью леди, касаясь нежной кожи невесомым поцелуем, — забыть обо мне и не мучить себя понапрасну. Я верю, что

столь прелестное существо, как вы, достойно только истинной любви.

Она застыла. Краска отхлынула со щек.

— О, дивный лорд... У вас есть... другая?

Мило поднялся с лавочки, не выпуская руки девицы. Кисть пенно-розовой сирени скрыла его лицо.

— И да, и нет, леди, — дорого бы отдала я, чтобы увидеть сейчас выражение карефиолетовых глаз. — Прошу простить меня...

Авантюрин глубоко поклонился и быстрым шагом удалился по тропинке. Я, таясь за кустами, бесшумно побежала за ним, позабыв о застывшей с протянутой рукой и слезами на лице девице. В душе у меня не пойми с чего вдруг распелись птицы. Ах, красота! Видать, погода так влияет.

Мило я нагнала лишь далеко за поворотом, у самых прудов.

— Эй, дорогой ученик! — завопила я, подпрыгивая и повисая у него за спиной, будто мешок с краденым добром у жадного вора. Мальчишка вздрогнул.

— Так вы наблюдали за мною, госпожа? — потерянно спросил он, без причин краснея, как давешняя девица.

— И да, и нет, Мило, — передразнила его я, сдувая гладкую прядку с уха. Сколько не смотрю — все восхищаюсь: один волос рыжий, другой — словно седой, третий — как желтое золото, а вместе все — тягучий мед с потайных горных лугов. — Искала я тебя для одного дела, а наткнулась вдруг на потеху. Что за девица такая, Мило?

— Леди Стелле Аквамарин, госпожа, — поморщился ученик, бережно ссаживая меня с собственной спины на твердую землю. — Слывет невестой лорда Эло Дрёмы. Не хотелось бы его обижать, неплохой ведь человек. Пришлось сразу отказать леди, без флирта и намеков. А жаль. Стелле — красавица, а как танцует... — с сожалением покачал он головой.

— Тьфу на тебя, Мило, — рассмеялась я, разваливаясь на травке. — Только из-за такой малости и ответил отказом? А как же весь этот бред романтического свойства, что ты вылил на бедную девушку?

Авантюрин беззаботно плюхнулся рядом со мною, прикусывая сорванную травинку.

— Я не хотел обижать и Стелле тоже, — сознался мальчишка. — А отрицание, оформленное изящно, порою приятней согласия. Конечно, слез в подушку и мучительных мыслей не избежать, но тем милее покажется потом суженый, без памяти влюбленный в юную Аквамарин. И, кстати, госпожа, — ученик повернулся ко мне, щуря от солнца темные глаза. Зрачок превратился в точку. — Так ли нелепы были мои излияния, что вы посчитали их бредом?

Я решительно замотала головой.

— Любая романтика и слащавое приукрашивание действительности есть болезненные бредни, Мило. Истинным чувствам напыщенные слова не нужны.

Авантюрин улыбнулся, как завзятый соблазнитель. Травинка крутанулась в ловких загорелых пальцах и скользнула пушистой метелочкой по темным, будто бы искусанным губам.

— Вам не кажется, госпожа... — нахальная травинка коснулась и моих губ и вернулась на свое законное место. — ...что сейчас вы себе лжете?

— Отнюдь, Мило, — вернула я ему улыбку — беспечную и умудренную в то же время, запрокидывая подбородок к ласковому солнышку. Ох, и будет потом веснушек... — Я не любительница картинных признаний и пышных слов. Когда-то человек, покоровший мое

сердце, всего лишь протянул мне в нужный момент руку... А признание я прочитала в его глазах.

Взгляд Мило стал задумчивым.

— Неужели вы бы не хотели услышать слова любви от того человека?

Улыбка моя угасла.

— Когда это случилось, Мило, они принесли мне много горя. Нет, я не люблю пышных слов, — вздохнула я. — Они лживы и прячут суть чувства за бессмысленными потоками изящных конструкций.

— А какого же признания вы бы хотели, госпожа?

Какое же яркое солнце! Кажется, еще немного, и я ослепну. Уже все глаза на мокром месте.

— Пусть тот, кто любит меня, последует за мною на край света и даже за край. Пусть он меня никогда не оставит, как бы я не ранила его словами и поступками. Пусть будет со мною... всегда. Знаю, Мило, это эгоистичное желание, — прикрыла я глаза, чуть отворачиваясь от слепящих лучей. — Но это именно то, что мне нужно.

Мило загадочно усмехнулся. Тени от пушистых ресниц легли на высокие скулы, смягчая резковатые черты лица.

— Все же мы очень разные, госпожа. Мне хотелось бы слышать от своей возлюбленной, что ей нужен только я, что она не может жить без меня и дышит лишь мною... Я хотел бы стать для нее единственным плотком воды в пустыне и очагом в пустом и холодном доме, и чтобы она сказала мне все это — и много других глупостей. И, разумеется, я отвечу ей романтическим и возвышенным признанием, чтобы она не думала по этому поводу... То есть, даже если ее точка зрения совпадет с вашей, госпожа, — поправился он. — Так что мои мечтания тоже можно назвать эгоистичными. Но довольно об этом, — оборвал свои излияния мальчишка. — Вы ведь искали меня для дела, верно?

— Верно, верно, — мурлыкнула я, вытягиваясь на солнышке. Давненько не случилось мне так вот запросто валяться на травке в три часа пополудни. Обычно в это время я только просыпаюсь и завтракаю. Сколько же теплых, чудесных дней прошло мимо! — Лето — замечательная пора, Мило. Великолепно подходит для балов и прочих аристократических развлечений. И нам с тобою, дорогой ученик — нам, и никому другому! — выпала невероятная честь веселить лордов и леди в самую короткую ночь этого года. Ты только не волнуйся, план я уже придумала, — успокоила я нервно дернувшегoся ученика, — от тебя требуется лишь позаботиться о фейерверке. Помнится, пару лет назад ты много хвастался своими познаниями в волшебстве и волшебных игрушках? Ну, теперь хорошо бы и подтвердить свои слова! Кстати, королева обещала щедро тебя наградить, если работа ей понравится, — добавила я, чтобы совсем уж не запугать ученичка.

Мило хитро сощурился:

— Я не подведу вас, госпожа. Что желаете увидеть в темном ночном небе? Птиц, драконов, дам в шелках?

— По дамам у нас ты, дорогой, — рассмеялась я. — А мне... мне нужны цветы, деревья и мифические звери. Осилишь столь масштабную задачу, Мило?

— Разумеется, моя госпожа, — с почтением склонил голову ученик. — Ради вас — все, что угодно.

— Вот такие признания мне по душе! — обрадовано хлопнула я его по плечу и вскочила на ноги. — Бал будет через три дня, готовься! А я пойду пока оповещу придворных

бездельников о грядущем развлечении... И еще, Мило: готовь маску!

— Что? Какую маску? — крикнул Авантюрин мне вслед. — Госпожа!

Но я лишь махнула рукой и скрылась за поворотом. Пожалуй, в первую очередь загляну к художнику!

— Тарло! О-о! — пропела я, врываясь в мастерскую. К счастью, Мечтатель не работал над очередным шедевром, а грустно цедил вино, разглядывая сквозь прозрачный потолок ясное голубое небо с белыми перьями облаков, быстро гонимыми ветром. — О, лорд, я вижу, обуяла вас тоска? Прошу простить мои манеры дурака, но в этот светлый и прелестный день, наводит ваша грусть на землю тень...

Тарло усмехнулся и отсалютовал мне бокалом, отбрасывая с лица нечесаную белесую прядь. В ярких солнечных лучах седые волосы художника казались начисто лишенными цвета, словно паутина. Да только паутина не бывает такой жесткой...

— Зато у вас, вижу, с настроением все в порядке, Лале. Чем обязан визиту?

— Ну-ну, милейший, почему же так уныло? Разве не радуется глаз чудесная погода? — я бесцеремонно устроилась на столе, переставив бутылку с вином на пол.

— Что погода, милая Лале, — невесело вздохнул художник. — Я в тупике. В последнее время не могу написать ни одной стоящей вещи...

— Полно вам, Тарло, — замахала я руками. — А как же «Одиночество», выполненное углем? — он сморщился. — А как же ваши совместные труды с Танше?

Мечтатель немного повеселел.

— О, да, Танше — единственная моя отдушина в мире беспросветной скуки. К слову, он и ссудил меня лакомством из своих запасов, — художник кивнул на бутылку. — Но пока дальше набросков дело не движется...

— Погодите, погодите! — подалась вперед я, выхватывая бокал и осушая его залпом. Хм, а неплохое вино. Но довольно крепкое — удивительно, как это художника еще не разморило. — Вам ли жаловаться на тоску?

— Лале, вы сама наивность! Откройте, наконец, глаза, — Тарло, кажется, был несколько не огорчен утратой бокала. Значит, дела его не так плохи, как показалось мне сначала. — Наш дворец сейчас напоминает болото — то же смутное бурление и полное отсутствие всяческого движения.

Художник наклонился и протянул руку к бутылке, но я с невинной улыбкой свесила ногу и хорошенько пнула сосуд.

— Ах, какая я неловкая, расплескала подарок Танше! — притворно заохала я, покатываясь про себя над потешно-рассерженным выражением лица Мечтателя. — Но ничего страшного, слуги приберут. А что касается тоски и отсутствия движения... У меня есть недурная новость для вас, мой унылый лорд.

— И какая же? — мрачно осведомился Тарло, опираясь щекою на кулак. — Неужели всю придворную толпу скопом признают дурнями и издадут об этом соответствующую бумагу?

— Увы, нет, — я развела руками и подалась вперед, шепча доверительно: — Но, кажется, у нас будет шанс отделить дурней от людей остроумных и интересных. Грядет маскарад, Тарло!

— Маскарад? — удивленно выгнул художник. — Звучит неплохо. Но этого маловато. Хотя, без спору, приятно будет взглянуть на королевскую свиту в комичных личинах.

Я наставительно указала пальцем вверх:

— Не просто посмотреть, но и послушать, дражайший. Каждый дурень должен будет подтвердить свое право носить маску, рассказав историю, спев песню или иным способом — главное, чтоб зрителям было весело!

Глаза Тарло загорелись от предвкушения и перестали, наконец, косить в сторону опрокинутой бутылки.

— Чудесно! Воистину приятная весть, милая Лале! Когда же состоится это знаменательное событие?

— В самую короткую ночь. И мне понадобится ваша помощь, о великодушный Тарло, — я скромно опустила ресницы, терзая в пальцах одну из косичек. — К завтрашнему вечеру мне нужна будет красочная афиша, да не одна, а целых четыре — повесить перед тронным залом, в трапезной, на щите известий в саду и перед сокровищницей.

— В общем, во всех тех местах, мимо которых хоть раз в день, да и пройдет любой придворный бездельник, — подытожил Тарло с известной долей язвительности. — Есть ли какие-то пожелания насчет оформления?

— Оставляю сие на ваше усмотрение, — я бодро спрыгнула со стола, зажимая в кулаке ключ. — Разве что порекомендую вам наведаться к любезному другу Танше и попросить его набросать пару строк для афиши. За сим позвольте откланяться, ибо давит на мои хрупкие плечи груз забот о делах дворцовых. Не позволяйте унынию утопить вас в вине, Тарло, — подмигнула я напоследок и была такова.

Замечательно — с одним делом покончено. Но нельзя полагаться только на плакаты — вдруг кто-то из высоких гостей не умеет читать. Воспользуюсь-ка я тогда старым проверенным способом: пробегу по дворцу, оповещая всех встречных своим мелодичным, хорошо поставленным голосом... Уверена, к вечеру свежая сплетня о новой проделке королевского шута уже трижды обежит весь двор.

Хм, где это я? В обеденном зале? Чудесно, здесь и начнем!

Внимание! Внимание! Внимание!

Кто хочет избавиться от скуки

И жизни вернуть очарование —

Возьмите все в свои руки!

Скинув ботинки, я ловко запрыгнула на стол с ногами и вскачь понеслась, лавируя среди тарелок с пирожными и чашек с чаем. Дамы взвизгивали, кавалеры ругались, но почти в каждом взоре светился интерес: что это задумала шутовка? С Лале всегда весело — знает каждый во дворце!

Выбирайте любую маску —

И спешите на бал без опаски,

Коль уже отыскали причину,

Вас которой прельстила личина!

Выкрикивая задорным речитативом рваные строчки, я подхватила серебряную крышку от блюда с тортом и большую ложку, и дальше уже сопровождала свое выступление

немелодичным, но громким звоном. Так-так, что я слышу? Среди фрейлин уже загуляло слово «маскарад»? Прелестно!

Благородные леди и лорды!
Долой же унылые морды!
Самой короткою ночью
Удачлив лишь тот, кто хохочет!

Ох, грубовато получилось, ну да ладно. Зато вон как зашевелились! Кто это шепчется со стражей, некрасиво тыкая в мою особу пальцем? Как? Лорд Топаз? Кажется, меня хотят невежливо попросить удалиться и не топтать более белую скатерть. Фи, как грубо! Я же ни одну чашечку не задела, ни одной капельки не расплескала, никому неудобств не причинила... Разве что стащила вишенку с пирожного леди Нанеле Хрусталь, так Кокетка на «малютку Лале» зла не держит... Как бы то ни было, пора закругляться! Что-то мне сегодня нигде разгуляться не дадут — все бегом, все кувыркком, второпях...

Строго прошу не судить —
Но следует мне поспешить.
Всем до свидания,
Благодарю за внимание, —

— быстро скомкала я окончание стишка, уворачиваясь от рук стражников. Невольные блюстители порядка хоть и посмеивались в усы, но, видать, всерьез вознамерились выкинуть нарушительницу спокойствия из зала. Мило на них нет, нахалов!

— Подробности в афише! — крикнула я, сиганула через головы стражников и, петляя, как пугливая крольчиха, убегающая от голодной лисы, понеслась к приоткрытым дверям.

«Так, — размышляла я, болтая ногами на подоконнике в коридоре. — Мило я уговорила, у Тарло афишу заказала, придворных оповестила... Что же мне еще поделать?»

Гостям нашего Дома приглашения мы с Мило, пожалуй, разошлем в письменном виде. Присядем сегодня после обеда, да и подпишем... А сперва у Ее величества одобрение получим — вдруг она кого-то видеть не захочет. Может, мне кого-то лично пригласить? Да, пожалуй, так и поступлю. Загляну вечерком к Танше. Он, конечно, наверняка уже знает, но официально-то он при дворе не состоит, а значит на письменное уведомление надеяться не может, прямо как невидимка какой-то — везде бывает, все о нем знают, а формальных почестей не оказывают... К слову, о невидимках. Гость из Дома Осени тоже не получит приглашения, а королева, несмотря на свою неприязнь к лорду Кириму, вряд ли будет против его присутствия... Решено, загляну к Шайю!

Не долго думая, я спрыгнула с подоконника и подбежала к ближайшей двери — идти через весь дворец совершенно не хотелось.

Щелкнул замок. В приоткрытую щель видна была лишь темнота. Настороженная, я на цыпочках прокралась внутрь. Дверь захлопнулась, отрезая всякий свет. Через некоторое время глаза попривыкли к сумраку внутри комнаты и стали различать смутные очертания предметов. Напротив — коридор либо зеркальная панель, справа — наглухо закрытое

ставнями и gobеленом окно, чей контур слабо-слабо высвечивается в окружающей темноте. Пуфы, подушки на полу, мягкая высокая кровать... Неужто лорд Кирим-Шайю спит? Впрочем, чему удивляться — говорят, его видели в салоне леди Агат, где он до утра вел споры о высокой политике.

Мучимая любопытством, я скользнула ближе, наклоняясь над изголовьем. Колокольчики пришлось собрать в кулак, чтоб не звенели. От постели исходил пряный, теплый запах дорогих благовоний и сухих осенних листьев. Ложе было выдержано либо в черных, либо в алых цветах — во мраке и не различишь, но оттенок явно темный. Да и волосы лорда, разметавшиеся по подушкам, почти полностью сливались с покрывалами... Наверное, все-таки карминовый. Интересно взглянуть на эту комнату при свете...

— Что привело вас в мои покои, леди? — мягким бархатом скользнул по коже тихий голос.

Лишь долгая, закалившая нервы карьера шута не дала мне подпрыгнуть на месте, завизжать, как фрейлина и покраснеть, как девчонка. Хм, румянец в темноте все равно не различить.

— Королева устраивает бал-маскарад, — как можно непринужденнее ответила я, присаживаясь на край постели, и чуть не утонула в мягчайшей перине, укрытой гладким шелком. — Подробности узнаете завтра из афиши, которую мне обещал сделать лорд Мечтатель. Я решила, что вы можете посчитать курсирующие по дворцу слухи неравной заменой приглашению...

— Так это приглашение? — из-под приопущенных век его по-звериному сверкнули зрачки — один ало-желтым отливом, другой — синим, как ночное небо. Сверкнули — и угасли, медленно, как тающие угли. — Благодарю. Прошу простить за столь неприятный вид в светлое время суток, но так получилось, что я отошел ко сну лишь пол-оборота назад...

Мне стало стыдно, честное слово. Лорд уснул примерно в то время, как я носилась по столовой, распевая куплеты, и тут его дрему прерывают... Будь я на его месте, сейчас бы уже по всей комнате летали перья из подушек, пусть бы даже ко мне заглянула сама королева.

— Это я должна просить прощения, о терпеливейший, — моя голова покаянно склонилась. — Не смею больше мешать вам и смиренно удаляюсь...

Но не успела я подняться, как сильная рука обхватила мое запястье и дернула назад. Лицо Кирима-Шайю оказалось совсем близко — взор ко взору, дыхание смешивается. В глазах лорда продолжало медленно тлеть странное сияние.

— А вы не хотите остаться здесь... Лале?

Мое собственное имя подтаявшей льдинкой скользнуло в уши, вызывая волны мурашек и невольную дрожь. Лал-ле, Ла-аль-ле... Так холодно и нежно, что я не сразу поняла, о чем говорит лорд.

— П-простите? — заикаясь переспросила я, вырывая свою руку из его цепких горячих пальцев и отступая на шаг. Кирим не отвечал — только улыбался, и белые зубы влажно поблескивали в полумраке комнаты.

Не в силах выносить напряжение, я пробкой выскочила из спальни, сжимая в ладони ключ, не говоря ни слова. В растерянности проскочила нужный этаж и не рискнула обращаться больше к волшебству, будучи в столь расстроенных чувствах — решила спуститься по лестнице. Бегом — мне не терпелось очутиться в своих покоях, в тишине и безопасности. На середине полета под ноги подвернулась складка ковра, я неловко

взмахнула руками... Пальцы бессильно царапнули воздух в сантиметре от перил. Затылок пронзила резкая боль, я распахнула глаза... и очутилась в малом королевском кабинете.

— А вот и она! — обрадовано воскликнул звонкий мальчишечий голос за моей спиной. — Долгохонько ждали, да и дождались!

— А есть ли в этом смысл? — прошелестел девичий. — И если есть, то какой?

— Не будь букой, — возмутился паренек. — Вечно огород городишь! А жить-то когда надобно?

— О, милый, ты слишком легкомыслен, — возразила его собеседница. — Впрочем, это неперменное свойство шутов. И, вижу, перед нами достойная твоя преемница...

Не в силах дальше сдерживаться, я обернулась. За королевским столом восседали двое. Точнее, девица-то расположилась в кресле, а вот мальчишка — на его подлокотнике.

Ее сложно было назвать красавицей. Массивные черты лица, пухлые губы, нос с горбинкой... Но осанка и тяжелая каштановая коса, дважды уложенная вокруг головы, придавали ей облик царевны из старых сказок. Глаза незнакомки скрывала ярко-синяя повязка — в тон атласным лентам на бело-синем платье. Собеседником девушки оказался мальчишка примерно с меня ростом, даже не пронзительно-рыжий — красноволосый, будто бы голова его горела. Он был облачен в черный наряд — жилетка, рубашка, брюки, да чулки в белую полоску. Я пригляделась получше...

— Безумный Шут! — вырвалось у меня хриплое от восхищения.

— Верно-верно, умница моя разумница, — широко улыбнулся паренек, демонстрируя щель между передними зубами. Все лицо мальчишки было усыпано большими рыжими веснушками. — Скорехонько догадалась. Сразу видать — яблочко от яблоньки недалеко падает.

— Как бы не оказалось то яблоко червивым и негодным, — фыркнула девица высокомерно. — Я — Слепая Судьба.

— Приятно познакомиться, — вежливо присела в реверансе я, оттягивая бриджи. — Чем обязана вашему драгоценному вниманию?

Карты переглянулись.

— Нам дозарезу нужно передать кой-что Тирле, — пояснил мальчишка. — А она, бяка такая, третью ночь не спит. Все дела государственные, тьфу-тьфу, — поплевал он через плечо.

Я мгновенно насторожилась.

— Моя особа в вашем распоряжении.

— Не сомневаюсь в этом, — девица поднялась с кресла и обошла стол, приближаясь ко мне. В глазах мальчишки появилось сочувствие. — Держи! — она кинула мне небольшой желтоватый предмет.

— Что это? — нахмурилась я — но вещичку поймала. Шутовские привычки, не иначе.

Та, что назвалась Судьбою, недовольно заломила бровь.

— Колокольчик. То, что нужно, чтобы запомнить мои слова. Иначе, проснувшись, ты позабудешь все, что здесь происходило.

— Так я сплю? — вопрос прозвучал до крайности глупо.

— Почти, — мальчишка почему-то смутился. — Времени ни крупиночки не осталось, пришлось намудрить маленечко...

— Ты мертва, Лале, — прервала его Судьба. От ее слов у меня коленки чуть не подкосились. — Но не тревожься, это ненадолго. А теперь — начинай звонить и петь такую

песенку: «Нет ничего в груди... Лишь дин-дон — звонит костяной колокольчик... все дин и дон — звонит костяной колокольчик... и дин, и дон — звонит костяной колокольчик... Сердце мое разбито!»

— Что за дурацкая песенка! Ни складу, ни ладу, ни смысла особого, — пробормотала я, разглядывая инструмент. На ощупь он был шершавым, словно и вправду сделанным из кости.

— Песня как песня, — пожалала плечами Судьба. — Она такова, какова твоя жизнь. Начинай — быть мертвой даже Хранительнице не очень-то полезно.

Чувствуя себя круглой дурой, я заголосила, размахивая колокольчиком:

— Нет ничего в груди... Лишь дин-дон — звонит костяной колокольчик... все дин и дон — звонит костяной колокольчик... и дин, и дон — звонит костяной колокольчик... Сердце мое разбито! Нет ничего в груди...

Глухой звон все сильнее отдавался в ушах. И вскоре мне уже чудилось, что под ребрами у меня образуется болезненно-жгучая пустота. Кровь медленней бежала по венам, легкие кололо...

— Нет ничего в груди... Лишь дин-дон — звонит костяной колокольчик... все дин и дон — звонит костяной колокольчик... и дин, и дон — звонит костяной колокольчик... Сердце мое разбито! Нет ничего в груди... Нет ничего в груди...

Перед глазами все затянуло кровавой поволокой. Мне хотелось отбросить проклятый колокольчик, но он словно пустил корни в моих пальцах. Я почти ощущала эти незримые тонкие нити, пробивающие насквозь плоть...

— И дин, и дон...

И в тот момент, когда я почти уже ничего не ощущала, кроме грохота и бесконечной тянущей боли в груди — громко и ясно, словно со всех сторон зазвучал клич:

— Идет Прилив Приливов! Бойся воды, о моя королева!

— ... госпожа! — оглушил меня тут же вопль Мило, и я резко села, чуть не налетев на склонившегося ученика лбом. — Госпожа, вы целы?

Ох-ох-ох... Как же болит мое слабое тело... Горло дерет, словно я полчаса песни орала.

— Что случилось, Мило?

— Думаю, вы упали с лестницы и потеряли сознание, госпожа, — предположил ученик, помогая мне подняться. — Но шея ваша была вывернута под странным углом, и вы долго не приходили в себя... Эти глупцы, — он кивнул на любопытно поглядывающих через перила с верхнего этажа, — догадались позвать меня лишь спустя добрых пол-оборота. И только я подошел, как вы вдруг задержались и заорали страшным голосом: идет...

— Прилив Приливов, — задумчиво закончила за него я. — Где-то мне уже приходилось слышать эти слова, Мило... Ладно, нам срочно необходимо навеститься к королеве, а пользоваться силой ключа я пока не желаю... Да и на ногах стою с трудом, — констатировала я, попытавшись сделать шаг. Пол и потолок тут же начали играть в опасную карусель. — Будь добр, отнеси меня. И никаких «через плечо», понял?

— Как пожелаете, моя госпожа, — склонился ученик и бережно поднял меня на руки.

До кабинета мы добрались без сюрпризов. И то хорошо — многовато неожиданностей в один день...

Пусть придет большая волна.

Пусть превратит эти скалы в песок.

Пусть смочет песок в океан

Силой жестокой
Бурный поток.

Сонная вечность устала ждать.
Горькие брызги в короне скал.
Не избежать. Не угадать.
То ли найдешь,
Что ты искал?

Мне надоело кричать в пустоту,
Но поднимется что-то со дна.
Соль и вода разъедают черту.
Пусть придет большая волна.
Пусть придет большая волна.
Пусть придет большая волна!

Глава одиннадцатая, в которой звучат несмешные истории и неожиданно падают тяжелые предметы

Спешите на бал-маскарад!

Историй забавных парад,

И танцы, и в небе свечение -

Для вашего все развлечения! — гласила афиша, приклеенная к стене по правую руку от дверей в парадный зал. Объявление пестрело красками всех оттенков розового, желтого и синего цветов так, что глаза резало. С высоты творение Мечтателя выглядело еще напыщенней и нелепей, чем вблизи. Вокруг надписи словно бы приплясывали маски с пририсованными ножками, более, на мой взгляд, подходящие большому карнавалу Дома Лета, чем скромному балу Ее величества Тирле.

— В чем дело, госпожа? — учтиво склонил голову Мило, прижимая к груди шляпу с полосатым пером. — Вы чем-то недовольны?

— О, нет, мальчик мой, нисколько, — тихонько вздохнула я, расправляя белый меховой воротник. — Мне кажется, или лорд Тарло сделал объявление, больше похожее на цирковую афишу?

Мило распрямился и нахлобучил шляпу на голову. Широкие поля роняли густую тень на верхнюю половину лица — лишь глаза посверкивали, как у зверька. Зато широкую ухмылку было видно издалека — ученик сегодня намерен был дать волю своей природной извительности и приправить ее толикой высокомерия. Личина обязывала, как-никак.

— А разве мы спешим не на представление, о леди? — вкрадчиво поинтересовался он. — Осталось только разгадать, кто сегодня будет зрителем, а кто — артистом, кому достанутся роли клоуна и плаксы, да чья рука будет выбирать музыку, под которую мы все дружно спляшем.

Я звонко расхохоталась.

— О последнем и размышлять не стоит — весь дворец пляшет под дудку Тирле Обманчивый Сон, что, впрочем, есть несомненное благо. Если монарх не может удержать в повиновении двор, что уж говорить о стране? А вот полюбоваться на маски и костюмы я бы не отказалась. Уж больно таинственные рожи корчил каждый второй минувшим днем!

Авантюрин галантно протянул мне руку, утопающую в кружевных манжетах, чудом не задевая ряд ламп.

— Так что же помешает нам, госпожа, спуститься сейчас вниз, в коридор, и войти в двери, дабы рассмотреть наряды придворных с надлежащим вниманием?

Я удостоила ученика скептического взгляда, проигнорированного с царским достоинством.

— Мило, умница моя, а разве не странно будет выглядеть то, что Охотник и Лисица войдут в зал под ручку?

— Это будет выглядеть забавно, госпожа, — не моргнув глазом, вывернулся ученик. — А ведь нам того и надо, не так ли?

— Все так, — согласно кивнула я. — Спускаемся, дорогой мой? И так последние идем, позже самой королевы...

— Кабы не ее задание переговорить с поварами о дополнениях к десертному меню, то в самый раз бы пришли, — проворчал Мило и соскользнул вниз, спрыгивая с высоты более

чем в четыре своих роста так же легко, как и взлетел на нее вместе со мною полтора оборота назад. Волшебник, что с него взять! Люстра при этом лишь едва качнулась — в эпоху короля Соло вещи делали на редкость массивные.

Отсюда, сверху, мой ученик казался совершенно не похожим на самого себя. Любимые Мило алые, золотые и фиолетовые цвета вычурных нарядов уступили сегодня место скромным оттенкам летнего леса — коричневым, словно древесная кора, сапогам до колена и плотным замшевым бридгам, и мшисто-зеленому сюртуку с отделкой того же тона, что и бриджи. Лишь рубашка осталась, как и прежде, белоснежной, с пышными кружевами на воротнике и рукавах. За спиной у Авантюрина крепился арбалет и связка с болтами — то ли бутафорскими, то ли настоящими, так сходу и не разберешь, а голову венчала широкополая, чуть измятая коричневая шляпа с длинным фазаньим пером — Мило выбрал наряд Охотника.

— Прыгайте, госпожа! — воскликнул ученик, запрокинув голову. — Я поймаю, не бойтесь!

В ответ я только фыркнула:

— Еще чего, неугомонный! Отойди-ка лучше в сторону, еще помнешь мой костюм своими ручищами! Эх, была — не была!

С силою оттолкнувшись руками от тяжелых медных прутьев, я спрыгнула вниз. Мило поспешно отступил, давая место для маневра. Скользящий пол преобильно ударил в ноги, несмотря на мои старания смягчить приземление, и лишь чудом удалось мне не шваркнуться с размаху затылком о плитки.

— Старею, Мило, раньше и не такие высоты брала. А теперь — забираться-то забираться, а вот спускаться трудно, — с сожалением покачала я головой, расправляя задравшийся в полете хвост. Тот никак не желал ложиться по-старому, будто бы в насмешку топорщась. — Чуть было наряд не испортила.

— Ох, наряд ваш... — вздохнул ученик. — И угораздило нас приодеться, не посоветовавшись...

Что верно, то верно. Но постороннему наблюдателю наверняка показалось бы, что костюмы мы выбирали сообща. Даже по цвету одежда гармонировала. Коричневый — зеленый — рыжий... Я изображала лисичку, и к этому делу подошла со всей серьезностью и старанием. Даже волосы заплела в одну-единственную косу и уложила ее вокруг головы, чтоб обычные мои колокольчики не отвлекали внимание от наряда. К косе крепились шпильками аккуратные ушки, сшитые на заказ из клочков лисьей шерсти. Белыми были сапожки до середины икры, перчатки и пушистый меховой воротник. Оранжевыми — длинные бриджи, замшевая короткая курточка с узкими рукавами и привязанный к ее полам хвост. Глаза я сегодня подвела черной краской, затемнив заодно и ресницы, мгновенно став похожей на жительницу гор — только они делают макияж столь броским. С другой стороны, яркость — это, скорее, черта всего нынешнего времени, чем одного государства. Каждый второй нынче красит волосы в дичайшие цвета — как Ларра Ночной Бриз, или Нанеле, или супруга лорда Галло... да кого ни возьми! И только у немногих краска — элемент традиций, как, к примеру, у Кирима-Шайю... Да и слоем пудры чуть ли не впалец никого уже не удивишь. Порою меня одолевает чувство, что во дворце всякий день маскарад, и участники его прячутся за выдуманной личинами. Одна — кокетка, другая — скромница, третий — соблазнитель, четвертый — благородный господин... Всех масок не перечесать! Искренность нынче прозывают глупостью, открытость — незрелостью, а доброту кличут слабостью. Не

приведи кошка посочувствовать кому-нибудь от всего сердца, мигом прослынешь странным либо подлизой...

Ах, что-то я разворчалась... Прямо как Холо когда-то, право слово.

— Идем, Мило. Пора бы уже придворных повеселить и самим поразвлечься!

В зал мы, по обыкновению, проникли тайком, открыв дверь в один из секретных ходов за гобеленами. Расшаркавшись с наблюдателем от Тайной канцелярии, занявшим свой пост дежурного на стульчике за спрятанным входом, откинули ткань и тихонько проскользнули внутрь.

«Мех и замша — пожалуй, слишком жаркий наряд даже для ночного бала», — посетила меня с запозданием здравая мысль. Воздух в зале разогрелся от волшебных огоньков, пляшущих в светильниках под потолком и на стенах, а от смешанного запаха духов, еды и ароматических масел не спасали даже настезь открытые окна.

Костюмы придворных сегодня затмили своей яркостью даже драгоценные камни на стенах и потолке. Кого здесь только не было! И звери, и птицы, даже те, что лишь в сказках и обретаются, и персонажи легенд, и герои мифов, и «иноземные» гости, а уж «принцесс», «волшебников» и «карт» и вовсе не сосчитать. Одних шутов набралось с дюжину, и каждый норовил обрядиться в столь броский наряд, что в глазах зарябило. И у всех прически или рыжие парики украшали непременные колокольчики. О, как лестно! Не знала, что я пользуюсь таким успехом.

Придворные не стояли на месте. Кто-то плясал в отведенном для танцев месте в западной части зала, рядом с оркестром. Другие — бродили вдоль столов, уставленных закусками, фруктами и вином, пробуя то и это. Третьи — вели светские беседы, флиртовали или ругались — словом, общались. А часть дворцовых бездельников собралась у помоста, на котором, согласно нашей с Мило задумке, устраивались импровизированные представления «в защиту личины».

— Ох, смотрите, госпожа! — прервал мои наблюдения ученик, привлекая внимание к «сцене». — Лорды Тарло и Танше выступают!

— Неужели? — живо откликнулась я, впиваясь глазами в происходящее на помосте действо. — О, что за прелесть!

Художник и менестрель выбрали для маскарада одну на двоих историю. Полагаю, Тарло справился с костюмами, а Танше взял на себя заботу о речах. Представление получалось чудесное! Мои добрые друзья изображали ссору Ворона и Кота за свободу людей. Бард нарядился коварной птицей, а художник — благородным ее братом. А как были исполнены костюмы! Мало того, что Танше надел плащ, напоминающий вороньи крылья, и полумаску с клювом, так он еще и в волосы перьев натыкал! Сейчас плащ был вывернут светлой стороной кверху — видимо, ворон еще не «измазался сажей», чтобы в ночи к брату подкрасться. Бедняга Тарло, как и я, изнывал от жары в мехах — куда от них деться в костюме кота! — но, кажется, наслаждался балом. Ура, ура, трижды ура! Закончилась тоска для художника.

— Чудесно, чудесно! — захлопала в ладоши со своего трона Тирле, и я перевела взор на королеву.

Наряды Тирле и Ларры дополняли друг друга: он оделся Владыкою недр земных, а она — Морской царицей. Черная и голубая парча против усыпанного драгоценными камнями бархата... Неплохой выбор для властителей. Встретившись с Ее величеством взглядами, мы обменялись кивками, а потом веер в пальцах Тирле небрежно крутанулся, и королева ясно дала понять, что всем довольна и в моих услугах пока что не нуждается. Что ж, тем лучше —

отдохну в свое удовольствие. Чем работы меньше, тем лучше живет человек!

— Приветствую вас, леди, — окликнули меня низким голосом. — Вы сегодня обворожительны. Позвольте пригласить вас на танец?

— Я никогда не танцую, лорд Кирим-Шайю, — расцветая улыбкой, обернулась я. Мило нахмурился, поджал губы, но быстро справился с собой и вновь ухмыльнулся. Право, никак не пойму, что за странная неприязнь? Ничего дурного лорд нам не сделал, напротив — и разговорами развлек, и о камнях поведал, и котенка помог найти... Ох... о котенке, пожалуй, лучше не вспоминать. — И даже для вас не могу сделать исключения... О, какой костюм! Великолепно!

Кирим чуть склонил голову, принимая заслуженный комплимент. Этим вечером посланник Осеннего дома и нарядился столь изысканно и роскошно, что отвести взгляд не было никаких сил. Черный шелк с сочно-красным вышитым рисунком, изображавшим крылатых змей и причудливые травы, цеплял глаз и заставлял вновь и вновь оглядываться на яркую фигуру. Покрой костюма был традиционным для западных краев, но многие детали — разрезы на рукавах, широкий пояс с кистями, чуть более глубокий вырез — выдавали в нем наряд горского царевича. Напудренная белая кожа словно в противоположность с полночным шелком чуть мерцала и переливалась. Не поскупился лорд Шайю и на украшения: черные бусы с крупным кулоном матово поблескивали на свету, покачивались в ушах круглые серьги-кольца из того же камня, тонкие пальцы были унизаны перстнями из светлого серебра и красного золота. Волосы Кирим, по обыкновению своему, уложил в высокую прическу, закрепив ее лишь спицами и шпильками из черного самоцвета. К слову, темная полоска у корней исчезла — наверное, к балу лорд решил обновить алую краску на волосах. Макияж тоже был незабываемым: сильно зачерненные веки и ресницы, багряные, как глянцевая вишня, губы.

— Кем вы нарядились, лорд Кирим? — полубопытно спросила я, обходя его вокруг. Наряд был сшит точно по фигуре, подчеркивая все лучшее... а скрытых недостатков даже мой наметанный взгляд не различил. — Что-то из легенд, верно?

— Верно, моя леди, — кукольно улыбнулся предмет моих восторгов. — Из весьма любопытного сказания...

— О, это мне по вкусу! — воскликнула я, вызывая этим новый приступ меланхолии у Мило. Да что творится с моим учеником, хотелось бы знать? — Расскажите?

— Возможно, — в улыбке Шайю появилось коварство. — Но только если вы станцуете со мною... леди, — он склонился к моему уху, обдавая пряным и сладким запахом. У меня дух захватило. — Хотелось бы побеседовать с вами.

И, словно в угоду его словам, оркестр заиграл мелодию одного из новомодных танцев, для которого леди не требовались ни пышные юбки, ни высокие каблучки с металлическими набойками. Видно, судьба... да и любопытно, что за разговор потребовался чарующему господину из Дома Осени.

— Хорошо, но только один разок, — беззаботно кивнула я, принимая протянутую руку. На ощупь даже сквозь перчатку пальцы его показались мне холодными и гладкими.

Кирим-Шайю улыбнулся и увлек меня в хоровод кружащихся пар. Поначалу я чувствовала себя немного скованно — давно не случалось мне плясать для собственного удовольствия, а не чтоб народ посмешишь, но потом освоилась, наловчилась и даже развеселилась, чуть не позабыв о причине, заставившей меня изменить своим привычкам.

— Итак, лорд, о чем вы хотели поговорить? — от танцев и жары дыхание мое чуть

сбилося и щеки покраснелись, поэтому со стороны фразы показалась немного томной. — Что-то важное?

— Весьма важное, — на Кирима-Шайю духота нисколечко не повлияла — он оставался таким же свежим, искусственным и по-осеннему прохладным. — Но, честно сказать, я ожидал, что сначала вы поинтересуетесь легендой...

— Легенда никуда от меня не денется, — я кокетливо взмахнула ресницами, ощущая себя не шутком, а благородной дамой. — В крайнем случае, я бы просто вызвала вас на сцену и потребовала оправдать ношение маски.

— О, женское коварство, — голос его был лишен всякого выражения, но мне подумалось, что Кирим веселится. — Впрочем, я бы заслужил подобное отношение, и именно об этом хотел с вами поговорить...

— Неужели? — я так растерялась, что чуть было не оступилась и не толкнула соседнюю пару, благородную чету Халцедон.

— Я хотел бы извиниться за свое поведение тем днем, когда вы передали мне приглашение на бал, — Шайю осторожно поддержал меня за талию, спасая супругов Халцедон от участи быть сбитыми неловкой шутковкой. — Мое предложение было недостойным ни вашего положения прекрасной леди, ни уважения, которое я испытываю к вам.

— О! — только и сумела воскликнуть я с наиглупейшим видом, заливаясь краской до самых ушей.

Живехонько предстала перед глазами темная спальня лорда из Дома Осени, пропитанная запахами благовоний и сухих листьев, цепкая хватка длинных пальцев и горячий шепот в лицо — Лале, Ла-алль-ле... С необыкновенной ясностью я вдруг осознала, что именно тогда заставило меня стрелой вылететь из покоев Незнакомца: понимание, что если задержусь еще на одно мгновение... то останусь.

А, к ворону! Что за наваждение мною тогда овладело? Я не интересовалась никакими соблазнительными лордами со дня гибели Лило-из-Грѐз, вместе с которым похоронила и свое сердце. И теперь какой-то раскрашенный, словно фарфоровая кукла, мужчина, вновь заставляет меня смущаться собственных мыслей! Право же, нельзя менять все настолько... внезапно.

— Когда я окончательно пробудился и стал хозяином своим поступкам и желаниям, — продолжал меж тем держать объяснительную речь Кирим-Шайю, кружа меня в танце по залу, — то ощутил чувство глубокого стыда. Повторю, я восхищаюсь вами, о леди, и безмерно уважаю вас... — последние слова он произнес совсем тихо, приблизив тонкие губы к моему уху. — Мысль о том, что я могу потерять вас, милая Лале, из-за своей несдержанности или грубости, разбивает мне сердце... — пальцы на моем запястье сжались, и я почувствовала дрожь. — Прошу вас, забудьте об этом досадном инциденте. Я сделаю все, чтобы подобное впредь никогда не повторилось.

«Как не повторилось?!» — мелькнула разочарованная мысль и шмыгнула вглубь подсознания испуганной мышкой, спасаясь от острозубой кошки благоразумия. «Не стоит терять голову, дорогая Лале, — сказала я себе голосом наставника Холо. — Карты из враждебного расклада, да еще такие, как Незнакомец-на-Перекрестке, не отдают сердце глупым шуткам. А нужна ли тебе мимолетная страсть, заставляющая лишь сильнее ощутить свое одиночество? Нет? Верный ответ, милая», — похвалила я себя за рассудительность и улыбнулась Кириму-Шайю, как ни в чем ни бывало:

— Ах, лорд, этот эпизод не стоил таких волнений. Я уже давно позабыла о нем... — мой смех рассыпался сотней серебряных колокольчиков. — Как владеющая тайной Ключа от всех дверей, я частенько попадаю туда, где быть не должна, и позвольте уверить, что ваша реакция и вполнину не так обидна, как, например, швыряние в меня ночного горшка или отравленного кинжала, — прощепетала я, вспомнив свой неурочный визит к одной из противных фрейлин Его величества Соло и к мерзавцу Суэло Аметисту. — Оставим все и забудем. Лучше расскажите мне ту легенду, из которой пришла ваша маска.

— С удовольствием, леди Опал, — улыбнулся Кирилл-Шайю, и по его лицу нельзя было угадать, огорчен ли он моими словами или обрадован. — Моя личина зовется «Рю-царевич, потерявший отражение». Легенда звучит так:

«Рю-царевич имел все, что только можно пожелать. Сокровищницы его ломались от золота, кладовые — от самой изысканной пищи: тут тебе и драгоценные вина с равнин, и рыба с побережья, и приправы из далеких пустынь... Прислуживали царевичу лишь самые красивые юноши и девушки окрестных земель, невеста его слыла мудрейшей и прекраснейшей особой, советники были верны, а воины — преданы ему до последней капли своей крови. Состоял при дворе царевича и волшебник, исполнявший все малейшие капризы Рю. Молодой наследник ни в чем не знал отказа, и потому однажды заболел самым страшным недугом — тоской.

Пресной казалась ему теперь пища, скучными — речи невесты, советники и без участия Рю справлялись с делами государства, а фокусы волшебника уже не удивляли и не дарили радости. И в одну из ночей тоска стала столь нестерпимой, что Рю закричал, словно от боли, и выбежал из дворца, одетый лишь в халат и головную повязку. Стража не посмела окликнуть господина и вернуть его обратно, ибо слишком сурово наказывал отец Рю тех, кто посмел обидеть его сына.

Царевич долго бежал, сломя голову, пока ноги не начали подгибаться от усталости. С трудом добравшись до перекрестка дорог, он упал на указующий путь камень и произнес страшные слова: «Пуста и бессмысленна моя жизнь! Все на свете отдал бы я, лишь бы осознать вновь, что такое счастье!» И когда Рю замолчал, в тишине окликнул его мелодичный голос: «Высоких путей тебе, царевич! Но что делаешь ты ночью на перекрестке дорог, почему плачешь так горько? Расскажи мне, прошу». Царевич поднял голову и увидел незнакомца в наряде странника, и был тот незнакомец так прекрасен, будто он не принадлежал к роду человеческому. «Кто ты?» — воскликнул Рю со страхом, и незнакомец ответил: «Я тот, кто исполняет мечты». И тогда Рю возрадовался и рассказал ему о своей беде. Незнакомец выслушал его и произнес: «Я сделаю так, как ты хочешь — позволю осознать, что такое счастье. И взамен попрошу не все на свете, а самую малость — твоё отражение». «Забирай!» — закричал Рю. И в то же мгновение ударила с небес молния, расколов камень, и царевич лишился чувств.

Проснувшись, Рю увидел рядом с собою обгорелые обломки и ощутил неслыханную радость: молния прошла рядом, а он остался жив! «Вот о чем говорил незнакомец — теперь понимаю я ценность того, что имею, — рассуждал Рю, возвращаясь во дворец. — Воистину мудр тот странник». У ворот Рю поприветствовал стражу, но ответом ему была тишина. Царевич подумал, что, верно, воины обижены на него за давешнюю выходку, и беспечно отправился дальше. Но какую бы комнату он ни открывал, с кем бы ни заговаривал — и слуги, и друзья, и невеста смотрели сквозь него. Многие плакали: «Покинул нас царевич,

погасло солнце в нашем небе!» Услышав такие речи, царевич испугался и кинулся к отцу — но даже он не признал сына, не разглядел его. Тогда Рю посмотрел в большое зеркало, висевшее в царских покоях. За холодным стеклом смеялся давешний незнакомец: «Понял ты, что такое счастье, Рю?»

Царевич понял, что незнакомец забрал его жизнь, обезумел от горя и разбил зеркало. С тех пор никто ничего не слышал о Рю.

А в горах и поныне в спальню не ставят зеркал, чтобы не приваживать мертвецов, даже если зеркала и закрыты самым плотным шелком, а перекрестки сливуют дурными местами».

Танец закончился. Я замерла в растерянности.

— Право, лорд, что за жуткая легенда... Тот незнакомец ведь убил Рю-царевича? Лишь мертвые могут любить жизнь во всех ее обликах...

Кирил улынулся.

— Таковы обычаи запада, леди. Наши легенды жестоки, но правдивы и несут глубокий смысл. Значение этой истории таково: мы не ценим то, что у нас есть, и готовы променять истинное счастье на глоток мечты, что почти всегда оказывается ядом.

Я с трудом подавила дрожь.

— Такое воззрение... может существовать, — слова не желали гладко слетать с языка, громоздясь в неловкие конструкции. — А почему... почему вы избрали именно эту маску?

— Почему?... — Кирил-Шайю закрыл глаза, и вычерненные веки показались мне провалами в мрачную бездну. — Возможно потому, что все мы вынуждены были отдать что-то, принимая силу карт. Художник отныне зачахнет без своих картин, Судьба не увидит солнца, в доме Кокетки не зазвенит детский смех... И я... мне... — ресницы его дрогнули, и на секунду сверкнули из-под них два огонька, желтый и синий. — Я потерял право быть собою и жить своей жизнью, как царевич Рю. А вы, Лале? — теперь он смотрел на меня с упором, и взгляд этот пробирал до костей, как ледяной ветер с гор. — Чего лишились вы?

И отчего-то мне показалось, что не о карте Безумного Шута говорил гость из Дома Осени, а о ключе, что вдруг налился невероятной тяжестью.

«Прошлое, настоящее и будущее... Все заберу я у тебя, милая девочка...

...никто не полюбит тебя. Без меня ты — ничто.

Одна, одна, Лале. Помни. Не верь никому. Одна всегда...

Почему, почему ты ушел?...

... Они всегда умирают, Лале. Не верь им. Просто живи. Ведь ты так хотела выжить — любой ценой...»

— Лале? Госпожа моя!

Взволнованный возглас непутевого ученика разбил мое полузабытье-полубред на тысячу острых осколков.

— Мило! — вздрогнула я, выпуская руку лорда Осени. — Что ты здесь дела...

— Вы! — Авантюрин яростно обернулся к невозмутимому, словно кукла, Кирилу. Прелестный контраст! — Не смейте приближаться к госпоже Лале! Каждый раз ваши слова причиняют ей боль!

Позвольте, а это уже не выглядит забавным. Так и до дипломатического скандала недалеко. Да и люди вокруг чувствуют нутром скандал, подбираются поближе, чтобы поглазеть вдоволь... Ну уж нет, сегодня я не на работе, развлекать никого не намерена.

— Мило, Мило, — ласково пожурела я ученика, перехватывая его руку и успокаивающе

проводя ладонью по спине. — Ты ничего не понял. Мы с лордом Киримом просто беседовали о некоторых вещах, которые нас объединяют. Поверь, он вовсе не хотел обидеть меня, да и не так это просто...

Лицо Кирима-Шайю приняло обеспокоенное выражение.

— Я вновь обидел вас, леди? О, позвольте принести извинения!

— Не стоит, великодушный лорд, — воскликнула я, осторожно отодвигая Мило к себе за спину — пусть поостынет. — Довольно на сегодня извинений.

Глаза Авантюрина недобро сузились:

— За что вы уже извинялись перед моей госпожой?

Ох, ох, плохо дело, паленым пахнет! Не хотелось мне сегодня работать, да, видать, без Лале-шутовки не обойтись.

— А, господа! — с оглушительным воплем резко развернулась я к напрягающим слух придворным. — Вижу, помост пустует! Славно, славно! Мило, идем веселить публику — споем дамам и кавалерам песенку о наших масках! Прошу простить, о Кирим-Шайю, но я давно заглядываюсь на сцену. Надеюсь, мы еще поговорим с вами за чашечкой чай с «эликсиром откровения»! — подмигнула я лорду и потащила взъерошенного от злости и немного растерянного ученика к помосту.

— Заходите в любой день... и любую ночь, — поклонился Кирим-Шайю, и выглядело это любезно, насмешливо и завлекающе в то же время. — Буду ждать... с нетерпением.

Мило дернулся. Я лишь сильнее сжала его руку и почти перешла на бег, благо господа придворные предусмотрительно расступились в стороны.

Опомнилась я, лишь оказавшись на сцене.

— Мило, у тебя есть песенка? — ученик ойкнул и незаметно качнул головой. — И у меня нет. Ладно, я начну — а ты подхватывай! Господа! — уже в полный голос обратилась я к толпящимся у помоста аристократам. — Как кажется вам, что за маска у меня?

— Кошка?

— Белка?

— Мышка?

— Лиса?

— В точку! — радостно воскликнула я, отчаянно импровизируя. — Вы невероятно догадливы, Тарло, можете выпить за мое здоровье! Впрочем, нет, лучше сладкого возьмите, — я подмигнула художнику, получив в ответ язвительную улыбку. — А вы, леди Силле Оникс, возьмите-ка свое пенсне — у какой мышки вы увидите такой роскошный пушистый хвост? Впрочем, не это главное достоинство лисы, а...

— Изворотливость!

— Коварство!

— Хитрость!

— И снова — верно, господа! Вижу, на этот раз вы во мнениях сошлись. Впрочем, это была присказка, а что до сказки... Слушайте же песенку о лисице и охотнике! — и проникновенно заголосила:

— Ах, все на свете знают, что беда

Красавицею рыжей уродиться!

Ах, если б смыть могла озерная вода

Клеймо мое несчастное — лисица...

О, каждый норовит на воротник
Мой хвост чудесный приколоть навеки,
И алчности отравленный родник
Питает кровожадность в человеке.
Но в чем моя вина? Ужели в том,
Что навещаю, мол, в ночи загоны с птицей?
Все врут! А, что? Где видите перо?
Ох, угораздило ж меня забыть умыться...
Везде злодеи! Лес опасен и река,
В полях так вовсе прячутся их сотни...
Но нет лисе ужаснее врага,
Чем опытный, безжалостный охотник! —

— патетически воскликнула я, заламывая руки, и быстро глянула на Мило. К счастью, ученик уже позабыл о ссоре с лордом Осени и полностью отдался представлению. Торжественно он выступил вперед, трагично прикрыл ладонью глаза, прижимая другой рукой шляпу к груди, и запел с тоской:

— Будь проклят час тот несчастливый,
Когда заказ я принял на поимку
Курятник обокравшего под ивой
Загадочного вора-невидимки.
Все помню... Ночь, засаду и ловушки,
И злое квох-квохтанье петуха,
Ревнующего курочек-несушек
К охотничьим высоким сапогам...

Я чуть не покатила со смеху, вслушиваясь в чушь, которую с совершенно несчастным видом нес Мило. С чего бы это петуху ревновать кур к сапогам? Или, как говорится, рифма требует?

— И помню, как луна светила тускло,
И помню, как поникли все цветы...
И помню, как скрываясь так искусно
Из леса прокралась в курятник ты!
О, я не смог сгубить очарованье
И совершенство рыжее твое!
И быть охотником — жестокое страданье,
Коль сердце от любви к тебе поет...
Но я не сдамся! Я недаром — лучший!
Я выслежу тебя и полоню,
И если не желаешь меня слушать...
Перед тобою голову склоню:

Пусть будет мне свидетелем звезда —
С отказом не сумею я смириться...
Ах, умоляю, ты ответь мне «Да!»...
О, горе мне... Влюбился я в лисицу!

Чем дальше я слушала, тем больше смущалась невеста от чего. Мило пел с такой страстью и отчаянием, что дрожь пробирала. Придворные дамы тоже не оставались равнодушными, краснея и бледнея. И это внимание к ученику заставило меня почувствовать себя... уязвленной. Накатила странная злость — захотелось испортить песенку Авантюрина, заставить его страдать по-настоящему, а не картинно, на потеху дворцовым вертихвосткам. Я трянула головой, рассыпая шпильки, и решительно вклинилась в выступление:

— Лиса с охотником? Звучит ужасно дико!
Ах, сударь, бросьте этот странный бред!
Свидетельствуй, поляна с земляникой:
Ведь я отвечу, без сомнений, только...

Мило побледнел, прикусив губу. Я осеклась, не в силах допеть последнее слово. Мы молчали и смотрели друг на друга, не зная, куда деться. И вдруг раздался ужасный скрежет. Я задрала голову и нелепо застыла, глядя, как раскачивается над моей головой большая люстра на полсотни свечей, как лопается толстая цепь, как тяжелая конструкция накреняется — и срывается вниз...

— Нет! — крикнул Мило, кидаясь вперед и отпихивая меня с помоста.

От удара из легких воздух вышибло. А через мгновение люстра врезалась в сцену, и брызнули в разные стороны щепки, осыпая градом прикрывающего меня собою ученика — все под оглушительный визг перепуганных дам.

— Госпожа, вы целы? — встревожено спросил Авантюрин, убирая с моего лица выбившуюся из косы прядку.

— Разумеется, глупый... — ломано рассмеялась я, чувствуя неловкость и облегчение одновременно. А еще — странную боль в сердце. — Знаешь, мне немного тяжело... — с намеком подняла я одну бровь и шутливо пихнула ученика кулачком в грудь.

Мило охнул, покраснел и вскочил на ноги.

— Простите, госпожа, — он осторожно протянул мне руку, помогая подняться.

Эти слова словно послужили сигналом для начала паники:

— ... она упала, упала, сама упала!

— ...о, это ужасно, еще немного, и...

— ...бедный Мило, он так рисковал из-за этой...

— ...ах, какое ужасное событие!..

— Тихо! — поднявшись с трона, властно гаркнула королева, перекрывая галдеж. — Отставить бардак! Господа аристократы, уважаемые гости — прошу в сад, дабы продолжить праздник там. Лорд Авантюрин и леди Опал, с которыми, как вы видите, все абсолютно в порядке, подготовили замечательный фейерверк, не так ли?

Мило опомнился первым, склонившись в вежливом поклоне, пока я недоуменно хлопала глазами:

— Так, Ваше величество. Ракеты для салюта со мною, — он выразительно хлопнул по связке с болтами. То-то я думала, зачем он их с собою таскает! Так и знала, что не просто для антуража! — Господа, прошу... — он подхватил меня под локоть и потащил прочь из зала, как еще недавно тянула я его на злополучную сцену. Придворные и гости, оглядываясь с любопытством на королеву и начинающие дымиться остатки помоста, последовали за нами.

— Как думаешь, почему она свалилась, Мило? — поинтересовалась я, улучив момент. Мысли все еще немного путались. — Неужели ее плохо закрепили? Или цепи ослабли?

Авантюрин усмехнулся — неожиданно жестко.

— Нет, — покачал он головой. — Дело не в крепежах. Творениям эпохи правления Соло Янтарного даже время не страшно. Думаю, госпожа, что это было... покушение.

Меня поразил приступ безудержного хохота. Коса окончательно размоталась и свесилась через плечо. А, гулять, так гулять! Я хорошенько дернула душивший меня весь вечер меховой воротник. Нитки жалобно затрещали и лопнули.

Так-то лучше. Дышать полегче стало, и сразу голова заработала.

— Покушение... — слова Мило уже не казались мне такими абсурдными. — Все может быть. Но почему не несчастный случай?

Ученик пожал плечами.

— Это очевидно. Люстра качнулась до того, как лопнуло звено в цепи. Собственно, крепление разошлось из-за движения.

— Ужас какой, Мило! — вырвалось у меня. — Выходит, мы рисковали, сидя на той люстре перед входом?

— Выходит, так, госпожа... Но я следил за вашей безопасностью, не беспокойтесь.

— Следил он, — проворчала я, нервно теребя ключ. — За собой следи лучше. Мне-то ничего не сделается, а вот ты уязвим. Думаешь, обрадуюсь, если из-за моей беспечности с тобою что-нибудь случится? Впредь говори мне, если я забываюсь и начинаю творить глупости.

— Как пожелаете, госпожа, — склонил голову ученик.

— Ладно, оставим это, — махнула я рукой. — Так что с покушением? Говоришь, сама качнулась? Не думаешь ли ты, что там было замешано волшебство?

— Все возможно, — задумчиво откликнулся Мило. — Потому королева и выставила нас из зала — хотела дать возможность Тайной канцелярии осмотреть место, пока следы свежи. Госпожа, — он вдруг запнулся. — А не хотите ли вы спуститься за холм, к остальным гостям бала? Право, вид оттуда на фейерверк будет значительно лучше...

— Брось, Мило, — улыбнулась я. — Лучше с тобой посижу. Доставай ракеты!

— С удовольствием, госпожа, — поклонился ученик. — Первый залп — в вашу честь!

Я присела в шуточном реверансе — да так и плюхнулась на траву. Поерзала, устраиваясь поудобнее, заложила руки за голову — красота! — и приготовилась смотреть обещанный салют. И лишь расслабившись, вдохнув полной грудью, осознала, как испугалась тогда, в зале, когда люстра качнулась.

Не за себя. За Мило...

... Лиса с охотником? Звучит ужасно дико!

Ах, сударь, бросьте этот странный бред!
Свидетельствуй, поляна с земляникой:
Ведь я отвечу, без сомнений, только «Нет»...
Да только кто послушает лисицу,
Когда охотник все давно решил дела...
С ошейником придется мне сродниться —
И... не сказать, чтоб против я была!

Глава двенадцатая, в которой исполняются мечты, а Ее величество отдает неприятный приказ

Солнце уже почти завершило свой путь в небесных сферах, а я до сих пор не видела своего ученика, и, весьма вероятно, не увижу до заката. Сей факт ввергал меня в глубокое, не подобающее шуту уныние. Впрочем, подобные дни, когда мы проводили время порознь, случались и прежде, но совсем редко выходило так, чтобы не было никакой возможности встретиться. Но сегодня, в день, что выбрала Ее величество для собрания всего расклада Дома Камней и Снов, нам с Мило пришлось разлучиться — простому человеку, будь он хоть аристократом или волшебником, нет хода туда, где дела обсуждают карты. Для любого, даже самого захудалого Дома, колода — это высшая власть и величайшая тайна.

К слову сказать, крестьяне, горожане и прочий малообразованный люд и знать не знает о раскладах. Венец чудесного для низших сословий — аристократы. Власть и богатство в глазах простого народа — почти синоним колдовства, явление недостижимое и необъяснимое. В волшебников обычный крестьянин даже и не верит, полагая их всего лишь сумасшедшими фокусниками, но порой екает сердце: а вдруг чудеса и впрямь случаются? Не зря в народе из уст в уста передают легенды о Коте да Вороне, о девах, что приказывают приливам и живут на дне морском, о дивном ключе, что любую дверь отпирает, и Хранительнице его безумной... К тому, чтобы последняя побасенка перешла из непреложных истин и пугающей действительности в разряд страшноватых сказок, я в свое время приложила изрядные усилия. Даже во дворце мои фокусы с ключом списывают ныне на волшебство Мило или статус Безумного Шута.

С моей точки зрения — несомненное благо.

Дворяне, купцы, слуги в зажиточных домах и военные осведомлены об истинном положении дел несколько лучше, но, увы, ошибочно полагают колдунов тайными вершителями мировой политики. Спесивцы в бесформенных робах, сами заточившие себя в Башню, кажутся им истинными чудодеями. Да и попробуй не поверь в волшебные силы, когда, почитай, каждый день сталкиваешься с ними во дворце! А кроме того, ходят среди среднего сословия упорные слухи, что не все так просто с раскладами, мол, не на потеху королеве собираются карты...

Высшая аристократия, посвященная в дворцовые интриги, и волшебники знают это наверняка. Посвященные к картам относятся с почтением и глубоко затаенным страхом. Монарх, возглавляющий страну, является еще и первым в раскладе, и потому власть короля в Доме не оспаривается и не подвергается сомнению. Мы же, составляющие колоду, прекрасно понимаем, что зачастую нами, да и самой Леди Теней, управляют иные, нечеловеческие силы — истинные карты, как Безумный Шут и Слепая Судьба, не так давно передавшие через вашу покорную слугу привет для Тирле. И порою мне в голову закрадывается крамольная мысль: а вдруг истинные карты — не конец цепочки? Кто знает, кем был на самом деле наставник мой, Холо, откуда берут начало легенды о ключе, о Вороне с Котом?

Воистину мир непознаваем...

— О чем вы задумались, милая Лале?

Я подняла голову. Кабинет Ее величества, пустовавший еще несколько минут назад, начал постепенно заполняться людьми... Теми, кто когда-то был людьми. Одним из первых

ко мне присоединился Тарло, Печальный Художник, девятка вассалов, семнадцатый в раскладе. Сегодня Мечтатель выбрал самую простую одежду: светлую рубаху из некрашеного льна со шнуровкой на груди, коричневые штаны и плащ. На ткани виднелись не до конца отстиранные пятна краски: синей, зеленой, алой, оранжевой. Рукава Мечтатель закатал до локтей, а обувью и вовсе пренебрег. Впрочем, таков церемониальный наряд Художника, и именно он требуется для сегодняшнего собрания. Тарло пускай и не франт, но за модой следит и появляться в обществе неухоженным не любит, а потому вряд ли доволен сейчас своим обликом.

Мне же, чтобы соответствовать карте, не пришлось сильно отступать от обычного наряда. Черные бриджи, жилет и ботинки, белая блуза с высоким воротничком да чудные полосатые чулки — так и должен выглядеть Безумный Шут. Скулу мою украшала слезинка, косички оканчивались бубенцами... Словом, я смотрелась со стороны так, как и почти всякий день.

— О непостижимости бытия, любезный Тарло, — зевнула я, укладываясь щекою на стол. Нынче ночью мне вновь не удалось выспаться. Мы с Мило отправились на холмы в саду позади дворца, и до самого рассвета ученик запускал в небо разноцветные фейерверки — на сей раз только для своей госпожи. Бедный мальчик так умаялся, что я велела ему сегодня хорошенько выспаться и не вскакивать в полдень, чтобы накормить наставницу завтраком. Давненько к тому же мне не случалось самой навещать поваришу Шалавису, почитай, с самой весны... А потом внезапно пришел вызов от Ее величества на собрание расклада, и стало ясно, что день загублен. В королевский кабинет с изображениями карт надлежало явиться немедленно, как только получаешь наказ, и ждать, не покидая пределов зала, пока не придет последний. Лишь тогда могла первая в раскладе, Леди Теней, почтить своим присутствием наше общество и объявить начало совета. И вот практически все светлое время суток я провела в кабинете Ее величества, ожидая, пока с разных концов дворца и города подтянутся остальные компаньоны по раскладу. — Все не таково, каким кажется, и легко обмануться внешней значительностью и притягательностью. Посудите сами: крестьянин хочет перебраться в город, горожанин — примкнуть к знати, аристократ — получить волшебный дар, колдун — быть призванным в расклад... А мы с вами, уважаемый, более всего желаем сей час же очутиться подальше от дворца, где-нибудь в полях, поросших благоухающими цветами, в тенистых лесах...

— Осторожнее с мечтами, — улыбнулся Тарло. — Кто знает, куда они могут нас завести.

И снова я не смогла сдержать зевок.

— И это, мой лорд, тоже часть нашей непознаваемой жизни... Хотела бы я изменить в ней что-нибудь, пусть и на время. Однако взгляните: уже пятый оборот миновал после полудня, а зал заполнен едва наполовину, — перескочила я на другую тему разговора, потеряв интерес к прежней. — Почему же так случилось?

— Думаю, во всем виновата большая охота, устроенная лордом Галло, — предположил после недолгих размышлений Печальный Художник. — Почти половина всех благородных бездельников отправилась травить лисиц... О, простите, леди, — повинился он с улыбкой. — Вам, верно, неприятно вспоминать о случившемся во время маскарада?

Я подняла голову. Голос мой стал задумчивым.

— Нисколько, друг мой. Да и охотились, полагаю, не на лисичку...

Дверь в кабинет тихонько отворилась, и по плиткам скользнула — иначе и сказать не

могу, ибо грациознее ничего в жизни не видела — леди Нанеле Хрусталь. Пепельно-розовые волосы, обычно уложенные в замысловатую прическу, в этот раз спокойно струились по плечам, сдерживаемые лишь серой лентой. В тон повязке на волосах было и платье, невесомое, словно дым над костром. К белому лифу была приколота одна-единственная сухая роза.

Леди пересекла зал и изящно опустилась на сиденье у противоположного конца стола. Мечтатель еле слышно вздохнул. То ли он был влюблен в нашу Смешливую Кокетку, то ли просто хотел написать ее портрет... Как знать!

— И почему вы так решили, Лале? — рассеяно поинтересовался Тарло, поддерживая видимость интереса к беседе. Даже обычное «милая» или «прекрасная» забыл к моему имени прибавить!

— Это же очевидно, Тарло, — невесело улыбнулась я. — Кто станет охотиться на ту, которую нельзя убить?

Мечтатель вздрогнул всем телом и повернулся, смерив меня пронзительным взглядом. Смешливая Кокетка в тот же миг была позабыта — еще бы, ведь Лале сама и вслух подтвердила то, о чем знает каждый и во что боится верить.

— Так это правда? — сощурил художник глаза. Серо-голубой цвет отливал закаленной сталью. — Вы... бессмертны?

— А как бы мне удалось пережить четырех королей, о наивный лорд? — я встряхнула волосами, гордо выпрямив спину, и колокольчики звякнули, мазанув по столу. — Конечно, волшебники и некоторые карты могут сдерживать старение неисчислимое множество лет, но за двести солнечных оборотов столь насыщенного существования, как у некой шутовки, одних ядов в бокале с вином выпиваешь столько, что хватит отравить весь расклад Дома Осени целиком! Я уж молчу про неурочные кинжалы, удавки и прочие... падающие люстры. Нет, — покачала я головой. — Первой попытки убийце хватило бы для того, чтобы понять, что сказки о Хранительнице Ключа — не сказки вовсе. На сей раз били в Мило, либс охотников за моей... ношей уже двое, и действуют они, не совещаясь. Не самая состоятельная версия, не так ли?

— Так это не первое покушение? — вскинул брови Тарло. — В таком случае вынужден согласиться. Охотились на Мило. Берегите своего ученика, Лале, — вдруг остро усмехнулся художник. — Золотой мальчик!

Сердце у меня дрогнуло.

— Воистину так. Редкое сокровище...

Вспомнив о «сокровищах», Тарло вновь отвлекся от беседы и посвятил свое время изучению нежного облика леди Хрусталь, изредка что-то бормоча себе под нос. Я вздохнула. Кажется, все-таки это интерес художника к модели, и ничего романтического в нем нет. А жаль. Красивая бы вышла пара... Необычная.

Впрочем, в этом зале сейчас куда ни ткни пальцем, непременно попадешь в необычную персону. Весь расклад уже был в сборе. Оставалось дожидаться одну Леди Теней, и, маясь от скуки, я принялась разглядывать лица своих братьев и сестер по колоде.

Напротив, за левой частью стола, расположилась девятка слуг... Или, вернее сказать, шестерка, ибо полной колоды в Доме Камней и Снов отродясь не водилось. Но шесть из девяти — определенно лучше, чем четыре или три, как бывает в прочих раскладах. К тому же наши карты были сильны, как никакие другие. Взять хоть этих шестерых: Смешливая Кокетка, Мальчик со Свечою, Верный Пес, Ключник — о, его ключи не открывают всех

дверей, но по-своему любопытны, Страж Покоя и Немой Дозорный. Последний стоит целого пограничного гарнизона: мимо него и ворон не пролетит.

Посередине и справа расселись вперемешку карты из девятки вассалов и высших: Волшебник из Башни беседовал с Мудрой Девой, рядом устроился Безжалостный Охотник-вассал, а следом опять высшие: Хозяин Лошадей и Наставница, и сразу трое вассалов — Бродячая Кошка, Беззаботное Дитя и Невольный Предатель. А дальше высшие и вассаль чередовались ровно, будто бы специально подгадав: Держатель Мечей, Вышивальщица Шелком, Всевидящий-и-Всеслышащий и Певец Сумерек. Крайнее кресло пустовало, и чудился мне в нем призрак среднего росту черноволосого человека, но столь надменного, что и короли рядом с ним покажутся прислугой. Грудь сжигало печалью. Ох, Холо, Незнакомец-на-Перекрестке, зачем ты покинул меня, свою ученицу?

На другом конце стола я оказалась единственной, кто принадлежал к девятке высших, да еще лишним был Тарло — вассал, Печальный Художник. Остальные семь карт — безымянные. Тихо переговаривались Свобода Небесная, Золотая Любовь, Незримая Смерть и Река Памяти. И чуть поодаль молчаливо разглядывали друг друга Тень, Странствие и Время. В нашей колоде нет лишь двух безымянных карт — Неодолимого Ужаса и Судьбы. А жаль. Иначе не пришлось бы мне наемни говорить с истинными картами и рисковать своим рассудком, звоня в заклятый костяной колокольчик.

В часах, что держал господин Время, песок все тек и тек, а королева не появлялась. Потихоньку разговоры прекратились. Со стороны казалось, будто живые люди начинают надевать маски. Лица становились все более отстраненными, словно бы человеческое смывалось с души ожиданием. Даже мне, привыкшей в любых обстоятельствах оставаться собою, не позволявшей карте взять верх, стало казаться все невероятно смешным. У прочих поведение тоже изменилось. Мальчик лет шести, Беззаботное Дитя, позабыв о книге, играл с куклой в потрепанном платье, улыбалась на все стороны Кокетка, перебирал струны гитары Певец... Лишь Бродячая Кошка, черноволосая девушка лет двадцати в коричневом мужском костюме, все так же полулежала на столе, забравшись с ногами в кресло, и мурлыкала. Длинные золотистые ногти царапали стол. Цап-цап, цап-цап... Да шелестел в часах песок.

Внезапно Немой Дозорный беззвучно поднялся и отвесил поклон пустому креслу. Это словно послужило сигналом и нам: одна за другой карты поднимались, приветствуя первую в раскладе. И с каждым новым поклоном тени сгущались, пока вдруг не оказалось, что во главе стола сидит Тирле, строгая, прямая, в угольно-черном платье, и крутит в пальцах расписной веер из шелка цвета ночи.

— Я вижу, все в сборе, — с удовольствием подвела итог Леди Теней. — Давно не сходились мы вместе полным раскладом. И причина внушает мне опасения... — Ее величество покачала головой. — Судьба заговорила устами Безумия, передавая предупреждение.

— Какое же? — сурово сдвинул брови Держатель Мечей. Вне колоды этот человек был известен, как стратег Ее величества лорд Хелло Гранит. Седой, немолодой уже мужчина, сохранивший подтянутую, сухую фигуру и острый взгляд юности, не ввязывался в интриги и склоки, говорил всегда прямо и по делу. Мне не приходилось сталкиваться с почтенным Хелло, но это и к лучшему — говорили, он благоволил Галло Топазу. — Что-то о грядущей войне?

Королева тихо засмеялась, прикрывая губы веером.

— Ах, вам бы только воевать, Хелло. Что взять с Держателя Мечей! Нет, надеюсь, что

война так и останется несбывшимся сном. Пока мы не готовы схлестнуться с Домом Осени. Нет. Беда пришла, откуда не ждали, — всякие шутливые интонации исчезли из голоса Тирле, осталась лишь спокойная серьезность. — Судьба поведала, что грядет Прилив Приливов.

В зале воцарилась мертвая тишина. Можно было даже расслышать, как шипит огонь в очаге.

— Я читала, Ваше величество, — осторожно нарушила молчание Мудрая Дева, старая леди Сердолик. — Что Прилив Приливов случается раз в пятьсот лет. Он приходит с моря, сметая все на своем пути с лица земли, и останавливается лишь у Льдистых гор. Летописи утверждают, что дважды прилив удалось повернуть назад ценою огромных жертв — гибели всего расклада... Позвольте мне пояснить, — взгляд Мудрой потемнел. Есть древний обряд. Зовется он «Несокрушимая стена жизни». Книги гласят, что лишь это способно оградить Дом от бедствия, приходящего с побережья... Но что вызывает прилив из недр морских — то мне неизвестно. Крайне скупы на описания свитки, повествующие о тех смутных временах, — покачала головой леди Сердолик. Испещренное морщинами лицо, казалось, выражало печаль и стыд. Но мудрая — не значит всезнающая. Мы небезупречны.

Ее величество нахмурилась.

— И только? Скверно. Я рассчитывала на большее. Предупреждениями Судьбы не пренебрегают. Если Прилив Приливов и впрямь так ужасен, как рисуют летописи, нам нужно быть готовыми ко всему. Даже погибнуть, отводя его от Дома. Но не хотелось бы мне прибегать к подобной... «Несокрушимой стене жизнью».

— Ваше величество, — склонила голову леди Сердолик. — Дайте мне шанс. Если в библиотеках Дома есть еще что-то о Приливе Приливов и о том, как устоять перед нападком из моря, я соберу информацию в наикратчайшие сроки. Прошу вас, мне нужно лишь немного времени.

Время усмехнулся. Он был ровесником леди Сердолик, даже, пожалуй, чуть постарше — девяносто с лишним лет. Во дворце его знали как Райсо из Ленгмы. Кажется, почти полвека назад покойный король Шелло призвал нынешнее воплощение Времени именно из того далекого городка на границе с Домом Дорог. С той поры Райсо обжился при дворе, но своим так и не стал. Для общества он так и был невежественным провинциалом, невесть почему заслужившим милость монарха.

— А времени может не хватить, леди. Впрочем, я могу замкнуть его для вас в пределах одного здания — на большее не махнусь. Да и дольше одного оборота волшебство не продержится...

— Это уже много, — задумчиво сложила веер Тирле. — На счету может оказаться каждая минута. Поэтому я собрала вас, расклад, а не совет Дома. Нужно действовать быстро и незаметно одновременно. Лорд Хелло, — стратег склонил седую голову. — Продолжайте подготовку к войне. Прилив приливом, но армия должна стоять на страже государственных границ, особенно в эти беспокойные дни. Ключник позаботится о том, чтобы сохранить казну и богатства, даже если морские воды доберутся до нас. Наставница, Кокетка, Хозяин Лошадей и Странствие... — названные четверо поднялись с кресел. — Вам я доверяю людей. Если прилив все-таки придет, у нас будет время — несколько часов или дней, чтобы увести людей в Льдистые горы. Думаю, Дом Севера примет нас.

Я хихикнула, глядя на кислое лицо Хозяина Лошадей. Молодой Равелло Хризолит только недавно женился. Говорят, супруга закатывала ему каждый вечер такие скандалы, что стены в родовом замке ходуном ходили. Мол, благоверный не проводит с ней каждый вечер,

и казармы ему — дом родной. Если и королевское поручение выполнять, так и вовсе под собственной крышей ночевать не придется...

— Смешно, Лале? — раздраженно поинтересовалась королева, и я осеклась. Нрав у Тирле был дурной, а больше всего она не любила, когда ее прерывали. — Так у меня и для тебя задание найдется. Кто-то должен съездить к морю и разузнать у жителей побережья — нет ли каких легенд о Приливе? Не ходят ли слухи о скорой катастрофе? Да и говорят, что библиотека в Маяке на Лунной косе самая богатая на всем свете... Не желаешь ли развеяться? — голос Ее величества отдавал металлом. В душе что-то оборвалось. Ох, сие не вопрос — приказ.

Но... покинуть дворец? Я не могу!

— Вы же... вы же пошутили, Ваше величество? — прошептала я побелевшими губами. — Я... прошу прощения... Вы ведь пошутили?

Глаза Тирле недобро сузились. Не ко времени вспомнился мне мертвый котенок и разговоры с Киримом-Шайю. Беседовать с лордом Осени я не прекратила, несмотря на прямой запрет королевы. Чую, аукнется мне это...

— Почему же? — насмешливо переспросила Ее величество. — Ты при помощи ключа справишься с путешествием лучше других. Даже Странствие не умеет спрямлять дороги.

Странствие, юный наследник богатейшего рода — Рубин, подмигнул мне. Значит, умеет. И молчит, подлец. Подставляться не желает.

— Не вижу причин для тебя, Лале, оставаться во дворце, — продолжила королева. — Завтра на рассвете выезжаешь. Сроку на поиски даю тебе месяц. Не больше. Но и раньше чтоб не смела на глаза мои показываться!

В горле появился соленый комок, а взор затуманился красными пятнами. Откуда-то из глубины поднималась бесшабашная веселость, беспутная лихость...

Ох, поспорим еще, Ваше Величество! Может, я и Безумный Шут для своей Леди Теней но ключ-то у меня еще никто не отобрал, и свободу оставаться там, где пожелаю — тоже!

Расклад провожал меня одинаково осуждающими взглядами. Лишь Тарло отводил глаза — что ж, спасибо ему и за это. А остальные... Будто мало им того, что Лале проиграла, уступила.

Конечно, они осуждают, ведь я — отщепенка. Строптивница. Неразумная. Единственная, кто смеет спорить... нет, даже не с королевой — с первой в раскладе. С Леди Теней. А, не отправилась бы она к ворону, эта Тирле! Пройдет время, и когда-нибудь непокорная шутовка Лале сможет сказать, что пережила уже пятерых королей.

А ведь я сопротивлялась королевскому приказу до последнего — я, всегда без единой жалобы выполнявшая самые глупые, самые обидные поручения. Сегодня мне пришлось продемонстрировать худшие стороны своего характера, дабы разубедить Ее величество, но тщетно. Разумные доводы не помогли — и следующими были слезы. Я рыдала до хрипоты, упрашивала, колотя кулаками в стол, швырялась бубенчиками, пинала стулья. Тирле будто бы не замечала меня. Я разъярилась, впала в безумство. Расшвыряла все бумаги из королевского письменного стола, разбила графин с вином о решетку камина, искричалась до полной потери голоса. Бесполезно и бессмысленно — Тирле была неумолима. И, стоило мне немного успокоиться и вытереть слезы, как она использовала подлый, гадкий и по-вороньи коварный метод.

Ее величество подняла голову, взглянула на меня с ласкою и произнесла:

— Лале, милая, хотя бы разок в своей непутевой жизни подумай и о других. На твоего ученика покушались во дворце. Не разумно ли будет исчезнуть на некоторое время, чтобы дать мне возможность найти убийцу и покарать его?

Потом королева Тирле улыбнулась. И спросила снова:

— Лале, ты отправишься на побережье?

Я поклонилась в ответ, пряча дрожащие губы и покрасневшие глаза, и вышла. Сердце замерло в моей груди безжизненным горячим камнем. Тяжесть и боль, тяжесть и боль, тяжесть... и страх.

А во дворце все шло своим чередом. В одном из залов искусства терзал гитару Танше. Жизнерадостного, порывистого барда с запада и язвительного художника, так сильно не ладивших между собой поначалу, связала теплая дружба, и случалось так, что в отсутствие одного другим овладевала тоска. Тарло остался на совете расклада внимать королеве, и теперь Танше, почти растеряв листья и травы, украшавшие прическу, хмуро разглядывал картины, созданные его другом, и пел одну за другой тоскливые баллады.

Откровенно говоря, мне тоже хотелось тоскливо завывать, выплеснув обиду и страх в музыку. Так, как делал это Холо.

Стянута обручем стен
Моя грудь.
Душит стекла муть —
Не продохнуть.
Я себя в этот плен
Сам и взял.
Сам посадил в подвал,
Сам сковал.

Незнакомец-на-Перекрестке Дома Камней и Снов, наставник — единственный, кто сумел бы понять меня сейчас.

— Госпожа? — встревожено спросил Мило. — Госпожа, что с вами? Вы... плакали? Вам плохо?

— Нет, Мило, — с чувством странного облегчения почти беззвучно ответила я, растирая щеки. — Уже нет. Идем к моим покоям, мальчик... Что-то голова кружится.

— Тише, тише, госпожа... Позвольте, я помогу вам...

Ох, не удержит меня
И замок:
Свободы один глоток —
И в поток
Нырну на закате дня
С головой.
Вынырну, пусть хмельной,
Но живой.

Ученик медленно размешал настой, добавляя к травам немного меда с высокогорных лугов. Эта чашка была третьей по счету, а меня все еще колотило.

— Лале... А почему вы боитесь покидать дворец? Ну, положим, даже не дворец, а город — на ярмарку-то мы с вами каждую осень ходим.

Я хрипло хохотнула. Голос потихоньку, полегоньку возвращался, но до сносного — хотя бы! — самочувствия мне было еще ох, как далеко.

— Еще бы не ходить, Мило. Надо же праздновать годовщину твоего воистину геройского спасения из «вороньей клетки»! А что же касается путешествий, дорогой мой... Скажу тебе откровенно... да, долей еще кипятку... И меду, милый... Хватит, хватит... Скажу тебе откровенно: я страшусь подцепить среди дорожной пыли ужасный недуг, который лишил меня наставника.

— Недуг? — Мило заботливо подоткнул плед со всех сторон. Шерсть не столько грела, сколько создавала уют. Как и чашка с чаем в руках. Как и затейливо мерцающие угли в очаге... Ах, Ваше величество... Ну и подлость вы сделали.

— Наикошмарнейший и неизлечимый, — вздохнула я. — Он зовется «бродяжничество». Или «ветер дорог». Тяга к странствиям, проще говоря.

Ученик, кажется, порядком удивился.

— Леди, — он осторожно присел рядом со мною. И я вдруг подумала, что темно-красный его сюртук, и нелепые трехцветные пряди, и карие, в фиолетовый отлив глаза греют гораздо сильнее чашки с настоем и шерстяного пледа. — Объясните мне, глупому, что ужасного в желании путешествовать?

Я высвободила одну руку из теплого кокона, чтобы потрепать мальчишку по волосам. Мило послушно лег, устроив голову у меня на коленях. Как котенок... Раньше это было прелестно. Доверчивый ребенок, доверчивый зверек... С каких пор это стало выглядеть нелепо? С каких пор Мило... вырос?

— Мило, знаешь ли ты, как я потеряла Холо? Он просто ушел. Не смог оставаться в одном-единственном мире, раз вкусив свободы и горького меда странничьей доли.

Дорога меня соблазнит
И звезда.
И не вернусь никогда
Я сюда.
Твой голос меня сохранит
От беды.
Свободы не дай испить,
Как воды!

— Мило... Тебе не страшно, что я уйду? Что брошу тебя?

Ученик только рассмеялся, обхватив руками мою коленку.

— Нет, госпожа, — поднял он на меня сияющие глаза. — Нисколько не страшно. Мы ведь уйдем вместе, верно? Разве я отпущу вас одну?

Сердце, еще мгновение назад глухо колотившееся, как раскаленный камень, затрепыхалось радостной птицей.

А может, тот ветер совсем
И не яд?
А вдруг не вернуться назад
Буду рад?
И желанны дороги все
Мне с тобой.
И путь станет мне любой —
Как родной...
Лишь с тобой...

Проснулась я глубокой ночью, с трезвой головой и мучительным чувством стыда. Правду говорил Холо, что Лале — избалованная, скверная девчонка. И как только Ее величество меня терпит! Тирле ведь неспроста такой приказ отдала. Двух кошек в одно лукошко усадила: и Мило убереечь, и еще одну ниточку потянуть — авось на ее конце тайна Прилива окажется! А я из-за глупых страхов своих чуть со всеми не разругалась. И ведь не чужие люди, а карты — родные, можно сказать.

Ох, утром, до выхода, непременно наведаюсь к королеве. Не получится лично извиниться — письмецо какое-нибудь оставлю. Хватит мне уже себя вести, подобно несмышленому ребенку. В последние месяцы словно опять безумие накатывает, как после ухода Холо. Плачу по всякому поводу, людей обижаю, беспечной становлюсь, дальше носа собственного не вижу... Ох, не узнать Лале — мудрую, коварную шутовку. А от веселой приютской девчонки и вовсе ни песчинки не осталось.

Извинюсь, решено!

Успокоив такими мыслями жестокую совесть, я зевнула и перевернулась на другой бок. На одеяле что-то странно зашуршало.

Обмирая от испуга и чествуя себя, трусиху такую, во все корки, я вытянула руки, вслепую шаря по ложу. От того, что мне примерещилось, впору было на помощь звать... Вся моя постель, кроме подушки, оказалась засыпанной толстым слоем листьев.

Я глубоко вдохнула, пытаюсь различить запах зелени. Нет, ничего. Будто чудится.

Может, все-таки кликнуть Мило?

— Вижу, вы проснулись, леди? — прозвучал негромкий низкий голос.

— Кирим-Шайю? — от удивления я даже пугаться раздумала. Нет, «спасатель» здесь точно будет лишним... — Что привело вас... сюда?

В темноте сверкнули две искры — синяя и желто-красная.

— Ответный визит, полагаю, Лале.

Зашуршали листья, и ложе прогнулось от тяжести чужого тела. Вот теперь разлился в воздухе тот самый запах — осенний. Сухая трава, земля и дождь. Сердце вновь забилося бешено, но уже не от страха...

— И какова же... цель... визита?... — как и в прошлый раз, подобрать слова было невероятно трудно, будто бы каждое слово весило с добрую лошадь.

— Хм... Вероятно, прощание. Ведь вы уезжаете, Лале? — Кирим, оставаясь невидимкой, наклонился совсем близко. Горячее дыхание опалило мне висок.

— Ненадолго... — из последних сил соврала я. — Надо поместье... проверить... — воздуха стало не хватать. — Каждый год с Мило ездим... И в этот непременно... надо...

необходимо...

— Что же вы дрожите, Лале? — вкрадчиво спросил Незнакомец. — Вам холодно?

— Жарко, — ответила я совершенно искренне. Да что же это со мной творится такое?! Словно не властна уже над собою... Я схожу с ума? Нет, пора прекращать этот цирк! В конце концов, неприлично лорду находиться ночью в спальне у леди, пусть бы даже и для разговора.

— Почему? — он провел, кажется, рукою по простыням, сгребая листья в кучу. Шелест отозвался мурашками у меня по спине. О, кто-нибудь, да спасите же беспомощную леди!

— Мило! — крикнула я, сбрасывая чары. И в ту же секунду слабость и жар исчезли, как ни бывало. Кирил тихо рассмеялся дисгармонично высоким смехом и поцеловал меня в лоб — словно печать поставил.

— Не забывайте меня, леди...

Я резко села на кровати, распахивая глаза... и проснулась.

Покои были залиты солнечным светом, серовато-золотым, какой бывает сразу после восхода. Постель моя смялась, простыни сбились в кучу, но листьев, разумеется, и след простыл. Вот думай, голова: то ли померещилось, то ли Кирил-Шайю приходил ко мне, как Незнакомец-на-Перекрестке.

Дверь распахнулась, ударяясь об косяк с такой силой, что стекла задребезжали.

— Госпожа! Вы звали? — выдохнул Мило, почти подлетая к моей кровати.

Я замешкалась.

— Да... Кошмар приснился, — «Ох, горазда же ты врать, голубушка! Век бы такие кошмары снились». — Испугалась. Все в порядке, не тревожься, мальчик. Что не так?

Мило продолжал смотреть на меня все тем же странным взглядом.

— У вас листик маленький, на лбу... За прядь волос зацепился, кажется, и висит. Можно, сниму?

— Можно, — растерялась я.

Ученик осторожно присел на кровать и потянулся ко мне. Я зажмурилась. Ловкие пальцы огладили челку, выпутывая лист. А потом — или мне показалось? — что-то невесомо, нежно коснулось моего лба. Но не мог же Мило... поцеловать наставницу? Старшую?

Ох, Лале, Лале, признайся, хоть себе, что рядом с Мило давно ты уже ученицей выглядишь.

— Завтрак готов? — нарочито недовольно спросила я, скрывая смущение. И открыла глаза.

Мило мрачно разглядывал миниатюрный, с ноготок, кленовый лист — хрупкий, живой... и опасный, будто ядовитое насекомое. Внезапно лицо ученика исказилось, словно от злости, и пальцы резко смяли листок.

По комнате поплыл запах осени. Дурманящий, зовущий...

А солнце, еще невидимое, все выше поднималось над землей. В луче света кружились тонкие золотые пылинки. Вверх, вниз... В этом движении не было ровным счетом никакого смысла — как в наших жизнях. Куда ветер дунет, туда и летим.

Губы мои изогнулись в улыбке. Еще сегодня утром я отстраненно рассуждала с Тарло о том, как хорошо было бы оказаться подальше от дворца. Вот мне приходится ехать к побережью — и вдруг выясняется, что на самом деле я этого не желаю. Вспомнились невольно другие мои мечты. Любить и быть любимой, оставить позади одиночество...

«Пусть мне никогда не придется желать обратного, — ощущая холодок по спине подумала я. — Не желать одиночества. Не желать быть нелюбимой. Только не это...»

— Лале? — тихо окликнул меня Мило.

Я вздрогнула.

А где-то далеко, на грани слышимости, рассыпался колотым хрусталем смех наставника моего, Холо.

Говорят, смеяться перед дорогой — к слезам.

Глава тринадцатая, в которой Лале устраивает переполох в таверне и попадает впросак

— Они на меня смотрят, Мило, — тихо билась я в истерике. — Они на меня смотрят! Они узнали, без сомненья, узнали!

Любой другой спутник, даже обладай он бездной терпения, давно бы уже закрипел зубами, изнывая от желания прикончить негодную шутовку. Но Авантюрин только улыбнулся, вынул из моих скрюченных пальцев треснувшую кружку и в сотый раз воззвал к благоразумию:

— Не извольте беспокоиться, госпожа, — он ласково расправил мне смявшийся воротник. — Ручаюсь, никто ни о чем не подозревает. Все видят лишь двух небогатых аристократов, направляющихся в загородное поместье. Возможно, отца с дочерью, или дядю с племянницей, или брата с сестрой... Но уж точно не королевского шута с учеником!

— Но ведь смотрят... — пискнула я, опуская голову. Гомонящая и смердящая пережаренным луком и сырым тестом толпа вокруг, словно в подтверждение, разразилась громовым хохотом.

Я незаметно скосила глаза. Нет, пока повезло. Смеялись не над нами, а над деревенским простаком, поставившим на кон в «стаканчики» привезенную на продажу корову. Вот бедолага! Попал котенок к воронятам — только шерстка полетела...

— Пускай смотрят, — махнул рукой Мило. — Госпожа, повторюсь. Узнать нас могут лишь люди, постоянно бывающие во дворце, не раз имевшие честь встретиться с нами лицом к лицу. Даже мне, вашему ученику, сложно заподозрить в юной благодетельной леди за этим столиком дерзкого шута Ее величества.

— Но волосы... — я потянулась к уложенным в замысловатую прическу локонам и сама себя одернула: не хватало еще испортить результат стараний Авантюрина.

— Мало ли рыжих на равнинах, — ученик пожал плечами. — Осмотритесь, госпожа. Только в этой таверне еще трое таких, как вы. Нет, цвет волос нельзя считать достоверной приметой.

Слова Мило показались мне весьма разумными. Действительно, рыжих вокруг было предостаточно. Хозяйка заведения, крупная, рослая женщина с удивительно мягкими чертами лица и смешливыми глазами, суетилась у прилавка, с огоньком отвечая на привычные шуточки посетителей. Кружки с ягодной настойкой, румяные пироги и тарелки с жарким так и мелькали над стойкой в ловких руках. Приняла заказ, крикнула что-то весело в приоткрытую дверь кухни — глядь, и уже несет на вытянутых руках поваренок пышущий ароматным паром горшочек.

Ближе к двери, под связкой отводящих беду трав, устроился бродячий музыкант. Уже седеющие волосы были собраны в растрепанную косу, лицо избороздили глубокие морщины... Доля странника тяжела! Но взгляд менестреля оставался все таким же светлым и чистым, какой бывает лишь в свежую пору юности, а крепчайшая вишневая настойка пьянила не сильнее родниковой воды — только быстрее начинали бегать по струнам старой гитары пальцы...

Третьим рыжиком был тот самый невезучий дурачок, что привел на ярмарку корову.

Да, Авантюрин прав — на таком фоне небогатая дворянка сопливого возраста и не особенно смазливой внешности просто терялась.

— Кстати, а почему мы «родственники», Мило? — спохватилась я. — Почему, скажем, не нареченные?

Ученик мой весело расхохотался.

— Да взгляните на нас со стороны, госпожа! Всякому ясно, что так опекать станет только брат сестру свою малолетнюю, или отец — чадо ненаглядное. В полумраке вашего лица не разглядеть, а фигурой вы сойдете за совсем еще юную леди. Да и одежда наша выдает принадлежность к одному семейству...

Что верно, то верно. Над образами Авантюрин потрудился на славу. Меня он нарядил младшей дочерью небогатого аристократического рода, благо ненаследующим состояние позволялось носить в путешествии более удобные бриджи, а не тяжелое дорожное платье из жесткой ткани. Цвета Мило подобрал неприметные: серо-коричневый и зеленый, как старый мох. Мягкие сапожки до колена, немаркие штаны, земляного оттенка рубашка с шейным платком на тон посветлее и неброский камзол, темный, как еловая хвоя — вот и весь костюм. Ни единого украшения, даже цепочку ключа не видеть. Только прическа вычурная, как и подобает дворянке: уложенные замысловатыми колечками, завитые в жгутики и стянутые в гладкую «раковину» на затылке пряди. Но даже шпильки, удерживающие это великолепие, были простыми, медными. Я позволила себе оставить лишь один колокольчик, спрятав его за тяжелой массой волос. И теперь, стоило повернуть голову, как раздавался почти неуловимый для нечутких человеческих ушей звон. Слезинки я со скулы стерла, ресницы начернила, брови натемнила, опустила воспитанно взгляд... Где теперь шутовка? Вот и нет ее!

Мило тоже было не узнать. Куда делся франт, что любил алый даже больше, чем лорд Дома Осени Кирим-Шайю! Нынче мой ученик облачился в одежду скромную, под цвет дорожной пыли. Чудная масть, каких мне ни у кого больше не доводилось видеть — один волос рыжий, другой седой, как снег, а третий — закатное золото, была скрыта под беретом из серого бархата с дешевеньким соколиным пером — такое чаще горожане носят, нежели аристократы. Мило почему-то казался в этой одежде старше, суровее — стала заметной и горбинка на носу, и упрямый подбородок. Ресницы больше не наводили на мысли о девицах, хотя любая дама в этой таверне позавидовала бы их густоте и шелковой мягкости. Лишь губы улыбались по-прежнему — ласково, светло и с толикой иронии.

— Что ж, даже лучше, что нас примут за родичей, — вздохнула я. — Жениху с невестой пришлось бы в разных комнатах ночевать, а вот старшему брату с сестренкой... Что смеешься, Мило?

— О, простите, госпожа, — повинился ученик, но в глазах его бродило веселье. — Но позвольте вам напомнить: уже сто лет прошло с тех пор, как отменили закон, запрещающий леди и лорду находиться до свадьбы наедине за пределами родового имения...

— Действительно? — растерялась я. — Кхе-кхе... Много, вижу, изменилось с тех пор, как мне в последний раз приходилось путешествовать.

Мило налил себе из кувшина еще компота и предложил мне. Я покачала головой. Сладкое мне сейчас в горло не лезло.

— А давно ли вы в последний раз выезжали из города? — полюбопытствовал ученик. — Если, разумеется, не принимать всерьез отлучки в имение Опал.

— Дай-ка вспомнить, Мило... — я пробарабанила пальцами по столешнице. Мне подумалось вдруг, что грубые доски под моей ладонью в чем-то схожи с летописью. Каждый, кто бывал здесь, оставлял след. Иные вырезали инициалы — этим баловались,

полагаю, дворяне и грамотные горожане. Другие ставили ножом или саблей зарубку. Третьи — проливали ягодное вино, и пусть ненамеренно, но все же отмечали сим свое пребывание за столом. И хотя хозяйка наверняка каждый вечер скоблила доски, вытравить следы окончательно было невозможно...

— Госпожа?... — неуверенно окликнул меня Авантюрин, возвращая из царства мечтаний.

— Ох, Мило, прости. Задумалась, — виновато склонила я голову. — А что же касается сроков... С тех самых пор, как меня пригласили во дворец, я не покидала пределов города. Даже выезжать в имение стала лишь после твоего появления, а до того обходилась ключом. Это ведь нельзя посчитать путешествием?

— То есть вы двести лет провели взаперти? — выражение лица у моего ученика стало ошеломленно-сочувствующим. — Как же это так...

Я лишь пожала плечами.

— Мне вполне довольно было дворцовой жизни. А хотелось побывать на природе — выходила в парк. Шуту скучать некогда, дорогой мой.

— И вы совсем-совсем не знаете, что происходит за оградой королевской резиденции? — продолжал допытываться Мило. Он же не думает меня жалеть, негодник?!

— Почему же не знаю? — возмутилась я совершенно искренне. — Мои знания о политической ситуации и положении Дома в целом полны и в дополнении не нуждаются... Но если тебе угодно, мальчик, можешь рассказать, что новенького появилось на дорогах... ну, положим, в последние два-три года.

Мило несколько растерялся. Он глубоко вздохнул, собираясь с мыслями, обвел внимательным взглядом шумный зал таверны и лишь потом заговорил:

— Много поменялось, госпожа. К примеру, в заведениях, где подают еду, теперь не пускают ни с кошками, ни с собаками. Нарушивших запрет выгоняют, позорят. Специальным указом Ее величества Тирле с нынешней весны запрещено курить трубку в тавернах и пансионах, если только хозяин не уплачивает в казну налог на дым...

— Постой-постой, — заулыбалась я. — Все это мне известно. А из негласных законов что-нибудь достойно внимания?

— Сложно сказать... — взгляд Мило продолжал блуждать по залу, пока не наткнулся на компанию в углу под лампой. — Теперь хозяева не выставляют на улицу тех, кого подозревают в шулерстве. Почти в каждой таверне можно увидеть стол для азартных игр... Вроде того, — он кивнул на занятых «стаканчиками» людей.

Я сощурилась. С моего места было не различить движения рук игрока, но по простоватому, испуганному лицу рыжего обладателя коровы можно было запросто угадать, что происходит. Скорее всего, неизвестные мошенники повторяют фокус дядьки Раппу, не один день дурившего наивного Сайсо.

Вдруг рыжик вскинул руки и горько заплакал:

— Ой, горе мне, горе! Одна корова была, и ту по глупости упустил! Плакали мои денежки! Ой, что мне делать, несчастному... Что будут сестренки мои кушать и бабушка? Горе, горе!

В душе что-то екнуло. Эх, не тряхнуть ли мне стариной, не вспомнить ли свои шулерские замашки? Слишком уж жалостно воеет мальчишка, убиваясь по проигранной корове.

— Знаешь, о чем я думаю, Мило? — озорно улыбнулась я. — Рыжий рыжему всегда

поможет — так мне Кот намурлыкал... Сиди здесь и не вмешивайся.

Авантюрин живо смекнул, о чем я болтаю, и зашипел сердитей змеи с отдавленным хвостом:

— Не вздумайте, госпожа! Не вы ли плакались мне минутоу назад, что все вокруг смотрят на вас? Если будете вести себя необдуманно, то внимания нам не избежать!

Фу, как скучно! Я сморщила нос. И это мой ученик, будущий королевский шут! Никакой авантюриности.

— Ты как знаешь, Мило, а я пойду, — поднялась я с лавки. — И не вздумай меня останавливать. Лучше подыграй.

— Госпожа... — застонал ученик, плетясь за мною в угол, где стучали стаканчики и продолжал причитать бывший владелец коровы. — Вернитесь, прошу... Не заставляйте меня останавливать вас...

Не заставлять? Мило мне... угрожает? На рукав моего камзола опустился темно-красный ночной мотылек. Будто пятно крови расплылось по зеленой ткани. Значит, угроза... Меня захлестнул приступ гнева — внезапный, как наваждение, и такой же неодолимый.

Я остановилась, будто бы в растерянности. Мило шагнул ко мне, осторожно взял за руку... и тут мои пальцы сжались, до хруста стискивая его ладонь — со страшной, нечеловеческой силой.

— Послушай меня, Мило, — очень тихо произнесла я, продолжая улыбаться. Ногти впивались в кожу мальчишки, проникая глубоко, чуть ли не до костей. — Никто не смеет мне указывать. Ни Тирле, ни сам Безумный Шут... Только Холо имел такое право, но наставника больше нет рядом. Не вздумай угрожать — и не посмотрю, что ученик. Понял?

Мило стоял неподвижно, ни вздохом, ни слезинкой не выдавая терзающую его боль.

— Поступайте, как знаете, госпожа, — голос его даже не дрогнул. — Я желал вам лишь добра. Простите, если оскорбил, пусть и не имел намерения.

— Всегда знала, что ты умный, — развернулась я к нему лицом, выпуская истерзанную кисть. И улыбнулась — теперь уже по-настоящему тепло. — Будь рядом и смотри.

Уже не обращая внимания, следует ли за мной ученик или так и стоит у лавки, баюкая покалеченную руку, я не спеша направилась в угол для игр. Ох, повеселимся нынче!

— Какой красивенький стаканчик! — всплеснула я руками, наклоняясь над столом. Голосок у меня стал совершенно детский — тоненький, восторженный. Глаза распахнулись пошире, ресницы хлопали — хлоп-хлоп, а губы сложились бантиком. Дитя, невиннейшее и наивнейшее — подсказал мне блестящий бок кувшина. — А для чего он?

— Для игры, деточка, — пробасил один из прохиндеев, вытянувших корову у паренька. — Ты здесь одна?

— Нет, добрые господа, — потупилась я. «Добрые господа» разочарованно переглянулись. — С братцем приехала. Он за мной приглядывает, — бесхитростно созналась «деточка». — Но сейчас ушел наверх с красивой дамой, а мне сказал посидеть часок здесь и попить морсу. А тут скучно! — прохныкала я.

«Господа» обменялись уже более воодушевленными взглядами.

— Думаю, мы можем развлечь милую барышню, — щербато улыбнулся главарь шайки — лысый мужичонка в оранжевой жилетке. — Денежку-то тебе брат оставил?

— Да, — с готовностью кивнула я. — Вот, смотрите, — и, хлопая ресничками, выудила из кармана аж три золотых монетки.

Глаза прохиндеев азартно загорелись. Ох, надо было с меди начинать! Уж больно

нехорошие предчувствия. Ну да ладно, поздно воду в разбитый кувшин собирать. Зато мигом заглотнули наживку.

— А зачем вам деньги? — продолжала допытываться «деточка».

— Ну, как зачем? — заюлил лысый. — Видишь, стаканчики стоят? Положи-ка с ними рядом монетку.

— А зачем? — изобразила я подозрительность. А то совсем глупая аристократочка получается. Так себя ни в четырнадцать, ни даже в десять лет не ведут. — Отберете?

Шулеры заволновались. Народ вокруг заинтересовался и начал стягиваться поближе, в надежде увидеть, как очередную дурочку дворянскую обдерут до нитки. Даже рыжий парень перестал всхлипывать и с интересом уставился на меня. А взгляд-то у него цепкий — наверное, попался не по глупости, а по молодости.

— Что ты, деточка, как можно, — забасил опять первый мужик. — Все у нас по-честному. Отгадаешь, где монетка — мы тебе ее вернем, да еще и такую же дадим — за смекалку. Не отгадаешь — пропадет твоя денежка. Это ставка называется. Слыхала?

— О, — глубокомысленно воскликнула я. — Конечно, слышала. Мне дядя рассказывал о каких-то «трех стаканчиках», очень хвалил сию забаву. Не она ли это?

— Она, она, — закивали мошенники, всем своим видом словно бы говоря: «Кому забаву, а кому и заработок будет. Авось не обеднеет дворяночка». — Ну как, будешь играть, или морс пить пойдешь?

Я «задумалась». А потом как махнула рукой:

— Морс — это для маленьких. Давайте-ка лучше сыграем, добрые господа! — и монетка прокатилась по столу.

Лысый мужичонка ухмыльнулся во все свои два десятка гнилых зубов и накрыл монетку стаканчиком. И ну шуршать по столу! Даже у меня, бывалой мошенницы, голова закружилась. Если бы уши не различали стук монетки об края стаканчика, то я бы давным-давно потеряла ее.

И ведь какие «честные» жулики попались — не пытаются даже уловку какую использовать! Вижу, хорошо сыграла роль дурочки, убедительно.

— Ну, деточка, где монетка? — засюсюкал главный, сияя плешью на всю таверну.

Хозяйка начала неодобрительно коситься в нашу сторону. Мол, деревенщину обирать — одно, а особу знатную — совсем другое. Но у мошенников звон золота заглушил голос разума.

— Ну... здесь, кажется? — захлопала я ресничками, указывая на пустой стаканчик. Монетка была под соседним. Но странно, если простушка бы с первого раза угадала.

Эх, жаль, что больше трех монет на кон не поставишь — одежда у нас с Мило небогатая, странно, если у таких путешественников будет полный кошель золота.

— Ай-ай, — зацокал языком мужичок, выразительно переглядываясь с подельниками. — Не угадала, милая. Глянь-ка!

— И действительно, — в притворном удивлении выгнула брови я. — А ведь готова была поручиться, что следила внимательно... Неужто глазки меня обманывают?

Услышав заветное слово на букву «о», добрые господа заволновались. Рыжий парень помялся и незаметно шагнул поближе.

— Нет, нет, никакого обмана, все по-честному! — с пафосом произнес главарь любимую фразу мошенников всех времен и народов. — Еще сыграть не хотите? Вдруг отыграешься...

— Конечно, отыграюсь, — убежденно заявила я. — В этот раз смотреть буду в оба!

Хозяйка отставила поднос в сторону, нахмурилась и решительно начала вылезать из-за прилавка. Мило осторожно дотронулся до ее рукава и предупреждающе покачал головой. С губ ученика не сходила улыбка. Надеюсь, никто из мошенников не обратит внимания на то, что «брат» в зале обретается...

Каюсь, засмотревшись на Авантюрина, отговаривающего хозяйку от вмешательства, я пропустила момент, когда стаканчики прекратили движение. Ну да ладно, мне и в этот раз монетку надо упустить...

— Здесь, — ткнула я пальцем наугад. Стаканчик опрокинулся... и взорам разозленных мошенников и веселой публики открылся золотой кругляшок.

Ох, ну и опростоволосилась же я! Что же делать теперь? Разве что сыграть в «растяпу везучую».

— Выиграла, выиграла! — запрыгала я, потрясая в кулаке монетками. — Ой, как здорово, господа! А можно еще сыграть?

Главарь заулыбался

— Конечно, деточка, — почти пропел он. «Случайность!» — говорили его глаза. — Давай сюда монетку!

Я будто бы задумалась.

— А можно больше одного золотого ставить?

Под сверкающей плешью, чую, шла настоящая битва — жадность против осторожности. Я демонстративно глазела по сторонам, разве что рот не открывая. «Дура душой», — решил, видать, для себя главарь и растянул рот чуть ли не до ушей:

— Можно, деточка. А сколько ты поставить хочешь? — масляным голосочком спросил он.

— Все три золотых! — высыпала я на стол деньги и наивно уставилась на лысого.

У прохиндея глаза на лоб полезли. Нервно облизав потрескавшиеся губы, мужичок трясущимися руками сдвинул богатство набок. Да уж, что для дворянина из столицы, даже и сомнительного — гроши, то для выходца из деревни — две недели роскошной жизни.

— Так не влезут же под стаканчик монетки, — заюлил главарь. — Может, что другое подсунем?

— А это не против правил? — сурово сдвинула бровки я и аристократически шмыгнула носом.

— Нет, деточка, все честно, — хором уверили меня проходимцы. — Вот, у нас и шарик специальный есть... — и басовитый мужичок извлек из кармана разрисованный орех.

А теперь мне надо подстраховаться. Мило уже и так косится в этот угол до крайности неодобрительно.

— О, какой замечательный шарик! — воскликнула я. — Какой красивый! И приметный тоже — вот точка темная на орехе, да и скорлупа уже треснула... Сыграем, господа?

— Сыграем, — ележно протянул лысый.

И завертелись стаканчики. На этот раз в зале стояла абсолютная тишина, как во время пауз в речи королевы на совете. Уж больно велика была ставка, слишком заманчив куш! Многие поглядывали на меня с сочувствием: мол, проиграется славная девчушка, а жаль... Рыжий парень же повеселел и даже начал мурлыкать себе под нос песенку. Я прислушалась. Ба, так это наш старый знакомец, Суэло Аметист! Надо же, и в народе знают его творенья... А эта песенка прилась в свое время по вкусу даже мне:

Шуршит стаканчик по доске,

А я в печали и в тоске —

Эх, не везет!

Но повторяю, как во сне:

«А вдруг удача и ко мне,

Ко мне придет!»

Пройдоха хитро шурит глаз,

Не прерывая свой рассказ,

Вертя стакан.

И в этом не моя вина,

Что я упился допьяна,

В очах — туман...

Меня до нитки обдерут,
Я протрезвею лишь к утру —
Ох, голова...
Я начинаю вспоминать...
«Не пей!» — мне говорила мать.
Она права...

Но как проснусь я до конца,
То вспомнятся слова отца:
«Сын, не играй!
Стакан и шарик костяной
Тебя сведет дорогой злой
За самый край!»

Вот я без денег и нагой —
И как идти теперь домой?
Какой позор!
В десятый, сотый раз клянусь:
В таверну эту не вернусь,
И в этот двор!

Играют месяц — без меня,
А я, монетками звеня,
Коплю добро.
Ах, как же трудно устоять,
Ведь жжет желание играть
Мне все нутро!

...Азартом вновь глаза горят.
«Глупцу нейдет, — вокруг твердят, —
Наука впрок».
По вечерам — играть да пить,
Наутро — горько слезы лить —
Жестокий рок...

...Шуршит стаканчик по доске,
А я в печали и в тоске —
Эх, не везет!
Но повторяю, как во сне:
«А вдруг удача и ко мне
Сейчас придет!»

На этот раз мне даже не пришлось следить за мошенником, чтобы уловить момент, когда бусина исчезла из-под стаканчика. А толпа вокруг продолжала так же азартно наблюдать ловкими движениями мерзавца. Неужели люди не слышат, что шуршат теперь края стаканов совсем по-другому? Эх, велика человеческая наивность, воистину беспредельна глупость, а вера в собственную исключительность — всех больше...

— Ну, деточка? — остановил стаканчики мужичонка. — Где бусина?

Я задумчиво склонила голову.

— О, право, господа, я теряюсь, — мой голос вернулся к более привычному, низкому звучанию. Улыбка превратилась в саркастическую усмешку. Мошенники застыли, ошарашенные внезапными переменами. Куда делась милая провинциальная дворяночка? Ее место заняла матерая аферистка с хитрым взглядом и нахальными манерами. — Может, здесь? — я щелкнула ногтем по краешку, и стаканчик с глухим стуком покатился по столу. — Или здесь? Опять нет? А может, тут? — прохиндеи не успели опомниться, а я уже споро перевернула все стаканы. — Господа, везде пусто. И это вы называете честной игрой?

Толпа, сгрудившаяся рядом со столом, сначала тихо, а потом все яростней и злее загалдела:

— Обманщики!

— То-то Сэппу не смог стаканчик отгадать! А у нашего пастушка глаз — алмаз!

— ...это так они обчистили мельника старого? А он с нас теперь втридорога за муку дерет!

— Молодец, девка, так их!

Главарь побагровел. Лысина его покрылась испариной.

— Погодите, погодите! Вы не так все поняли! Видать, бусина... э-э... укатилась, да!

— Разве? — язвительно протянула я и быстро, как молния перегнулась через столешницу и запустила ловкие пальцы в карман негодяя. — Уж не об этой ли бусине речь идет? А, люди добрые?

Рыжий парень, сидевший ближе всех, прищурился и заголосил:

— Она, она! И трещинка приметная, и пятнышко! И раскраска такая же! У-у, поганцы! Так и мою корову выманили!

— Колотить их надобно! — заорал кто-то. — Пущай добро возвращают!

— Ай, мужики, не серчайте! — взвизгнул лысый. — Все вернем, до медяшки! Пожалейте только! — «мужички», поигрывая кто палкой, кто ножичком, а кто и вовсе табуретку из руки в руку перекладывая, не сговариваясь, шагнули вперед. Лысый отшатнулся и вдруг ощерился зло, как крыса драная: — Это все рыжая девка виновата! Как бы не ее золото, ничего б не было! Ворон попутал, зуб даю!

Но разгневанную толпу было уже не уговорить. Полетели кружки в мошенников, и пошло-поехало! Ор, гам, визг, дубинками машут, сапожищами пинают... На мгновение мне стало страшно — а вдруг и меня кто саданет лавкой по затылку от полноты чувств. Но словно бы ниоткуда появились сильные руки и выдернули меня из мешанины человеческих тел и, закинув за спину, как кулек с репкой, потащили на улицу.

— Ну и переполох вы устроили, госпожа, — укоризненно покачал головою Мило, составив меня на землю. Пока мы ужинали да развлекались... ну, положим, развлекалась одна я... словом, уже стемнело. Воздух посвежел. На небе, ясном и высоком, засверкали хрустальной крошкой звезды. Замерли черными силуэтами вдоль дороги деревья. Окна деревенских домов мягко сияли теплым огнем.

Ах, какая красота... Нет, не зря дворец я покинула!

— Замечательно повеселились, разве не так, Мило? — пожалала я плечами.

Ученик усмехнулся.

— И не жалко вам трех золотых?

Я сощурилась.

— За возможность наказать проходимцев? Нет, не жалко, Мило. Да и чего жалеть, — я сунула руку в кармашек и протянула Авантюрину ровно три монетки. — Свое добро я так просто не оставляю...

Мило восхищенно присвистнул, позабыв о намерении читать мне мораль.

— Неужто успели вернуть, госпожа?

— Опыт, мальчик мой, и ничего более, — скромно опустила я глаза и шаркнула ножкой. — Да, и вот еще, — на подставленную ладонь Мило просыпался целый дождь из разномастных монеток. — Не удержалась, с собой прихватила. Воровать, конечно, нехорошо, но авось шулеры не обеднеют. Будет мне компенсация за то, что полвечера «деточкой» звали. Фи!

Авантюрин рассмеялся, откинув голову:

— Вам, госпожа, палец в рот не клади — вместе с рукою откусите. Но из-за выходки этой нам теперь в таверне лучше не ночевать, — посерьезнел он. — Да и от деревни чем дальше уйдем, тем безопасней.

Я вздохнула. Да уж, не подумала, опростоволосилась. Так хотелось переночевать под крышей! Ванна, и мягкая постель, и сладкая еда утром... Да и неловко я себя чувствую, когда дверей рядом нет.

— Что поделаешь, Мило, — развела я руками. — Иди за котомками. Я тут подожду.

Мы с учеником, к счастью, путешествовали налегке. Еда, одеяла, сменная одежда да кое-какие штучки, чтоб дурачить простой люд, не прибегая к волшебству — краска для волос и лица, парики. Поэтому труднее всего Мило было бы не тащить сейчас в одиночку наши общие вещи, а протолкаться через орущую и размахивающую табуретками толпу. Как бы его самого не отдубасили... Впрочем, мальчик мой — волшебник, а они — крепкий народ.

Ожидание затягивалось. «Наверняка Мило еще и хозяйке деньги за ужин вручает», — догадалась я. К процессу сбивания цены ученик питал необъяснимую слабость. Долго теперь мне здесь придется одной стоять...

От скуки я прошлась по двору, заглянула в конюшни. Лошади заржали, шарахнулись в стойлах. Еще одна проблема — карты не каждое животное выносит. Кошки, вороны — так и ластятся, собаки — еще куда ни шло, а вот лошади, коровы и прочие копытом землю топчущие — на дух не переносят. Вот и приходится нам с Мило пешком по дорогам скитаться... Кабы не ключ, затянулось бы путешествие на долгие месяцы.

— Скучаешь? — окликнул меня смутно знакомый голос. Я оглянулась и оторопела: в дверях конюшни стоял рыжий паренек. — Эх, поколотить бы тебя по-хорошему, но я чужое мастерство уважаю.

Мои брови недоуменно поднялись:

— А почему колотить-то? Или не рад корову вернуть?

Паренек расхохотался?

— Корову? Какую, к ворону, корову? Нет никакой коровы, эх, ты, простофиля! Как дружков-то моих подставила — хорошо, если живы уйдут...

— Дружков? — я начала понимать. — Так вы заодно работаете?

Рыжий заулыбался.

— А то! Я сначала подчистую проигрываюсь, а потом прошу у кого-нибудь монетку — отыграться. Людей добрых везде много, кто-то — да подаст. Ну, и возвращаю свое добро с лихвой — и деньги, и «корову»... Народ, видя такое дело, совсем об осторожности забывает. Порой такой куш снимаем... закачаешься! — парень причмокнул. — Золотые времена были...

— Теперь не будут, — понятиливо кивнула я. — Ну, прости. Хотела своему, рыжему, помочь, а только хуже сделала. Твоих подельников теперь так просто не отпустят... Что ж ты вместе со мной на них толпу науськивал? Не сердись теперь на то, что вышло?

— Не сержусь, — засмеялся паренек. — Все равно хотел разбежаться с ними. Уж больно жадные стали. Совсем совесть потеряли. На моих глазах хотели девчущечку милую обобратить... Рыженькую, — он хитро сощурился, а потом наклонился вдруг, хватая меня за руки. — А давай вместе работать будем? Двоим рыжим и везет вдвое!

— Обойдешься, — прошипел Мило, незаметно вырастая за плечом и вешая мне на спину суму. — Уже занято местечко.

Парень не обиделся — только сверкнули белые зубы. Улыбнулся опять...

— Ну, не судьба — так не судьба. Тогда прощайте — пора мне ноги делать отсюда, и поскорее. Если из дружков кто жив останется — битым буду. Ровных дорог вам! — махнул он рукой и скрылся в темноте.

Я рассмеялась.

— Что, Мило, обдурили меня? Как дитя малое попалась!

— С кем не бывает, — вздохнул он. — Идем, госпожа? И нам тоже задерживаться нет резона. Бить, конечно, не будут, а вот задержат — запросто. Та же хозяйка, за погром...

Погром, погром... У меня перед глазами появился словно наяву полутемный зал, чистый и опрятный, ароматные блюда на стойке...

— Мило, — вдруг вспомнила я. — Как твоя рука?

Ученик замялся.

— Заживет, госпожа. Я сам виноват, вел себя неподобающе...

Я покачала головой.

— Это мне виниться надо. Ты как раз дело говорил... Прости меня, Мило.

Медленно, нерешительно я взяла в ладони покалеченную кисть ученика, нежно погладила... и поцеловала.

Мило охнул.

— Зачем... вы это сделали... госпожа? — хрипло спросил он. Ох, а так точно на наставницу не смотрят!

Я отвернулась, краснея. И вправду, зачем? И почему теперь смущаюсь? Это ведь не... Я качнула головой, отгоняя непрошенные мысли. Мило — ученик, и точка!

Но красив, мерзавец... Как глаза сверкают... Нет, надо прекращать это, пока не поздно.

— Не знаю, Мило. Сегодня мне напомнили очень важный урок: многие вещи не такие, как кажутся. Думаю, и тебе он впору придется, — я встретила с мальчиком глазами. — Тебе кажется, что ты понимаешь кого-то — и вдруг оказывается, что этот человек совсем не таков. Иногда прозревать бывает больно... Идем, Мило, — оборвала я сама себя. — Три дня уже минули, а мы лишь чуть-чуть приблизились к побережью.

— И то правда, — совладал наконец с собою ученик. — Прошу, за мной, госпожа...

Нас ждет дорога долгая,
Завитая в кольцо,
Под ноги — галька колкая,
И горький дым в лицо...

Все те же повороты мы
Проходим вновь и вновь,
И теми же заботами
Нам путь попортит кровь...

Друг другу дни — подобные,
Но хоть еще разок
Мы разомкнуть попробуем
Кольцо своих дорог.

Глава четырнадцатая, в которой Лале идет куда-нибудь, а Мило бьет Лале по щекам

Дорога упиралась в развилку. Пыльный, широкий поток-путь разбегался тремя ручейками-тропками. Самая правая и привлекательная утопала в зелени луговых трав, захлебывалась солнечным светом и, словно опьяневшая от свободы, вприпрыжку неслась по холмам. Средняя тропа, скрюченная, как разбитая радикулитом старуха, спускалась в расщелину, затянутую молочно-густым туманом. Идти по ней мне не хотелось совершенно, но, как гласили карты, это был наикратчайший путь до ближайшей деревни, с уютными тавернами, гостиницами, добрыми людьми, а самое главное — дверями. Третья тропинка уходила под сень векового леса, где с мощных дубовых ветвей, как нечесаная борода, свисали мхи и лишайники, синевато поблескивали мохнатые еловые лапы, а колючие плети ежевики сторожили неосторожного путника в ложбинках между деревьями. Там, в зеленовато-коричневом лиственном сумраке, таинственно мерцали золотисто-прозрачные крылья мотыльков и бледные, свернутые, как улитки, стебли папоротника пробивали в низинах мягкую почву.

— Напомни мне, Мило, — с досадой произнесла я. — Почему мы пошли пешком, а не просто открыли дверь прямо на побережье?

Ученик, небрежно покусывающий травинку, снисходительно улыбнулся мне:

— Вы хотели размять ноги, госпожа. А кроме того, «добраться до моря всегда успеем» — вот ваши слова.

На свежем воздухе, вдали от дворца, всего за несколько дней Мило изменился до неузнаваемости. В этом бродяге с большой дороги было не узнать придворного франта. Неприметная одежда сменила роскошные ало-золотые наряды, нежная кожа обветрилась и загорела, волосы выцвели на солнце белым золотом. Черты лица еще больше заострились, повадки стали уверенней... да и вообще мой мальчик вдруг повзрослел в одно мгновение.

А может быть, это случилось уже давно, просто я не желала замечать?

— Иронизируешь, дорогой? — моя бровь выразительно приподнялась. — А кто еще во дворце говорил, что надо не только обследовать библиотеки, но и к сплетням прислушаться — мол, слухами земля полнится? Или от сказанного откажешься?

— Зачем же сразу отказываться? — Мило перекатил травинку из одного уголка рта в другой. Мне ужасно захотелось подпрыгнуть и выдернуть у него этот суховатый стебелек с метелочкой на конце, так заманчиво покачивающийся в искусанных губах. — Готов даже повторить: порой слухи, что бродят среди простого народа, лучше всяких книг могут подсказать нам ответ на вопрос.

Я топнула ногой в раздражении:

— Вот и ответ, раз ты такой умный, по какой нам дороге пойти. По карте посмотреть — так по любой из них до ближайшей деревеньки по меньшей мере день пути. Хоть назад поворачивай, право слово!

— Обрато идти столько же, красotka.

— Вот и говорю — какую дорогу теперь выбрать... Пстой, как ты меня назвал? — изумленно обернулась я к ученику. — Какая я тебе красotka?!

— Это не я сказал, — насутился Мило, выплевывая травинку. — Это он, — и указал пальцем на камень, на котором удобно устроился, вытянув ноги, человек в пропыленном

странничьем плаще. Объемный капюшон был откинут за спину, и ветер трепал короткие волосы незнакомца — темные от рождения, но уже изрядно поседевшие, про какие говорят «перец с солью». Лицо было непримечательное — широкие скулы, чуть приплюснутый нос, полные губы... Словом, перед нами был обыкновенный житель равнин, таких и в столице десять на дюжину. Лишь глаза выдавали в нем примесь морской крови — миндалевидные, яркие, с густыми ресницами.

«Откуда он взялся? Только что на дороге только мы одни были!» — пронеслась в голове мысль, и меня захлестнуло любопытством.

— Приветствую! Благодарю за комплимент, — легко поклонилась я незнакомцу. — Как ваше имя, сударь?

Мужчина усмехнулся.

— Оно вам без надобности. Но, если настаиваете, можете звать меня Лиром, — он поднялся на ноги и взглянул на меня исподлобья, опираясь на изогнутый посох. Глаза, показавшиеся мне сначала изжелта-карими, сверкнули травяной зеленью. — Ваши имена можете оставить при себе. На дорогах слишком много бестолковых путников, чтобы помнить их имена.

Несмотря на то, что по сути своей слова Лира были обидными, веселый голос и изогнутые в полуулыбке губы не оставили нам возможность ответить иначе, чем заливистым смехом.

— Действительно, не стоит доверять такую драгоценность, как наши имена, первому встречному, — в тон страннику отозвалась я, веселясь, и во второй раз согнулась в поклоне — на сей раз издевательски изысканном, почти придворном. Мило зеркально повторил мой жест.

— Господин Лир, полагаю, здешние дороги вам хорошо знакомы? — вопросительно выгнул бровь ученик, становясь рядом со мною.

— Это так, — кивнул странник, оглаживая пальцами посох. — А вы в наших краях впервые?

— Угадали, — улыбнулся Мило. — А потому позвольте обратиться к вам с маленькой просьбой: посоветуйте, по какой дороге лучше пойти двум усталым путникам.

Лир усмехнулся еще многозначительней:

— А вы, господа, сами-то знаете, куда хотите попасть? Вот ты, например, а, красотка?

— Куда-нибудь, — беспечно ответила я, любясь безоблачным небом. — Вот попаду — и решу.

— Куда-нибудь... А если твое и его «куда-нибудь» разведут в разные стороны? — хитро сощурился странник. — Ну, так и быть — исполнится ваше желание. Отправляйтесь куда-нибудь! — воскликнул он, разворачиваясь и с размаху ударяя посохом о камень.

Я испуганно зажмурилась и отшатнулась, протягивая руку к Мило... но пальцы сомкнулись на пустоте. В ушах словно вживую зазвучал голос Кирима-Шайю, рассказывающего легенду о Рю-королевиче. Неужто сказка оказалась правдивой?

Окончательно перетрусив, я открыла глаза. Никого. Рядом не было ни Мило, ни странника с диковинным именем Лир. Только камень все так же грелся на солнце да шевелил ветер макушки трав.

— И что же мне теперь делать? — губы в мгновение пересохли, а сердце заколотилось в груди тяжело, словно под водой. — Мило? Мило! Мило, где ты? Мило, ответь мне!

Тишина. Лишь эхо загуляло по холмам и оврагам: «Не, не, нет...»

Совершенно ослабев, я медленно опустила на землю. Пыль осела на темных бриджах, придавая им невнятно-серый оттенок. Вот оно, самое страшное... Одиночество.

Как долго ни странствуй и пыль не глотай,
Из города в город, из края — да в край,
Нигде не найти ни ночлег, ни приют,
Ни дом, ни очаг, ни друзей, ни семью.

Я сама не заметила, как распласталась по вытоптанной до твердокаменного состояния глине. Солнце в невыносимо высоком и совершенном небе изливало отравленный свет, проникающий в самую кровь. Из глаз текли слезы бессилия, высыхая на щеках солеными дорожками.

Нет, только не впадать в отчаяние... Рано еще...

Дороги открыты — но толку-то что?
Подошвы протерлись, как то решето,
Земли — безмолвны, деревни — пусты,
А есть только путь бесконечный... и ты.

«Дыши глубже, дорогая Лале, — упорно повторяла я про себя. — Даже если вас с Мило и разлучили, то это лишь до первой двери. Ты просто откроешь ее туда, где остался ученик... если он жив».

Я зажмурилась, отгоняя дурные мысли. История королевича Рю — просто страшная сказка. На самом деле Незнакомцы на дорогах никого не убивают, уж мне ли, девятой в раскладе, не знать об этом! Да и с Мило не так-то легко справиться. Он волшебник, ученик шута и бывший вор — недурное сочетание, а кроме того, весьма умный мальчик... юноша. Да, уже юноша, Лале, не забывай об этом. И, возможно, сейчас Мило ищет свою госпожу и наставницу... Вот будет потеха, если он обнаружит меня заплаканной, чумазой и не способной сделать и шага самостоятельно!

— Вставай, голубушка, — решительно приказала себе я и села, тряхнув головой. Где-то среди рыжих прядей звякнул одинокий колокольчик — напоминание о доме, который все-таки у меня есть и куда мы с Мило обязательно вернемся вместе.

С горем пополам отряхнувшись, я забралась на дорожный камень и оглянулась. Останься Мило в одиночестве, куда бы он направился? Умчался бы к холмам, спустился бы в лощину или отправился лесом? Ох, задачка... Плохо я знаю своего ученика, не могу даже угадать, какая дорога бы ему приглянулась. Но не выходит так — попробуем иначе. Будь Мило на моем месте он вряд ли пошел бы, куда глаза глядят, а, скорее, попытался выбрать ту же тропинку, что и я.

Беда в том, что мне самой все пути безразличны — любой пойдет, был бы Мило рядом. Так что же, оставаться на месте, ждать, пока ученик выскочит из-за какого-нибудь куста? Нет, определено — нет. Не хватало еще умом тронуться в одиночестве.

Ярко-красная маленькая бабочка, невесть чем привлеченная из ароматного лугового разнотравья, покружилась рядом с моим лицом и опустилась на серый камень. Ах, вот бы и

мне стать такой невесомой летуньей! Знай себе, порхай изо дня в день, ночуй в цветках, не зная сомнений и страхов, чтобы в один прекрасный вечер тихо опуститься на землю бесполезным кусочком легкого шелка... Бабочкина беспечность — вот самый прекрасный удел. Жить бездумно и умереть без забот... А пока — трепещут еще бархатистые крылышки, дрожат усики, и неведомо алой красавице, что вот-вот сомкнутся вокруг хрупкого тельца жадные пальцы... Хватать!

И мимо.

Словно насмехаясь, бабочка в последний момент вспорхнула с грязного камня и беспорядочно заметалась в воздухе перед самым носом. Внезапно меня охватило неодолимое желание поймать летунью и смять тонкие крылья, словно доказывая: нет, не счастье это — жить одним днем, а сплошная глупость. Но бабочка вновь и вновь ускользала от жестокой ладони, обсыпая меня искрящейся на солнце пылью, а потом вильнула в воздухе — и полетела дальше. Рассердившись, я вскочила с камня и понеслась за ней. Выходило, что как раз вдоль самой правой тропинки, уходившей в холмы. Вот и славно, вот и выбрала... Везет мне!

Вприпрыжку гоняясь за бабочкой, я потеряла счет времени. Очнулась лишь после того, как солнце ударило прямо в глаза. Неужели пробежала целый день? А ведь и правда... Краски поблекли, светило скатывалось все ниже и ниже к горизонту. Зато запахи стояли такие, что в голове звенело — сладкие, но не приторные, свежие, но не бодрящие. И, кажется, исходили они из-за ближнего пригорка.

С сомнением оглянувшись на оставшуюся далеко в стороне тропинку, я подтянула пояс, поправила курточку и неспешно направилась к вершине холма. Подъем ощущался не особенно резким, но я едва переставляла ноги от запоздало навалившейся усталости, да вдобавок острые стебли травы обвивались вокруг колен, словно путы. Но упрямства мне, всегда получавшей желаемое, было не занимать. И, взобравшись наконец на пригорок, я поняла, что проделала путь не зря, ибо открывшаяся глазам картина... завораживала.

Сказать по правде, мне не особенно нравится желтый цвет. Разве что в сочетании с зеленым или фиолетовым. Но сам по себе... Фи, увольте. Вот оранжевый или золотой — другое дело, хотя если призадуматься — отличие лишь в оттенке. А поле в ложбинке между холмами было сплошь желто-коричневым. Лучи заходящего светила грели мне спину, ветер трепал полы курточки, а впереди расстилалось бесконечное пространство, заполненное подсолнухами. Крупные, источающие пряно-сладкий запах цветы повернули свои головки к закату, ловя быстро меркнувший свет. И это выглядело просто волшебным.

Превозмогая сильное головокружение, я бегом спустилась в чудесную долину. Мне, коротышке, макушки подсолнухов приходились наравне с глазами. Желтые, коричневые, черные, гладкие, колючие... Я шла, раздвигая руками щетинистые стебли, будто плыла в невозможно сладостном море. Нежные лепестки щекотали мне уши, пыльца набивалась в нос, заставляя беспрестанно чихать, но ощущение счастья было столь всеобъемлющим, что эти мелочи несколько его не омрачали.

Да ради того, чтобы увидеть это поле, стоило бросить дворец! Если бы еще рядом со мной был... был... А разве я не все время одна? Кажется, так... Ох, голова моя головушка, что же ты такая непутевая — все кружишься да ведешь меня не в ту сторону... Лучше прилечь, поспать, а потом с новыми силами...

...да, да, да... непременно продолжу свой путь завтра... и отыщу, конечно... кого? Не важно...

Может, и не уходить никуда?... Я бессмертна, что там пара лет... или десяток... ах, как же я устала...

Я провалилась в сон, как в омут, а когда очнулась, вокруг была глухая ночь. Искорки звезд игриво перемигивались в темном небе. Весь левый бок онемел от мелких уколов травинок. Стало холодно.

— А, вот она где! — радостно воскликнул детский голосок. — Братик, братик, иди сюда, я маму нашла!

Зашуршали колючие стебли подсолнухов, и из сплошной травяной стены выскочили, хохоча, двое малюток. Девочка лет семи и мальчик — на годик-два постарше. Я сощурилась, вглядываясь. Детские головки утопали в ворохе кудрей — кажется, рыжих, но больше ничего в темноте рассмотреть было нельзя. Лица расплывались бледными пятнами, но я чувствовала, что малыши улыбаются, и от этого на сердце становилось сладко и тепло.

— Мамочка, мамочка! — плюхнулась девочка в траву рядом со мной. Мальчик, приняв степенный вид, неторопливо подошел и снисходительно потрепал сестренку по макушке. — Ты опять на поле с подсолнухами задремала? А ведь жаловаться будешь папе, что голова опять болит!

— Подожди, сестренка, — серьезно вмешался мальчик. — Разве ты не видишь, что мама устала? Целый день ловила мотыльков на продажу. Смотри, вон их целая корзинка стоит.

Я недоуменно вздернула брови. Почему они кличут меня мамой? И что это за папа такой? И при чем здесь мотыльки? Но тут взгляд упал на корзинку, накрытую плотной салфеткой из хлопка, и все сразу вспомнилось — и детские имена, и охота за бабочками, и свадьба с возлюбленным, и долгие-долгие счастливые вечера у очага...

С облегчением я рассмеялась и обняла ребятшек. В глазах прояснилось, и совершенно четко стали видны черты: резковатые, в отца, скулы и брови, мои улыбчивые губы...

— Ох, дети, и начудила же ваша мама! — я поднялась на ноги, подхватив корзинку с мотыльками. Лепестки подсолнухов мазанули по голым плечам — ростом меня природа не обделила. — Лиса, иди к маме на ручки! — позвала я девочку. — А ты, Тиссо, бери наш улов и ступай следом. Ну и разморило меня сегодня на поле! Такой сон привиделся... ух!

— Ой, мама, расскажи! — хихикая, запросили детки. — Мы так любим твои истории!

Мне почудилась фальшь в звонких голосах, но я отогнала эту мысль, как назойливую муху. Видать, и вправду перегрелась на солнышке.

— Слушайте, дети... Приснилось мне, будто живу я в настоящем, взаправдашнем дворце и служу там — кем бы в думали? Шутом! А помогает мне...

Вприпрыжку — мальчик и не торопясь — я с дочерью на руках, добрались мы до домика — маленького, но опрятного. Стены были в прошлом году выкрашены побелкой, новая желтая черепица — переложена... Пойдите, а почему желтая? Ведь этот цвет мне совсем не по нраву!

— Разве ты не помнишь, мамочка? — удивленно распахнул глазенки сын. Мой сын, моя радость... — Это же папа выбрал — чтоб солнышко наш дом стороной не обходило!

Папа? Ах, да, любимый... Как же твое имя... Ну и напекло же мне в голову, мужнино прозвание забыть... Точно, Риссо!

Мгновенная радость сменилась недоумением. Имя, самое дорогое на свете, диссонансом ворвалось в мелодию моего спокойствия. Слишком звонкое, слишком свистящее... неродное. А мне-то помнилось, что его зовут... так ласково, так мягко — словно волна накатывает... Как же...

— Мамочка, иди сюда! Папа уже дома! — крикнул мальчик с порога. Лиса взвизгнула и спрыгнула на землю. Только пятки голые засверкали! А я все никак не могла отбросить гадкое, подленькое чувство, будто в совершенную музыку вкралась фальшивая нота.

Я неуверенно шагнула к изливающему желтый свет проему двери и застыла, не в силах ступить дальше. Будто бы стоило мне попасть в теплую, отделанную шершавым деревом комнату с жарко горящим очагом и запахом травяного настоя, как что-то сломалось бы, не выдержав напряжения. Я помотала головой и заглянула внутрь. Детки затеяли шутливую перепалку, перетягивая друг у друга корзинку, а мужчина стоявший спиной ко мне, смеялся, слегка откинув назад голову, незнакомым, будоражащим смехом. Светлые, бликующие то рыжим, то белым, то золотым волосы рассыпались по спине шелковистой волной, и это ударило больно, как стилет в сердце.

— Мило, — произнесла я охрипшим голосом. — Его должны были бы звать Мило — того, кто всегда ждет меня дома, самого дорогого моему сердцу человека. А никак не Риссо. И совсем бы я была дурочкой, если бы назвала свою дочку Лисой. И подсолнухи мне вровень с макушкой. И меня... меня зовут Лале. И я, вредная шутовка, ни за что не позволила бы покрасить крышу в желтый цвет.

— Мамочка? — обернулся мальчик удивленно, а мужчина застыл, будто окаменев.

— Вы — не настоящие, — губы мои едва шевелились. — Обман, сон, морок.

— Мамочка? — глаза девочки налились слезами. — Мамочка, что же ты говоришь?

Я сжала кулаки. Грудь начало жечь, но эта боль была знакомой, отрезвляющей.

— Сгинь, — сказала, как выплюнула.

Девочка вскрикнула, коротко, по-звериному, и швырнула мне в ноги корзину. Платок слетел, и из плетенки высыпали разбуженные светом и теплом мотыльки. Красные, мохнатые, скользкие... Я зажмурилась, отбиваясь от них, оступилась с порога... и проснулась.

Вечерело. Солнце уже скрылось за холмами, но последние лучи его еще вызолачивали темнеющее небо. Подсолнухи грустно повесили головки, будто уснули. Вокруг меня вся трава была примята, словно по ней бочки катали. Ключ медленно остывал.

— Это плохое место, — прошептала я, торопливо поднимаясь и бегом припуская к склону холма. — Очень, очень плохое.

На пригорок я взлетела, будто была гонцом Ее величества, а уж спускалась так, что чудом не кувырнулась через голову. Глаза жгли невыплаканные слезы. А, к ворону все! И дочку, и сына, и домик, и простые, счастливые вечера... Не бывать этому, так что жалеть? Да и почему мне привиделся супруг, так похожий именно на Мило? Что за наваждение!

Не чуя ног под собою, я неслась по тропинке, пока не добралась до перекрестка с путевым камнем, и лишь там позволила себе упасть, скорчиться и разрыдаться горько. И зачем я только просыпалась... Чтобы опять одной остаться? Лучше бы спала и видела сны о прекрасном, уютном доме, где меня любят и ждут каждый вечер... ха-ха, с уловом мотыльков...

— Полно плакаться, Лале, — щекотнул ветер уши. — Зачем тебе сладкая ложь? Ты слишком сильная для нее...

Разом перестав всхлипывать и размазывать слезы по запыленному лицу, я подняла голову. Никого.

— Нечего рассиживаться, дорогая, — сказала я себе твердо и поднялась на ноги, отряхивая безнадежно испачканные бриджи. — Тебе Мило надо искать. Вдруг он заснул на

таким же луку?

От этой мысли мне стало дурно. Подавив дрожь в коленках, я поправила суму и направилась по средней тропинке — в ложбину, затянутую туманом. Пройду насквозь, доберусь до деревни и открою дверь к Мило, как и собиралась. Только бы он не застрял где-нибудь среди полей и лесов...

Идти по выбранной дорожке было куда приятней, чем тащиться по холмам, цепляясь ногами за перепутанную траву. Густой молочный туман охладил разгоряченную кожу и прогнал остатки сна. Каблуки глухо стучали по утопанной глине, а справа журчал ручеек — кристально чистый и почти ледяной. И пусть мне очень хотелось пить, я не решалась отхлебнуть родниковой водички — слишком еще жива была память о восхитительных, но коварных подсолнухах.

Интересно, как там Мило? Думаю, когда Лир ударил посохом по камню, нас просто разбросало в разные стороны. Быть может, моего ученика выкинуло в дне пути отсюда, а может — в месяце. И дернуло же меня ляпнуть это треклятое «куда-нибудь»! Нет, чтобы уточнить: в деревню, до которой идти ближе... А еще лучше — послать бы странника с его фокусами куда подальше, пускай один развлекается. Взял манеру, путников дурачить...

— Дуру не подурачить — зря денек прожить, — прожурчало по правую руку.

Я заинтересованно оглянулась. Ручеек успел разлиться неглубокой речушкой с быстрым течением и коварными запрудами, и вот теперь из одной из них высунулась по пояс точная моя копия, прозрачная, как чистая ключевая вода.

— Если и дура, то только придворная. Мне платят за то, чтобы играть дурочку, а плохой работы не бывает, — хмыкнула я, косясь на свое зеркальное отражение, хохочущее и разбивающееся о древесный корень хрустальными брызгами.

Или в мире слишком многое изменилось с того времени, как Лале превратилась в затворницу, или тот странник, Лир, на диво силен. Не волшебник уже — один из расклада. Только вот кто? Уж больно имя знакомое...

— Работа? Не смейся, милочка, — фыркнула водяная шутовка, разбрызгивая капельки воды. — Зачем тебе деньги, бессмертной? Тратить на наряды? На еду, вкуса которой ты давно не ощущаешь?

Короткий сон на подсолнуховом поле сделал меня весьма циничной и безразличной к чужим словам.

— Мимо, дорогая, — передразнила я собеседницу. — Там, на холмах, были мечты, а ты кто? Страхи мои? Поздно, на сегодня я свое отбоялась. И, к слову, мне очень нравится и вкусная еда, и изысканные наряды. Хотя это, конечно, не то, ради чего стоит жить.

Прозрачная Лале вмиг посерьезнела. От неожиданности я даже запнулась мыском о камешек, но сразу же выровнялась.

— А для чего стоит, подруга? Скажи мне.

Туман будто бы стал гуще. Его белые плети колыхались у самого лица. Как бы мне не пройти нужный поворот... Надо было рассвета дожидаться, никуда бы от меня деревня не делась. Или вовсе — подождать Мило у камня. Авось не сошла бы с ума, перетерпела.

— А нужна какая-то особая причина? — пожалала я плечами. — Все мы просто живем, ожидая чуда и счастья, а придет ли оно — дело десятое.

Мой двойник вздохнул и оперся локтями на дорогу. По глине расплылись два мокрых пятна.

— Скучно, дорогая. Это жизнь растительная, бесполезная. Тебе есть, ради кого жить?

Любимый или дитя?

Я только рассмеялась — на этот раз невесело.

— Да кому нужна такая, рыжая, сумасшедшая и бессмертная... А дети... Говорят, что самая горькая судьба — пережить ребенка. Мне такой не надобно.

— А любовь? — тихим эхом откликнулась прозрачная Лале.

Я задумчиво пнула камешек — уже намеренно. Странно разговаривать так — словно с собой беседую. Да и вопросы такие... Неприятные. И слишком уж живо стоит перед глазами домик с желтой черепицей, спрятанный посреди подсолнухового поля.

— Быть любимой — тяжело, любить — больно, — ответила я наконец. Не ко времени вспомнился Лило-из-Грёз, часто изрекавший подобные истины. Впрочем, таким он стал уже в старости... А в юности не боялся ничего — ни любить, ни быть любимым, ни дарить в порыве весь мир и звезду с неба в придачу.

— А ты, милочка, не только дура, но еще, оказывается, и трусиха, — усмехнулась водяная девушка. — Подойди-ка сюда, — неожиданно позвала она.

Я насторожилась.

— Зачем это?

— Подарок хочу сделать тебе, непутевой, — досадливо мотнула головой другая Лале. — Подойди, не пожалеешь.

Хм... Если подумать получше — чего мне терять? Убить меня она не сможет, а остальное и не страшно вроде. Эх, была — не была!

— Чего тебе? — я подошла к краю тропинки. — Так достаточно?

— Ближе, — улыбнулась девушка прозрачными губами. Туман причудливо огибал ее, обходя стороной, и поэтому казалось, что та, вторая Лале окружена сиянием. — Наклонись-ка.

Фыркнув — мол, раскомандовалась! — я присела на корточки, и оглянуться не успела, как скользкая холодная рука цапнула меня за шею. Даже не холодная — ледяная!

— Пусти, — попыталась я закричать, но пальцы сдавили горло сильнее, и вместо властного приказа вышло жалобное сипение.

— Нет, — спокойно ответила водяная девушка. Теперь, вблизи, стало совершенно ясно, что она была на меня совершенно не похожа. Только голос — в точности мой. Глаза — колкие, рот — искривлен в саркастической усмешке, такую особу тронь — ядом истечет.

— Прощу тебя... — мне стало страшно. Сразу вспомнилось, что кроме смерти есть еще множество скверных вещей. Например, забвение...

— Проси лучше, — усмехнулась она.

Вот теперь страх пробрал до костей — ледяной, как руки моего двойника, липкий, как патока, соленый, как кровь из прокушенной губы.

— Молю тебя...

Мои руки, отчаянно царапающие воздух, проходили сквозь тело мучительницы, как через туман. Только инеем покрывались. Ключ висел на цепочке мертвым грузом, не думая обжигать обидчицу бездымным пламенем.

— Что, страшно, Ла-лль-ле? — спросила девушка, насмешливо перекатывая на языке мое имя. — А будет еще страшнее. Знаешь, какое единственное лекарство от боли?

Я перестала трепыхаться, беспомощно обвисая. Воздух в груди закончился, и теперь все нутро горело от жалких попыток сделать хотя бы один маленький вдох.

— Небытие, — так же жутко усмехаясь, продолжила мучительница. — И сейчас ты

уснешь навсегда — вот мой подарок для тебя, дорогая трусиха.

И рука потянула меня вниз, вниз, к журчащей водной поверхности, к пробирающему до костей холоду... Я пыталась зацепиться за бережок, но ногти лишь бессильно соскользнули с мокрой глины. За шиворот хлынула ледяная вода. Тело почти сразу потеряло чувствительность, даже грудь уже не сводило так от желания сделать глоток воздуха. Движения замедлились, как в ночном кошмаре, когда нужно бежать, а ноги и руки едва двигаются. Журчание воды сделалось нестерпимым, оглушительным, и мне стало мерещиться, что кто-то в глубине тоскливо поет:

Мимо проходит дней череда,
Смыла холодная, злая вода
С сердца тоску и сковала мне грудь...
В омуте сладко навеки уснуть...

Мы медленно погружались все глубже и глубже. Жесткая рука давно исчезла с моего горла, но набравшая воды одежда, сапоги и сума тянули на дно. Веки тяжелели, а волны не обжигали уже смертельным холодом, а нежно ласкали, как летний ветерок.

Кто не любил, кто не любим,
Тот, кто печалью и грустью томим —
Здесь обретет тишину и покой
И распростится с ненужной душой...

«Постойте! — захотелось крикнуть мне. — Но я люблю, я любима! Есть на земле те, кому нужна моя забота!» Но мои помертвевшие губы отказывались повиноваться. Да и толку-то от крика под водой?

Мимо неспешно проходят века.
Жизнь суетливая так далека!
Если захочешь — не сможешь уйти,
Силы растеряны в долгом пути...

Слабая, какая я слабая... Глупая, никому не нужная, ни на что не годная Лале...

Дно у реки оказалось мягким, как пуховая перина, да вот только почивать на таком ложе мне совершенно не хотелось. От бессилия на глазах выступили слезы — соленые и теплые, как морская вода. Море... приказ Ее величества... Да пропади она пропадом, эта слабость, я должна — значит, выберусь!

Я сумею, обязательно сумею...

Хлоп! — лицо обожгла пощечина. И сразу стало тепло.

Хлоп! Хлоп, хлоп!

— Хватит, — прошептала я слабо и открыла глаза. Где-то рядом горел костер, выпуская в ночное небо снопы искр. В спину упирались спрятавшиеся под тонким слоем земли корни. И ни следа воды. Неужели снова колдовской сон?

— Госпожа! — радостно воскликнули ломаящимся от волнения голосом и обняли меня восхитительно горячими руками. Мне показалось, что я вот-вот умру от счастья.

— Мило, родной мой... — шепот сменили неподобающие придворной даме всхлипывания. — Как ты нашел меня?

Авантюрин — самый настоящий, ни капельки не придуманный! — погладил меня ласково по голове.

— Чудом, госпожа... Лале, — произнес он тихо, и мне стало ясно, что и мой ученик тоже порядком перепугался. — Когда этот странник ударил посохом о камень, я вдруг очутился посреди деревни — той, что в дне пути от развилки, — в дне пути?! Ох, а Лир-то — страх, как не прост... — Вы, наверное, смеяться будете, но у меня сердце в пятки ушло. Думал, то ли ждать вас там, то ли идти туда, где нас разлучили... Промаялся один оборот, а потом сорвался с места, пешком побежал быстрее иной лошади. Всю лощину вмиг пролетел, и не заметил, как. А потом устал. Плелся — нога за ногу, как пьяный. И тут гляжу — посреди дороги вы лежите, бездыханная... Я и так, и эдак — не просыпаетесь. И становитесь все холодней и холодней... Тут уж мне совсем страшно стало. Разревелся, как мальчишка, все волшебство из головы выскочило... Вдруг из ручья вынырнула прекрасная леди, да как закричит жутким голосом: «Глупый ты увалень, тащи ее в лес! Костер разведешь, а там, глядишь, согреется и проснется!» Я так и сделал, — вздохнул Мило и немного отстранился, чтобы видеть мое лицо. Глаза у него и вправду оказались покрасневшие, словно заплаканные. — А вы все не просыпались... Вот я и решил попробовать то, что обычно после припадков делаю... Вы не сердитесь за пощечины?

Я потеряла ладонями горящее лицо. Сейчас вокруг было тепло, почти жарко, но память все время возвращала меня на дно омута, в плен ледяной воды и тоскливых песен. Вот тебе и прогулялась «куда-нибудь»... Зато теперь знаю наверняка, что мне подходит только то место, где есть Мило. А все прочие, будь они хоть воплощением мечты, оборачиваются в одиночестве кошмарами.

— Нет, Мило, не сержусь... А вот на странника того — хотела бы разозлиться, да силенок не хватит, — улыбнулась я.

Ученик встрепнулся.

— А вы догадались, кто он?

— Лишь после того, как ты рассказал, где оказался, — досадуя на свою недогадливость, ответила я. Ведь заметила, что имя знакомое, да поленилась вспомнить! — На такой фокус способен только один человек — Мастер Путей, первый в раскладе Дома Дорог... Его величество Лиран Третий.

Вопреки ожиданиям, Мило нисколько не удивился, не стал забрасывать меня вопросами, а просто невесело расхохотался:

— Так нас разыграла особа королевской крови? Что ж, надо полагать, нам оказали большую честь.

— Не то слово... — я легла, устроив затылок на коленях Мило, и вытянула ноги к огню. Долго же мне теперь тепла будет не хватать... — Но все же в глубине души я благодарна ему. Его величество помог мне понять очень важную вещь...

— Какую же? — Мило, стараясь не тревожить меня, потянулся и бросил в костер еще одну ветку. Рыжие угли выбросили в ночное небо целую охапку искр, на мгновение высветив узловатые дубовые ветви и длинные бороды мха, шевелящиеся от ветра.

— Я поняла, Мило, что ты для меня — не просто ученик... — Авантюрин вдруг застыл.

как статуя, а на его лице появилось выражение волшебного, невероятного счастья. — Ты очень дорог мне... Будь ты постарше, я бы назвала тебя своим братом. Здорово, правда? Ты рад?

Костер полыхнул почти до небес.

Мило крепко зажмурился и сжал кулаки. Потом он медленно, глубоко вздохнул и с чувством произнес:

— Госпожа моя... Никогда не думал, что посмею вам это сказать, но... Лале, вы — круглая дура!

И рассмеялся.

А что-то мудрое, что прячется в душе у каждой женщины, подсказало мне, что он имел в виду вовсе не то же самое, что моя водяная мучительница...

Глава пятнадцатая, в которой менестрель поет Балладу о невозвращении, а Лале думает о странных вещах

Говорят, что приключений много не бывает. Стоит, мол, ввязаться в какую-нибудь головокружительную авантюру, и вечно потом будет тянуть тебя ко всяческим опасностям и неприятностям... Брешут, право слово. После неожиданной и незабываемой встречи с Его величеством Лираном Третьим приключений я накушалась на год вперед. Воспоминания о подсолнуховом поле заставляли покрываться холодным потом, а в любую купальню, где глубина была больше, чем до колена, меня нельзя было затащить и арканом — прощайте, дни, когда я подолгу нежилась в теплой водичке. Приходилось мучаться теперь с тазиком да ковшиком, как простой неграмотной горожанке. Да и попробуй отыщи такую гостиницу, где за умеренную плату предложат вам не только вкусный обед и чистую постель, но и приличную купальню!

Отныне мы путешествовали не иначе, как с ключом, открывая двери из одного городка в другой. Нигде подолгу не задерживались — пробежим по тавернам, послушаем, что болтают в народе, и дальше отправляемся. Впрочем, вскоре все мало-мальски крупные города остались позади, в Доме Дорог. Только вчера мы пересекли границы сильного и чрезвычайно интересно устроенного государства — Дома Зверей. На землях, находившихся под властью Золотого Лиса Райко, жестокого и веселого государя, не найти было поселения больше деревни. Люди жили достаточно далеко друг от друга в разбросанных по всей стране имениях, усадьбах и теремках. Порой два-три клана, чаще с птичьими тотемами, строили дома рядом, и в такие места быстро стекались торговцы из других стран. А уж для дорогих гостей, плативших серебром, открывали таверны и гостиницы, устраивали ярмарки и представления, предлагали купить драгоценные меха, выделанную кость и знаменитую на весь белый свет деревянную посуду, расписанную золотом.

— Прикупить мне, что ли, блюдечко для десертов... — задумчиво огладила я блестящий от лака круг поперечником в половину моего роста. Ягоды и широкие листья, чем-то напоминавшие кленовые, вились по ободу плоской тарелки, сверкая позолотой на фоне угольно-черной краски. — Как считаешь, дорогой ученик?

— Тогда уж и ложку берите под стать, — серьезно ответил Мило, с поклоном протягивая мне расписной половник с изогнутой ручкой. — Но, боюсь, уважаемая госпожа Шалависа надорвется готовить достойные сего набора десерты.

Представив громадный кремовый торт со свежей клубникой, горой возвышающийся на раззолоченном блюде, я загрустила. В Доме Зверей из сладкого признавали только мед, не делая исключений даже для богатых гостей. Спору нет, можно было бы открыть дверь обратно в нашу прекрасную столицу или даже на дворцовую кухню... Но, к несчастью, я дала себе зарок — не жульничать. Путешествую — значит, путешествую, а назад поворачивать — и вовсе дурная примета.

— Думаю, стоит пожалеть мастерицу Шалавису, — вздохнула я и отступила от приглянувшегося блюда. Шутки шутками, но мне вдруг на самом деле захотелось его купить — не для сладкого, конечно, а так, на стену повесить. Пора бы уже начать собирать что-нибудь в память о прожитых годах, а то сколько ни топчу эту землю — ни следа за собою не оставляю. Одни колокольчики для волос в шкатулке перекатываются — вот и вся память. — Пойдем отсюда, Мило.

— Как пожелаете, — сверкнул глазами Авантюрин и вернул половник на прилавок.

Купец, с надеждой глядевший на нас из затемненного угла, выскочил на середину лавки, беспрестанно кланяясь:

— Госпожа-та будет покупки делать? Ложка-та хороша, нет? — затараторил он напористо. От торопливости непереносимое южное «та» в конце слова звучало как-то по-особенному визгливо и противно. — Госпожа-та! Не уходите, не оставайтесь без покупочки! Я и цену-та скину — за половинную отдам!

Не выдержав искушения, я звонко расхохоталась, прикрывая рот ладошкой. Торговец сердито надулся, будто камень-рыба. От этого стало еще веселей. Теперь я не смогла бы перестать смеяться, даже если бы захотела. Мило подхватил меня под локоток и едва ли не силой выволок из лавки, вежливым кивком извинившись перед купцом.

На улице смолистый сосновый ветер и вечерняя прохлада быстро прояснили разум, и мне стало немного стыдно за свое несдержанное поведение. От неловкости я напустилась на Мило:

— И зачем нам было уходить так быстро, скажи, друг любезный? Вот бы сейчас поторговались, разговорились — глядишь, и про Прилив Прилинов что-нибудь узнали...

Ученик только покачал головой:

— Думаю, с вас довольно на сегодня разговоров, госпожа, — мягко усовестил он меня. — Да и спрашивать лучше не лавочников, которые ничем, кроме прибыли, не интересуются, а бродячий люд — артистов, циркачей, бардов... Можно и у хозяина таверны полюбопытствовать: что в народе говорят? Именно в кабаки, где гремят стаканы и льется вино, стекаются вместе в путешественниками слухи.

Я недовольно насупилась, в досаде топнув ногой по дорожке. В воздух взметнулось облачко пыли.

— И в кого же ты у нас такой умница-разумница? Полагаешь, для меня подобные суждения в новинку? Я подольше твоего маюсь под солнцем, во дворце давным-давно за старожилку считаюсь. Неужто полагаешь, не знаю, как нужно собирать слухи?

Мило улыбнулся и наклонился ко мне, поправляя забившийся под воротник рыжий локон. Прохладные пальцы, невзначай коснувшиеся щеки, обожгли, словно раскаленные угли. Колени отчего-то ослабели. Наверное, все же стоило поспать прошлой ночью, а не сидеть всю ночь у окна...

— Вот в этом-то и самая большая неприятность, Лале. Вы не видели ничего, кроме дворца и столицы. Живете долго и, казалось бы, знаете все на свете, а на самом деле мир совсем иной, чем вы его себе представляете, — ученик со вздохом разгладил ворот моей рубашки.

После того, как Мастер Дорог чуть было не разлучил нас, Мило и малого оборота не мог прожить, не дотронувшись до меня. Протянуть руку, помогая сойти по ступеням, поправить растрепавшиеся кудри, застегнуть или, наоборот, расстегнуть пуговицу на жилете... Как будто Авантюрин все время хотел убедиться, на самом ли деле я стою в этот миг рядом с ним, не снится ли ему странный сон. А у меня рука не поднималась одернуть ученика — такая тоска порой сквозила в его глазах.

— Госпожа? — неуверенно произнес Мило, когда молчание затянулось. — Я... обидел вас? — голос у него сел, словно от резкого приступа страха.

Я спохватилась и безукоризненно изобразила теплую улыбку:

— Что ты, мальчик мой. Слова твои правдивы — что же обижаться? — я поднялась на

цыпочки и потрепала его по шелково-гладким волосам. Ученик машинально потянулся вниз за моей рукой, а когда осознал это — залился премилым румянцем. — Не бери в голову, дружок. Я просто устала.

— А не стоит ли вам вздремнуть? — предложил ученик. — Четвертую ночь глаза не смыкаете, — покачал он головой, словно с осуждением. И как догадался, мальчишка... Впрочем, какое это осуждение, скорее, беспокойство.

— Так ведь рано еще, только смеркаться начало, — уклончиво отозвалась я, обделяя вниманием встревоженное замечание Мило. — Да и хотелось бы посидеть в таверне с чашечкой перченого бульона, которым так славится Дом Зверей, послушать, что люди говорят...

— Раньше полуночи можно даже не переступать порог таверны, — резонно заметил Авантюрин. — Самое веселье начинается, только когда луна доберется до середины неба. Может, подремлете хотя бы пару оборотов?

— Нет, — ответила я слишком поспешно и широким шагом направилась вниз по улице, дабы скрыть от безумно проницательного порою ученика приступ панического ужаса.

Не тут-то было.

— Пойдите, госпожа, — мягко удержал меня Мило за локоть, заставляя обернуться и взглянуть в глаза. — Вы... боитесь? — тихо спросил он.

Я недовольно дернула рукою, сбрасывая осторожную ладонь. Стрекот кузнечиков и редкие трели птиц показались мне отвратительно громкими в густеющих сумерках.

— Разумеется, нет, Мило. Чего мне бояться?

— Так уж совсем нечего? — справедливо усомнился Авантюрин. Я непреклонно поджала губы. Ученик вздохнул и попытался зайти с другого края: — Госпожа, нет ничего позорного в том, чтобы страшиться неподвластного нам. Даже я, мужчина, чувствую озноб, вспоминая ваш рассказ о заколдованном поле с подсолнухами...

— Хочешь сказать, что женщины трусливей мужчин? — высокомерно осведомилась я. Тоже мне, мужчина! Усы еще не растут... Впрочем... Тридцать лет, тридцать лет... даже тридцать пять... А усов у волшебников не бывает...

Мило нетерпеливо махнул рукою:

— Не в этом суть, госпожа. Скажем по-другому: даже мне, не пережившему все те ужасы, а лишь услышавшему рассказы о них, в первую ночь не спалось. Что уж говорить о вас...

— Я не боюсь! — вместо грозного окрика получился невнятный писк.

— Понимаю, — улыбнулся ученик и вскинул ладони, словно сдаваясь. — Как бы то ни было, не спать по четыре дня — это глупость несусветная. Поэтому сейчас вы, госпожа, подниметесь в свою комнату в гостинице, и я вместе с вами.

— Будешь охранять мой покой? — едко поинтересовалась я, чувствуя в груди странное тепло.

Мило поклонился, пряча лицо:

— Это стало бы большой честью для меня, госпожа.

— Скажи еще — радостью, — фыркнула я, уступая.

— И скажу, — рассмеялся ученик, увлекая меня к гостинице. — Беречь ваш сон — величайшая радость моей души, госпожа...

Вид льняных простыней, выглядывающих из-под вязаного пледа, вызвал у меня дрожь. Кажется, нужно было все же признать — Мило прав. Я до оцепенения боялась уснуть. Но

ведь комнатуха в гостинице — это не прекрасное подсолнуховое поле, не лощина с дурманящим туманом. Здесь все до отвращения обыденно: погрызенные мышами связки трав на потолке, закрытые резными ставенками окна, почерневшие от времени, стершиеся под ногами бесчисленных постояльцев доски пола, ажурная паутинка в углу и сухой цветок в берестяном стаканчике на столе между кроватями... В таких местах не прячется таинственная, мистическая погибель от волшебного сна. Нет, здесь обитают маленькие, уродливые смерти: купцу — от ножа грабителя, пьянице — от медового вина, неосторожному под ноги подвернется складка ковра у двери... Нет, такого я не боюсь.

— Госпожа? — Мило предупредительно подготовил длинную белую рубаху, чтобы мне переодеться ко сну, но я лишь отрицательно покачала головой:

— Не стоит. Подремлю так, прямо поверх покрывал. Все равно просыпаться скоро... — пробормотала я, сворачиваясь клубком на кровати. Стоило позволить себе мгновение слабости, как страстное желание уснуть обессилило меня и погрузило в беспмятство. Последним, что отпечаталось в угасающем сознании, была мягкость пледа, которым ученик укутывал мои плечи...

Проснулась я внезапно. В воздухе витало чувство тревоги и напряжения... но странно приятного, а не пугающего. Лицу было жарко. Старые привычки заставили вновь замедлить дыхание, подражая глубокому сну. А мгновенно напрягшееся и расслабившееся тело... Мало ли что привидится задремавшей вечерком шутовке?

Постепенно разум прояснялся, и даже с закрытыми глазами я могла «видеть» комнату. Двойная тяжесть, прогибающаяся кровать — ученик сидел рядом, как и обещал. Смятая подушка — будто бы его локти упирались по бокам моей головы. Обжигающее дыхание, словно он наклонился к самому лицу... Я шевельнула головой, как в забытьи, проверяя догадку... и горячие его губы коснулись моих.

Я вздрогнула. Уверена, любой бы осознал, что сон мой прервался, и отстранился бы, но Мило...

Его ладони легли мне на виски, обхватывая лицо бережно, словно чашу из тонкого хрустала. Пальцы были лихорадочно горячими и сухими, словно он долго тянул их к очагу, и слегка подрагивали. Мило прерывисто вздохнул и как-то рывком, стремительно прильнул к моим губам.

Сердце заколотилось так, словно вот-вот пробьет грудную клетку. Наверное, сознание мое все еще пребывало среди грез, ведь в здравом уме я бы никогда не позволила...

«А он... не робкий мальчик», — промелькнуло в блаженно пустой голове. Рот Мило был жадным, горячим и настойчивым. Такой поцелуй уж никак нельзя было перепутать с выражением нежности или уважения... И пусть он не кончается...

Все повторяется, все идет по кругу...

... Только не снова...

Мой принц... Лило... останемся друзьями?

Не думаю, Лале. Прости меня...

Лило!

Комната плыла в грохоте сердца, под зажмуренными веками плавали красные пятна, а на языке был вкус меда — и сейчас он казался мне самым желанным на свете, но...

Мои руки сами легли ему на грудь... и оттолкнули.

— Мило, — громко произнесла я и открыла глаза, встречаясь с его шальным взглядом. — Что ты себе позволяешь?

Авантюрин залился румянцем и отстранился. Взъерошенный, покрасневшийся, с влажными темными губами и пьяным взглядом, мой мальчик был невыносимо прекрасен... Но это, конечно, ничего не меняло.

— Кажется, ответ очевиден, госпожа... Лале, — с вызовом усмехнулся он.

Я села и схватилась за голову.

Все неправильно, решительно все. Я хотела любить и быть любимой, но не так! Не по юношеской блажи, которая испарится через несколько месяцев, оставив меня снова в одиночестве.

Лучше уж опал в руках, чем бриллиант в чужой короне.

— Неправильный ответ, Мило, — мой голос был холоден, как февральская ночь. — Правильный — «Простите, наставница, это больше не повторится».

Мило изменился в лице — словно в колдовском котле, вскипели в темной бездне глаз чувства — и страсть, и стыд, и непонимание, и ненависть, и отчаяние, и надежда.

— Так вы этого хотите?! — вскочил он с кровати. — Чудесно! Простите, наставница, да чтоб я еще раз в жизни!..

— Мило... — виновато начала было я, но ученик вдруг развернулся и в одно мгновение очутился у порога:

— Доброй ночи! — и с размаху хлопнул дверью.

По лестнице пробарабанили сердитые шаги, и все стихло...

Ох, о чем я? Какая, к ворону, тишина? Через дорогу от гостиницы — таверна, там как раз начинается самое веселье. Кто-то терзает гитару, кто-то горланит песни, стучат кружки и слышится ругань... Наверняка ученик отправился туда. Куда же еще?

Надо бы и мне выйти, проветриться. О, Мило, Мило, и натворил ты дел!

В том, чтобы самой надевать камзол и застегивать все хитрые крючочки, чувствовалось нечто странное, непривычное, но пальцы быстро вспомнили работу, которую некому было выполнять до появления в моей жизни Авантюрина. Почти двести лет обходилась я без постоянной прислуги, и теперь придется вспомнить прежние времена. Речи не может быть о том, чтобы позволить Мило помогать мне в купальне с мытьем волос или с глупыми завязками на ночных рубахах. А еще нельзя гладить его по волосам — таким шелковым, мягким! — и смотреть ласково... И при этом — умудриться ни в коем случае не обидеть недоверием.

Так что же делать мне, чтобы не потерять его окончательно? А может... просто забыть об этом происшествии? Как о нелепом сне — приятном, но несбыточном?

Мило, Мило...

Я ведь тоже люблю тебя, мой мальчик. Но... иначе. Ты нужен мне — единственное спасение от губящего рассудок одиночества, от холода и тишины пустых покоев, от непонимания в глазах незнакомцев...

Лале, глупая, не плачь, не плачь... Все еще наладится...

И почему я не наивная придворная дурочка? Ведь можно было просто подчиниться ему, и...

Что-то резко обожгло шею.

Я легонько хлопнула ладонью, и на ней отпечатался алой пылью тонкий бабочкин силуэт — будто кровавое пятно. А сама летунья, пьяно кружась, выпорхнула в окно. Долетит она до заветного цветка или упадет по дороге, запоздало настигнутая смертью от моих жестоких пальцев? Кто знает...

Последний раз мельком глянув на себя в зеркало — ну и пугало... и как только Мило соблазнился? — я тихо выскользнула из комнаты, отворив дверь прямо в зал таверны.

Здесь, в табачном дыму, под хохот завсегдатаев, моя тоска съежилась и уползла куда-то в темный угол. Мило в зале не было — что ж, подожду. Он непременно вернется, или сюда, или в нашу комнату. Какие бы чувства им не владели, так, на половине пути ученик меня не бросит — слишком сильна в нем преданность. Так что останусь-ка я пока тут. Тем более хозяин, даром, что мрачный тип, кажется, приготовил великолепный ягодный настой с пряными травами — как удержаться и не попробовать!

Серебро подействовало на угрюмого старика лучше всякого волшебства. Он разом преобразился, заулыбался и в довесок к источающей чудесный аромат кружке с напитком предложил мне пару горячих пирожков с мясом на деревянной тарелочке. Я не стала отказываться — на одну серебрушку в Доме Зверей можно было наесться до отвала в любой таверне. Но сразу же передо мною во всей красе предстала нешуточная проблема: где бы присесть со своими лакомствами? Сейчас уже давно миновала полночь, и таверна была битком набита людьми. Молодежь, охочая до приключений, опытные любители покутить ночь напролет, сказители, наемники и просто любопытствующие... Пожалуй, в зале не нашлось только купцов, которые жили по птичьим законам: вставали с рассветом и ложились за закатом.

— Леди не побрезгует присесть рядом с бродячим певцом? — слышалось над ухом насмешливое, когда я совсем отчаялась и собиралась уже вернуться к стойке и попросить еще и табурет.

Певцом? Звучит неплохо. Менестрели — хотя и шумный народ, но в большинстве своем порядочный. Кроме редких исключений, вроде недоброй памяти Суэло Аметиста.

— Не побрезгует, — обрадовано обернулась я. — Благодарю, сударь.

— Да какой уж сударь, — мрачновато улыбнулся мужчина, освобождая место на лавке. Встретив его на улице, вряд ли я заподозрила бы в нем певца. Вот война — запросто. Сильные, мускулистые руки наверняка гармонично смотрелись бы с мечом с зачерненной гардой, седые волосы удерживались повязкой на лбу на манер наемничьей прически, между бровями залегла горькая складка. — Скорее, себялюбец и эгоист распоследний. Дело в том, что мне скоро выступать, а во время пения кто-нибудь может занять место...

— ...а также покуситься на драгоценную влагу, способную утолить иссушающую горло жажду, — понятливо кивнула я, кидая искоса взгляд на полную кружку на столе — такую же, как мою. Судя по всему, алкоголю менестрель предпочитал заваренные травы — по крайней мере, до выступления. Сразу видно бывшего человека — молодежь частенько выпивает для храбрости, а потом на самой пронзительной строчке язык начинает заплетаться. Воистину, все беды от нерешительности.

— А вас не задевает такая мелочная меркантильность, которую не пристало показывать менестрелю? — с улыбкой поинтересовался певец, поглаживая гитару.

— Нисколько, — в тон ему ответствовала я, прихлебывая из чашки. Настой был восхитителен. Мило бы понравилось... Ох, зря я об этом подумала, зря... — Как ваше имя, сударь? — спросила я, чтобы хоть как-то отвлечься от печальных мыслей.

— Райниккен Скалле, — откликнулся менестрель и стащил с моей тарелочки пирожок. Мне на мгновение стало жалко угощения, но почти сразу я махнула рукой. Ничего, там еще один есть, а люди искусства — вечно голодные.

— Вы чужеземец?

— Да, — пожал он плечами. — Кажется, это очень заметно.

— Не сказала бы, — покачала я головою, пристально рассматривая Райниккена Скалле. Да, определенно — что-то в нем чуждое. Горбинка на носу, разрез глаз... Присутствуют неуловимо отличные от равнинных черты, но и на горца он не похож. В толпе на него и не подумаешь, что приезжий, да и говорит чисто. Впрочем, я и сама — чужачка на этой земле, однако все знают меня, как леди Опал, и никто и не усомнится в моем происхождении из Дома Камней... — Издалека прибыли к нам?

— Из-за моря, — угрюмо пояснил певец. Он не хочет отвечать или от рождения неразговорчив? Не настолько я исключительное существо, чтобы ради моей особы пересиливать свою нелюдимость или скверное настроение. В задымленном зале женщин столько же, сколько и мужчин — в Доме Зверей не считается зазорным девушке веселиться вместе с приятелями и приятельницами. Главное, чтобы рядом был старший попечитель — брат или верный друг семьи. Интересно, а Мило сошел бы за попечителя?

Не думай, Лале, не думай. Лучше обрати свое сиятельное внимание на мрачного менестреля — не каждый день приходится говорить с людьми, прибывшими с другого берега.

— И как там, за морем? — с любопытством подалась я вперед.

Райниккен кинул на меня взгляд украдкой и взял второй пирожок. Пусть берет, не жалко. Будет платой за рассказ.

— Обычно, — вздохнул певец, проглотив выпечку в пол-укуса. Точно — голодный. Что же таверщик своего благодетеля голодом морит? Или плата за выступление — потом? — Люди живут, ссорятся, мирятся. Даже язык тот же, только говорят по-другому немного. Сейчас уже и не вспомню, как...

— Давно покинули родину? — спросила я, ощущая смутный укол в сердце. А как давно покинула свой мир я сама? И не сосчитать уже... Да и не вспомнить ни запах того ветра, ни цвет того солнца... Мое пристанище отныне — Дом Камней. Рыжая девочка из приюта сгинула без следа — появилась Лале. — Впрочем, не отвечайте, — мягко добавила я, глядя, как певец меланхолично перебирает гитарные струны. Самая толстая гудела глухо, как шмель. Самая звонкая — как бьющиеся друг о друга льдинки. Донн-дзинь, донн-донн...

— Понимаете меня, леди? — задумчиво поднял на меня темно-серый взгляд менестрель. — Вижу, понимаете. Кажется, вы старше, чем показалось мне сначала. Тогда эта песня — для вас.

— Благодарю, — склонила я голову. А Райниккен уже поднялся и начал протискиваться к стойке, рядом с которой хозяин таверны уже поставил высокий табурет с перекладиной для ног — в самый раз для менестреля. Старик кивнул певцу, перебросился с ним парой слов... а потом тягуче расплескались первые гитарные аккорды, и гомон в таверне смолк, сменившись благоговейной тишиной.

Райниккен прикрыл глаза... и запел. Чистым, низким голосом, рокочущим, как океанские волны. И меня словно накрыло с головой.

Девять лет пролетели стрелой
С той поры, как остался мой дом
За свинцовой, холодной водой,
Зарастающей медленно льдом.

В бесприютной стране чужой
Даже солнечный свет тусклей,
Даже вкус у воды другой —
С каждым годом горчит сильнее.

Но живет еще образ во мне,
Согревая остывшую грудь —
В доме дальнем свеча на окне
Освещает мой сумрачный путь.

И так сладостно втайне мечтать,
Разбавляя вином свою грусть —
Не устанет очаг меня ждать
И к нему я однажды вернусь.

...За стенами таверны — темно,
Ночь уткнулась в проемы окон,
Но в крови уже бродит вино,
Погружая в болезненный сон.

И мне грезится в полубреду:
Я судьбу пересилить сумел,
И, забыв ветер странствий, иду
Я домой, как давно и хотел.

Но... под солнцем — моим, родным! —
Тот же холод терзает грудь.
Свет свечи обратился в дым,
И от горечи — не вдохнуть.

Все — чужое... как было там,
За водой — солонее слез,
И очаг, о котором всегда
Я мечтал — лишь виденье грез...

Нежеланен я здесь... забыт...
И кривится из всех зеркал
Одинокий, седой старик,
Что напрасно свой дом искал...

...Я проснулся. Глаза сухи,
За печатью безмолвья — стон.
Из кошмаров из всех моих
Это — самый жестокий сон.

Одинок, и ни мертв, ни жив,
Я едва ли домой вернусь,
Вдруг... пророчески сон правдив?
Я смеюсь. Я последний трус...

Донн... Стон струны постепенно угасал. Тишина оглушала. А потом все разом затараторили, забубнили, захохотали... Тавернщик покровительственно хлопнул менестреля по плечу, бормоча что-то вроде «Ну ты и мрачен сегодня, дружище»...

Я уткнулась в кружку и опустила ресницы. Возможно, в другое время мне захотелось бы вскочить, заплакать, затопать ногами от бессилья перед тоской... Но не сегодня. Да и не мой это был страх — опустевший дом. Я давно смирилась с тем, что не вернусь в свой мир.

— Что скажете теперь, леди? — сипло спросил менестрель, усаживаясь рядом. Гитара была со всем почтением водружена на лавку и заняла целых два места. — Все-таки поблагодарите?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Поблагодарю — снова, — тихо ответила я. Со дна кружки поднимались веточки от ягод и медленно тонули вновь. Вечный переход... Вверх и вниз. А смысл остается прежним. — Как называется песня?

— «Баллада о невозвращении».

— Правильнее было бы сказать «Баллада о несбыточной мечте», — усмехнулась я. — Нет, это не мой страх, — добавила задумчиво уже вслух. — Я давно разучилась мечтать...

— А зря, — укорил меня менестрель, тоскливо глядя на опустевшее блюдо из-под пирогов. — Не все мечты обречены на несчастье.

— А несбыточные?

— Кто в этом мире может определить, какая мечта — несбыточная, а какая — нет? — философски пожал плечами Райниккен, отхлебывая из кружки остывший настой. Я заметила, как хозяин шепнул что-то мальчишке-разносчику, указывая на наш стол. Неужто решил-таки накормить музыканта? Или эта песня была последней за ночь, и пришло время платить? — Чего вы желаете, леди Лале?

— Счастья, — механически откликнулась я и залилась краской. Ох, нашла время перед первым встречным душу выворачивать.

— А разве счастье — это так много? — усмехнулся певец и с шумом отодвинул кружку. — Запомните, милая леди, не всегда перемены равносильны потерям. Иногда нужно просто заглянуть в свое сердце... И тогда в руке окажется не опал, а бриллиантовая корона. Прощай, Лале!

— Что? — растерянно вскинула я голову.

Лавка была пуста. На столе стояли две пустые кружки и блюдо с крошками от пирога.

Постой-постой... Этот Райниккен назвал меня Лале... Хотя я и не думала представляться! Да и откуда-то знал о моих размышлениях про опалы и бриллианты... Неужто только что снова привет от наставника передали?

Я скрипнула зубами. Это уже ни в какие ворота не лезет. Где был Холо, когда мне пришлось задремать на поле среди подсолнухов? Вот по тавернам посылать своих дружков-подружек он может, а как жизнь и рассудок мне беречь...

Тьфу на него. И на эту таверну. И на пироги с мясом. Пойду-ка я на улицу.

Ночь приблизилась к середине. Через несколько часов небо начнет бледнеть, а предутренняя прохлада достигнет своего пика. Ветер пробежит по макушкам деревьев, шевеля сосновые иглы и березовые листья, огладит спокойную речную гладь и ворвется в рассвет вместе с обжигающе золотыми лучами солнца. А пока...

Я задрала голову.

Луна сияла в темном бархате неба, как начищенная серебряная монета. Осколки звезд мерцали и перемигивались, словно барышни, назначающие свидание непонятливым кавалерам. Из трактира, оставшегося далеко позади, доносился шум голосов и звонкие гитарные переборы. То ли Райниккен вернулся в мое отсутствие к исполнению своих обязанностей, то ли еще нашелся менестрель, готовый развлечь публику за ужин и пару монет.

Продавать талант... Право, какая глупость. Когда живот от голода подводит, конечно, не до гордости, но петь по трактирам, особенно с таким даром... Этого Райниккена бы нам во дворец — вышел бы прекрасный друг маэстро Танше... Или соперник. Творческие люди так непредсказуемы! Да и Тарло ревновать будет...

Мои мысли скакали с одного предмета на другой, не задерживаясь подолгу ни на чем. Словно я сама запрещала себе сосредотачиваться на чем-то. Ведь стоит замереть на мгновение в этой темной, порочной ночи, как издевательски-услужливая память подкинет жар трепещущих пальцев, оглаживающих виски, и мед на губах...

Прочь мечты, Лале. Что бы ни говорил менестрель, опал все же лучше бриллианта. Слишком велик риск, что, погнавшись за счастьем, я упущу сам смысл своей жизни. А этого мне не нужно...

Задумавшись, я не заметила, как ноги привели меня обратно к гостинице. Подняться или еще побродить? Ах, пропади оно пропадом! Спать хочется уже невероятно, хоть под порогом в клубочек сворачивайся. Не проснусь — значит, такова моя судьба.

Дверь в комнату отворилась почти бесшумно. Конечно, я поленилась топтать по лестнице своими ногами и даже доставать ключ — все равно никто не видит меня. Интересно, а Мило уже?...

Ох...

Фигуру, застывшую на подоконнике, трудно было не узнать.

— Слезай, дурачок, — ласково попросила я. — Простудишься. Или убьешься.

— Здесь всего-то третий этаж, — рассеянно отозвался Мило, взъерошивая волосы, и осекся. — Госпожа...

— Да, Мило? — улыбнулась я почти сонно. Небо за окошком светлело. Скоро поднимется ветер, пробежит по макушкам деревьев... и так далее... И что со мною творится?

— Госпожа, я... — Авантюрин спрыгнул с подоконника и сделал шаг, другой, третий на заплетающихся ногах... и упал, как подкошенный, роняя и меня, утыкаясь лицом в мои колени. — Простите меня, Лале, пожалуйста, простите... Я позволил себе немислимое. Прошу вас, забудьте об этом вечере, пусть все останется по-прежнему... Пусть я буду мальчиком, учеником, да хоть комнатной собачкой! Только не уходите, прошу! — он сорвался на всхлипывающий крик.

Я ласково провела рукой по его волосам. Этот шелк никогда не спутается. Рыжий, белый, золотой...

— Ты всегда будешь моим мальчиком, Мило, — пальцы погладили его по щеке.

Мокро... — Ну, что же ты плачешь, ведь уже взрослый... Знаешь ведь, что никуда я от тебя не денусь. Ты слушаешь хотя бы иногда, что тебе говорят?

— Иногда, — с губ Мило слетел нервный смешок.

— То-то и оно, — вздохнула я. Повторять, что без дорогого ученика мне не прожить, я не стала. Все он помнит. — Значит, забыли?

— Забыли, госпожа... Благодарю вас за терпение.

Он еще что-то говорил — без сомнения, важное и нужное. Извинялся, и обещал, и просил... Но моя голова все ниже и ниже склонялась к вытертым доскам пола. Четыре дня не спать... Пожалуй, это было...

...безрассудно...

Я погружалась в мир грез. А там, в мире действительном, глупый мальчишка продолжал обнимать мои колени, шепча:

— Простите, госпожа... Но все-таки я вас...

...люблю?

Может быть...

Глава шестнадцатая, в которой Лале рассказывает легенду и натывается на след

О, горькие, вечные воды моря!
Вы ласковы, сонны и чуть ленивы,
В терпении с камнем отвесным споря,
Вы точите берег неторопливо.

Ах, мне бы настойчивость вашу, волны,
Уверенность бы, что за мной победа...
Но слабое сердце сомнений полно,
И руки слабеют за сердцем следом.

Мне б знать, что однажды падут преграды,
Как скалы те, что над водой нависли,
Что я овладею однажды кладом,
Что это — не просто мечты и мысли...

Но если желаньям моим не сбыться,
То жизнь тогда станет пуста, нелепа.
И — вниз... со скалы... чтобы с морем слиться...
Увидеть тебя... устремиться к небу...
...у самой воды обернуться птицей...

— Мило, умолкни, прошу тебя, — взмолилась я, не выдержав.

Ученик только пожал плечами и обратился к невольным его слушателям и случайным нашим попутчикам, щуря темные, как самые глубокие омуты, глаза:

— Добрые люди, скажите, я мешаю вам?

— Что ты, что ты, юноша, — торопливо прошамкала неаккуратная старуха, подтягивая поближе узел со своими вещами. Морщинистые, до черноты загорелые руки островитянки слабо подрагивали, но причиной тому была вовсе не старость или неровная дорога. — Спой нам еще. Уж больно песни сердечные...

— За душу берут, — вздохнул мужчина, восседавший на сундуке, и бережно оправил женин платок. Супруга ничего не сказала, лишь кивнула, а в глазах у нее блестели слезы. — Увы, печальные, но — красивые...

— Так и жизнь у нас не веселая, — откликнулся возница, подхлестывая лошадей. — Пой, юноша. От музыки и дорога короче делается...

Мило улыбнулся и повернулся ко мне:

— Видите, госпожа, — склонил он словно бы покорно голову. Под светлыми, золотисто-рыжими ресницами посверкивали насмешливо очи. — Мне хочется петь, а люди желают слушать. Если вам не нравятся эти песни — не слушайте. Лягте, поспите. Когда мы остановимся на ночлег, я разбужу вас.

Ах, паршивец! Ну, погоди!

— Пожалуй, я так и поступлю, Мило, — изобразила я зевок — в отличие от игры ученика, моя выглядела вполне достоверно. — Не забудь меня в телеге.

Только дернувшийся угол рта выдал разочарование мальчишки, когда я стала заворачиваться в плащ, устраиваясь поудобнее на жестких мешках. Поворочалась немного — и затихла, продолжая прислушиваться к разговорам и поглядывать на Мило из-под густой челки.

Равнодушно к менестрелю
Сердце ветреной княжны.
Больно ранит, словно стрелы,
Ваше злое «Не должны...»

Ну и Мило! Ну и негодяй! Опять за свое!

Откровенно говоря, последние два дня стали для меня сущим мучением и жестоким испытанием выдержки и хладнокровия. А виною всему было безрассудное поведение ученика. И одной ночи не минуло с того поцелуя, который я милостиво согласилась простить неразумному мальчишке, как Авантюрин опомнился, поднабрался нахальства и стал вновь терзать мои нервы. Не знаю, какое чувство мучило меня сильнее: страх, что Мило разочаруется в наставнице и исчезнет, или опасение, что рано или поздно он все-таки добьется своего. Напрямую о своих желаниях Авантюрин больше не заговаривал, но все его жесты были пропитаны тайным смыслом. Взять хоть эти песни, которые ученик взял манеру распевать!

Пусть знатностью с тобой мы не равны,
Любовь сословиям и титулам не верит.
Я верю, что любовь откроет двери
И впустит в сердце дуновение весны...

«Откроет двери», как же! Вот ведь шутник...

Я тихонько фыркнула, пряча улыбку за воротом плаща. С течением времени постоянные намеки стали уже не раздражать, а забавлять и даже... умилять? Право же, совсем размягчилось мое глупое сердце вдали от дворца и обязанностей, от бдительных взоров вельмож и властной руки королевы Тирле... Вдали от зеркал в полный рост, бесстрастно отражающих презабавную пару: статный, уверенный в себе и — чего уж таить-то? — красивый юноша с темными, затягивающими очами и маленькая, рыжая, язвительная женщина, лицом и телом больше напоминающая девочку.

Я полюбил прекрасную колдунью,
О, горе мне!
Моя душа холодной ночью лунной
Горит в огне...

...И каждой строчкой, каждым словом, каждым вздохом воспевал Мило неравную,

безответную любовь. Но если на одно мгновение представить... только на одно, большего позволить себе не могу... что я осмелилась бы ответить ему взаимностью... то что тогда?

Трагедия? Катастрофа? В яблочко, дорогая Лале.

Неравенство наше очевидно, но имеет совсем другую природу, нежели это представляет себе Мило. Если хорошенько поразмыслить, какое превосходство на моей стороне? Возраст? О, сомнительное преимущество для женщины. Опыт? Как недавно заметил ученик, жизнь моя проходила в стенах дворца, и мира за его пределами я не знаю. Что же тогда?

Власть? Мудрость? Красота?

Ха, ха, три раза ха! Даже Шелависа имела больше влияния на умы и настроение придворных, рыжий мошенник из таверны оказался мудрее и хитрее меня, а что до внешнего облика... Ее величество Тирле, рано поседевшая, большеротая, с колючим взглядом — и та выглядела женственней своей верной шутовки.

Сейчас я мила мальчишке, потому что недоступна. Он видит во мне этаким недостижимый идеал: наставница, спасительница его жизни, вечная насмешница... Но уберите пьедестал, на который Авантюрин возвел свою госпожу, и что останется?

Весьма раздражительная, инфантильная, беспомощная особа, с деспотичным характером, вздорная, неразумная и капризная. Да еще и бессмертная к тому же — вот незадача!

Кажется, во мне нет ни единого качества, которым можно без зазрения совести хвастаться и говорить: вот то, что оправдывает смысл моего бытия. Но если задуматься, то следом придет и другая мысль: «Неудивительно, что ты, Лале, осталась в одиночестве». Возможно, в моих бедах виноват не тысячу раз проклятый ключ, а я сама...

Нет, нет, отставить самоуничтожение! До добра такое настроение не доведет. Да и раз ученик нашел во мне что-то, достойное любви...

Ох, неужели я всерьез помыслила о романтических отношениях с Мило?!

Чудеса, да и только.

Ну-ка, Лале, засыпай, пока не додумалась до чего-нибудь поинтереснее. Тем более что ночью ты вновь не смыкала глаз, и теперь веки словно наливаются свинцом, все тяжелея, тяжелея... и слышится тихий, тонкий перезвон колокольчиков...

...Открываю глаза. Вокруг — сизое марево, ледяной туман с привкусом гари. Под ногами — маленькая каменная площадка, холодящая босые ступни, только и хватает места, что шаг сделать. Вверху и внизу — одинаково темная, равнодушная бездна.

— Где я? — срывается с моих губ.

Эхо подхватывает: «Где... де... де...». Глухой грохот нарастает, как лавина, и вскоре моя опора, ненадежное мое убежище начинает дрожать и осыпаться по камешку. Медленно, неотвратно.

«Что же делать? — бьется в висках отчаянное. — Что мне делать?»

Каменный пяточок становится все меньше, опасно близко ломкие края, убегающие в пропасть ручейками серого песка и неровной гальки.

— На помощь! — кричу я, и звук моего голоса вновь отражается от невидимых скал, становясь громче и громче. Трещина пронзает плиту под ногами, разбегаюсь губительной сетью-паутинкой... А потом голые пятки соскальзывают по осыпающимся камням, раздирающим в кровь нежную кожу, я беспомощно взмахиваю руками, ощущая спиной хищную пустоту...

...и падаю в теплые, уютные объятия.

— ...Мило? — прошептала я, распахивая ресницы.

Кругом было темно. Небо усыпали сверкающие, как хрустальная крошка, звезды. Шелестел листвою ночной лес. Поодаль, за повозкой, потрескивал костер, выпуская вверх одинокие оранжевые искры, быстро гаснущие на холодном ветру.

— Поймал, — улыбнулся Мило. В неверных отблесках пламени выражение его лица казалось то жадно-голодным, то исполненным трепетной нежности. — Не стоило вам засыпать у края телеги, госпожа. Говорят, что тот, кто дремлет на грани, неважно на какой, рискует позабыть дорогу в явный мир.

— Охотно верю, — я зябко передернула плечами, против воли склоняя голову к теплому, надежному плечу Мило. Ткань дорожного плаща пахла не пылью и не солью, а медом и земляникой — острый, горьковатый и упоительно нежный запах. — Давно мы остановились?

— Всего оборот назад, — успокоил меня ученик. — Вы так сладко спали, что я не решился будить вас...

Я вздернула подбородок, с вызовом глядя в невинные глаза мальчишки:

— Неужто просто сидел рядом и караулил, пока изволю проснуться?

Золотые ресницы дрогнули и застенчиво опустились.

— О, госпожа, — прошептал он так лично, так сокровенно, что по спине пробежали мурашки. — Поверьте, мне никогда не надоедает на вас смотреть... — и словно бы невзначай облизнул губы.

Я не пойми от чего смутилась и отвернулась, стремительно краснея.

— Полно шутить, Мило. Спусти-ка меня на землю. Есть хочется — просто сил нет.

— Как пожелаете, — с едва заметным разочарованием вздохнул ученик, выполняя мою просьбу. Но, оказавшись на твердой земле, вместо радости и облегчения, я почувствовала легкое сожаление. Что это со мною, право? — А касательно утоления голода — к трапезе приступим через малый оборот. Разносолов не обещаю, но пахнет рыбная похлебка весьма аппетитно.

— Сам готовил? — растерянно спросила я, приняхиваясь. Ароматы в воздухе и впрямь витали замечательные.

— Увы, нет, госпожа, — покаянно повесил голову Авантюрин. — Боюсь, мне из сушеной рыбы и горстки овощей такого шикарного кушанья не состряпать. Заботу о наших желудках взяла на себя добрая Сара.

Передо мною живо встал образ хрупкой темноволосой женщины, кутающейся в шерстяной платок даже по летней жаре.

— А, супруга уважаемого Сазо? — вспомнила я имя мужчины, в чью телегу мы напросились попутчиками. Он направлялся к побережью и не прочь был подвезти «бродячих сказителей» за пару серебряных монет.

— О, нет, — задорно расхохотался Мило, и звук этого смеха рассыпался в бархатной темноте мягким серебром. — Сазо — так зовут возницу. А господин, который согласился нас подвезти — уважаемый Менатеру Галька, купец из Дома Песка и Раковин.

— Точно-точно, — обрадовалась я. — А седую женщину из островитян зовут Каре-Ток. Будто камешки стучат!

— Надо же, — неожиданно усмехнулся Мило. — А мне-то думалось, вы не слышали ничего — так старательно уши зажимали всю дорогу.

— О, дорогой мой, совсем ты стыд потерял, — мои слова были исполнены укоризны. — Споришь с наставницей, упрекаешь ее... И как язык поворачивается?

— А меня в детстве ворон в язык клюнул! — не растерялся Авантюрин, и я уже не смогла хорошенько разозлиться после таких слов. Оставалось только посмеяться да рукой махнуть:

— Пойдем уже, остряк... Сядем поближе к костру — что-то я в телеге замерзла.

Мило поклонился церемонно, будто он был во дворце, у трона Ее величества, и с достоинством произнес:

— Прошу, госпожа. Следуйте за мной.

На ночлег купец велел остановиться у небольшой рощицы, чтобы хворосту хватило на всю ночь. Конечно, на телеге под рогожкой имелось несколько связок, но прижимистый, как и все торговцы, Менатеру предпочел не растрачивать запас, а напротив, увеличить его при случае. Чем ближе к морю, тем меньше в округе лесов, а значит, и дров взять будет неоткуда, а в степях у самого побережья хищных тварей даже больше, чем среди могучих сосен и елей Дома Зверей.

— О, госпожа сказительница проснулась! — воскликнул купец, увидев, как я выхожу из-за телеги. — Подходи к огню, милая Лале, садись.

— Благодарю, — скромно склонила голову я и украдкой шепнула ученику: — Лале? Ты открыл им настоящие имена?

— А что в этом плохого, госпожа? — так же тихо ответил он, расстилая передо мной на земле рогожку. — Наши попугачики никогда не бывали севернее Дома Зверей, так что в иноземных именах не разбираются... Разве что в островных. Аристократ, крестьянин — так на слух и не различат. Милош, Рамил, Милоро — довольно распространенные прозвания в южных и восточных землях, и все они сокращаются одинаково — Мило. С виду я вполне сойду за местного жителя, а большего и не требуется. Что же касается вашего имени... — он окинул сидящих у костра быстрым взглядом, но никому до нас дела не было: Сара вытирала тряпицей миски и ложки, купец осторожно снимал с огня готовую похлебку, а старая Каре-Ток, которую согласились подвезти лишь из уважения к ее годам, безучастно смотрела в темноту между деревьями. — Как зовут придворного шута, знают разве что в столице, а попробуй отъехать чуть подальше — и вспомнят вас только как последнюю из рода Опал. Не тревожьтесь, госпожа, — добавил ученик, усаживаясь рядом со мною и протягивая миску для похлебки. — «Если можешь избежать лжи — говори правду, — считают на побережье, — ибо из маленького каждодневного лукавства складывается потом большая беда».

— Мудрые люди, эти побережники, — губы мои изогнулись в улыбке. — Я не тревожусь, Мило, просто спрашиваю, как к тебе обращаться, чтобы впросак не попасть. Да назовись мы хоть самими посланниками Тирле, вряд ли нам поверят. Не похожи на знатных путешественников — так себе господа, то ли менестрели, то ли просто бездельники.

— Ну какие же бездельники! — горячо воскликнул Менатеру, услышав лишь последнее слово. — Ты, Мило, столько хворосту собрал за пол-оборота, что на всю ночь хватит. Да и всю дорогу песнями нас развлекал — и не заметили, как время пролетело. Давай-ка сюда свою миску, Лале... Смотри, не обожгись, милая — похлебка только-только с огня.

— Благодарю... Говорите, всю дорогу развлекал? Значит, теперь моя очередь, — улыбнулась я, принимая полную миску. Сказать по правде, рыбные блюда мне не особенно нравились, но эта густая, ароматная похлебка была на вид столь восхитительна, что в животе

заурчалю. — Знаю я пару презанятных историй, которые с удовольствием поведаю вам за кружкой травяного настоя...

И тут в моей непутевой голове родилась превосходная идея. Подмигнув Мило — мол, учись, мальчик, — я добавила, словно невзначай:

— Но хлеб сказителя — это легенды и мифы. В южных краях мне прежде бывать не приходилось, в отличие от моего спутника, и поэтому буду счастлива, если услышу какую-нибудь историю о старинных временах в обмен на свой рассказ.

— Справедливо! — согласился купец. Вдалеке от города, от соперников, готовых каждое неосторожное слово повернуть против собрата по торговле, Менатеру оживился, даже помолодел. В свете костра в темно-русых волосах седина стала почти незаметной, карие глаза заблестели, и даже фигура не казалась уже такой полной, обрюзгшей, будто всего за день пути дородный купец похудел. — Но сначала — воздадим должное похлебке, что приготовила моя добрая жена Сара!

— Благодарность ей! — с готовностью подхватила я и встрепенулась: — Пойдите, а где возница, уважаемый Сазо?

— Спит в телеге, — успокоил меня торговец. — Ему костер сторожить первому, вот и отдыхает. Не беспокойся, милая Лале, отведай лучше похлебки.

— С удовольствием последую вашему совету.

Первую ложку мужчина по обычаю выплеснул в костер. По моему мнению, пустая трата припасов, да и запах от горелой рыбы и моркови не слишком приятный, но бывалые путешественники считают, что таким нехитрым способом можно умиловать духов дороги. Словно выказываешь уважение: мол, спервоначала вы откушайте, а потом уж и я остаточки приберу. И что с того, что «остаточков» — полный котелок?

А похлебка и вправду оказалась чудесная. Не знаю, в голоде было дело или в искусстве госпожи Сары, но вкусней этого незамысловатого кушанья мне давно не случалось пробовать. Я умяла целых две порции под изумленным взглядом Мило. Удивлялся ученик вполне закономерно: последние дни ему приходилось не по одному обороту уговаривать меня попробовать хотя бы кусочек. А здесь — мало, что съела все без капризов, так еще и добавки попросила. Когда я с удовольствием облизнула ложку, наслаждаясь последними каплями, Авантюрин посмотрел на меня почти с умилением, как добрая мать на непослушного, но любимого ребенка.

Тем временем забулькал котелок с водой. Сара взяла на себя обязанности радушной хозяйки и разлила по чашкам кипяток, заваривая смесь душистых трав и сушеных ягод. Мило осторожно вручил мне напиток, а потом подмигнул и, словно заправский фокусник, вытащил из сумы два мятых пирожка с фруктовой начинкой. Я чуть не прослезилась от радости — так обрадовалась сладкому. Думала, что до самого города терпеть придется. Ах, какой же замечательный, заботливый у меня ученик!

— А теперь — прошу, поведай нам какую-нибудь любопытную историю, сказительница, — разомлевший от вкусной еды купец щурился, словно кот. — Али передумала?

— Ни в коем случае, — задорно улыбнулась я. — Напротив, есть у меня легенда в запасе, которая непременно вам понравится.

— О любви? — впервые подав голос, тихонько спросила Сара. Светлые ее волосы выбились из-под платка, завиваясь крупными кольцами.

— О любви, любезная Сара, — я легко согласилась.

— Жаль, — огорчился купец. — Мне хотелось бы услышать историю о сражениях.

Вот ведь... мужчина! И пузо у него от эля отросло, и плешь пробивается, а он все туда же — желает сказок о битвах! Что ж, хочет — так получит.

Я смешно округлила глаза, взмахивая руками:

— Но позвольте, сударь, эта легенда — и о сражениях тоже.

— О сражениях и о любви? — удивился господин Менатеру. — Разве такое может быть?

— Может, — уверенно кивнула я, а Мило фыркнул, срывая тонкую травинку и прихватывая ее губами. Он понял, что за история сейчас прозвучит. Еще бы, ведь эта легенда была первой среди тех, что я рассказывала ему. — И даже больше... Она о том, как битвы и предательства породили самое прекрасное чувство — любовь.

Каре-Ток вздрогнула, словно очнувшись от сна, и посмотрела на меня светлыми, удивительно ясными для столь преклонных лет глазами, сияющими на обветренном, загорелом лице, как звезды.

— Стало быть, история-то с моралью? — прошамкала она. — Добро. Много мне довелось историй переслушать, да разумных среди них — и пары не наберется.

— Эта — как раз из таких, — уверила я старую женщину, мечтательно улыбаясь. — А началось все четыре столетия назад, в Доме Зверей, когда возжелал власти молодой и жестокий царевич Каор Черный Змей...

...Дом охватила война. Сражались все со всеми — верные прежнему правителю с вассалами нового, бедные — с богатыми, крестьяне и простой люд — со знатью. Никто не оставался в стороне, но каждый выбирал путь по себе: клан Лисиц хитрил. Заячий — путал следы. Вороны добивались победы обманом. Куницы били исподтишка. Медведи — те дрались против всех, смело, открыто и безрассудно.

И только мудрый Волчий клан не стал проливать кровь, укрывшись от битвы в дремучих лесах.

Десять лет длилась смута. Дом лежал в руинах. Поля зарастали сорняками, горели терема и целые деревни, мор вздымал крылья там, где люди не успевали хоронить убитых. Но Каор не отступал ни перед чем, огнем и мечом прокладывая путь к трону, и однажды, в день, когда само солнце умылось кровью, подчинил себе последних непокорных.

Медленно поднималась страна из пепла. Гарь зарастала зеленой травой, отстраивались разрушенные усадьбы, отступали болезни. А Черный Змей, теперь уже законный государь, а не бунтовщик, правил твердою рукой, щедро оделяя сторонников и жестоко преследуя непокорных. И в недобрый час вспомнил он о Волках, так и не присягнувших новому правителю. Долго искать мятежный клан не пришлось — всего через месяц возвратились гонцы из лесов с ответом: «Нет над нами государя, а только лишь высокое небо. Не можем мы обещать верной службы тому, кто в крови утопил землю».

Еще трижды направлял Каор посланников к Волкам, но ни один не добился клятвы. Последнего так и вовсе за частокол не пустили — осыпали насмешками да велели убираться восвояси. Не стерпел Черный Змей такой строптивости. Вызвал самого страшного своего слугу, чьего имени никто не знал, а звали его просто Охотником, и повелел ему силой или хитростью, но вырезать всех Волков до последнего.

«Никого не жалея, — приказал Каор. — Старик или ребенок, мужчина или женщина — все должны умереть лютой смертью».

Эти жестокие слова кольнули в сердце даже безжалостному Охотнику, но не мог он

ослушаться приказа. Склонил он голову покорно и молвил:

«Я исполню твою волю. Но это будет последнее, что я сделаю для тебя, а после — не ищи меня ни среди врагов, ни среди друзей».

Так сказал Охотник, и царь не стал ему перечить. Главное — непокорных изжить, а там хоть гори оно огнем.

День миновал, ночь пролетела, а за ней еще день и еще ночь... На третий закат вышел Охотник к поселению, где жили Волки. Не как воин, открыто — как подлый убийца, во тьме. И так велика была его сила, так совершенно искусство, что ни один из Волков, что был в деревне, не пережил ту ночь, всех настигла коварная сталь. И лишь одна девочка сумела спастись, ибо днем заплутала в лесу и вышла к родному дому лишь на рассвете, когда Охотник уже скрылся.

А там — крови по колено, горя по горло. Воют духи предков, словно волки, ищут покоя...

Плачь, Последняя, одна ты на свете осталась!

Три дня собирала Волчица хворост для погребальных костров. А в ночь запылал огонь, обратил тела в пепел — и обрели духи свободу от этого мира. Но каждый, исчезая, оставлял Последней частичку своей силы и наказ отомстить за смерть, шептал о седом Охотнике — об убийце во тьме, да о жестоком царе Каоре, приказавшем не щадить никого. И лишь последняя душа обмолвилась: «Месть сладка, смерть легка. Трудно жить и прощать».

Но Последняя, хоть и была еще ребенком малым, в тех кострах сожгла свою жалость, и сердце, и саму жизнь свою.

День миновал, и ночь пролетела, а за ней еще день, и еще ночь... Так прошло двадцать лет. Давно уже заросло травой и молодыми соснами пепелище Волчьей деревни, а сама память о ней изгладилась. Загремело на всю страну имя Последней Волчицы, прославилась она делами великими. И малый, и старый — все знали о прекрасной деве, не знающей пощады в бою. И так славили Волчицу, что сам царь приказал наградить ее золотом и землями и представить пред его очами.

Привели Последнюю. Гордо выпрямился Каор на троне и произнес такие слова:

«Слава твоя велика, но нет у тебя ни дома, ни богатства. Присягни мне — и получишь все, что пожелаешь, и даже больше».

Но только рассмеялась Волчица, грозно сверкнув потемневшими от гнева очами — как хрустальные осколки в лицо бросила:

«Нет надо мной государя, а есть только небо. Не присягну я тебе, изжившему мой род».

Молвила так — и через миг оказалась у трона. И никто — ни слуги, ни стража не сумели ей мешать. Холодная сталь коснулась горла Каора, и одолел правителя страх:

«Пощади! — взмолился он. — Пусть мои губы отдали приказ, но забрала жизни твоих родичей рука Охотника. Ты найдешь его в дальней усадьбе, у Холодного озера, за Ореховой лощиной».

«Трусов не люблю, — усмехнулась Волчица, — но более не люблю предателей», — и ударила клинком.

От крови багряными стали ее русые косы. Гордо подняв голову, покидала она царский терем, и такой яростью светились серые, как осеннее небо, очи, что никто не решался ее остановить.

Охотник, услышав о смерти Черного Змея, лишь улыбнулся печально:

«Теперь настал и мой черед».

Путь до Холодного озера за седмицу проходят, а Волчице дорога вдвое длиннее показалась, хоть и пролетела она ее вполтину быстрее, ибо с каждым шагом все яснее вспоминался наказ духа:

«Мечь сладка, смерть легка. Трудно жить и прощать».

Повергнет Волчица во прах последнего врага... А что с нею дальше станет? Ведь праг был Каор: нет у Последней ни дома, ни богатства. Никто не ждет ее... А слава... Что слава? Год прошел — и умолкли людские пересуды.

Долго ли, коротко ли — вышла Волчица к терему Охотника. Входит в первую комнату — там пусто. И во второй, и в третьей... Лишь потом догадалась она в сад спуститься. А там, под цветущими яблонями, ждал Волчицу враг, от чьей руки весь род ее погиб.

Увидел Охотник Последнюю... и встал на одно колено.

«Бей, — говорит. — Я давно тебя ожидаю».

Глядит на него Волчица — а рука не поднимается.

Не стар охотник, да сед — много горя видел.

Голубы его очи, как река в ясный день — а Волчице все чудится в них пепел хлопьями да кровь алая.

Меч легко опустить... но что дальше делать?

«Почему же ты медлишь? — молвит Охотник. — Не за смертью ли ты моей пришла?»

А Волчица вдруг рассмеялась — и решилась.

«Нет, — качает головой. — Не за смертью. За жизнью. Ты мой род погубил, клан разорил — тебе его и из праха поднимать».

Так и осталась Последняя жить в доме Охотника. Весною вплела в его волосы брачную ленту. Осенью — сын родился. Старший. Леаром назвали — Счастливым.

Ведь умереть — это легко. А ты жить попробуй.

Я замолчала. Потрескивал костер. Глаза Мило горели восхищением, как много-много лет назад, когда он впервые услышал из моих уст эту легенду. Чувствуя сухость в горле, я отхлебнула давно остывший настой.

— Чудная легенда... — выдохнул купец. — Никак не пойму, то ли страшная, то ли светлая.

— Светлая, — уверенно сказала Сара. — Ведь сын родился, — улыбнулась она.

И ведь не поспоришь.

— Ну, а вы что скажете? — повернулась я к Каре-Ток. — По сердцу пришлась легенда?

— Ой, по сердцу, — согласилась женщина. В глазах ее блеснули слезы. — Да только я уже слышала ее... Давным-давно, от супруга своего покойного. Он тоже сказителем был, все земли исходил... Спасибо, что напомнили мне о нем. Словно опять свиделись, эх... А в благодарность позвольте мне поведать вам короткую историю. Нет в ней ни любви, ни особого смысла... Сорок лет назад, когда я еще была молодой и беспечной, встретился мне один странник. Сколько времени прошло, а я все его помню: не особенно высокий, да статный, сероглазый, коса длинная — соль с перцем, а в ней лента желтая. А одежда вся — черная-черная, хоть бы нитка цветная. Много историй рассказал он тогда мне и моему мужу, но одна запомнилась особенно — о Господине Волн Морских.

Я вздрогнула. Мило выронил изжеванную травинку. Неужели — в яблочко попали? Немудрено — уже полмесяца по тавернам людей расспрашиваем, пора бы и на след выйти.

— ... а звучит она так. Живет на берегу Господин Волн Морских. На голове его венец

жемчужный, а в руках — три флейты. Первая зовется Сомнением. Как подует он в нее, так слетается множество духов. Те, кого они коснутся, будут видеть вокруг себя только врагов, никаким словам не веря. Вторая флейта — Гордыня. Те, кто услышат ее звук, начнут думать, что сильнее их на всем белом свете не сыскать, и станут слепы к опасностям. А третья флейта зовется Погибелью. Едва умолкнут песни первых двух, как дунет он в нее — и придет со дна морского страшная волна, и сметет с лица земли и города, и воинства, и царские дворцы. И станет тогда Государь Волн Морских — Государем Всего Света. Вот такую историю рассказал мне сорок лет назад незнакомец...

Сердце мое чуть не остановилось, а потом забилося бешено.

— Мило! — я залпом осушила чашку и вскочила. — Не история, а подарок просто! — мой голос чуть не сорвался на крик. Мило украдкой скорчил мне зверскую рожу: мол, наставница, возьмите себя в руки. Я опомнилась и поклонилась сотрапезникам. — Простите мое волнение и посудите: сколько ни брожу — а такой истории не слышала, как тут не радоваться. Позвольте нам с Мило отлучиться и записать ее, пока она еще свежа в памяти...

— Да, конечно, — согласился Менатеру, глядя на меня с удивлением. Я скромно потупила глаза. Вот и подвели меня манеры шутовки. Сказительнице не положено скакать и руками махать... — Да мы уже скоро спать ложиться будем. Сазо уже, думаю, подремал, он будет первым за костром следить. Потом — я, а последним — ты, Мило. Пойдет?

— Пойдет, — согласился ученик. Мне стало смешно: неужто станет бодрствовать полночи? Или все-таки вспомнит, что он волшебник, колдовством огонь напитает? — Погодите только, пока мы историю запишем, — отвесил он шутливый поклон и отправился к телеге.

Я тепло улыбнулась старой Каре-Ток.

— Моя вам благодарность, добрая женщина. Давно не случалось слышать такой занятной легенды.

— Пустое, — проворчала она. — С твоей легендой моя и рядом не стояла...

— А это с какой стороны посмотреть, — подмигнула я и шмыгнула вслед за Мило.

Отойдя подальше и от костра, и от телеги, где продолжал отсыпаться возница, я подпрыгнула от радости и прошептала горячо:

— Это оно, Мило! Нюхом чую — оно! Удача сама в руки идет!

Авантюрин нахмурился. Он моего восторга не разделял.

— Кто знает, госпожа... А кем, по-вашему, может быть этот Господин Волн Морских из легенды?

— Напекаешь на первого в раскладе одного из прибрежных Домов? — догадалась я. — Право, не знаю... Много больших государств граничит с морем: Дом Волн — весьма подозрительное совпадение, Дом Песка и Раковин с государем Ларрой, Дом Зверей, Дом Прибрежных Скал, Дом Кораблей... И в каждом есть Лорд. Нет, полагаться на одно имя нельзя. Да и сама легенда может оказаться иносказанием. Мне, например, никогда не приходилось слышать об этих трех флейтах. А вдруг вся история — просто пособие для начинающего государя? Мол, сначала поссорь своих врагов, после научи их думать, что ты слабее... а потом ударь со всей силою — и станешь государем. Похоже на правду?

— К сожалению, — приуныл Мило и с досадой рванул травинку. Я ударила его по рукам — хватит уже всякую гадость в рот тащить. Никогда прежде за своим учеником таких глупых привычек не замечала. — Наверное, придется все же искать сведения в библиотеке на Лунной косе.

— Пожалуй, что так, — согласилась я, задирая голову к звездному небу. Несмотря на то, что почти весь день мне пришлось проспять в телеге, чтобы не слушать песен Мило, сейчас мои веки вновь тяжелели. — Но теперь мы хотя бы знаем, о каких легендах спрашивать в первую очередь. Молодец, Мило, что настоял на том, чтобы я не сразу туда ключом дверь открыла. Такую историю бы упустили!

Ученик только усмехнулся и положил мне руки на плечи, разворачивая лицом к себе. Глаза у него были странно задумчивые.

— Скажите, госпожа... А та легенда, о Последней и Охотнике... Как вы думаете, о чем она?

Я пожала плечами с недоумением. С чего это вдруг Мило заинтересовался старой, много раз уже слушанной сказкой?

— Как о чем? О мести и прощении, конечно... А ты считаешь иначе?

Авантюрин смешался. Мне вдруг отчего-то вспомнилось, как сегодня у меня голову повело от запаха его — земляника и мед, и я уткнулась носом Мило в грудь. Раньше обнимать ученика не было зазорно, так чего же теперь стыдиться? Ну и наплевать на тот поцелуй. С Лило-из-Грез я делила ложе, и все равно он долго оставался не только моим возлюбленным, но и другом...

А Мило — это всегда мой Мило, пусть он и ведет себя странно, терзаясь глупыми проблемами.

— Я считаю, госпожа... — хрипло произнес Авантюрин, ласково проводя рукой по моим волосам. — Я считаю, что легенда о том, что иногда стоит взглянуть на привычные вещи... по-иному... вдруг тот, кого вы считали... кем-то другим... может стать вам... ближе... и...

— Тьфу на тебя, Мило, — вынужденно рассмеялась я, ударяя его кулачком в грудь и отстраняясь. — Тебе что, отвар в голову ударил? Странно, травки-то все обычные... Или ты туда лисью ягодку кинул?

Ученик покраснел и отвернулся. Ох, ни при чем здесь ягоды... Хотя рыжие лисы — очень даже при чем...

— Я... пойду спать. Да, точно. Только вот кружки схожу в ручье помою, — невнятно пробормотал он и бегом кинулся к костру. Вот ведь смешной!

«Эх, Лале, Лале, ну и влипла же ты в неприятности», — посетовала я и пошла к телеге — доставать одеяла и спать укладываться. Сейчас лето, земля теплая...

...Я вновь оказалась там — на каменном пяточке между двумя безднами, в пропитанном гарью тумане. И вновь осыпались вниз камни, увлекая меня за собою...

Но на сей раз я не боялась. Однажды Мило спас меня — придет на помощь и теперь.

...Ручейки гальки с песком все текли и текли вниз. «Где же ты, Мило, — думала я с отчаянием. — Разбуди меня, не дай упасть...»

Вдруг невесть откуда налетели мохнатые, густо-красные, как сухая кровь, мотыльки. Забились вокруг, закружились. Я взмахнула руками, отгоняя их... и потеряла равновесие.

— Он не придет, — рассмеялся кто-то в тумане жутко и высоко. — Ты одна, Лале. Ты всегда одна.

Нога сорвалась с камня, и я полетела вниз, вниз, в горький туман, а мотыльки вились рядом с лицом, заглушая крик...

— Нет! — хрипло выдохнула я... и проснулась.

Ох, ну и привиделось же. Никому такого не пожелаю. Пропать, бабочки, туман... Не иначе, ворон на меня своим черным оком глянул.

Я села, протирая глаза. Кажется, уже занимался рассвет. Небо светлело. В рощице заливалась какая-то ранняя птица. Мир вокруг дышал спокойствием и необыкновенной чистотой, какая бывает только на рассвете. Мило безмятежно дремал у пылающего костра, и ведать не ведая о моем кошмаре. Я досадливо помотала головой: эх не вовремя его разморило! Мог бы и покарать мой покой, а поспать днем...

В волосах что-то зашуршало. Я взвизгнула, как ошпаренная, и подскочила, на сей раз уж точно перебудив всех своих спутников. Мило взвился на ноги и в два прыжка очутился рядом со мною.

— Что с вами, госпожа? — тревожно спросил он, заглядывая мне в лицо. Взгляд у него был шальной со сна. — Что случилось?

— На голове... шевелится... — только и смогла пискнуть я. Над бортом телеги поднялась растрепанная русая макушка Сары, и следом — Менатеру, испуганного и ничего не понимающего.

Мило осторожно провел рукою по моим рыжим кудрям.

— Зря пугаетесь, госпожа... Это всего лишь бабочка присела на волосы. Видно, перепутала вас с прекрасным цветком, — пошутил он немного неловко.

А я застыла.

На раскрытой ладони Мило сидел, помахивая крыльями, красный ночной мотылек.

Глава семнадцатая, в которой Лале знакомится с Архивом и отгадывает загадки

Дом Раковин и Песка... Вот и родина Ларры.

Воистину, это было странное место. Куда ни кинь взгляд, простирались бесконечные пляжи — нежно-розовые и торжественно-золотые, зеленовато-дымчатые и лиловые, невесомо-персиковые и серые, как пепел. У горизонта пляжи переходили в степь, по которой, словно монеты по одеялу, были разбросаны города. Порты тянулись вдоль всего побережья, но люди не рисковали селиться рядом с коварной водой — самое ближнее, в двух оборотах ходьбы. Боялись — ведь не раз и не два приходили из моря высокие волны, смывавшие жилища несчастливцев, покусившихся на девственные пески. Незнакомцев в простые дома пускали неохотно, а все большие города с гостиницами и тавернами находились в половине дня пути от берега...

Но я не была бы Лале Опал, если не сумела отыскать пристанище нам с Мило!

Каким-то чудом уцелел у самой кромки берега давным-давно брошенный дом. На восьми сваях, как будто громадный паук, возвышался он над прибоем. В обе стороны, к пляжу и прямо в открытое море, уходили мостки из просоленной сосны. Морские ветра выдавили стекла из окон, но двери, самая большая ценность, остались целы. А значит, это покинутое жилище вполне могло послужить нам с учеником последним приютом перед конечной целью нашего путешествия — маяком на Лунной косе.

«Отдохнем на славу!» — счастливо засмеялся Мило, когда увидел домик снаружи — выбеленные солнцем и водой стены, красную крышу из пропитанной отварами соломы и покосившиеся, но все еще прочные мостки. Раздобыть вкусной еды в городке было делом одного оборота, и вот теперь мы сидели рядышком на пружинящих досках, свесив ноги к теплой водичке, и лакомились фруктами и сыром, созерцая безмятежную морскую гладь.

Солнце светило ярко, кричала в небе одинокая чайка, нежился под жаркими лучами Мило — близко совсем, только руку протяни. Казалось бы, живи и радуйся, но меня терзали мрачные мысли. О судьбе, о смерти... О человеческих пороках.

Люди завистливы. Это душевное качество неистребимо и необоримо. Сравнить себя с прочими, впадая в тоску или, напротив, радуясь — такая же потребность, как сон или еда. Зависть может быть светлой и темной, созидающей или разрушающей — смотря что за человек, но каждый хотя бы раз в жизни испытывал это острое, болезненное чувство.

Мне, в силу своего особого, привилегированного положения при дворе, часто случалось становиться мишенью для чужой зависти. Не единожды старушку Лале пытались сжить со свету, не чураясь самых грязных и подлых приемов... Да и слава Хранительницы ключа не давала спокойно спать многим и многим — особенно в первые десятилетия, пока слухи о бессмертии леди Опал не превратились в невнятные сказки. Пора бы уже привыкнуть к тому, что время от времени появляются желающие пресечь мое брэнное существование... Так почему же сейчас мне так страшно?

— Что с вами, госпожа? — Мило осторожно коснулся плеча.

— Все в порядке, мальчик мой.

— Вы сама не своя с тех пор, как проснулись, — покачал головой ученик. — Не держите все в сердце, поделитесь со мною своими тревогами.

Я сделала над собою усилие и рассмеялась как можно беззаботнее, запрокинув голову к

ясному голубому небу. В глазах заплясали солнечные пятна.

— Не волнуйся, Мило, я в полном... — острое зрение уловило алый отблеск в безупречной лазури, яркий, словно капля свежей крови. Меня пронзил острый, на грани боли, приступ ужаса... Я зажмурилась, а когда вновь открыла глаза — небо опять было чистым, ни облачка, ни даже одинокой птицы. — Нет. Не в порядке, не в порядке! — сорвалось с моих губ. — Я боюсь, Мило. Помнишь того убийцу? Неудачливого стража, возжелавшего легких денег?

— Такого забудешь, госпожа, — нахмурился Авантюрин. — Увы, даже Тайной Канцелярии не удалось выяснить ничего о его нанимателе. Да и положение убийцы было не таким бедственным, как можно было бы подумать... Все выглядело так, словно наш добрый страж проснулся поутру и просто решил избавиться от шута Ее величества, ни с кем не посоветовавшись.

— Не самая воодушевляющая новость, позволю себе заметить, — вздохнула я, болтая ногами в теплой водичке. — А упавшую люстру?

— «Слабое крепление», — скрипнул зубами мальчишка, цитируя начальника стражи. — Якобы никакого злого умысла. Но даже дураку ясно, что люстры просто так с потолка не падают! Да и всего за несколько дней до того мастер украшений, лично проверявший все светильники в зале, признал, что все крепежи абсолютно надежны. Прямо колдовство какое-то!

— И впрямь навевает мысли о злых чудесах, — согласилась я. Очередная волна плеснула особенно высоко, чуть не намочив бриджи. — Не иначе, кто-то могущественный решил разыграть меня. И шутки его становятся все менее смешными... Ножом по горлу — неприятно, но не более, ведь ключ может излечить любые раны. Мерзавец понял это и перешел к более изощренным методам. Мол, не можешь поймать рыбку в море — убери всю воду вокруг нее и жди, пока сама задохнется.

Я наклонилась и подставила ладони набегающим волнам. Море — живое, разумное. У него нет ничего общего с бездушием темных ледяных омутов. Оно прекрасно... однако убивает так же верно, как и речная стремнина, стоит лишь зазеваться.

— Не понимаю вас, госпожа, — рука Мило погрузилась в воду рядом с моей.

— О, милый, все прозрачно, — невесело рассмеялась я. — В море рыбку не поймать руками. Выскользнет, скроется — и поминай как звали. Но если исчезнет вода, то рыбке придет конец. Такова и моя жизнь, — цепочка выскользнула из-за ворота, и лишь в последний момент мне удалось ухватиться за нее и заправить обратно. — Ключ исцеляет любые раны. Но если исчезнет то, что составляет мой мир, к чему будет лечение? Так и нож станет для меня опасным оружием...

Мило резко распрямился, заглядывая в мое лицо. Даже на солнце его глаза оставались темными до того, что коричневый цвет переходил в густо-фиолетовый. И сейчас в их глубине был страх.

— Скверные вещи вы говорите, госпожа, — тихо произнес Авантюрин. — Разве можно желать смерти?

— Кто говорит о желании, Мило? — покачала я головой. — Нет, речь о другом. Хранитель ключа не может умереть — это правда... но не вся. Целиком мое проклятие звучит так: «Ты будешь продолжать жить, Лале, пока боишься смерти. Твой страх велик, больше всего на свете, и потому ты никогда не познаешь вечного покоя». Вот что говорил мой наставник, мудрый и жестокий Холо Опал, и я ему верю. Но... может случиться так, что

на одно мгновение мне станет все равно, жить или нет. И этого мгновения вполне хватит, чтобы...

— Молчите! — воскликнул Мило. — Не надо больше. Я понял. И убийца добивается именно такого исхода?

— Полагаю, что да. Сначала он попытался отобрать у меня любимого ученика, — сказала я беззаботно, но в то же время подумала: «А ведь убийца был в шаге от успеха... Если бы Мило... если бы с Мило что-то случилось, удалось бы мне сохранить рассудок?». — К счастью, план этот провалился. И теперь убийца решил зайти с другой стороны... через сны и слабости. Мило, ты знаешь, какой мой величайший страх?

Юноша сначала ничего не ответил. Только опустил ресницы — медленно и мягко, будто отсекая все лишние мысли.

Легкая птица раскинула крылья
Меж небесами и морем глубоким.
Птица! Ты ищешь земли своей или
Дремлешь в изменчивых ветра потоках?

Дикая буря разбила твой остров
И разметала в перо твою стаю.
Сердце колотится дергано, остро —
Я с корабля твой полет наблюдаю.

Небо и море, увы, равнодушны,
Равно далёко лазурью застыли...
В бездне хрустальной, бескрайней и скучной,
Птица раскинула ломкие крылья...

— Одиночество... Так, госпожа? — после песни его голос был особенно нежен и глубок.

— Да, да, все так, Мило, — прошептала я, закрывая мокрыми ладонями лицо. — Именно одиночество. И все чаще мне снится, что я остаюсь одна, всеми покинутая...

— Это всего лишь сны, — тихо произнес Мило. Плеснула вода.

— Да... И последний из них повторялся дважды. В первом... я спаслась, — мои губы не могли выговорить «Ты спас меня». Даже мне, циничной шутовке, эти слова показались бы почти признанием в любви. — Во втором — появились алые бабочки и скинули меня в пропасть. А голос сказал: «Никто тебе не поможет».

— Алые бабочки? — доски скрипнули, будто Авантюрин внезапно наклонился в мою сторону. Я лишь сильнее прижала ладони к лицу, так, что в глазах золотые пятна заплясали. — Вроде той, что оказалась утром в ваших волосах?

Я резко откинулась назад, спиной на теплые доски, и раскинула руки в стороны. Веки затопило ярким белым светом — солнце было в зените.

— Не «вроде той», Мило. Точь-в-точь такая же. И мне кажется, я знаю, где уже видела таких бабочек.

— Где же? — прогнулись дощечки рядом с моей головой, и свет потускнел.

— У Незнакомца-на-Перекрестке. У Кирима-Шайю, лорда Багряного Листопада, — шепнули мои губы. — Но я не уверена, что это он стоит за всем этим.

Доски вновь скрипнули, золотое сияние затопило глаза, а голос Мило раздался почти у самого уха.

— Почему, госпожа?

— Потому что я не чувствую в нем никакого зла, вот почему! — уверенно сказала я, переворачиваясь на бок и открывая глаза. После солнечных поцелуев мне всюду мерещились желто-золотые пятна, и поэтому выражение лица Мило, который лежал бок о бок со мной, было не разглядеть. — Любопытство, благожелательность, интерес... особого рода, — я невольно покраснела, вспомнив темную комнату, сухие, шелковистые от пудры пальцы и льдисто-томное «Ла-аль-ле»... — Но зла или зависти я не чувствую.

Мальчишка упрямо поджал искусанные губы:

— Думаете, что вы не можете ошибаться, Лале?

— Смею заметить, что мой опыт огромен и...

— И что? — неожиданно язвительно передразнил меня Авантюрин и вдруг поднялся на ноги и протянул мне руку. — Вставайте, госпожа. Я хочу вам кое-что показать.

Ощущая легкое любопытство — не так уж часто Мило брал в разговоре со мной подобный тон! — я послушно взялась за протянутую руку и последовала за своим учеником к самому краю мостков. Остановившись и повернувшись так, что мы оказались лицом к югу, Авантюрин спросил:

— Госпожа, что вы видите перед собой?

Я удивленно выгнула брови, но все же ответила:

— Море, Мило. До самого горизонта — бесконечная синь, что сливается с небесной лазурью. Волны, пену, облака... Все, пожалуй.

— Все? — усмехнулся ученик, обнимая меня за плечи. Прохладные ладони скользнули по разогретой коже, вызывая волны мурашек. Я невольно пожалела, что одела блузу с коротким рукавом. Уж больно личным получилось простое прикосновение. — А ведь прямо перед вами — Лунная коса, огибающая залив Раковин. Туман и морские испарения искажают перспективу, и водное пространство кажется безбрежным, однако мы заперты полуостровом. А там, на Лунной косе — леса, соленые озера и башня с самым высоким маяком в прибрежных Домах. Ночью можно увидеть свет, который он излучает, и силуэт полуострова... Но сейчас ваши глаза видят только бескрайнее море. Так и истина может скрываться под покровом наших заблуждений...

Я почувствовала себя уязвленной и отвернулась от моря, выскользывая из слишком уж настойчивых объятий.

— О, как ты заговорил, мальчик мой! Думаешь, я не знаю этого? Хочешь сказать, что заблуждаюсь, считая Кирима-Шайю добрым малым? — Мило так скрипнул зубами, что стало ясно: он считает лорда Багряного Листопада злодеем, и никак не меньше. — А что, если я ошибаюсь изначально, и те бабочки — всего лишь плод моей фантазии, глупое совпадение? Сколько их встречалось мне в садах дворца, когда Кирима на этом свете еще и в помине не было!

— Госпожа... — потупился Мило. — Простите. Я не хотел задеть ваших чувств. Вам... нравится он? Кирима-Шайю?

— Что? — от неожиданного вопроса я опешила. — Что ты имеешь в виду? Безусловно, мне легко и приятно общаться с ним, он — замечательный собеседник, пусть и говорит

порой странные вещи... Но ты же ведь не об этом спрашивал?

— Он... нравится... вам? — упрямо переспросил ученик, краснея, как невинная девица.

О. Так он это имел в виду.

— Не знаю, Мило. Меня никогда не привлекали крашенные, будто фрейлины, мужчины с запада, но... Мило, не смей смотреть так на меня! Я ничего такого не хотела сказать! — от пристального взгляда мальчишки я сама смутилась и покраснела, словно ляпнула что-то непристойное. — И вообще, о чем ты думаешь, задавая такие каверзные вопросы женщине, на которую имеешь виды?

— Так вы помните? — просиял Мило. — Вы не забыли, что я вас...

— Полно тебе, — хлопнула я его по груди и быстро пошла к домику, наклоняясь по пути за остатками трапезы. — Идем. Маяк ждет нас. И так отдых затянулся.

— О, Лале! Вы никогда не меняетесь, — в сердцах воскликнул Мило, спеша за мной.

— Но-но! Не жалуйся на госпожу, — пригрозила ему я. — Оставлю без сладкого.

— Ох, напугали! — озорно улыбнулся мальчишка, подхватывая по дороге корзинку и обе наши сумки. — Погодите, — заволновался он, оказавшись у двери. — Мы отправимся на Лунную косу в таком виде?

— В каком? — выгнула я брови в притворном удивлении, хотя прекрасно понимала, что обеспокоило ученика.

Северные одеяния мы по совету купца Менатеру, не взявшего с нас, к слову, ни медяшки за поездку, сменили в первом же южном городе на более подходящую одежду: просторные штаны из светлой ткани и рубашки без рукавов, но зато длиной почти до середины бедра. Ткань была объемной, мятой, полностью скрывающей фигуру. Одета подобным образом, со спрятанными под бежевым шарфом длинными волосами, в легких кожаных сандалиях на босу ногу я походила на мальчика-бродягу, а никак не на леди.

Мило смотрелся гораздо интереснее. По-пиратски загорелый, с лихой белозубой улыбкой, в такой же светлой, как и моя, одежде, он выглядел настоящим южанином. Еще сильнее отросшие за время путешествия волосы были постоянно растрепанными от соленого ветра и топорщились в разные стороны, будто проволока — золотая днем, медная на закате и серебряная ночью, но на ощупь по-прежнему оставались шелковисто-мягкими и прохладными, как морская вода. Темные глаза смотрели насмешливо, но по-доброму, необидно, и с какой-то необъяснимой уверенностью, свойственной только сильным духом людям. Загляденье, а не юноша! Увидят его таким наши фрейлины — ночами совсем спать перестанут.

Однако и Мило назвать даже не аристократом, а просто «приличным человеком» нельзя было. Бродяга — он и есть бродяга, пусть и красавец. А в маяке, говорят, люди серьезные живут... Могут и не позволить простым странникам приобщиться к пропыленной мудрости древних свитков. На крайний случай в моей сумке лежало письмо с печатью Ее величества Тирле с традиционным для дипломатов «Предъявителям сего...» и просьбой оказывать нам всяческое содействие, но королева крепко-накрепко запретила вынимать его без острой необходимости. А значит, в чем-то Мило прав... может, следует сменить костюмы? Придворные наряды дожидаются своего часа в сумке ученика... Но печься под южным солнцем в тяжелом бархате и атласе — увольте! Нет, решено. Остается бродягами. В конце концов, говорят ведь, что мудрость доступна любому — и бедняку, и богачу, и лорду, и последней служанке.

— Тебя что-то беспокоит, Мило? — щурясь, будто сытая кошка, вернула я ученику

давешний вопрос. Мальчишка опустил:

— Нет, госпожа. Если вам кажется, что наш вид подходит месту, которое мы собираемся посетить — так тому и быть.

Я фыркнула, вынимая ключ. Таков мой Мило: согласится в мелочах, уйдет от спора... Но если решит что-то для себя, то переубедить или сломать его будет невозможно. Вот уж мне повезло с ученичком... или, скорее, с опекуном?

Ах, как же сложна жизнь!

— Идем, Мило! Мудрость маяка на Лунной косе ждет нас!

Скрипнула дверь... Я бестрепетно вошла, держа Авантюрина за руку. Успела разглядеть множество горящих свечей, мерцающий золотистый камень стен... А в следующее мгновение неведомая сила вышвырнула меня из башни, чувствительно прокатив по каменным ступеням. Мило вылетел следом и, так же бодро прокувыркавшись по порогу, шлепнулся прямо на меня, врезавшись с размаху макушкой мне в подбородок. В голове у меня зазвенело, а из-за двери маяка, будто в насмешку, раздался высокий, певучий, удивительно богатый на интонации женский голос, выговаривающий с мягкой укоризной:

— Что же вы, друзья мои? — «р» в «друзьях» прокатилось кошачьим мурлыканьем. — Зачем же жульничать так подло?

— А в чем это заключается жульничество? — живо откликнулась я, ощупывая челюсть. То ли удар не был и вполтину так силен, как мне показалось, то ли сила хранительницы ключа уже залечила ушиб, но фатальных для речи повреждений не обнаружилось. — Мило, будь любезен, слезь со своей наставницы. Мне тяжело держать тебя и в прямом смысле, и в переносном.

— А почему в переносном? — Мило неловко перекатился на бок, позволяя мне спокойно вдохнуть, встал и протянул мне руку.

— Потому что негоже ученику давить на свою наставницу, — отшутилась я.

Неизвестная за дверью удивилась.

— О, ваша речь чудна, мои друзья. И правил вы не знаете совсем... Откуда вы, поведайте старушке, удивите, и может быть, прощу оплошность я.

И это наша «речь чудна»? Да эта леди смеется, не иначе!

— Мы прибыли из далекой страны на севере, что зовется Домом Камней и Снов. Сейчас мы — странники, что ищут мудрости, а что было раньше — то значения не имеет, — отвесила я запертой двери поклон. — Так каковы же правила, о благородная леди?

— О, правила просты, мои друзья! — радостно возвестил голос. — За все своя берется плата под этим солнцем золотым... Коль отгадаете загадку — впусти вас я в обитель знаний, а нет — так не извольте горевать.

— Загадка так загадка, — улыбнулась я. По должности мне приходилось много придумывать подобных забав. А, как известно, лучше всех отгадывает загадки не тот, кто умен и всезнающ, а тот, кто часто их слышит. — Мы — воплощенное внимание, леди.

За дверью засмеялись. Мы с Мило обменялись одинаково досадливыми взглядами, означающими: «Ну что за собеседник попался дурной!»

— Внимайте же, друзья мои, — провозгласила леди и запела:

Однажды пригубив сей эликсир,
Лишь станешь ты умней и осторожней.
Ополовинишь кубок — и весь мир

Тебе покажется и лживым, и ничтожным.
Но если осушишь его до дна,
Тогда — иль мудрость вековую обретешь,
Или, упившись этим ядом допьяна,
Вдруг поседеешь ты и вечным сном уснешь.

— Что в кубке? — спросил голос.

Лицо Мило исказило отчаяние. Любому бы вмиг стало ясно, что ученик мой в замешательстве. Ах, оно и к лучшему. Рано еще мальчику знать ответ на такие загадки.

— Это горе, леди. Так ведь? — спокойно спросила я. — Тот, кто однажды попадет в беду — станет осторожнее. Тот, кого несчастья преследуют — никому не верит и не может найти смысл своего существования. Ну, а тот, на чью долю выпадает великое горе, или становится мудрецом, смиренно принимающим удары судьбы и радующимся каждому восходу, или погибает. Я права?

— Абсолютно, — ответила мне хозяйка маяка с легким удивлением. — Но не была сия загадка сложной, — тут же исправилась одна. — Но все же вы нашли ответ, а потому — прошу, мои друзья! — и дверь распахнулась.

Так просто? И нас больше не будут мучить? На радостях я крутанулась по ступеньке колесом и, замерев у самого края, вскочила на ноги и в два прыжка очутилась внутри. За мною последовал и Мило — отчего-то молчаливый и напряженный.

Внутри маяка все было именно так, как мне и показалось: ни единого окна, зато множество горящих свечей, золотистые плитки на стенах, а кроме того — мягкие ковры на полу, подушки и звериные шкуры. И ни кресел, ни диванов, ни даже жестких стульев, как в приемной Тайной канцелярии.

Зато хозяйка оказалась полной противоположностью своему интересному, выразительному, музыкальному голосу. Высокая, лишь на голову ниже Мило, плотная, с фигурой мечницы — это не могла скрыть даже роба волшебницы. Волосы у нее были темные, но не черные, скорее всего, каштановые, но в полумраке не разглядеть, и заплетенные в толстую косу. Глаза — по-северному светлые, скулы — широкие, нос — мясистый, губы — полные. Такой даме полагается иметь голос хриплый, низкий, но никак не схожий с птичьим щебетанием!

— Благодарю, что пустили нас, несмотря на мою оплошность, — склонилась я в церемонном поклоне. — Видите ли, мне привычней путешествовать, просто открывая двери, и я и подумать не могла, что за вход в башню берется плата, госпожа...

— Прощу, друзья, оставьте сухость «госпожи», назвав меня Архивом, — промурлыкала леди, кокетливо складывая пухлые губы бантиком.

— Архивом? Не архивариусом? — сболтнул Мило и импульсивно закрыл себе рот рукой, словно хотел запихать слова обратно.

Но леди и не думала обижаться.

— О, многие хотели б видеть меня распорядительницей здесь, но я, по счастью, госпожа. А потому — Архив, и уж никак иначе!

— Как пожелаете, Архив, — я вновь склонилась, пряча улыбку. Впрочем, не мне судить эту чудачку волшебницу — мало ли странностей у долгоживущих! Взять хоть меня — странность на странности. — Мы пришли в поисках знаний. Вы не могли бы оказать нам

милость и позволить прочитать некоторые свитки из библиотеки маяка?

— Свитки? Прочитать? О, не найдете здесь ни свитка, ни клочка ничтожнейшей бумажки! — рассмеялась дама Архив. — Здесь есть лишь я. И я отвечу на любой вопрос, но... лишь тогда, когда ответите вы на мои загадки.

Мило удивленно поднял голову, но право вести беседу оставил за мной.

— Нет — то есть нет совсем? — растерянно переспросила я. — Но как? Ведь о маяке на Лунной косе идет слава величайшей библиотеки всего мира!

— Библиотеки? Нет, увы, — вздохнула Архив. — А лишь сокровищницы знаний. И я — тех знаний госпожа. О чем хотите вы спросить?

Я оглянулась на ученика. Тот по-прежнему смотрел на хозяйку маяка с некоторым опасением и молчал.

— Мы хотели узнать о Приливе приливов, — уверенно произнесла я. Хуже не будет — вряд ли вести из маяка дойдут на материк быстро. Да и не похожа наша собеседница на болтуню... — Вы что-нибудь знаете о нем?

— Прилив приливов... — задумалась госпожа Архив. — Пожалуй, я несу в себе частичку и этих знаний, о друзья... Увы, но и моя благая память хранит лишь три истории о нем. Но сначала...

— Мы отгадаем загадку. Идет, — кивнула я.

— А вот и нет! — радостно улыбнулась хозяйка маяка. — Вы отгадаете все три загадки. И если вы упустите одну — то лишь одну историю и расскажу. А если две отгадки будут мимо — останется со мной один из вас. А ни одной — останетесь вы оба.

И леди вновь улыбнулась.

По спине прокатилась дрожь, как от холода. Пухлые губы хозяйки показались мне обмакнутыми в кровь. Я непроизвольно шагнула назад и вбок, прижимаясь к Мило. Тот обхватил меня руками, словно защищая, но я чувствовала, как он напряжен. Во что, во имя ворона, мы влезли?!

— За знания надобно платить! — весело пропела меж тем госпожа Архив. — Что вы решите, о друзья мои? Рискнете всем или уйдете восвояси?

— Уйдем, — быстро сказал Мило. Меня прошиб холодный пот — столько ужаса было в его голосе. А ведь мой мальчик не пуглив! Что же это за страшилище перед нами? Авантюрин — волшебник, он может видеть то, что скрыто за покровами колдовства... Я же — простая шутовка, мое зрение не столь остро, а интуиция — молчит. И давит на плечи груз королевского приказа...

А, была не была! Ведь у меня есть ключ. Хоть одну загадку из трех отгадаем, а там я уж как-нибудь отправлю Мило подальше от этой госпожи Архив и спасусь из башни. Гибель мне не грозит, а остальные преграды вполне можно обойти. Лишь смерть прекращает все.

— Мы останемся, — твердо сказала я, сжав руку Мило.

— О, два ответа! — сплеснула руками хозяйка. Темный балахон пошел волнами, а на пальцах блеснули в свете свечей кольца — с камнями и без, узорные и гладкие, штук по двадцать на каждой руке. До того госпожа Архив прятала ладони в складках одежды, и я не замечала, какие они до ужаса сильные. — Так остаетесь или уходите?

— Остаемся, — тихо произнес ученик, впиваясь ногтями в мои плечи. Ох, буду я потом щеголять синяками! Хорошо, что недолго — спасибо ключу.

Хозяйка довольно растянула губы. В светлых глазах появились темные пятна. Разрослись, затопили все, превращая очи в две черные бездны с пылающими в них

отражениями свечей.

— Хорошо, — Архив огладила косу. — Слушайте:

Счастливые желают сей сосуд
Наполнить до краев.
Несчастные — все блага отдадут,
Чтоб осушить его,
Но дополна — и мир весь не нальет,
А осушит — лишь времени полет.

— Что это за сосуд? — спросила госпожа.

На сей раз я думала дольше. Ни одно слово не приходило мне на ум. Я перебирала в уме строчки и так, и сяк, но никак не могла понять, о чем говорила хозяйка маяка. Мило тоже размышлял. Он тихо повторял загадку раз за разом, но и для него она оставалась пустым звуком. Что же это такое, чего счастливые желают много, а несчастные хотят от этого избавиться? Время? Похоже. Но все портит последняя строка:

А осушит лишь времени полет...

Постойте. «Время лечит» — так говорят. Но о чем?...

Ну, конечно!

— Я догадалась!

— И каков ответ? — хозяйка внезапно склонилась к моему лицу. Я с ужасом осознала, что темные провалы на месте глаз — вовсе не игра воображения, не странная иллюзия. Меня бросило в пот. Я вдруг представила, что ошибаюсь дважды — и эта тьма выползает из страшных глаз, окутывает меня, сминает... И даже ключ не поможет тому, чье тело вдруг исчезнет в мгновение ока.

— Память, — прошептала я, мгновенно потеряв голос.

— Верно, — произнесла госпожа Архив немного досадливо и отступила. По свечным огонькам словно пробежал сквозняк, гася их один за другим. Золото стен померкло. Я почувствовала, как у меня слабеют ноги, и опустилась на ковер. Глядеть на хозяйку снизу вверх было страшно, но сильные ноги Мило, в которые упиралась моя спина, придавали необъяснимой уверенности.

Ох, Мило, Мило, как бы ты не попал в неприятности из-за своей наставницы...

— Следующая загадка, — шевельнулись темные губы.

Распустился на рассвете
Ярким золотом цветок,
Запад хочет он отметить,
Но сперва — узреть восток.

— Что это за цветок?

— Какая глупая загадка! — пробормотала я вполголоса и подтянула колени к

подбородку. — Похоже на подсолнух, но, конечно...

— Неправильно! — радостно возвестила госпожа Архив. Свечи вновь вспыхнули ярко, и от этого еще жутче было смотреть в темные провалы на месте ее глаз.

Погодите. Что она сказала?!

— Но я еще не отвечала... — вырвалось у меня жалобное, но хозяйка ничего не желала слушать:

— Я слышала ответ, но он, увы, неверен, — топнула она ногою. Я сжалась в комочек и всхлипнула, судорожно цепляясь в ключ. А что, если подхватить Мило под локоть и побежать? Успеем или нет добраться до двери? — Ведь верный — солнце. А если вы поспорить захотите, то милости прошу отсюда прочь. Но — одного.

— Ну уж нет, — теперь осердился Мило. — Вдвоем пришли — вдвоем и уйдем. Загадка ваша была весьма спорная, можно ответить на нее и «подсолнух», и «солнце». Ведь солнце не «расцветает на рассвете», оно и есть рассвет! Впрочем, что было, то прошло. Да и есть у нас еще одна попытка. Как знать, может быть, вам придется рассказать нам хотя бы одну историю!

— Все может быть, — облизнула полные губы госпожа Архив. — Но если и сейчас попадете впросак, останешься, ты, миленький, со мною. Твоя госпожа мне никак не нужна, пусть бродит по свету одна...

Из меня будто все кости вынули — так я обмякла от ужаса. Мило, мой мальчик Мило останется здесь? О, нет...

— Мило, — прошептала я. — Уходи немедленно. Я остаюсь. Не смей рисковать собою.

— Мы еще не проиграли, госпожа, — произнес Авантюрин тихо, но твердо. — Верьте мне.

— Мило...

— Верьте мне... Лале.

Я сжала ключ в руке так, что стало больно. Что толку в моем могуществе, если оно предназначено лишь мне? Бессмертие не разделишь на двоих, каждый приходит к нему сам, сам сворачивает с пути и выходит на дорогу меж мирами...

Ах, если бы Мило ступил на дорогу между мирами... он мог бы стать и моим хранителем, и обрести бесконечную жизнь...

Но... бессмертие нельзя разделить, можно подарить. И если понадобится, то я...

Умрешь за него? За Мило?

Нет, нет, нет... не смогу... не смогу... Трусливая, жалкая Лале...

— Внимайте же третьей загадке, — пропела тем временем хозяйка маяка.

Ты сердце превратишь мое в трепещущую птицу,

Ты околдуешь мир цветеньем и весной,

Сотрешь морщины, и людские злые лица

Вдруг засияют светлой красотой.

Но те, что лишь собой увлечены,

На одиночество и мрак обречены.

— Кто это? — выдохнула госпожа Архив и вперила в меня жуткий взгляд.

Я похолодела. Никогда мне не приходилось слышать этой загадки. А сейчас, от испуга,

из головы последние мысли повывлетали. Неужели мне придется...

— Я знаю ответ, — просто сказал Мило. — Это любовь.

Мне захотелось выругаться. Говорят, что влюбленные только об одном и думают, но не мог же и мой ученик попасться в такую простую ловушку?

Только не Мило, ведь это означает, что он...

Госпожа Архив улыбнулась. Пустые глазницы-зеркала полыхнули, отразив свечные огоньки. Я отодвинулась, насколько могла, изо всех сил вжимаясь в ноги Мило.

— Этот ответ... верен, — пропела она.

Ключ выпал из моей руки.

— Верен? — глупо переспросила я.

— Да, да, — кивнула госпожа Архив. — Твой мальчик так умен — и потому хотела я забрать его себе. Но — не судьба. Что ж, так тому и быть. Я расскажу историю одну... — ее голос внезапно изменился, став более низким. Слащавые интонации напрочь исчезли из него. — Случилось это тысячу лет назад. В Доме, что был расположен на берегу моря — тогда его называли Домом Воды, случилось несчастье. В одночасье вся королевская семья погибла. Говорили, что их отравили, но точно никто ничего не знал, и в летописях причиной смерти называли мор. К власти пришел молодой и амбициозный правитель. Все бы хорошо, но ему недоставало опыта, и вскоре его страна была поглощена другими, разодрана на клочки. Большая часть богатств Дома Воды отошла Дому Осени. А потом пришел из моря Прилив приливов. Все земли до самых северных гор были затоплены. Дом, что был прежде вашего, Дом Самоцветов, сумел отвести беду от своих границ — ценою гибели всего расклада. Многие государства исчезли тогда. Как ни странно, прибрежные страны пострадали меньше всего. Но полностью восстановить порядок удалось лишь через несколько веков. Больше знаний о Приливе в летописи не внесено.

— Как не внесено? — я не верила своим ушам.

— Про то не ведомо мне...

— Так это все?! — подскочила я. Гнев вытеснил страх. — Из-за этой глупой сказки, всего лишь описывающей события, но не поясняющей их, мы рисковали собою?! Да вы... да вы... обманщица, госпожа!

— Что? — надула губы хозяйка, теребя сильными пальцами косу. — Недовольны вы историей моей? Вам мало? Я еще две знаю...

— Угу, — язвительно поддакнула я, топая ногой. — Одна из них случилась тысячу и пятьсот лет назад, а другая — пять столетий тому назад. Верно?

— Верно, — согласилась хозяйка, сосредоточенно хмурясь. — Так недовольны мною вы?

— Еще как, — сказала я, подхватывая под локоть Мило. Свечи вновь стали перемигиваться, а глаза хозяйки — наливаться тьмой. Ужас постепенно вновь заползал в сердце холодной змеей, и я торопилась покинуть это место, пока он не обуял меня с прежней силой. — Глупая история. Зря потратили время.

Мило, мой умница Мило, чьими стараниями мы добыли эту туманную, но все же нужную подсказку, не сопротивлялся. Я заметила, что руки у него мокрые — видать, тоже перетрусил, но виду не показал. Вот ведь... герой. Раз страшно было, зачем оставался?

— Погодите! — возглас хозяйки нагнал нас у самых дверей, когда я уже коснулась скважины ключом. — Не уходите! Отгадайте еще загадки, останьтесь со мной! Я расскажу вам о Доме Осени...

— Обойдешься. Зачем нам Дом Осени? Нам о Приливе надо думать, — буркнула я и показала в сторону язык.

И тут погасли все свечи. А женщина — или то, что приняло облик женщины — взвыло страшно:

— Не уйдете! Оставайся со мной, мальчик! Отдай мне свою любовь! Она все равно не дорожит ей!

Мило вздрогнул всем телом и стиснул мое плечо. Я ощутила его дрожь — и взъерилась.

— Ты его не получишь! — крикнула я, выталкивая Мило в дверь, а сама замирая на пороге. — Оставайся здесь одна! Навеки! — и выбежала, лишь в последний момент ускользнув от хищной, воющей твари внутри.

Захлопнулась дверь. Я повернула ключ.

Маяк трясло, как в лихорадке.

— Госпожа? — Мило механически оправил сбившийся у меня на бок шарф. — Что вы сделали только что?

— Закрела дверь, — вместо привычного звонкого голоса вышел шепот. — Я могу многое, Мило... Не только открывать двери. Но и закрывать их.

— Вы?...

— Ключ, Мило. Идем-ка подальше отсюда, — вздохнула я и медленно побрела прочь. — Нам еще надо найти дверь, чтобы продолжить наше путешествие.

После мрака башни закатное солнце слепило. А вечерний воздух был прохладен. Иначе почему мои глаза слезились, а тело била дрожь?

— Куда мы направимся, Лале? — спросил Мило, предлагая мне руку. Я оперлась на нее, а затем передумала — и обхватила ученика за талию, крепко-крепко к нему прижимаясь.

— В Дом Осени. Послушаем, что расскажут нам о Приливе там. Не зря же это существо кричало о Доме Осени, когда мы уходили.

Мило промолчал.

А у меня в висках стучало, словно заклинание:

«С тобой — куда угодно. С тобой. С тобой...»

Но я так и не нашла в себе сил сказать это вслух.

Глава восемнадцатая, в которой необдуманые поступки приводят к закономерным последствиям

— Ой, Мило, не могу больше! — я распласталась на земле, словно морская звезда, раскинув руки и ноги. — Неужто придется всю Лунную косу пересечь?

— А что поделаешь, госпожа? — ученик присел рядом и ободряюще провел рукой по моим волосам. — Придется потерпеть.

Мы скитались по полуострову в поисках хоть какой-нибудь плохонькой двери уже второй день. К счастью, в воде для питья недостатка не было, родников эта земля рождала в избытке, но вот запасы провизии, оставшейся от пикника на побережье, давным-давно иссякли. Желудок подводило от голода, ноги подламывались от усталости, но неприятней всего было чувствовать себя грязной, немытой простолюдинкой. Как бы я хотела сейчас оказаться в своих уютных покоях во дворце! Надеть привычный костюм шута, привязать к косичкам колокольчики и всласть посмеяться над придворными! Сейчас, пожалуй, даже компания лорда Галло не казалась мне такой уж скверной.

— Хочу домой! — прохныкала я. — Хочу переодеться в чистое, покушать и выспаться на кровати! Мило, сделай что-нибудь, ты же волшебник!

— А вы, госпожа, Шут в раскладе, — вздохнул ученик, вытягивая ноги. Похоже, он устал не меньше меня, да гордость не позволяла жаловаться. — У вас могущества побольше.

— Толку с него, — проворчала я, глядя сквозь ветви деревьев на полуденное небо. Ни облачка, ни ветерка. Наверное, на море был полный штиль. Здесь и листья не шевелились от дуновения свежего воздуха, а жара, даже в тени, плавил кости, словно воск. Зеленый полумрак рощи навевал сон, сухая земля нисколько не холодила спину, а трава неприятно колосась. В воздухе таял пряно-соленый аромат разогретых листьев и морской воды. — Впрочем, если желаешь, могу насрать на тебя безумие.

— И что тогда? — мрачно поинтересовался Мило, разминая в пальцах желтый листок.

— Не знаю, — зевнула я. — Может, тебе померещится, что мы вернулись домой. А может, вообразишь себя птицей. Безумие — вещь непредсказуемая... Послушай, Мило, а ты не можешь сотворить для нас дверь волшебством?

Ученик вскинул брови:

— А такая дверь подойдет?

— Ну, конечно! — я аж подскочила, позабыв и про усталость, и про голод, и даже про немые космы. — Нарисованная открывается, значит и заколдованная тоже! Сойдет и без стены, одна дверь! Ну, Мило, солнышко, постарайся... — заканючила я, заглядывая в его глаза.

Мальчишка сощурился. В каре-фиолетовой бездне вспыхнули золотые искры, как в глубине камня авантюрина.

— Да легко! — и он прищелкнул пальцами.

В полумраке между деревьями что-то тускло полыхнуло. Потянулись томительные мгновения... А потом вдруг земля между корнями зашевелилась, выбрасывая вверх густое облако пыли, веточек, комков почвы и полусгнивших листьев. Беспольный мусор закружился, завертелся — а потом брызнул в разные стороны, оставляя зыбкий земляной контур. Круглая ручка шевелилась, как живая, а из «скважины» торчал листок.

— Мило, ты умница! — воскликнула я восторженно и от избытка радостных чувств

крепко чмокнула ученика в соленую, пахнущую морем щеку. Авантюрин смутился, покраснел, а «дверь» задрожала, грозясь рассыпаться.

— Право, госпожа, не стоит, — сконфуженно пробормотал он, поднимаясь на ноги, и недоверчиво коснулся пальцами щеки. — Несложный фокус, требующий лишь сосредоточения. Правда, в парадном зале дворца он вряд ли бы получился — там нет мелких частиц, способных создавать образы...

— Ай, брось ты рассуждать! — я вмиг оказалась у двери, вытягивая из-за пазухи ключ. — Иди сюда. Сначала — во дворец, переодеваться и приводить себя в порядок, а потом уже в Дом Осени. Главное, не попадаться на глаза Ее величеству.

Клятый ключ зацепился за рубаху изнутри. Притопывая от нетерпения, я попыталась его освободить, но потом быстро глянула на Мило — отвлекся, мальчик! — и открыла дверь так.

— За мной! — махнула я рукою, и Мило послушно шагнул в зыбкий проем, обращаясь за нашими спинами резной дверью моих покоев. Ох, наконец-то!

— Что теперь, госпожа? — поинтересовался ученик, с удовольствием потягиваясь. — Долго ли мы здесь пробудем?

Мило обошел комнату, положил на диван упавшую подушку, заглянул в купальню, колдовством согревая воду. Ах, туда бы еще масел ароматных налить! Но некогда плескаться...

— Не больше часа, — поразмыслив, ответила я. — Сколько там у нас сроку осталось, дней десять?

— Пять, госпожа, — поправил меня Мило. — Отпущенный Ее величеством месяц истекает через пять дней, госпожа. Шесть, если считать этот.

Ох, ну и быстро же летит время! Мне-то все казалось, что впереди еще половина срока, а оказалось, что он подходит к концу. Вот тебе и недостатки долгожительства — неделя или две, тридцать лет или сорок — вечно смазываются границы, все становится равно...

— Тем хуже, — вздохнула я, отбрасывая ненужные философские теории. — Значит, надо и сегодняшней день использовать. Неизвестно, сколько понадобится времени, чтобы разузнать в Доме Осени о Приливе. Вряд ли нам просто так позволят приобщиться к хроникам государства.

— Кто знает, госпожа, — развел руками Авантюрин. — Быть может, нам повезет.

— Не стоит надеяться на это, — вздохнула я. — Чаяния редко воплощаются. А потому — будем готовиться к худшему. Мило, у тебя есть два-три малых оборота, чтобы привести себя в надлежащий вид, а потом отправляемся. Давай, беги в свои покои.

— А как же вы, Лале? — растерялся ученик. — Сами справитесь в купальне?

Я задумчиво запустила пальцы в грязные, свалывшиеся волосы. Помощь в распутывании этого сплошного рыжего колтуна мне бы не помешала, но тогда Мило бы пришлось поторопиться... Да и не хотелось с недавних пор принимать ванны в присутствии ученика. Ладно, почти двести лет без слуг справлялась — перебьюсь и теперь.

— Сама, Мило. Иди уже, только слугам на глаза не попадайся. Для всех мы в путешествии, — улыбнулась я и открыла дверь прямо в его покои. Ученик благодарно склонил голову и шмыгнул в проем — видно, тоже истосковался по горячей воде, раз спорить не стал.

Удивительно, но на этот раз я управилась с мытьем быстро. Отвыкла почти за месяц подолгу нежиться в душистой воде. Под цветочными мылами и жесткими щетками грязь отошла в одно мгновение. Даже волосы, спутавшиеся, казалось, намертво, расправились от

масляной смеси и вновь стали рыжими и блестящими, будто аглас. Красота! Вот бы еще подпилить обкусанные ногти и смягчить руки драгоценным розовым экстрактом...

— Лале, вы здесь? — несмело постучал в дверь Мило. — Могу ли я войти?

— Да! То есть нет! То есть я здесь, но входить пока не стоит, — я в последний раз окунулась, выполаскивая из волос остатки мыла. В ухо залилась вода. — погоди минуту, сейчас сама выйду. Приготовь мне пока свежую одежду.

— Как скажете, госпожа, — в голосе ученика послышалось сожаление. С чего бы это?

Высушив волосы полотенцем и завернувшись в мягкую ткань, я вышла из заполненной паром купальни. В гостиной были широко распахнуты окна и совершенно замечательно пахло чаем с корицей и свежей сдобой. На столике стояли две чашечки и блюдо с пирогом, на кресле лежала приготовленная одежда — ничего особенного, снова наряд провинциальной аристократки, но зато все свежее и чистое.

— Мило, ты молодец! — похвалила я ученика. — И сам успел вымыться, и чаю сделал, и пирога раздобыл. Что бы без тебя делала — ума не приложу!

— Пропали бы, госпожа, наверняка пропали, — подхватил шутливый тон Мило. Не до конца подсохшие волосы его чуть вились, обветрившиеся на море губы снова стали мягкими и нежными. Авантюрин надел чистый костюм, и белая ткань рубашки теперь являла яркий контраст с загорелой кожей и темно-зеленым бархатом сюртука. Плотные черные брюки были точной копией старых, а вот сапоги Мило сменил на короткие ботинки. Ну и правильно, в Доме Осени хоть и не жарко, но и не холодно. — Вам помочь?

— Справлюсь, Мило, не бойся, — я улыбнулась, и, подхватив одежду, мышкой прошмыгнула в спальню. Конечно, жуткие крючки-застежки могли напугать кого угодно, но сейчас мне страшнее казалось позволить ученику, как раньше, поухаживать за мною. Разум твердил, что ничего хорошего теперь из помощи Мило не выйдет... Еще вздумается мальчику повторить поцелуй — что мне тогда делать? Ох, как же я умудрилась проворонить его чувства... Дура набитая, а не наставница.

Противостояние королевского шута и одежды заняло целый малый оборот, но победа осталась за мной. Крючки и завязки заняли свои места, даже не перекосившись, пояс послушно обернулся два раза вокруг талии, а кружевной воротник расправился и лег на грудь точно так, как и требовалось. Волосы я пока трогать не стала — допью чай и тогда заплету косу. Может, получше высохнут.

— Уже? — завидев меня, Мило очень натурально изобразил удивление. Дрогнули брови, изогнулись в растерянной улыбке губы, шевельнулись сложенные в замок руки. — О, госпожа, вы не перестаете поражать меня своими талантами!

— Полно язвить, драгоценный мой, — широко улыбнулась я и присела на диван напротив ученика. — Я ведь и ответить могу...

— Жду с нетерпением, о Лале... Госпожа, не стоит начинать сразу со сладкого! На голодный желудок может и дурно стать, — всполошился Мило, увидев, как я тянусь к пирогу. — Вот, попробуйте это, — и он предложил мне пиалу, накрытую куском ароматного серого хлеба с отрубями.

— Что это? — заинтересовалась я, вдыхая чудесный мясной аромат. В комнате он был неразличим за сладким запахом сдобы, но теперь мне представилась возможность оценить неизвестное блюдо по достоинству.

— Я взял на себя смелость приготовить традиционное горское блюдо, раз уж мы собираемся посетить Дом Осени, — Мило с показной скромностью опустил светлые

ресницы, исподтишка разглядывая меня. Ох, знал бы он, как хорошо мне знакомы подобные приемы! Да только кокетство больше к лицу смазливym девицам, а уж никак не славному мальчику. Впрочем... ресницы у него просто загляденье, да... и скулы розовеют трогательно... — Это так называемый «скорый бульон». Для его приготовления берется сушеное мясо, перетертое в порошок, поджаренная мука, лук, морковь, корень алысы, — у меня слюнки потекли от одного описания, — пряные травы и острые цветы горного колокольчика — все высушенное должным образом и измельченное. Смесь заливается кипящей водой, выдерживается около четверти оборота, приправляется каплей вина и свежей зеленью... и — вот! — Мило, как заправский фокусник, снял со своей пиалы хлеб. Моему взору открылось невнятное по цвету, но восхитительное по запаху варево с оранжевыми кусочками моркови и прозрачно-белыми — лука. — Быстро, сытно и горячо — то, что нужно голодному.

— Чудесно, Мило! — я сдвинула и свой кусочек хлеба. — И когда ты научился так готовить?

— Это мое давнее увлечение, госпожа, — вновь взмахнул ресницами Мило, голосом подражая жеманным фрейлинам. — Если бы я не был вашим учеником, то пошел бы к поварам.

— Ну-ну, брось заигрывать со мною, — усмехнулась я, отпивая первый глоток. Острая, густая смесь приятно обволакивала язык и целительным эликсиром наполняла голодный желудок. — Ты бы не смог оставаться простым кулинаром. Слишком велика твоя жажда власти... Вкус еще лучше запаха, к слову, — не удержалась я от похвалы.

— Жажда власти? — удивился Мило уже искренне, чуть не выронив пиалу. — Разве я похож на того, для кого трон — предел мечтаний?

Теплый, размягченный паром хлеб, пропитанный мясным ароматом, оказался не хуже самого «скорого бульона». Или это мне с голоду кажется?

— Похож, похож, милый, — улыбнулась я, сощуривая глаза. — В стремлении управлять всеми событиями вокруг себя, держать в руках абсолютно все нити ты дашь фору даже нашей драгоценной королеве Тирле. А это и есть черты истинного правителя, уж поверь мне, повидавшей за свою жизнь немало особ королевской крови. О, как жаль, бульон закончился, — я неподдельно огорчилась. — Что ж, есть повод перейти к сладкому...

И, как назло, в коридоре послышался звонкий смех служанок и стук ведер.

— А, к ворону! Как не вовремя! — посетовала я шепотом, вскакивая и заворачивая в льняную салфетку пирог. — И чего им вздумалось прийти на уборку именно сейчас? Забудь про чай, Мило, убегаем! Нас не должны здесь видеть. Ее величество запретила возвращаться раньше, чем через месяц.

На этот раз ключ выскользнул легко — вот что значит шелковая рубашка. Дверь купальни щелкнула, открывая проход на тихую улочку далеко-далеко отсюда.

— Госпожа, подождите, надо взять деньги, — Мило метнулся к комоду, потом к трюмо, сгребая в карманы медную и серебряную мелочь.

— В нижний ящик загляни, — посоветовала я, обеспокоено косясь в сторону входа в покои, где уже скрипели ключами смешливые служанки. Ученик улыбнулся с облегчением, доставая увесистый мешочек с монетами. Там было десятка два золотых — хватит, чтобы прожить в столице Дома Осени не пять дней, а неделю-другую, если не шиковать.

Щелкнул торжествующе замок, громыхнули ведра — и в то же мгновение мы с Мило выскочили на улочку и были таковы.

И попали из лета — прямиком в осень...

Амиро, Осиновый город, встретил нас прохладой, полумраком и мягким ветром, несущим запах осенних листьев. После пыльной жары побережья и духоты дворца у меня сердце перехватило от этой упоительной свежести. Даже на узкой, зажатой между глухими стенами домов улочке чувствовалась странная, пьянящая свобода, которой был пропитан сам воздух вокруг. Такая легкость порой ощущалась в заброшенном саду тихими вечерами, когда я оставалась во дворце одна, ожидая возвращения королевы из летней резиденции. В последние дни перед тем, как листья начнут желтеть, эта томительная горечь предчувствия заполняла сад целиком. Безмолвие, нарушаемое лишь шелестом листьев и редкими вскриками птиц, щемяще-нежное одиночество, не отравляющее разум, и совершенное спокойствие с легким привкусом тайны... Волшебная осень...

Ах, осень, осень...

Я так люблю твой сонный свет

И неба просинь...

Горит душа.

Я вновь ловлю твой тихий смех

И робкий шаг.

Так дивен миг:

Касание — как нежных рук —

Листов сухих,

И дождь — как стон,

Исполненный мольбы и мук.

О, грустный сон —

Иль сон прекрасный? —

Прошу отчаянно: не покидай меня!..

...напрасно...

Смолою сосен,

Дождями, в языках кленового огня

Уходит осень...

Ах, осень, осень...

— Госпожа? — Мило несмело тронул меня за плечо.

— О, мальчик мой... кажется, я влюбилась... — слетело с моих губ тихо, как вздох.

— В кого? — требовательно спросил ученик, заглядывая в мои затуманенные глаза.

Я лишь рассмеялась, разбивая момент волшебства. Неужели Мило ревнует?

— В этот город. В этот воздух... Даже не верится, что наш раскрашенный друг родом отсюда.

— Вы о Кириме-Шайю? — поджал губы ученик. Упоминание лорда Багряного Листопада, как и всегда, вызвало у Мило приступ едкой злости. — И Что вы его через слово вспоминаете, будто больше не о чем поговорить!

Быть может, я резко осадил бы Авантюрина... в другом месте и в другое время. Но здесь, в Амиро, мне не хотелось ни спорить, ни доказывать что-то. Как не вспомнить Кирима-Шайю, оказавшись в его городе? Таким не похожем на него... и похожим в то же

время: столь же притягательном, чарующем и ненавязчиво-властном.

— Идем, Мило, — вздохнула я, обхватывая пальцами напряженную ладонь ученика. — У нас много забот и без того.

Вот так, рука в руке, мы вышли из темного переулочка в наполненные рассеянным, приглушенным светом осеннего солнца улицы. Сказать по правде, мне не хотелось сейчас думать о делах государственных, о приливах и древних легендах. Я устала от постоянных тревог, дурных снов и опасностей путешествия. Единственным моим желанием было раствориться, пусть ненадолго, в этом городе, пронизанном светлой печалью осени.

Амиро завораживал. Угловатыми линиями домов, возведенных из белого камня, дымкой вечно раскрашенной в золото и багрянец листвы, прохладой и спокойствием. Вокруг было на удивление мало людей, и еще меньше среди них я заметила гостей из других земель. Да и эти немногие выглядели так, будто попали в сон, и не желают просыпаться. Даже у купцов, звенящих в лавках серебром и медью, в глазах порой мелькало странное выражение, словно в душе плясала искорка поэзии.

Сами жители Дома Осени казались выходцами из иного мира. У многих были высветлены белой краской лица, а волосы горели всеми оттенками листопада — кленово-алый, березово-желтый, багряный, как осиновые монетки, оранжевый с тусклой зеленью... Глянцевые тяжелые локоны свивались в сложные жгуты и узлы; топорщились, как перья, причудливо остриженные пряди; прятались в переплетении волос гроздь рябины и спелые колосья. Глаза густо подводились тушью — золотой, черной, темно-красной... Одним словом, яркой — даже у подростков. В одежде цвета были гораздо скромнее и разнообразнее, от светло-голубого и серого до лилового и зеленого. Горцы никогда не смотрели прямо и открыто на то, что вызывало интерес. Нет, они скользили взглядом — искоса, из-под ресниц, через плечо, ласкали уклончивыми улыбками и опускали глаза.

Даже в таверне было почти тихо. Молчаливо сидели за бокалом вина четверо наемников за столиком в углу, влюбленная парочка ворковала за чашкой чая, вели неспешную беседу купцы у окна, шурша свитками, да перебирал неторопливо гитарные струны менестрель-южанин.

— Неплохое место, Мило, не так ли? — обратилась я к ученику. — И к центру города близко, и чужеземцев хватает — легко затеряемся. Да и комнаты наверху, похоже, сдаются. Почему бы не задержаться ненадолго здесь?

— Это хорошая идея, госпожа, — согласился Мило, которому уютная таверна тоже пришлась по вкусу. — А если удастся еще разговорить менестреля, то сможем попроситься на совет, как найти библиотеку, открытую для гостей из других земель. Бродячие барды — народ образованный, свитки с легендами уважающий. Вдруг этот певец подскажет нам что-нибудь дельное?

— Вот ты им и займись, дорогой мой, — подмигнула я ученику. — А твоя наставница пока договорится о комнатах и, пожалуй, о десерте, которым нам не дали насладиться служанки. Съеденный на ходу пирог, как понимаешь, за десерт не сойдет... Давай-ка сюда кошель, — Мило беспрекословно подчинился. А чего бы ему спорить, деньги-то мои... — И еще — приготовь щетку, хватит мне уже нечесаными космами щеголять, — я огладила подсохшие рыжие пряди. — Неприлично.

— Вам все к лицу, Лале, — отвесил мне Мило церемонный поклон. — Вы и в лохмотья выглядели бы царевной.

— Значит, ты признаешь, что сейчас я настоящая неряха, да? — вырвался у меня

вздых. — Сомнительные у тебя комплименты, Мило...

— Чем лгать, я лучше найду для вас расческу... если получится, — невозмутимо отозвался ученик. Я шутливо хлопнула его по плечу и отправилась к хозяину таверны — седому, но словно бы лишенному возраста мужчине в темно-серых горских одеждах.

Завидев меня, он чуть склонил голову набок — смутно узнаваемым жестом, и спросил, тонко улыбаясь:

— Чем могу услужить прекрасной госпоже?

— Мне и моему спутнику нужны две комнаты, — я по привычке зеркально отразила и улыбку, и понимающий прищур глаз. — На три, возможно, на четыре ночи. Но это позже. А сейчас, — я быстро глянула через плечо: Мило о чем-то говорил с менестрелем, оставившим на время свою гитару, — чаю на трех человек для неспешной беседы и чего-нибудь сладкого, — я положила на стойку несколько монет. — Это возможно?

— Разумеется, госпожа, — широкий рукав скользнул по теплому дереву, и монеты словно растворились в воздухе. — Поверьте, ваше ожидание не затянется надолго и будет вознаграждено.

— Не сомневаюсь, — еще бы, за такие деньги. Да уж, а цены здесь немаленькие — даже если учесть, что в оплату вошла стоимость двух комнат на четыре дня вперед. Или с чужеземки можно двойную цену брать? Эх, что ни говори, а везде торговцы одинаковы.

У Мило же с менестрелем по имени Ирру завязалась теплая беседа. Узнав, что мы в некотором роде собратья по ремеслу — «бродячие сказители, собиратели легенд» — да еще готовы угостить «своего» чаем со знаменитыми горскими сладостями, бард расцвел белозубой улыбкой.

— Говорите, вы держите путь с востока? — дружелюбно поинтересовался Ирру, откидывая со лба светлый, до белизны выгоревший локон. Глаза у барда были по-южному живые, беспечные, то ли серые, то зеленые — в полумраке и не разберешь, зрачок слишком широкий. — Откуда, если не секрет?

— Скорее, с юга, — ответил Мило, взглядом попросив у меня разрешения и дальше вести беседу самостоятельно. — От самой Лунной косы, через Дом Раковин и Песка.

— Вы недавно были на побережье? — воскликнул удивленно менестрель. — А я ведь родом оттуда! Подумать, какое совпадение... А как вы попали в Дом Раковин и Песка?

— С севера, из Дома Зверей, — незаметно включилась я в разговор, отмахнувшись от нахмурившегося Мило. Ничего, переживет, мы здесь не в стаканчики играем, а дело делаем. — Вот там — и в правду раздолье для певца и сказителя. Столько легенд, и у каждого клана — свои...

— Побережье — тоже кладезь для вдохновения, — убежденно заявил Ирру и в порыве отхлебнул слишком горячего чая. — Да и тайн не меньше, чем даже в здешних землях, — добавил он, прокашлявшись. — Взять хоть маяк на Лунной косе!

— А что с маяком не так? — меня как водой окатило, стоило вспомнить манерную речь и наполненные тьмой глаза дамы Архив. — Говорят, что там находится истинная сокровищница знаний...

— А еще говорят, что платят за эти знания самой жизнью, — зловеще протянул Ирру. — Моя прабабка — а она слыла очень мудрой женщиной, многое повидавшей — рассказывала такую историю. Давным-давно, лет пятьсот назад, когда королевская власть в Доме Раковин была особенно сильна, на Лунную косу сослали семью мятежных аристократов. Всего изгнанников было не больше десятка — семейная пара, да маленькая дочь, да несколько

преданных слуг. С собою в глушь из прежних богатств им позволили забрать лишь самое необходимое, но лорд упросил королеву разрешить ему взять с собою и собрание свитков и древних книг. Маяк и до того славился, как богатейшая библиотека, а после того, как лорд добавил к старому собранию и свои сокровища, с ней и вовсе не могла сравниться никакая другая. Супруга лорда разделила его страсть к книгам и ею же заразила дочь, едва та подросла достаточно, чтобы научиться читать. Но если у родителей это было хоть и горячее, но все же увлечение, то у девочки оно стало одержимостью.

Шли годы, и со временем к власти пришел другой властитель и сменил гнев на милость, позволив мятежникам вернуться в родное гнездо и зажить прежней жизнью. К тому времени лорд и леди уже порядком состарились, а малютка дочка превратилась в почтенную даму, которой все было безразлично, кроме книг. Едва получив высочайшее позволение, бывшие бунтари покинули Лунную косу... Все, за исключением дочери. Она не пожелала уезжать из маяка и, больше того, не дала увезти из него книги. «Я сама буду их хранить», — говорила упрямая дама. Старики не стали спорить — «Молодо-зелено, а поживет одна — и одумается». Так и осталась она жить в маяке... А еще спустя год он сгорел дотла от шальной молнии. Но люди говорят, — понизил голос Ирру до пугающего шепота, — что ровно через месяц маяк словно вырос из-под земли. И библиотека в нем по-прежнему — богаче не сыскать. Да вот плату за вход берут непомерную... из двух путников лишь один возвращается.

Ирру замолчал, довольно поглядывая на наши напряженные лица.

— Ну и жуткие вещи вы рассказываете! — нервно рассмеялась я, лишь сейчас осознав, что крепко, до боли, сжимаю ладонь Мило... а он сжимает мою. — После такого и вовсе расхочется ходить по библиотекам и... архивам, — от этого слова, ненароком слетевшего с языка, меня передернуло.

— Об этом не стоит беспокоиться здесь, в Доме Осени, — погрузился менестрель. — Тут библиотека всего одна — в царском дворце, и туда чужеземцев не пускают вовсе. Я хотел попросить разрешения провести в сей обители знаний хотя бы несколько оборотов, но мне было отказано. А ведь моя мать — родом из этих мест, стало быть, я наполовину горец! — запальчиво воскликнул Ирру, опасливо косясь на якобы безразличных посетителей. — Что и говорить — осенние мягко стелют, да жестко спать, — тихо заключил он.

— И то правда, — вздохнул Мило разочарованно. Меня охватила досада — значит, просто так в библиотеку не попадешь... надо искать потайные тропинки в сад знаний. — Что, друг менестрель, может, споем «Осеннюю колыбельную»? Которую еще называют «Колыбельной неверия»?

— Ту самую, великого Суэло Аметиста из северных земель? — просиял Ирру. Я невольно фыркнула — везде любят этого негодяя! Никто уже не помнит, сколько слез из-за него пролилось, а вот музыку не забыли и по сей день. — Отчего не спеть! В три голоса — в самый раз будет.

— В два, — улыбнулся мой ученик, вытаскивая из сумки флейту. Лучше бы он расческу захватил, право слово... — Вы с моей госпожой споете, а я — подыграю гитаре. Но, поверьте, вам придется постараться, чтобы затмить пением милую Лале.

— О, ты мне льстишь, — кокетливо опустила я ресницы, награждая Мило пинком под столом. Какой уж там голос... Просто почти двести лет пою, а за это время и ворон соловьем заделается. — Ничего особенного.

— В любом случае, я смогу вас удивить, — улыбнулся менестрель, больше позабавленный словами Мило, чем задетый за живое. — Меня считают неплохим певцом.

... Голос у Ирру оказался не просто неплохим — волшебным. Так, пожалуй, на моей памяти пел только подлец Суэло... И, быть может, поэтому, мне казалось, что время на мгновение повернуло вспять, возвращая в прошлое, на половину столетия назад.

Нас осень ласкает и в листьях играет,
Но это обман.
И вся позолота — фальшивая нота,
А суть есть туман.

Какой я тогда была? Жестокой? Нежной? Память молчит... Кажется, я много сражалась, каждый день превращая в битву с безумием, заполняя тоскливые часы и дни во дворце тысячью бесполезных дел.

Дрожит паутина, и шелк нити длинной
Мерцает, как сталь.
И в солнечных бликах, и дымке безликой —
Все та же печаль.

А чувствовала ли я тогда хоть что-то настоящее, кроме тоски? Истинную радость, неподдельную ярость, искреннюю нежность... Нет, не помню. Друзей от того времени не осталось. Разве что посчитать таковыми бывшую ученицу Суэло Шелавису да старую ювелиршу, госпожу Кремень...

А были ли у меня вообще друзья? Их и теперь-то — по пальцам пересчитать можно. Тарло да Мило — вот и все. Больше никто и не всплакнет, если дурашка Лале сгинет где-нибудь на Лунной косе.

Мило... а разве мне нужен кто-то, кроме него? Да пусть хоть весь свет пропадет, лишь бы он остался! И, если задуматься... сейчас я счастлива, несмотря ни на что.

Как в зеркале тусклом — все мутно и пусто.
В эпоху потерь
Ты золоту листьев, что меркнет так быстро
Всем сердцем не верь!
...увязли в рутине, как в той паутине...
Не верь!
...пусть осень ласкает, она лишь играет...
Не верь!..

Долго ли оно продлится, это счастье? За осенью всегда приходит холодная зима...

— Госпожа, вы плачете? — встревожено спросил Мило, оборвав пение флейты на полувздохе. — Вам... больно?

— О, нет, что ты, — я осторожно утерла глаза. Надо же, мокро. Вот ведь стыд! Сквозе

землю провалиться хочется. — Просто вспомнилось грустное. Не бери в голову, право.

Авантюрин внимательно посмотрел на меня.

— Я пойду за ключами от наших комнат, госпожа, — тихо промолвил он, угадав мое желание. — Уже темнеет, нет смысла больше гулять по городу. Подождите, я сейчас вернусь, — Мило улыбнулся ободряюще и встал из-за стола.

Мы с Ирру следили за ним до самой стойки, где Авантюрин затеял спор с хозяином. Кажется, он пытался убедить его, что на уплаченные деньги комнаты нам полагаются две, а не одна с парой кроватей. Мило — упрям, но таверщик — тот еще хитрец... Интересно, чья возьмет? Ох, надо было мне обговорить условия, а не надеяться на честность седовласого горца... Внешность обманчива!

— Вы любите его? — спросил вдруг Ирру, пронзая меня острым взглядом. И я вдруг поняла — они не темно-серые и не зеленые, как мне показалось вначале, а черные, как морская вода ночью. И вовсе не беззаботные.

— Кого? — растерялась я. Как будто протянула руку к игривому щенку — а наткнулась на волка.

— Вашего спутника. Мило, — так же негромко произнес менестрель.

Меня словно кипятком обдало. Какое право он имеет спрашивать?! Это только наше дело.

— Что тебе за забота? — мои глаза не похожи на жуткое ночное море. Да и вообще на воду. Разве что иногда, когда нутро сводит от ярости, напоминают неподвижные свинцово-серые озера севера... Так говорят. — Уж не знаком ли ты с неким Холо? — закралось в мою душу подозрение.

— Холо? — искренне удивился менестрель, растеряв всю таинственность. — Нет, таких я не встречал... Просто жалко юношу, — невпопад добавил он, взъерошивая свои светлые волосы. — У меня брат был такой же... Знаете, подобные ему — любят однажды.

— Так не бывает, — мои губы сложились в жесткую линию. Мило у стойки начал злиться, отчаявшись убедить хозяина в своей правоте. Плохо быть богатым чужеземцем... — Нет вечной любви.

— Лишь потому, что люди не вечны, — покачал головой Ирру. — Впрочем, вы правы, это не моя забота. Берегите своего спутника, госпожа сказитель. Даже если и не любите.

— Люблю — не люблю... Да прекратите вы нести чушь! — непонятно отчего, слова менестреля задели меня за живое. — Вижу, мой друг не справляется с переговорами — пойду помогу ему, — еле удерживаясь от язвительного выпада произнесла я и решительно направилась к Мило.

А барда больше и взглядом не удостоила.

— ... не можем отдать вам две, о благородный господин...

— О чем вы спорите? — все так же отрывисто спросила я. Улыбка таверщика увяла. — Я, кажется, оплатила две комнаты, уважаемый. Верно? Или откажетесь от своих слов?

— Не откажусь, — пожевав губу, с неохотой произнес хозяин. — Но обстоятельства изменились. Двух комнат я вам дать не могу, но взамен могу предложить одну, но гораздо более просторную и с настоящей купальней. Поверьте, это хорошая сделка...

— И завтраки. Или обеды — на ваш выбор.

— Что?

— Одна трапеза за счет заведения, уважаемый, и эта сделка и впрямь покажется мне неплохой, — как ни старалась, я не могла вытравить из своего голоса колкие ледяные нотки.

Вот ведь взбаламутил душу менестрель! — это мое последнее слово. Или... — честно говоря, я сама не знала, что говорить после этого угрожающего «или», но, кажется, тавернщику стало не по себе и так.

— Согласен, — торопливо скрепил сделку он. — Плата соразмерна услуге. Прощу, — он протянул нам ключ. — Мой внук покажет вам дорогу.

Прошмыгнувший из-за стойки мальчишка в таком же, как у хозяина, сером наряде, поманил нас за собой. На него мои грозные взгляды нисколечко не подействовали. Он только улыбнулся щербато — во всех Домах восьмилетние сорванцы одинаковы — и задорно подмигнул. Я невольно улыбнулась в ответ. А когда-нибудь смешливый мальчик превратится в такого же хитрого дельца с кукольным выражением лица, как и нынешний тавернщик... Как знать, возможно, я даже увижу это превращение своими глазами.

На втором этаже было совсем тихо. Интересно, а остальные комнаты тоже заняты? Не иначе — раз уж хозяин поселил нас в одну.

— Прощу... — мальчик вставил ключ в скважину. — Это ваши покои, уважаемые... Ой! — Не открывается? — вздохнула я, глядя, как он пытается провернуть ключ в замке. — Нет, — огорчился ребенок. — Наверное, не тот ключ дедушка дал. Погодите, я сбегаю!

Ох, еще и ждать? Пожалуй, хватит на сегодня неприятностей.

— Не надо, — я мягко положила свою ладонь поверх его. Щелчок — ключ провернулся и дверь отворилась. — Все в порядке. Наверное, замок заело. Спасибо, мальчик, — я вложила в его руку медную монетку. — Беги.

— Благодарю, прекрасная госпожа, — отвесил он мне поклон и умчался по лестнице, припрятывая монетку в карман. «Дедушке» она вряд ли теперь достанется. Точно, хитрым торговцем вырастет ребенок — вон, уже смолоду деньги копит.

Обстановка в комнате была не богатая и не бедная — так, серединка на половинку. Впрочем, не мне, избалованной дворцами, об этом судить. Две низкие кровати, деревянная бадья за занавесью, широкое окно да ковры — а что еще нужно путникам? Да и приходиться сюда мы будем только на ночь.

— Итак, Мило, — я села на одну из кроватей. Ученик опустился прямо на ковер у моих ног, глядя снизу вверх немного насмешливо. — Что делать будем? В библиотеку чужаков не пускают. Да и не хочется просить у осенних милости — Ее величеству вряд ли понравится это. И так нам с тобой придется отчитываться, зачем мы забрели на земли враждебного Дома.

— Не у Архив же было спрашивать, при чем там Прилив приливов и Дом Осени, — и вновь обдало холодом от воспоминаний о маяке. После рассказанной Ирру легенды дама Архив казалась мне еще страшнее, чем прежде.

— И то верно. Но тянуть с библиотекой не стоит, — задумчиво заметила я. — Мы можем положиться на ключ. Помнишь, как добывали тебе учебники, Мило?

— Помню, — улыбнулся ученик. И тут же нахмурился: — Но лучше не рисковать, госпожа. Если нас поймают, то пострадать может весь Дом Камней и Снов.

— Пусть сначала поймают, — запальчиво возразила я, вскакивая. — Мило, давай пойдем сейчас!

— Нет, Лале, не надо! — Авантюрин быстро развернулся и обхватил меня за ноги. — Отложим это до утра, прошу. Подумаем на свежую голову... — уговаривал он меня, как ребенка.

Я почувствовала себя донельзя глупо. Раздражение, которое было исчезло от улыбки мальчика-слуги, поднялось изнутри опаляющей волной. Будто сама не могу решить, что мне делать, а что нет!

— Отпусти, Мило, — я обманчиво мягко провела рукою по его встрепанным волосам, зажимая в кулак пряди. Пока — легонько. — Я все равно пойду сейчас в эту библиотеку. Ты со мной?

Мило сощурился. В темных глазах светилось упрямство.

Я сжала пальцы сильнее.

— Вы всегда поступаете по-своему, — отвел он взгляд. — До добра это не доведет.

Что-то странное было в его голосе, какая-то тихая боль, словно Мило говорил вовсе не о визите в библиотеку, а о несравнимо более важных вещах. Я вздрогнула... и выпустила волосы.

— Прости, — шепнула я и склонилась, ласково прикасаясь губами к его макушке. Мило как-то судорожно вдохнул и запрокинул лицо. Я поспешно отстранилась и сделала шаг назад, вытягивая ключ на цепочке. — Если тебя это так беспокоит, мы не будем сегодня искать истории о Приливе. Просто заглянем туда — и сразу же уйдем. Хорошо?

— Как пожелаете, Лале, — поднялся на ноги Мило, следуя за мной. — Эх, с паршивой овцы — хоть шерсти клок...

— Что? — удивленно вскинула брови я, замерев у самой двери. Щелкнул замок.

— Говорю, хорошо, что вы вняли голосу разума, — громче сказал Авантюрин и усмехнулся: мол, что сделаешь, наставница? Опять разъяришься?

— Догоняй, — вместо этого улыбнулась я и, не дожидаясь ученика, скользнула в дверной проем. Мило, охнув, метнулся следом, еле-еле успев проскочить, пока не сомкнулись створки.

Мы оказались в темноте. Лишь высокие узкие окна у самого потолка давали немного света.

— Огня, Мило, — тихо попросила я.

На ладони ученика заплясал крохотный язычок пламени. Весьма полезно дружить с волшебниками... Хотя бы с освещением трудностей нет.

Темнота отступила, открывая нашим взорам длинные полки с пухлыми томами, цилиндры со свитками, стопки пергаментных листов... В воздухе пахло пылью и тайнами — аромат, свойственный лишь старым, очень старым библиотекам.

— Вот видишь, — повеселела я, протягивая руку к одной из книг. Кожа переплета приятно холодила ладони. — Все хорошо. Это же не сокровищница, вряд ли здесь будут...

Но стоило лишь мне открыть книгу, как вокруг загрохотало, завывало, застучало.

— Воры! — закричали на другом конце зала. — Воры забрались! Стража, на помощь! — вопил женский голос.

На мгновение я застыла... а потом отбросила книгу и метнулась к двери, увлекая за собой Мило. Дернула за ручку — и ввалилась обратно в комнату над залом таверны. Ученик выскочил за мной, как кукла на веревочке, и кувырком полетел на ковер. Я привалилась к двери, тяжело дыша. В ушах до сих пор стоял крик «Воры!».

— Прости, — едва слышно сказала я, извиняясь то ли за глупое поведение, что едва не свергло нас в серьезные неприятности, то ли за слишком сильный рывок, от которого Мило чуть не сломал шею. — Что теперь делать?

— А что поделаешь? — поднялся ученик, морщась и тряся головой — кажется,

приложился он знатно. — Ложиться спать надо. Утро вечера мудренее.

Неожиданный испуг измотал меня сильнее, чем двухдневное путешествие. Поэтому спустя всего пару минут я уже разделась, не пренебрегая на сей раз помощью Мило, забралась в кровать и уснула, едва голова коснулась прохладного шелка подушки.

Виделась мне ночью сплошь какая-то ерунда. Архив, маленькой девочкой листающая огромный том, Ее величество Тирле с синим пушистым котенком в руках, безумные барды с черными глазами, пляшущие вокруг с воплями «Не любишь! Загубишь!»...

Лишь под утро я обрела покой. Приснилась вода — много воды, журчащей, теплой, живительной... она падала, стекая по моему лицу, по рукам и груди, и напряжение уходило из каменных мышц. Я облизнула губы — солоно. А потом в мягком потоке вдруг скользнула льдинка — и прилипла к шее.

Я ойкнула... и проснулась.

Светало. Пели птицы — это в сердце города-то! А вокруг моей кровати стояли воины с тонкими серебрястыми клинками, один из которых упирался мне в шею.

Вот тебе и «льдинка», Лале, вот тебе и «библиотека». Доигралась.

— Мило? — хрипло шепнула я, скашивая глаза.

— Я здесь, госпожа, — у горла моего мальчика тоже было острое лезвие, по которому медленно стекала алая капля, и уже от этого можно было сойти с ума. Мило был обнажен по пояс, волосы растрепались от сна, а губы подрагивали.

Только бы с ним было все в порядке...

— Чем обязана, господа? — спросила я холодным голосом Лале Опал, Безумного Шута и девятой в колоде.

Один из воинов выступил вперед... и поклонился, разметав по полу широкие рукава белого одеяния.

— Амиро Ласковая Осень просит вас и вашего спутника уделить ему толику вашего времени, госпожа, — спокойно произнес он. Ого! Амиро... это ведь имя не только города... но и царя!

Я усмехнулась. Да уж, горцы умеют приглашать в гости. Захочешь, а не отвертишься.

— Отказ не принимается? Могу я хотя бы одеться?

— Нет, — ответил на оба вопроса воин. — Не беспокойтесь, все необходимое вы получите во дворце. В том числе и надлежащую одежду. Возражения не принимаются... Прошу прощения, госпожа, но таков приказ Светлейшего.

Все это было сказано спокойно, вежливо, почти доброжелательно, но меня дрожь пробрала. Я поняла, что эти воины не остановятся ни перед чем, чтобы выполнить приказ своего повелителя. Попытаться отбиться? Сбежать? Воспользоваться могуществом Шута?

Все не то.

Мило дернулся. По клинку поползла вниз еще одна отвратительно красная капля.

Нет. Его жизнью я рисковать не имею права.

— Мы пойдем. Клянусь. Опустите оружие, — хрипло попросила я.

Никогда еще я не испытывала такого страха...

Глава девятнадцатая, в которой Лале пытается быть умницей

Днем Амиро, Осиновый город, ослеплял своей красотой. Но на рассвете... Слов всего мира не хватило бы, чтобы описать его. Хрустальную прозрачность воздуха и зеленовато-голубую влагу небес, нежность осеннего ветра и жестокость утреннего холода, терзающего заплаканное лицо, четкий контур алого листа на покрытой инеем земле и ломкость замерзшей травинки — это тонкое и сильное чувство, мягкой кошачьей лапой наступавшее на грудь...

Но мне было все равно.

Из комнаты сначала вывели Мило — побледневшего, заспанного, с заломленными за спину руками и с острым лезвием у трепещущей жилки на шее. В дверях он оглянулся ко мне, и этот взгляд через плечо, исполненный муки и тревоги, отпечатался в памяти, как острая грань перстня отпечатывается в сургуче. И только горше становилось оттого, что Мило беспокоился не о своей судьбе. И я, наставница, ответственная за его жизнь и судьбу, ничего не могла поделать. Помощи ждать было неоткуда.

А слабому, глупому сердцу так хотелось, чтобы кто-то сказал: «Все будет хорошо, Лале» — и спрятал в надежных объятиях.

Спустя малый оборот пришла и моя очередь. Укутав плечи шерстяным пледом, я вышла на улицу. Солнце еще и не думало взбираться на небо, лениво раскрашивая облака из-за линии холмов. Улицы были пустынные. Ледяные камни мостовой сначала обжигали босые пятки, а потом всякая чувствительность исчезла. Ах, если б можно было так же заморозить и душу! Но в груди лишь сильнее разгорался пожар, раздуваемый чувством вины.

Ты мнила себя мудрой и хитрой, Лале? Право, не смейся людей. Весь ум остался в стенах дворца, и за пределами столицы двести лет испарились, оставив высокомерную и рассеянную девицу. Порой мудрость заключается в том, чтобы послушать советов спутника, у которого опыта побольше. А что сделала я? Поддалась мимолетному капризу, закрыв глаза на разумное предостережение. И вот — расплата.

А как насчет другой сказки — о неуязвимой и могущественной Лале? О, бесспорное вранье, еще более отвратительное потому, что лгала я самой себе. Сила хранителя ключа предельно эгоистична. Ею нельзя поделиться, одолжить ее или направить на благо других людей. Любая рана затянется, всякая дверь откроется... но лишь для одного. И что могу сделать я, девятая в раскладе, когда против меня могущество целого Дома?

Ничего.

Будь я одна, то не испугалась ни капельки. Подумаешь — поймали. Отвернутся — и поминай как звали. Не остановят ни оковы, ни засовы, ни решетки — разомкну, отопру, водой просочусь сквозь пальцы.

Но нас двое. И вся моя неуязвимость и неуловимость сходит на нет. Мило не может остаться здесь...

А это значит, что я не имею права и дальше творить глупости. В моих руках — чужая жизнь. Надо всего лишь вспомнить, ощутить вновь тяжесть двух столетий на своих плечах... Четыре короля — четыре эпохи интриг, уверток, лицемерия и плясок на лезвии ножа. Это не могло пройти даром.

Меня ведут в обитель Ласковой Осени... А все дворцы изнутри одинаковы. Я справлюсь.

— Сударь, долго ли еще идти? Признаться, эта прогулка становится довольно утомительной... — мои ресницы вздрогнули и опустились. Я и так не вышла ростом, а босая, с вьющимися от влаги волосами, закутанная в тонкую шерсть, кажусь еще меньше. Как не пожалеть эту хрупкую и слабую девочку?

Ответом мне было молчание. И, хотя сталь больше не ласкала горло, я чувствовала себя пленницей. Ну что ж, разыграем представление...

Это легко. Запнуться о камень. Шатнуться вперед, закусывая губу. Позволить крохотной слезинке прочертить по щеке дорожку.

Действия привычны и отточены до совершенства. Сама Тирле, проницательная и хитроумная, порой не могла различить, когда я играю, а когда нет.

— Наберитесь терпения, госпожа, — бесстрастно произнес тот из воинов, что был за старшего.

— Что со мной будет? — спросила я тихо, пряча глаза. — Почему это происходит?

На сей раз он откликнулся почти сразу, помедлив лишь мгновение.

— Это мне не известно, госпожа. Я только выполняю приказы.

Ложь я почувствовала сразу. И еще, очень глубоко — опасение. Этот человек определенно знал, кого он вел на встречу с Амиро, и был прекрасно осведомлен, что я могу сделать. Вряд ли воин имел представление о ключе — ведь ни единого взгляда не удостоилась убегающая за воротник цепочка. А еще мне ни разу не заглянули в глаза прямо и открыто...

Ах, вот оно что... Кажется, меня здесь знали только как Безумного шута. Карту из чужого расклада, непредсказуемую и обладающую довольно неприятной разновидностью могущества. А Мило определили как волшебника, но вряд ли кто-то подозревал о его воровских навыках. Значит, в этой игре у наших стаканчиков — двойное дно. Уже неплохо.

Если так, то причиной для «приглашения» мог оказаться вовсе не визит в библиотеку. Амиро вполне в состоянии ощутить присутствие в городе еще одной карты и проявить любопытство. Конечно, ворваться в гостиницу и выдернуть даму из постели ни свет ни заря — не лучший способ произвести впечатление, но не исключено, что царь просто играет. Приручает, запутывает — можно назвать это, как угодно.

И если я права, то в следующий раз он погладит меня уже по шерстке, а не против.

К счастью, идти пришлось чуть больше малого оборота. Потом меня посадили в закрытую карету, вновь приставив лезвие к горлу, и мы покатали. Окна были закрыты наглухо. То ли для того, чтобы я не могла запомнить дорогу, то ли чтобы никто не увидел, какую гостью везут во дворец.

На сей раз путь занял около часа.

В карете было довольно тепло. Постепенно ноги отогрелись, ступни сначала мелко-мелко закололо, а потом чувствительность вернулась окончательно, и стало почти жарко. Со мной остались лишь двое воинов, остальные, видимо, отправились к месту службы другим путем. Развлекать пленницу беседой никто не собирался, да мне это и не требовалось. Все, что можно, я из своих сопровождающих уже вытянула, и потому посвятила оставшееся время тому, чтобы успокоиться. Каково же было мое удивление, когда обнаружилось, что сделать это невероятно сложно!

«Держать маску» еще получалось, но недолго. Стоило расслабиться, как эмоции брали свое. И это у меня, шута Ее величества! У меня, у которой игру было не отличить от настоящих чувств! Сотню лет я держала себя в узде, срываясь лишь тогда, когда говорили об

одиночестве или о Лило. И вот за какие-то два месяца владение собой превратилось в миф, а я — в истеричную девицу... И когда это началось? Как я не заметила перемен? Как упустил их Мило?

— Госпожа? С вами все в порядке? — голос воина прозвучал встревожено.

— О... да, в порядке, — улыбнулась я, сгоняя с лица болезненную гримасу. — Не извольте беспокоиться. Просто замерзла. И чувствую себя... неловко.

— Мы скоро прибудем во дворец, госпожа, — ровно произнес второй мой страж, глядя в сторону. Чужое лицо, узкое, тонкое, словно точеное, с высокими скулами и непроницаемо-черными глазами, излучало напряжение. — Там вам предложат достойные вас одеяния. Наберитесь терпения.

«Достойные меня одеяния»... Если речь идет не о тюремной робе и кандалах, то значит я оказалась права и Амиро попытается меня задобрить — хотя бы красивым нарядом и вежливым обхождением. О, сколько раз я видела, как пользовалась этим приемом прекрасная моя королева Тирле! Запугать, ошеломить, ошарашить силой, а потом — приласкать, успокоить. Грубое обращение подчиненных выставить их собственной инициативой, извиниться и предложить действовать заодно... И в то же время — не давать забыть, что в любой момент все может вернуться к первоначальному варианту. Стража, темницы...

Видимо, Амиро учился по тем же книгам. Либо все правители в чем-то совершенно одинаковы.

— Госпожа, прошу.

Я очнулась от размышлений. Один из стражников, тот, что был за главного, уже стоял на улице, протягивая мне руку. Клинки исчезли в складках одеяния так же незаметно, как появились. Сердце заколотилось в груди от тревожного предчувствия — тук, тук, как барабан.

— Уже на месте?

— Да, госпожа.

С удовольствием воспользовавшись предложенной рукой, я вышла из кареты. Кажется, меня подвезли к черному ходу — вокруг были только кусты, слишком густые и неухоженные для парадного парка, да прятались за изжелта-зеленой вязью листвы беленые хозяйственные пристройки.

— Нам сюда. Прошу, — стражник немного подтолкнул меня к ступеням. А там, у самых дверей, стояла та, которой он собирался сдать меня, образно говоря, с рук на руки.

Это была довольно высокая женщина, хотя значительно уступающая ростом Ее величеству Тирле. Выкрашенные в темно-пурпурный цвет волосы чьи-то умелые пальцы уложили в высокую прическу, украшенную березовыми листьями и семенами клена. Нарядилась незнакомка изысканно — золотисто-бежевая накидка, длиною до колена, темно-зеленые штаны, и того же цвета узкие вторые рукава блузы, почти незаметные за широкими складками верхнего одеяния. Туфли с загнутыми носами были желтоватыми, с мелким листовым орнаментом. Красные брови и губы на этом выбеленном до полной неестественности лице словно нарисовал тончайшей кистью талантливый художник. Темные, как у всех горцев, глаза смотрели из-под начерченных ресниц внимательно и изучающе.

— Колдунья Киле, — уважительно поклонился женщине стражник. — Гостья прибыла. Колдунья? Ох, нелегко мне придется! Такую даму никому в противники не

пожелаешь... Я с трудом сумела сохранить внешнее спокойствие, надеясь, что навыки шута и актрисы меня не подведут.

— Вижу, мастер Такарим, — благожелательно улыбнулась она. — Хорошая работа. Следуйте за мной, госпожа, — и Киле развернулась и скользнула в открытые двери, как морская змея в темный грот.

Надо же, какая самоуверенность! Неужели она и мысли не допускает, что я могу сбежать? Или так надеется на свое колдовство?

«Спокойно, Лале, — сказала я себе, подавив глубокий вздох. — Ты должна вести себя разумно... До тех пор, пока не выручишь Мило».

Киле невозмутимо ждала внутри. Увидев меня, она кивнула, не скрывая довольства, и так же стремительно пересекла зал, направляясь к лестнице. Я поспевала бы за ней без труда, если бы хотела, но обычному человеку такое было бы не под силу. Поэтому приходилось иногда отставать, изображая сбившееся дыхание. Благо во дворце было на что посмотреть, даже в крыле для прислуги.

Изнутри резиденция главы Дома Осени очень напоминала простую загородную усадьбу. Много дерева — полированного, покрытого лаком, черненого... Из камней осенние отдавали предпочтение янтарю — в оконных витражах, узорах на потолке и целых картинах, составленных из мелких осколков разных цветов. Но больше всего мне полюбились чудесные гобелены с горными пейзажами. Было нечто завораживающе прекрасное в острых линиях скал, утопающих в дыму алых листьев, что вновь и вновь притягивало взор.

— Проходите сюда, госпожа, — Киле отступила на шаг, пропуская меня в залитую золотистым светом комнату. Мы поднялись на несколько этажей, и здесь, на высоте, солнце уже властвовало безраздельно. — Не бойтесь.

Я остановилась так резко, словно воздух перед моим лицом вдруг затвердел, и обернулась, впиваясь взглядом в ее глаза. А теперь главное — не показать своего страха, спрятать неуверенность. Пусть колдунья видит только силу.

— Вы знаете, кто я? — вопрос слетел шорохом сухого листа. Обманчиво мягко, как прикосновение к губам отравленного вина.

К чести колдуньи, она не дрогнула, но зрачки вдруг расширились, превращая темно-коричневое в черное.

— Вы — госпожа Лале Опал, — тихо ответила Киле. — Безумный шут. Но вам незачем становиться моим врагом. Вы не станете...

— Верно, — я опустила ресницы, и Киле прерывисто вздохнула, выдавая сковавшее ее напряжение. — Не стану. Взять заложника — очень старая игра. И не вполне честная.

— Вашему ученику ничего не грозит, — алые губы сжались в тонкую линию. Как будто рана на ее лице. — До тех пор, пока вы ведете себя благоразумно.

Вот как? Значит, угрозы... Ох, Мило, Мило, во что же тебя втравила наставница...

— В таком случае, жду благоразумия и от вас, — ответила я с достоинством, проходя в комнату. И, конечно, под «ними» я подразумевала не только колдунью.

Убранство отведенных мне покоев оказалось несколько... неожиданным.

— Это ведь купальня? — я села на бортик и зачерпнула в горсть синеватой воды. В воздухе плавал запах жасмина и имбиря — странное сочетание, сладкое и острое в то же время.

— Да, госпожа, — склонила голову колдунья. — Светлейший Амиро рад предложить вам свое гостеприимство. Позвольте мне помочь вам... — она осторожно протянула руку к

шерстяному пледу, служившему мне накидкой. Глаза Киле опустила, не рискуя встречаться с моим взглядом. Любопытно получается — я боюсь ее, она боится меня...

— А я рада этим гостеприимством воспользоваться, — вздох подавить не удалось. «Рада», как же! Будто у меня есть выбор. — Но помощь мне не требуется, разве что потом, с прической, — я отступила в сторону от колдуньи.

— Госпожа, прошу, не брезгуйте моей помощью... — ровно повторила колдунья. Конечно, ведь наверняка ей велели не спускать с меня глаз!

— Нет, — мягко улыбнулась я. У меня были кое-какие планы, и присутствие посторонней только помешало бы. — Я справлюсь и сама. Подождите снаружи. Клянусь, я не буду убегать и творить глупости... Но вежливый хозяин уважает право гостя на уединение, верно? Или я не гостя, а пленница?

На выбеленном лице не отразилось ничего — ни единого чувства.

— Я буду за дверью, госпожа, — чуть склонила голову колдунья и отступила к выходу. Видно, решила, что спорить — дороже выйдет, а следить за «дорогой гостьей» можно и тайком.

— Благодарю, — я с глухим щелчком захлопнула створки и усмехнулась. Не знаю, как собиралась колдунья за мною наблюдать, но через эту дверь она не увидит ничего. Закрывать пути можно и от взглядов. А пока самое время проверить, как там мой мальчик. И если его обижают...

И что тогда? Ворвусь и попытаюсь отбить? Ох, Лале, Лале, будь умнее...

Я нерешительно положила пальцы на ручку и потянула створки на себя. Дверь медленно, бесшумно сдвинулась, открывая узкую полоску. Я глубоко вздохнула и заглянула в щель.

Комната была окутана паром с горько-сладким запахом миндаля. Солнце пробивалось сквозь янтарный витраж, сквозь бумажную ширму, окрашивая неподвижную воду в золото. Мило сидел у самого края, на верхней ступени, где глубина была не больше локтя, и водил ладонью по медовой поверхности. Капельки вспыхивали на мокрой спине, как огненные опалы.

К щекам прилила кровь. Мне стало жарко. Или это в его купальне вода была такой горячей?

— Господин, позвольте услужить вам, — негромко произнес высокий, мелодичный голос.

Я вздрогнула и чуть не хлопнула дверью от испуга. Девушка, которая раньше оставалась за ширмой, ало-золотой тенью скользнула к Мило, опускаясь на колени у самой воды. Светлые волосы незнакомки почти полностью укрывал темно-красный платок, а широкие рукава у локтей перетягивала лента.

Служанка? Для Мило? Неужто он сам не справится? Бред, право слово! Мило не переносит, ненавидит, когда его касаются посторонние! Он позволяет это только мне — трепать по шелковым прядям, хватать за руку, плюхаться с размаху на колени...

Дверь подалась вперед. Я чудом удержала ее, не позволив родиться скрипу. По спине пробежал холодок — чуть не попалась.

Девушка тем временем поставила на пол шкатулку и откинула крышку. Звякнули флаконы, и горький аромат миндаля стал сильнее, мешаясь с теплом и мягкостью корицы.

— Что предпочтет господин? — ее тонкие пальцы огладили грани флакона. Мне захотелось, чтобы стекло оцетинилось ядовитыми шипами.

Мило обернулся, в бессознательно-смушенном жесте сгибая ногу в колене, будто закрываясь.

— Поверь, я не стою твоей заботы, потому что сам привык прислуживать, а не... — он столкнулся со мной взглядами — глаза в глаза.

Его ресницы неверяще распахнулись.

Я беззвучно хихикнула. Глупое положение, на редкость глупое...

Мило залился краской и съехал аж на две ступени вниз, очутившись сразу по шею в воде, но взгляда не отвел. Лишь чуть-чуть опустил ресницы.

— Господин? — встревожено подняла служанка голову от шкатулки.

На лице Мило расцвела шальная улыбка.

— Ничего. Продолжай, — произнес он ровно. На щеках заиграли ямочки, делаю его младше, чем есть. Румянец, потемневшее золото волос, искусанные губы... Я лишь усилием воли удержалась от того, чтобы не выскочить и не надавать мальчишке оплеух — пусть ведет себя прилично! — И, пожалуй, сегодня я предпочел бы... — темные очи с фиолетовым отливом подернулись туманной поволокой — ...корицу.

Я готова была поклясться, что мальчишка сделал это нарочно. Неужели он флиртует со служанкой? Или это часть коварных замыслов? Что он о себе вообразил! Ну да ничего, у меня в играх — в любых! — опыта побольше.

«Ничего не делай. Оставь заботы мне. Я вернусь за тобой», — сказали мои руки. Жесты выходили острыми, рваными, я никак не могла унять плавающий кости жар. Поскорей бы окунуться в воду...

Мило словно невзначай коснулся уха — «Слова услышаны». Умница. Значит, есть еще надежда, что разум его не до конца затуманила красота девицы из осенних.

Капля воды сорвалась с пальцев и скользнула по загорелой шее...

Я резко хлопнула дверью. Услышат? Ну и пусть. Несносный мальчишка!

Вода в моей купальне оказалась чуть теплой. В другое время я бы разозлилась, но сейчас была только рада. Даже навязчивый запах жасмина и имбиря казался теперь естественным, как дыхание ветра. Еще немного — и меня сморил сон, но тут в дверь гулко постучали. Пришлось вылезать, обтираться полотенцем и спешно натягивать одежду, чтобы впустить позабытую Киле.

Надо заметить, колдунья, изволновавшись от ожидания, порядком растеряла свою горскую невозмутимость и кукольное равнодушие. Все то время, пока Киле расчесывала и перевивала непослушные рыжие волосы с листьями и подгоняла одежду из прохладного бело-зеленого шелка под мой невеликий рост, она тихонько причитала: «Что скажет Светлейший, о, как он будет недоволен...» У меня это не вызывало ничего, кроме смеха да легкого раздражения от затянувшихся приготовлений. Право, даже дома я меньше готовилась к выходу в люди! Но мне тогда помогал Мило...

Как он там, мой мальчик? Наверняка выгнал все-таки эту служанку — иначе и быть не может.

— Это все? — с облегчением спросила я, когда последний локон был заколот у виска почти невидимой шпилькой. Сейчас мне было совсем не страшно: Мило никто не держал в темнице, даже стражу не приставили. Если пожелаем — убежим в любое время.

— Да, госпожа, — с достоинством поклонилась колдунья. — Теперь вы готовы предстать перед очами Светлейшего.

Я только усмехнулась. Вот уж отличие мышления — Ее величество никогда не

интересовал внешний вид гостей. Приехали они в традиционных своих нарядах или в равнинных, только с дороги, неумытые даже, или благоухающие ароматными маслами... Главное, чтобы сама она, Тирле, сияла, словно холодный бриллиант.

Что же касается меня... Думаю, такую Лале не признал бы даже художник, Тарло.

Непокорные рыжие пряди, обычно затянутые в сотню косичек, Киле смягчила бальзамом и уложила затейливым каскадом, переплетя волосы с желтыми и зелеными листочками. Позолотила нежные веки и немного — губы, утянула и без того тонкую мою талию рубашкой на шнуровке, укутала в волны белого и бледно-зеленого шелка... Пожалуй, появись я в подобном виде на балу, на меня польстились бы не только любители подразнить закостеневших в ханжестве придворных льстецов.

— Сюда, госпожа, — Киле указывала дорогу.

На сей раз я не пыталась казаться слабее, чем есть, и держалась рядом с колдуньей, не отставая от нее ни на шаг. Мне не терпелось поскорее увидеть Лорда Осени и узнать, какого ворона ему все-таки от нас понадобилось.

Дерево и янтарь, солнечный свет и приглушенные краски гобеленов — все это промелькнуло в один миг, сливаясь в теплый, сонный образ. А потом коридоры и лестницы вдруг кончились, распахнулись двери... и я утонула в осени.

Ласков взгляд — ветра ток.
К ветру льну... я — листок.
Солнца тлен — жжет ладонь.
В прядь вплетен клен-огонь.
Высь слепит — столь ясна.
Гордость — в прах... Я честна.
И слова — все мертвы.
Златом ломким листвы
Я к ногам льну твоим.
Ветер — взгляд. Сердце — дым...

— Приветствую тебя, милая Лале, — чисто и светло улыбнулся Амиро Ласковая Осень. — Приветствую тебя, о возлюбленная дочь Холо.

— Приветствую вас... Светлейший... — едва разомкнула я непослушные губы. Едва... ибо владыка Осеннего Дома оказался непозволительно юн и прекрасен для своих двух с половиной столетий.

Ни единого мазка краски не было на его лице, словно выточенном из белоснежного камня. Под светлыми, но такими густыми и длинными, что любая черноволосая красавица позавидует, ресницами сияли глаза — голубоватые в зелень, словно осеннее небо. Гладкие, как шелк, локоны рассыпались по темно-синей ткани одеяния прихотливой волной, отсвечивающей то золотом, то медью, то серебром. Он смотрел на меня сверху вниз — ласково и тепло, будто солнце, но казалось, что это я стою на пьедестале — столько уважения и восхищения было в этом взгляде.

Лишь после третьего глубокого, до рези, вздоха я сумела совладать с чувствами и посмотреть на Амиро вновь — непредвзято. Высокий, красивый, могущественный... и напропалую использующий силу обаяния Лорда Осени, одной из величайших карт.

— Откуда вы знаете Холо? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. Ключ под зеленым шелком платья стал горячим, как кипяток. — Я не помню, чтобы вы посещали поместье Опал...

Амиро тихо рассмеялся:

— Не помните? А ведь мы встречались там... Да и лорд Опал часто навещал и мою скромную обитель... Разве для подобных Холо расстояния были преградой? Разве такое уж неодолимое препятствие долгие дороги и для тебя, маленькая путешественница? — он вдруг неуловимо для взгляда скользнул, оказавшись рядом со мною. Чтобы заглянуть снова в его глаза, пришлось задрать голову, словно я разговаривала с Ее величеством Тирле или с собственным учеником. — Ты ведь гуляешь теми же путями, что и он...

— Кем он был для тебя? — упрямо повторила я вопрос, лишь немного изменив его.

— Тише... — он коснулся пальцем моих губ, будто запечатывая их. — Ты ведь пришла в Дом Осени в поисках совсем других ответов. Верно, маленькая расхитительница библиотек?

— Я не собиралась ничего забирать из вашего хранилища! — от неожиданности я даже забыла, что собиралась все отрицать. Амиро нахмурился и отстранился — и свет померк. Теперь стало ясно, что мы находимся не в тронном зале, а в подобии гостиной — с коврами, подушками на полу, янтарными витражами на окнах и низким столиком, уставленным вазами с фруктами и сладостями. — Вы сердитесь? — сорвалось с языка.

Он с грацией, редко доступной для людей его роста, опустился на подушки и указал рядом с собой:

— Нет, милая Лале. Как я могу сердиться на дочь Холо? Пусть и названную... — Амиро отщипнул одну виноградину, но не съел ее, а просто перекатил в пальцах, согревая. — Холо был моим учителем. И другом. И... впрочем, не важно. Можно сказать, что Холо был для меня всем. И в память о нем я не трону ни тебя, ни мальчишку, хотя вы нарушили достаточно законов.

— Мило ни в чем не виноват, — стиснула я зубы, мысленно оцетиниваясь. — Он не может спорить со мною и поступает так, как я велю. Так что если и захотите кого-то наказать, то можете гневаться на меня.

— Ты не слушаешь, милая Лале? — насмешливо выгнул он брови. — Я не могу сердиться на тебя. Ты — дочь Холо.

— Зачем же тогда этот спектакль со стражей? — в груди начала закипать злость, густая и черная, как смола.

— Все для твоего блага, — терпеливо улыбнулся Амиро. — Ты стала слишком беспечной и самоуверенной.

— Я не нуждаюсь в воспитателях! Тем более из Дома Осени!

Чем дальше, тем больше становилось путаницы. Амиро говорил, что знал Холо — и я ему верила. С наставника стало бы подружиться с наследником трона просто из любопытства, а узнав Холо, не полюбить его было нельзя. Лорд Осени утверждал, что не желает мне зла... и я чувствовала ложь. И зависть. Быть может, Амиро действительно не стал бы бросать нас с Мило в темницу и уж тем более объявлять Дому Камней и Снов войну по такому дурацкому поводу, но... кажется, дело было вовсе не в привязанности к Холо. Иначе бы лорд не посылал за нами воинов. Это слишком смахивало на оскорбление и попытку запугать, а вовсе не воспитать во мне ответственность.

— Что вам нужно от меня, Амиро? — прямо спросила я, отбросив чувства. Нельзя мне сейчас быть слабой, особенно с таким, как владыка Дома. — Говорите прямо.

— Мне? Ничего, милая Лале, — пальцы отщипнули еще одну виноградину. Теперь в ладони грелись уже две ягоды. — Просто выслушай мой рассказ... и сама реши, что делать дальше.

— Будет ли мне позволено заглянуть потом в библиотеку?

— Это не понадобится. Я знаю, что ты ищешь, и дам ответы на все твои вопросы.

— А что потом? — сердце замерло. — Ты отпустишь нас?

— Вас? О, я не стану вас держать, — улыбка вновь коснулась его губ. — Но если кто-то захочет остаться — я буду рад. Ты — дочь Холо, которую он, без сомнений, захочет навестить... А твой ученик... весьма интересен и сам по себе, — взгляд Амиро сделался задумчивым. — Я не прочь продлить нашу встречу...

— Думаю, мы с Мило уже пресытились осенним гостеприимством и не станем задерживаться здесь, — едко откликнулась я, напуганная тоном владыки. Неужели Ласковая Осень попытается оставить моего ученика в заложниках? Ох, Лале, соберись! — Прошу прощения за дерзость, — произнесла я, будто бы смирившись. — С нетерпением жду рассказа.

— Поверь, эта история не займет много времени, — почтительные интонации в моем голосе явно доставили Амиро удовольствие. Мягкая, почти неощутимая угроза растворилась в воздухе, словно развеянная порывом ветра. — А началась она довольно давно... Полторы тысячи лет тому назад Дома побережья объединились под рукой жестокого властителя, которого звали Лордом Волн. Впервые с начала времен расклад приморья стал полным. Огромная сила вод сосредоточилась в руках одного-единственного человека... увы, слишком молодого и запутавшегося в себе, чтобы распорядиться ею верно. Чтобы удержать трон, Лорд бросил все силы на войну с соседями. Земли Дома Осени тогда располагались большей частью в горах, и им ничего не грозило, а вот прочим пришлось несладко. Используя могущество карт, войско прибрежников покоряло малые государства один за другим, пока однажды Дом Волн не рухнул под собственной тяжестью. В гневе Лорд проклял свой расклад и пожелал смерти всем предателям и непокорным. И столь велика была сила ненависти владыки, что пришла из моря огромная волна и затопила земли до самых северных гор.

Так это случилось впервые.

Спустя пятьсот лет появился новый Лорд Волн. И вновь не хватило ему мудрости удержаться от того, чтобы призвать силу морских глубин. И еще раз был принесен расклад побережья в жертву, и лишь ценой великих потерь сумел остановить Прилив приливов один из Домов.

— Дом Самоцветов... — прошептала я.

— Да, Дом Самоцветов, — без улыбки согласился Амиро, и тень благоговения на миг мелькнула в его глазах. — Ее величество Малахит была воистину мудрейшей и могущественнейшей правительницей с начала времен. Она оставила добрую память по себе и заслужила вечную благодарность всех, кто пережил второй Прилив.

Третий раз гибель из вод была призвана по глупости человеческой.

Лорд Побережья, собравший полный расклад последним, среди наследия предков обнаружил свитки, в которых был ключ к великой силе. И решил... испытать ее. Так волны накрыли земли, сметая все на своем пути... Лишь Дом Камней и Снов устоял вновь, лишившись всего расклада, кроме Лорда Теней. И... Дом Осени.

— Вы поднялись в горы... — мои глаза распахнулись в изумлении. — Вы... знали

заранее?

— Да, — просто ответил Амиро. — Ибо века, которые мы прожили в тиши и безопасности, позволили сохранить и могущество расклада, и знания о прошлом. Но постепенно Дом Осени покорило множество ближних княжеств и раскинулся на многие дни пути от гор. Если прилив придет сейчас, мы будем так же уязвимы, как и жители побережья.

— И что вы хотите от меня? — невольно повторила я вопрос, но на сей раз без вызова в голосе.

— Ничего, — улыбнулся Ласковая Осень. — Для начала — дослушай, милая.

Я покорно сложила руки на коленях и уставилась на лорда в упор, широко распахнув глаза. Кажется, Ее величество называла эту маску «воплощенное внимание»... и ужасно не любила ее. Ох, и доставалось же мне, бывало, веером по затылку...

— Прелестно, — вздохнул Амиро непонятно отчего, отводя взгляд. Виноградины нетронутыми вернулись на блюдо. Я подумала-подумала... и цапнула одну ягодку. Теплая... Нежная сладость разлилась по языку, напоминая и о скудном ужине, и о пропущенном завтраке. — История повторяется, Лале. Несколько лет назад из библиотеки Дома Осени исчезли древние нерасшифрованные свитки. А потом в одном из прибрежных государств смерть настигла короля, королеву и наследников — одного за другим.

— Вы говорите о Доме Раковин и Песка? — нахмурилась я. Ларра мне нравился, и сама мысль о том, что он может оказаться очередным безумным властителем, пачкала, будто смолой. — Но расклад побережья неполон!

— Разве? — зелено-голубые, как осеннее небо, глаза нехорошо сузились. — Я думал, что ты умнее, милая. Говорят, что Ее величество объявила о помолвке?

— Да, но прекрасная и мудрая Тирле не собиралась отдавать свой расклад... — слова застряли в горле.

Не собиралась. Но расклады сливаются, и старшая карта может быть только одна. А что, если во время обряда Ларра возьмет над Тирле верх и завладеет раскладом?

Меня пробрала дрожь.

Если все так, как говорит Амиро, и в руках Ларры — ключ к силе моря, то на сей раз остановить прилив будет некому — Дом Камней и Снов лишится расклада, и...

— Есть еще одно «но», лорд, — произнесла я медленно. — Даже владея картами нашего Дома, Ларра не сумеет призвать Прилив. Ведь расклад должен быть принесен в жертву... а я умереть не могу.

Я подняла взгляд. Амиро смотрел на меня, склонив голову на бок.

— Все так, милая... Но ты — единственная, кто способен уйти из расклада, если нечему будет держать тебя в Доме. Лале...

Амиро внезапно наклонился, оказавшись близко-близко — еще немного, и мы столкнулись бы носами. Запах осени — сухих листьев, инея на траве по утрам и блеклого солнца — окутал меня, как пуховое одеяло.

— Холод прожил шестьдесят лет, прежде чем покинул наш мир в поисках чудес на дальних дорогах, и все эти годы он маялся, как пленник! Я помню его, помню полный боли взгляд, помню одинокие вечера в поместье Опал и гитару с порванными струнами! Лале...

Жаркое дыхание опалило мои губы, но все, о чем я думала сейчас — как не потеряться в тусклом осеннем небе, что ослепило меня. Опять колдовство...

— Ты так похожа на него — я вижу это в твоих глазах, чувствую в токе твоей крови... Тебе плохо здесь. Почему ты так цепляешься за этот мир, милая?

Лицо мое одеревенело — такой ужас нахлынул от горячих слов Амиро.

— Потому что там будет одиноко... — прошептала я. — А здесь у меня есть...

— Кто, Лале? Кто держит тебя, свободную странницу по дорогам миров?

Голова кружилась, словно я сотню раз сделала «колесо» на потеху Ее величеству.

— Не... знаю... Я... Безумный шут Дома Камней и Снов...

— И только? — Амиро отстранился, разочарованно скривившись. — А я-то было подумал, что ты чем-то отличаешься от Холо, не способного любить никого, кроме себя. Уходи, — он опустил голову, и водопад волос занавесил лицо. Я засмотрелась на тускло мерцающие пряди... и охнула. Один волос — белый, другой — золотой, третий — рыжий. И бывают же совпадения!

— Подождите, — я вдруг вспомнила нечто очень важное. — Могу я задать вопрос... о Кириме-Шайю?

— Лорд Багряного Листопада? — ровно спросил Амиро. — Что ты хочешь знать о нем? Я замялась.

— Вы говорили, что не причинили бы вреда ни мне, ни Мило... Кирим-Шайю разделяет ваши взгляды?

Амиро странно посмотрел на меня — с удивлением и печалью.

— Кирим не причинит вреда никому, за Шайю я не поручусь... — последовал странный ответ. — Но почему ты спрашиваешь, дочь Холо?

— Ну... не знаю, как объяснить вам... Просто случилось много странного, а я видела алых мотыльков рядом с ним, и потом тоже...

Лорд Осени мягко рассмеялся, стряхивая печаль, словно капли воды.

— Алые мотыльки... Ну и воображение у тебя, Лале. Дстойное королевского шута! Красные бабочки в нашем Доме — символ страсти, соблазна... Твой ученик, милая, сейчас очарован их пляской, — добавил он, опуская ресницы.

Я вскочила на ноги, чуть не запутавшись в складках горского одеяния.

— Что с Мило?

— О, мальчик замечательно проводит время, — хитро улыбнулся Амиро. — Взгляни!

Он провел рукой, и в воздухе словно отворилось окно. И за этим окном был Мило. Но не один. Не один.

На подушках восседала, поджав под себя одну ногу, леди в алом шелке. Багряные, как последние лучи заката, пряди были собраны у висков в кольца. Красавица капризно поджала пухлые по-детски губы и прикрыла глаза. А Мило, мой недотрога Мило, обряженный сейчас в глупые белые тряпки, лежал, уронив голову к ней колени. Леди что-то говорила ему, ласково поглаживая золотые волосы. И ученик даже не пытался отвести властную руку, позволяя белым пальцам перебирать шелковые пряди, касаться сомкнутых губ, чертить невидимые линии по загорелой коже...

— Почему?... — только и сумела выдохнуть я.

— Почему? — задумчиво откликнулся Амиро. — Я не понимаю, в чем суть твоего вопроса, Лале. Почему Мило не в темнице? Он мой гость, так же, как и ты. Почему он не один? Я позаботился о том, чтобы гость не заскучал, только и всего.

— Кто она? — картинка притягивала взгляд и в то же время вызывала отвращение, словно вид ядовитой змеи. — Почему Мило слушает ее?

— Эта леди — Река Памяти Дома Осени. Великолепная рассказчица, надо заметить... Все очень просто, Лале, — голос Амиро стал на два тона ниже, так, что пробирал теперь до

костей. — У твоего ученика очень приметные волосы... Такие бывают лишь в царской семье Дома Осени. Не знаю, кто в молодости не позаботился о своем бастарде — кто-то из моих братьев, или отец, или я сам, когда гостил во владениях Холо... но сейчас мальчику предлагают выбор — остаться здесь и жить в неге и почете, как одному из царевичей, или вернуться в Дом, который вскоре падет. Как ты думаешь, что выберет твой драгоценный ученик?

— Меня, — сорвалось с губ прежде, чем я взяла верх над чувствами. — Свою наставницу и долг перед Домом, — попыталась я исправить положение.

Амиро поморщился и развеял картинку.

— Ты все бежишь от себя, Лале... Как это знакомо мне, — вздохнул он. Пристально заглянул в мои глаза и произнес, будто в сомнениях: — Открою тебе одну тайну. В землях Дома Осени есть чудесный сад. Говорят, что тот, кто засыпает под сенью его цветущих вишен, познает смысл своей жизни... Эти ягоды — из того сада, Лале, — Амиро протянул мне две вишенки. Я вздрогнула — на столе вишни не было. — Побоишься ли ты встретиться лицом к лицу со своими страхами?

— Я не так глупа, чтобы есть волшебные ягоды, не зная, чем это может закончиться, — попыталась я отстранить ладонь, но Амиро вложил вишни в мою руку и ловко сомкнул пальцы. Ягоды в кулаке оказались холодными и твердыми, будто лежали на льду.

— Попробуй, — искушал меня Амиро. — Вы все равно не покинете дворец раньше утра, когда Мило примет решение. Вдруг он захочет остаться здесь?

Я похолодела. Ждать до утра... в неизвестности. Ни за что!

Вишни оказались кислыми, как молодое вино. Я проглотила их с косточками... и провалилась в сон.

И оказалась в ночном саду. Вокруг порхали глупые красные мотыльки, освещая утопающие в цветах деревья.

Я сделала шаг. Под ногой хрустнуло. Я опустила взгляд.

Косточки. Тонкие, будто птичьи. Или мышинные...

Алое сияние потускнело — это бабочки прыснули в разные стороны, теряясь среди переплетения ветвей.

— Где я? — голос прозвучал хрипло, испуганно. — Где? — повторила я, не ожидая ответа.

Но он пришел.

— В моих владениях, — произнес Амиро откуда-то из темноты. — Глупая, глупая Лале... Ты так ничему и не научилась. Доверилась врагу из чужого Дома — как наивно!

— Что было в этих ягодах? — сорвалась я на крик.

Невидимый Амиро рассмеялся. Совсем рядом, над плечом.

— Снотворное. Всего лишь сильное снотворное. Ты не умрешь, нет, всего лишь проведешь несколько дней в забытии... Но за это время я успею провести ритуал. Твой мальчик уже почти согласился...

Я резко развернулась, выбрасывая руку, но пальцы ощутили лишь пустоту. Иллюзия?

— При чем здесь Мило?

И снова смех.

— В нем кровь моей семьи, Лале... Я начинаю стареть, но теперь... Можно просто забрать тело мальчишки — и жить долго, как волшебник. Почему, ты думаешь, я сумел

протянуть двести с лишним лет? А, Лале?

— Не знаю! — выкрикнула я в отчаянии. — Отпусти Мило!

— Не могу, — притворно горький вздох в темноте. — Иначе мне придется принести в жертву собственного сына... А это тело почти готово.

— Нет!

— Да, Лале, — издевательски протянул он. — Да. Не суетись. Погуляй здесь еще немного. Твой мальчик тоже спит — но теперь он уже не проснется. Яд в его крови, яд в его сердце... Мальчик хочет кричать — и не может. Мальчик хочет сбежать — но тело сковал лед. Не вздохнуть, не спастись...

Я завизжала — громко, надрывно... и бросилась бежать. Опрометью, не разбирая дороги. Ветви хлестали по лицу, хрустели под ногами кости, а вслед мне неся хохот Амиро:

— Опоздаешь, опоздаешь!

А через мгновенье ноги подкосились, и я рухнула навзничь.

На подушки.

— Как спалось, милая Лале? — улыбнулся Амиро, не подозревая, что только что его образ мучил меня в кошмарах. Жертвы, вечная молодость... Бр-р... Кажется, здесь прошла лишь секунда — во рту еще был кислый вкус вишни. — Лале?

Я не ответила. Просто вскочила на ноги и в один миг оказалась у дверей. Поворот ключа, щелчок...

— Госпожа? — Мило удивленно и немного смущенно приподнялся на локте. Рука осенней леди соскользнула с трехцветного шелка волос и бессильно упала. — Вы не подумайте, это вовсе...

Но мне не хотелось ничего слушать. Я просто метнулась к нему, оттолкнула леди и крепко-крепко обняла мальчишку — руками, ногами, вжимаясь лицом в его грудь так, что у него чуть кости не треснули.

— Не оставляй меня, Мило... никогда не оставляй... пожалуйста, пожалуйста... Мило...

— Лале... — его руки осторожно, а потом все смелее обняли меня за плечи, погладили по спине. — Не бойтесь. Куда я без вас...

Мило осторожно отстранил меня. Я подчинилась, чувствуя себя совершенно потерянной.

— Лале... — выдохнул он... и наклонился к моим губам.

Просто прикосновение. Чуть теплое, соленое... И слишком короткое.

— Простите меня, госпожа... Больше я не позволю нас разлучать...

Мне хотелось сказать Мило, что он ни в чем не виноват, а только я, что он мне нужен, что без него я задохнусь, сойду с ума, погибну... Но вместо этого я тихо шепнула:

— Спасибо.

И, кажется, ему было этого достаточно.

Глава двадцатая, в которой Лале рассказывает Ее величеству неприятную новость и встречает того, кого уж не чаяла увидеть

Все возвращалось на круги своя.

Больше не нужно было вскакивать на рассвете и трястись по пыльной дороге на разбитой телеге, тосковать утром по ароматному чайному напитку и Шалависиным сладостям, затягивать волосы в глупый узел на затылке... О, нет! Нынче я, как в прежние времена, провалилась в постели до самого полудня, шурясь на ласковое солнце за окном. Потом, разве что не мурлыча от удовольствия, потянулась за колокольчиком и затрезвонила, дозываясь Мило. Мальчишка явился сию же секунду, удерживая в одной руке поднос с завтраком, а в другой — стопку одежды и чайник с настоем.

— С пробуждением, госпожа Опал, — церемонно поклонился он, оставив мой наряд на кресле. — Только сегодня и только для вас — восхитительный имбирный чай, горячий деликатесный паштет, поджаренный хлеб и — обратите внимание! — наивоздушнейшие слоеные пирожные с клубникой. Прошу, наслаждайтесь!

Мило присел на кровать, пристраивая поднос на своих коленях, и, словно фокусник, вытащил из рукава белую льняную салфетку. Я заправила ее за воротник ночной рубашки и блаженно зажмурилась. Как хорошо было дома, в чистоте, уюте и цивилизации! Если б не это смутное ощущение фальши...

— В чем дело, госпожа Лале? — весело поинтересовался Мило, глядя, как я вздыхаю, замерев с чашкой в руке. — Или имбирь вам разонравился?

Я опомнилась и поднесла чашку к губам, делая большой глоток. Приятный вкус — свежий, немного терпкий, с кислинкой.

— Ах, нет, Мило, напиток чудесен — твои поварские навыки выше всяких похвал. Просто подумалось вдруг, что впервые за месяц я просыпаюсь в удобной кровати, а не на каком-нибудь столярном недоразумении или, что еще хуже, на перине на полу, как у горцев. И почему-то это кажется мне... скучным?

Мило задорно рассмеялся.

— Госпожа, неужели вы подхватили на дорогах опаснейшую болезнь — тягу к путешествиям?

— Беспечный ветер дальних странствий!

Меня навеки ты сгубил,
Я без руля и без ветрил
Скитаюсь по морям ненастным.

От ненадежных волн соленых
Я устремляю взор к пескам,
И дальше — к пикам острых скал,
Несусь, как будто окрыленный,

И кажется, что в мире целом
Простора может не хватить,

Чтоб смог я жажду утолить
Свободы и скитаний смелых!

— торжественно продекламировала я нараспев и рассмеялась следом за Мило: — Нет, мальчик мой, до подобных крайностей еще далеко... Просто сейчас я чувствую себя легкой-легкой, словно перышко. Так, будто незримые нити, что привязывают меня к дворцу и этому миру, — я обвела спальню рукой, подразумевая роскошь и изысканность обстановки, — вытянулись и истончились. И теперь любой порыв ветра может подхватить меня и унести прочь... А если придет буря — нити и вовсе порвутся, и поминай как звали.

Мило бережно вынул из моих расслабленных рук опустевшую чашку и наполнил ее вновь.

— Но это ведь хорошо, правда, госпожа? Отступит опасность, перестанет грозить королевству Прилив — и отправимся в путешествие. Есть еще столько мест, где мы не бывали! И горы на востоке, и прекрасные леса Дома Охоты, и далекие морские острова...

— Ну, полно, милый, — усмехнулась я. — Размечтался... Сначала с делом разберемся, а на столь далекие времена загадывать еще рано. Мне нужно пока пережить гнев Ее величества, а уж потом...

Мальчишка презабавно выгнул брови дугой:

— А разве прекрасная и великодушная наша королева изволит гневаться?

Я лишь вздохнула. Простой завтрак показался мне вдруг ужасно вкусным, словно он мог оказаться последним в моей жизни.

— Нет, но наверняка Ее величество будет не очень рада вестям, что мы принесем.

— Никто не обрадуется, если узнает, что его обманывают, — покачал головой ученик.

— Возможно обманывают, Мило, — наставительно подняла я палец вверх. — Возможно. Не забывай, что пока это лишь наши домыслы. Все может еще оказаться преглупым совпадением или кознями Дома Осени. Не доверяю я Амиро, что бы он не говорил о моем учителе. Ох, нелегко нам придется...

Я представила себе, что устроит Ее величество гонцам, принесшим дурную весть, и содрогнулась. Ну уж нет, один раз Мило по моей беспечности пострадал, второй раз этого не случится.

— Послушай, дорогой, — я поймала взгляд ученика. — А не хочешь ли ты прогуляться до поместья Опал? Ручаюсь, за месяц нашего отсутствия там скопилось немало дел.

Мило сощурился:

— Поместье иногда пустует годами, оставленное на попечение слуг и управляющего. И если уж мы навещаем его, то непременно вместе. Неужели вы хотите отослать меня из дворца, госпожа?

— А что, если так? — это прозвучало с вызовом, будто я оправдывалась перед собственным учеником. Ох, дожили!

— Я не поеду, — непреклонно заявил Авантюрин, упрямо поджимая губы. — И не надейтесь.

Возражает? Спорит? Да, мальчик вырос за этот месяц. Изменился. И моя уверенность в том, что Мило надо переждать пару деньков в поместье укрепилась. Если он с таким же жаром бросится доказывать что-то Ее величеству... У Тирле с ослушниками разговор короткий: «Отрубить ему голову», и вся недолга.

Но и просто приказать моему мальчику после всего, что мы пережили вместе, после того, как он спас меня от дамы Архив и отыскал в туманной лощине Дома Дорог, я не смогла бы.

— Мило... — я опустила ресницы, словно сомневаясь. — Поверь, мне ужасно не хочется расставаться с тобой. Ты — величайшая драгоценность и единственная отрада моей жизни... Но меня ждут дела расклада, и...

И тут Авантюрин совершил невероятное — мягко обхватил мое лицо ладонями, касаясь большим пальцем губ — и этим нежным прикосновением словно запечатывая их... Ласково запрокинул голову, заставляя смотреть ему в глаза:

— Госпожа... нет — Лале. Я знаю вас почти два десятка лет и научился распознавать вашу ложь даже до того, как она покинет уста. И блеск, который появляется в глазах, и слишком расслабленное лицо... — он говорил тихо, улыбаясь, но мне почему-то становилось не по себе от его внимательного, темного взгляда. О, да, Мило изрядно повзрослел — возможно, даже сильнее, чем я могу себе представить. — Я не буду спорить и уеду, но только пообещайте мне сначала, что не станете совершать необдуманных поступков.

Я хотела шумно возмутиться в ответ на такое глупое и обидное предположение, но вместо этого — от растерянности, что ли? — лишь прошептала:

— Обещаю. Когда ты вернешься, все останется по-прежнему.

Золотые ресницы — теперь я знала, чье это наследие — дрогнули.

— У меня дурное предчувствие... Простите за дерзость, наставница, — улыбнулся он и наклонился вдруг, касаясь губами моего лба. — Я слишком вас... вы слишком дороги мне.

Мои щеки окрасились румянцем от смущения.

— Ну, полно, Мило, — неловко отодвинулась я, насколько позволяла подушка под спиной. — Мы же не навсегда расстаемся. Сегодня вечером навещу тебя в поместье, — я покачала ключом на цепочке. — Хочешь?

— Вы еще спрашиваете! — развеселился он. — В таком случае, я отправлюсь в поместье сразу после того, как накормлю вас завтраком и одену. Тогда как раз успею подготовить все к вашему визиту... Главное, госпожа, не натворите глупостей, пока меня нет.

Я рассмеялась, отряхивая ладони. Крошки от пирожного рассыпались по темно-зеленым простыням. Вот и доставила слугам работы... А то, небось, разленились тут без меня.

— Мило, дожила же я до этих лет, пусть и глупостей наделала немало. И этот день как-нибудь протяну. И вот еще... Начинать собираться уже сейчас — я сама оденусь.

— Вы уверены? — вкрадчиво осведомился он. В глазах моего милого, домашнего мальчика появилось престранное выражение. Ворон и кот, неужели Авантюрин меня... соблазняет? И почему от этого так волнительно?

Ах, Лале, ну и скверная же из тебя наставница вышла...

— Уверена, — улыбнулась я, кокетливо опуская ресницы. Флиртую с собственным учеником! До чего дожила... — Ступай, пока я не рассердилась. Сам же знаешь, что с утра шуты обычно голодны и язвительны.

Мило вскочил на ноги и поклонился с издевательской учтивостью. Ничем не скрепленные волосы рассыпались по плечам рыжей, белой, золотой волной.

— Сейчас уже не утро, госпожа, а полдень. Да и подкрепились вы славно... Неужто я не могу рассчитывать на свою капельку нежности?

Я фыркнула и запустила в него подушкой. Он легко поймал ее, вновь поклонился — и в

одно мгновение скрылся за дверью, лишь подмигнув напоследок. Я же долго еще сидела и улыбалась, вперив взгляд в пространство.

Что со мною творилось? Неужели это проклятое путешествие все-таки свело меня с ума? Почему стоит взглянуть на изгиб его губ — и по спине пробегает дрожь, и щекам становится жарко? Почему вспоминаю тот поцелуй не с гневом, а с сожалением, что он не продлился капельку больше? Отчего я хочу обнять Мило крепко-крепко, защищая от всего мира... и ощущать его защиту?

А вдруг это...

В грудь — отравленной иглой,
В небо — птицей золотой,
Вздохом — ароматом мирта,
Рифмой на устах избитой...
Госпоже не прекословь,
Если имя ей...

...любовь?

Нет, нет, ни за что! Я просто слишком долго была одинокой, словно вмерзшая во льды травинка, и теперь, оттаяв, обнажив свое сердце — тянусь к теплу, не думая о том, что могу причинить этим боль и себе...

...и Мило.

Рано или поздно он устанет от меня. От капризов и надуманных обид, от страхов и сомнений, от моего эгоизма и самолюбования... И захочет уйти. А я не смогу его отпустить. И его жизнь превратится в страдание.

Так было с Лило-из-Грез. С тем, кого я люблю до сих пор. С тем, против кого я единственный раз обратила могущество своей карты, рыдая и до крови кусая губы.

Мне надо бы прогнать Мило, отворотить его от себя сейчас — но, боюсь, слишком глубоко уже вошла в мою кровь привязанность к ученику, потребность видеть его каждодневно и купаться в лучах его взгляда.

Поздно поворачивать назад...

В глазах заципало.

Я встряхнула головой.

— Соберись, Лале, — приказала себе сурово. — Ее величество ждет твоего доклада, а ты тут сырость разводишь. Так ли себя ведут верные подданные? То-то же! Собирайся, дурища, одевайся и иди к ней. А о всяких глупостях подумать и после можно.

Облачение в сложный придворный наряд уже не единожды спасало меня от нехороших мыслей еще в те времена, когда Холо только-только отправился в свое путешествие. Черно-белые полосатые чулки, угольные бриджи, светлые ленты под коленями, молочного цвета блуза и жилет в клетку... Шнурки и замочки, пуговицы и крючочки, бантики и узелки — все это занимало руки и очищало разум. Полторы сотни косичек отняли у меня полтора часа, если посчитать и подвязывание на кончики бубенцов. Но по прошествии этого времени я почувствовала, что полностью успокоилась и теперь готова к непростой беседе с Ее величеством.

Ключ так и остался за воротом — после почти что месяца путешествий мне захотелось

пробежаться по дворцу своими ногами. Заодно и узнаю, где изволит пребывать королева.

Повсюду царила суматоха. В этом году в связи с помолвкой Ларры и Тирле отбытие в летнюю резиденцию задерживалось почти на два месяца. Со дня на день должны были объявить точную дату переезда, и от волнения все придворные поголовно заболели той особой разновидностью волнительного предвкушения, от которой просыпается негасимая жажда деятельности. Люди куда-то спешили, громко смеялись, женщины играли веерами, мужчины снисходительно усмехались — и в то же время нетерпеливо притопывали ногой.

Завидев меня, многие недоуменно хмурились — по слухам, еще пару деньков дворец должен был простоять без шуточек Лале. Однако некоторые неподдельно обрадовались моему возвращению до срока.

— Лале! Вы ли это, дорогая моя, или опять я перепутал с утра пьянящее вино и бодрящий чай? — расхохотались у меня над ухом, и я угодила в крепкие объятия Тарло.

— Нет, глаза вас не обманывают, господин придворный художник, — с широкой улыбкой обняла я его в ответ. — Как ваша работа с маэстро Танше? Так же легко порхает кисть по холсту, как его пальцы по струнам?

Тарло покружил меня в воздухе и мягко поставил на землю. Колокольчики коротко пропели серебряными голосами — как будто радовались вместе со мною.

— Работа продвигается замечательно! У меня уже есть ряд набросков акварелью и углем, которые готовы превратиться в полноценные картины, а друг мой Танше заканчивает уже цикл песен о человеческих чувствах. И я должен благодарить вас, дорогая Лале, за наши успехи! — Тарло светился от избытка чувств.

Во всем его облике чувствовалась удивительная гармония и целостность. Голубые глаза сияли, как небо, губы смеялись, и даже встрепанные волосы были аккуратно стянуты у основания шеи синей лентой. Одежда его, обычно заляпанная краской, выглядела опрятной, хоть и простой, как будто Тарло начал, наконец, уделять внимание не только своей душе и таланту. Из голоса художника почти пропал злой сарказм — его место заняла тонкая ирония.

— Вы так рады не только из-за работы, верно? — улыбнулась я вновь. — Вам по сердцу пришелся этот мальчик, Танше? — Тарло так неподдельно удивился, а потом призадумался, что я поняла — слова мои попали в яблочко. — Знаете, когда я вас увидела вдвоем, то поняла — вам на роду написано стать друзьями. Не противьтесь этому чувству лишь потому, что привыкли в одиночку противостоять всем, Тарло.

Художник одарил меня долгим, вдумчивым взглядом.

— А это путешествие изменило вас, милая Лале. Той мрачной и легкомысленной шутовке, которую я знал, и в голову бы не пришло сказать подобное. Напротив, вы предостерегли бы меня от излишней привязанности к чужеземцу, да еще к мальчишке-менестрелю, который младше меня вдвое. Вы стали... мудрее.

Мудрее? Что ж, порой люди называют такое помешательство мудростью. Ах, как бы мне хотелось следовать собственным советам!

— Возможно, — согласилась я, опуская взгляд. — И даже сейчас моим советам не стоит следовать слепо. Ведь Танше действительно молод, ему может и наскучить дружба с вами, и этот дворец... Однажды он отправится дальше, а вы останетесь здесь — с раскладом, мастерской и интригами. Но это будет потом. Нет никакого проку в том, чтобы отказывать себе в счастье сейчас. Ведь будущее может и не наступить, — философски закончила я, думая о Приливе Приливов.

Если Амиро был прав и Ларра попытается призвать силу моря, то мой добрый друг, художник... погибнет. Как и печальная, но смешливая леди Хрусталь, и осторожная леди Сердолик — Мудрая Дева, и молодой Равелло Хризолит, Хозяин Лошадей, у которого лишь дюжину дней назад супруга родила очаровательных близнецов...

Нет, я не имею права на ошибку. А Ее величество — на личную жизнь. Ведь на нас лежит ответственность за многие и многие судьбы...

— Лале? О чем вы думаете с так горько нахмуренными бровями? — шутливо поинтересовался художник, но в глазах его была тревога.

— Ни о чем, — беззаботно улыбнулась я. — Прошу меня извинить, любезный Тарло — дела. Вдохновенья вам!

— До встречи! — только и успел крикнуть художник, пока я не скрылась за поворотом, звонко цокая каблуками.

У первой же двери я выдернула ключ и открыла проход напрямую в кабинет ее величества. Мне совершенно расхотелось гулять по дворцу — ведь времени на то, чтобы предотвратить прилив, могло и не хватить. А вдруг моя теория была ошибкой, и вновь придется отправляться в путь?

С местом я угадала: Ее величество работала в кабинете, под пристальными взглядами карт с портретов. И она была не одна. С Ларрой.

Скверно.

— Лале? — удивилась королева Тирле, выгнув брови. — Ты уже вернулась? Я ждала тебя не раньше, чем через три дня. Готова к докладу?

А вот это уже совсем никуда не годилось.

— Ой, Ваше величество! — тряхнула я головой, звеня бубенчиками. — Да ну этот доклад к ворону! Так по вас соскучилась — сил нет! — я крутанулась колесом раз, другой и замерла лишь у самого стола, стоя за спиной у Ларры. Он мог обернуться в любую секунду, поэтому в знаках я была краткой, почти грубой:

«Поговорим, секрет, одни, опасность, срочно».

Королева на мгновение нахмурилась, а потом расцвела улыбкой. Сильные, но по-своему изящные пальцы подхватили веер со стола.

— Ах, Лале, Лале, ты все такая же шутница! — рассмеялась она, словно невзначай складывая и раскладывая веер. И только посвященный мог различить в небрежном помахивании изящно изукрашенными костяными пластинками слова:

«Слышу. Помоги».

И едва заметное движение руки:

«Безумие».

Я улыбнулась. Старая добрая игра в дурочку Лале.

— Ну что вы, госпожа моя, какие шутки... — шагнула я вперед и вдруг замерла, словно только сейчас заметила Ларру. — Ой! А это кто? — с детской непосредственностью поинтересовалась я, дергая монарха за синий локон. На выразительном пиратском лице Его величества отразилось искреннее недоумение. — Госпожа, я его не знаю! А вдруг он плохой! Зачем вы его сюда привели?

— Лале... — королева будто бы беспомощно закрыла веер. — Снова?... Ох, и не вовремя же... Лале, сбегай к дверям и обратно.

— Вы меня прогоняете? — скуксилась я и вдруг рассмеялась жутковатым смехом. — Вы меня не любите? — ударилась опять в слезы.

— Очень люблю, — в повадках Ее величества появилась осторожность, как при обращении с ядовитым пауком. — Ты моя девочка, хорошая... Сбегай, Лале. Ну же!

— Ладно, — слезы у меня высохли так же быстро, как и появились. — Не уходите, госпожа! — хихикнула я и вприпрыжку понеслась к двери, не забывая что-то бормотать себе под нос.

Когда я отошла на достаточное расстояние, королева быстро наклонилась к озадаченному Ларре и зашептала. Мне было слышно лишь отдельные куски фраз:

«...Безумный шут порою впадает в безумие, и опасно...»

«...умоляю, друг мой, оставьте нас ради собственного блага...»

«...лишь Леди Теней может...»

— Все! — воскликнула я, с разбегу упираясь руками в стол так, что он чуть не сдвинулся с места — и это огромная машина, вырезанная из цельного куска черного дерева! — Госпожа, а кто он? — уже с подозрением уставилась я на Ларру. В жилах вскипела сила Шута, добавляя игре достоверности. Совсем немного — ведь для того, чтобы наслать безумие, надо сойти с ума самой. Кому такое может понравиться?

— Э-э... я просто проходил мимо, — Ларра очаровательно улыбнулся и поспешил убраться подальше от потерявшей рассудок карты. — Я не стою вашего внимания, леди, — в одно мгновение он оказался у дверей. — Удачи, — шепнули его губы. Взгляд, обращенный к Тирле, был полон искренней тревоги.

Ох, и этот едва вышедший из поры юности мужчина с порывистыми манерами островитянина — злодей? Все меньше мне верилось в подобную чушь... Но осторожность и веками закрепленная привычка подозревать каждого чужака взяли свое. Скользнув к дверям, я запечатала их ключом, и лишь потом вернулась к столу, отвешивая королеве почтительный поклон:

— Прошу прощения за неподобающее поведение, Ваше величество.

— Надеюсь, что у тебя найдутся достаточно веские причины, Лале, — Тирле сурово поджала губы, но интонации у нее были не ворчливые, а встревоженные. — Что ты узнала о приливе? В наших хрониках, увы, ни слова больше... Только описания ритуала «стена жизней», а мне вовсе не хочется воплощать его. И почему ты вдруг перестала доверять моим союзникам? Чем не угодил тебе Ларра?

Когда Ее величество произносила имя жениха, ее голос дрогнул — самую чуточку, и глаза на миг озарились светом... Этого хватило, чтобы понять: Тирле Обманчивый Сон, Леди Теней, госпожа с сердцем из льда и алмазов... полюбила.

А я-то уж было подумала, что хуже быть не может.

— Выслушайте меня, о справедливая королева... — вздохнула я. — А после уже судите о том, серьезны ли мои причины.

Рассказ затянулся. Не раз и не два на лицо Ее величества набегала тень. Особенно мне досталось за то, что я без спросу заглянула во владения Дома Осени. Правда, свитки, что мне передал Амиро, немного смягчили королевский гнев.

— Знаешь ли ты, о чем рассказывается здесь, Лале? — спросила меня Тирле. Глаза ее потемнели от тяжелых раздумий.

— Знаю, госпожа, — ответила я, скромно опуская взгляд. — Это история Приливов. Амиро Ласковая Осень был столь любезен, что предоставил нам копии документов из личной его библиотеки. Переписывала я собственной рукой, за достоверность сведений могу поручиться. Они совпадают с тем, что сообщила нам с Мило дама Архив в маяке на Лунной

косе.

— Вот, значит, как... — в голосе королевы появились нехорошие интонации. Так Ее величество обычно говорила с леди Татиасой, когда подозревала госпожу казначея в прикарманивании солидной суммы. — И отчего Амиро был столь любезен с тобой, дорогая Лале?

Я замешкалась. Государственная необходимость — это, конечно, важно, но и память наставника мне тревожить не хотелось. А ложь Тирле бы различила сразу — не такое у меня сейчас было настроение, чтобы лгать своей королеве.

— Ну же, милая. Я задала вопрос.

— Полагаю... — горло у меня пересохло. Ох, да не вылезет же Холо из-под стола, в самом деле! — Полагаю потому, что моего наставника и отца, лорда Опала, связывали с юным Амиро отношения особого рода...

— Какие же? — выгнула брови королева. На бледных скулах сквозь пудру проступил румянец.

— Как сказать... Не подумайте дурного... — замямлила я, будто каши в рот набрала. — Думаю, когда-то Холо был наставником у Амиро и даже хотел научить его... передать ему ключ, но после посчитал, что я буду лучшей Хранительницей.

Ее величество растерянно хлопнула веером... и вдруг рассмеялась:

— О, Лале, и отчудишь ты иногда что-нибудь этакое — я не знаю, плакать мне или хохотать. Не знаю, что связывало Амиро и лорда Опала, — продолжила она через мгновение уже совершенно серьезно, — но эти отношения нам только на руку. Сведения, что содержат твои свитки — бесценны. Либо их предоставление — коварный ход, который должен ослабить нашу бдительность, что маловероятно... Либо это предложение мира, ибо такие подарки просто так не делаются.

— Позвольте не согласиться с вами, госпожа, — покачала я головой. — Есть и еще одна причина. Амиро поступил так потому, что на сей раз Прилив ударит и по его Дому. А вы можете предотвратить катастрофу...

— ... расправившись с тем, кто властвует над Приливом Приликов, — завершила фразу королева. — Кто же это, по-твоему? На побережье нет ни одного полного расклада. Да и титул, — она взмахнула свитком, — мог поменяться за века. Раньше владыкой Дома был Лорд Самоцветов, а сейчас — Лорд Теней... Или Леди. Отчего же Амиро так уверен, что именно я сумею разобраться с тем, кто властвует над морем?

Я хотела сказать: «Потому что предатель рядом с вами, госпожа». Но не сумела.

— Вы правы, — вместо этого тихо произнесла я. — Ни у кого из морских владык нет полного расклада. Но один из них, недавно получивший власть, побывавший в Доме Осени, после чего оттуда исчезли важные свитки, может вот-вот заполучить один из самых сильных раскладов... Если не считать осенний...

Лицо королевы заледенело.

— Ларра, — произнесла она так, что я сразу поняла: верит. Никакая любовь не может заставить разум Леди Теней утратить остроту и гибкость. Но отчего-то на одно мгновение в потоке восхищения моей королевой промелькнула... жалость?

— Полагаю, что Ларра может знать о Приливе больше, чем говорит, — ответила я, пряча глаза. — И у меня есть мысль, как можно это проверить. Скажите, госпожа... Первые в раскладе устойчивы к «эликсиру откровения»?

— Нет, Лале... А ты знаешь, где можно достать такую редкость? — Тирле сощурилась и

щелкнула веером. — Это ведь очень дорогое западное снадобье... Мало кто способен отличить его вкус от вкуса старого вишневого вина. Да, редкая вещь... В Доме Камней и Снов ее не достать. Опять кинешься к Амиро?

— Нет, Ваше величество, — под пристальным, немигающим взглядом королевы мне захотелось съезжиться. — У другого человека. Мы знакомы недолго, но, полагаю, он не откажет мне.

Тирле отложила веер.

— Хорошие у тебя знакомые, Лале, — равнодушно заметила она. — Я не буду спрашивать, кто они, потому что чувствую — ответ мне не понравится. Когда же ты думаешь опоить этим снадобьем Ларру? Сделать это надо при свидетелях.

— Я уже думала об этом, о моя королева... позвольте продолжить?

— Да, Лале, конечно.

И я принялась объяснять.

— Ларра ведь знает, зачем я отправлялась в путешествие?

— Знает. Он сам, к слову, и подал мне мысль отправить тебя к маяку на Лунной косе...

Я с трудом совладала с дрожью — дама Архив была, пожалуй, единственной, кто мог оборвать мое существование. Ведь я готовилась пожертвовать всем, лишь бы с Мило ничего не случилось... В том числе и разделить с ним бессмертие.

Мило бы сумел воспользоваться ключом. В крови моего мальчика течет свобода — таким же был и Холо. Такой была и я... когда-то.

— Значит, устроим представление. Доклад о моем путешествии. Присутствовать будут все — и расклад, и совет. Я напою Ларру эликсиром — скажем, заменю бутылку с вином на столе, оставив предупреждение для карт из расклада. А потом начну рассказывать о Приливе. Если Ларра глотнет вина из кубка сам — хорошо, если нет... Тогда вы, моя королева, прикажете выпить, например, в память павших в прошлый Прилив. Когда эликсир начнет действовать, я просто спрошу громко: кто может и желает призвать Прилив приливов?

— И Ларра в порыве откровения сознается в присутствии всего расклада, верно? — задумчиво склонила голову королева. — Интересный план. Хорош тем, что если Ларра непричастен, то никакого ущерба нашим отношениям эта комедия не нанесет. А уж если ты права в своих подозрениях, и мой жених и союзник замыслил предательство... Тогда можно будет и расспросить его подробнее.

— А в случае, если он попытается сбежать, используя силу Лорда, вы, моя госпожа, сумеете ему помешать, и расклад вам поможет, — подхватила я. — Итак, каково же ваше решение?

Глаза Ее величества сверкнули холодным блеском:

— Совету — быть. И горе предателю!

— Горе, — эхом откликнулась я.

Кабинет Тирле я покинула лишь ближе к вечеру, после того, как мы обсудили мельчайшие подробности моего плана. Как рассадить совет и расклад, чтобы в случае сопротивления Ларры не пострадали люди, что мне стоит, а что ни в коем случае не следует упоминать в докладе... Обговорили даже форму вопроса, чтобы он звучал риторическим и требовательным одновременно. К концу обстоятельной беседы я еле могла усидеть на месте. До безумия хотелось увидеть Мило, но наверняка он прибудет в поместье не раньше заката, а до тех пор мне нужно будет навестить еще и Кирима, дабы попросить у него «эликсир

откровения».

Лорд Багряного Листопада... Вот кто и пугал меня, и будоражил воображение.

Я нестерпимо желала узнать его лучше, чувствуя в нем то же одиночество и горькую мудрость, какими была наполнена и моя жизнь. Но в то же время сердце сжималось от ужаса, стоило на мгновение вообразить, что это Кирим-Шайю повинен в моих бедах. О попытку убить Мило я бы ему не простила! Гораздо приятней было думать, что это Ларра пытался устранить из расклада неуютную карту всеми способами, а алые бабочки — лишь дурацкое совпадение.

Странное чувство я испытывала к Кириму... Как царица из старинной баллады Суэло Аметиста, я начинала гореть рядом с ним.

Очарованная смертью, околдованная
Тьмой и страстью опьяненная,
Пред тобой стою, смятенная,
Шаг — и стану опаленная.

В холод одиночества закованная,
Я к тебе, как огненному мороку,
Льну отчаянно, пускай и кличу ворогом,
Гибельно внимание и дорого...

Если Мило был моим солнцем, то Кирим-Шайю — пьяной, жаркой, летней ночью. Искусственный насквозь, он привлекал, как привлекает изъян в совершенстве. Вроде и неловко, да глаз не отвести.

В покои Кирима заходить сразу я побоялась, памятуя о том, чем чуть не закончился в прошлый раз мой визит. Сперва постучалась робко... потом громче... Спустя четверть малого оборота готова была уже уйти, но тут дверь бесшумно растворилась, и на пороге появился лорд Багряного Листопада — яркий и притягательный в алом западном наряде, как ядовитая змея.

— Доброй ночи, Лале, — склонил он голову на бок. Выражение его лица было чуть насмешливым, пурпурные губы изгибались в намеке на улыбку. — У вас такой взгляд, как будто вы хотите о чем-то меня попросить.

Я не стала отпираться.

— Помните, вы как-то пытались напоить меня и Мило «эликсиром откровения»? У вас осталось еще это снадобье? Я готова заплатить полную цену...

Кирим вдруг моргнул — совершенно по-человечески, по-простому — и рассмеялся. В противовес низкому, глубокому голосу этот смех был высоким, словно у женщины.

— О, Лале, Лале... Я готов подарить вам эликсир, если вы расскажете, где пропадали почти целый месяц. Признаться, я не думал, что так привяжусь к вашему обществу... — добавил он с сомнением.

Меня словно жаром обдало от его слов.

— Обещаю, — вырвалось само собой. — Но не сегодня, — поспешила я исправить. — Сейчас мне придется отлучиться из дворца на остаток вечера, но после...

— Тогда после зайдете и за эликсиром, — ровно произнес Кирим-Шайю. Его

выбеленное лицо не тронул ни малейший след эмоций, но я чувствовала, что он немного обижен.

— Простите... — выдохнула я, отступая на шаг. — Завтра — обязательно. Клянусь. Но сегодня... Я обещала Мило, что...

— Вашему ученику? — с доброжелательным любопытством поинтересовался Кирим. На мгновение мне померещилось, что глаза его полыхнули — один желтым светом, другой — синим. — Он путешествовал с вами? Что ж, передавайте ему приветствия от меня. А сейчас, если вы не намерены задержаться, идите. Боюсь, я буду немного занят этим вечером.

Незнакомец улыбался, но в этой улыбке не было ничего хорошего. Темнота за его спиной казалась живой, будто там, в комнате, мельтешили тысячи ночных мотыльков. Не в силах вынести жути, которую источала окутанная алым шелком фигура и темный проем двери, я поклонилась, едва соблюдая этикет, и бегом кинулась по коридору. Забежала в первую же дверь, не особенно заботясь о том, видят меня или нет, прошмыгнула в свою спальню и забилась под одеяло.

В темноте и тишине, пахнувшей свежевыглаженным бельем и мятой, мне стало полегче. Я свернулась в клубочек, стараясь выбросить все мысли из головы, но потусторонний ужас, что овладел мною, не спешил уходить окончательно. «Ах, почему я отослала Мило! — билось раненой птицей в голове. — Почему я сейчас одна!»

Постепенно меня сморил сон, наполненный глухим звоном. В него вплеталась песня, бессмысленная и страшная.

Нет ничего в груди...

Лишь дин-дон — звонит костяной колокольчик...

Все дин и дон — звонит костяной колокольчик...

И дин, и дон — звонит костяной колокольчик...

Сердце мое разбито!

Нет ничего в груди...

Чем больше я старалась выплыть из этого кошмара, тем сильнее он утягивал меня за собою. Сердце разбито, я одна, одна...

Нет ничего в груди...

Лишь дин-дон — звонит костяной колокольчик...

Все дин и дон — звонит костяной колокольчик...

И дин, и дон — звонит костяной колокольчик...

Сердце мое разбито!

Нет ничего в груди...

— Мило! — воскликнула я и проснулась.

За окном было совершенно темно. Горели свечи, распространяя тяжелый запах плавящегося воска. На кровати, совсем близко — только руку протяни, сидел высокий мужчина с породистым лицом потомственного аристократа. Волосы его были заплетены в длинную косу, перевитую желтой лентой.

— Бедная девочка... — произнес Холо до боли знакомым голосом и положил на мой разгоряченный лоб ладонь. Она была холодной, сухой и жесткой, с мозолями на пальцах от гитарных струн. — Ты совсем запуталась... Бедная моя дочь...

— Холо, — прошептала я и села, переплетая свои пальцы с его. — Наставник... Я так тосковала, когда ты ушел... Почему? Почему ты это сделал?

Он улыбнулся тепло и ласково, как я всегда любила.

— Я не мог оставаться здесь. Мне было душно. Скоро и ты почувствуешь это, моя бесценная Лале. Скоро и ты уйдешь. Этот мир устал от тебя, а ты устала от него. Еще немного — и он вытолкнет тебя на Бесконечный путь, и никто не сумеет этому помешать. Тот мальчик, Мило, — его голос стал ровным и тихим, как будто я была больна. — Ты любишь его?

— Не знаю... Наверное, да...

— Ты оставишь его, Лале, — спокойно произнес Холо. — Ты оставишь его, как я оставил тебя.

В сердце что-то оборвалось.

— Нет! — крикнула я. — Ни за что!

Я оттолкнула его руку и рванулась к двери так, словно от этого зависела моя жизнь. Все мое существо превратилось в один сплошной комок навязчивых желаний: увидеть Мило, прикоснуться к Мило, обнимать его, говорить с ним...

Мило был совсем близко — за первой же дверью.

И так далеко...

А в ушах все звучали слова Холо:

— Ты оставишь его. Бедная, бедная девочка...

Глава двадцать первая, в которой Лале вспоминает о прошлом

К чести Мило, он даже не удивился, когда я, взъерошенная и заплаканная, ворвалась в его спальню и с размаху прыгнула на кровать.

— Лале? — только и улыбнулся он сонно, приподнимаясь на локтях. — Я уже и не надеялся вас дождаться.

Дыхание перехватило от нежности. Из легких вырвался всхлип, протяжный, как стон.

— Мило...

Я резко выдохнула, пряча лицо на таком знакомом и уютном плече. Тягучая боль, от которой сердце сжималось в трепещущий комок, начала мало-помалу отступать.

Мило пах терпкой корицей, молоком и спокойствием.

Когда это началось? С какого мгновения начала отсчет новая эпоха, в которой он из мальчика, ученика, подопечного превратился в мужчину, защитника?

Где были мои глаза, когда я почти двадцать лет смотрела на него — и видела лишь бывшего воришку, еще вчера спасенного мною из вороньей клетки?

— Вы плакали, госпожа? — Авантюрин ласково провел по моим волосам. — Почему?

Я вздрогнула.

— Холо приходил.

Даже для меня в этой короткой фразе боли и сладкой тоски было многовато.

— Ваш наставник? — осторожно спросил Мило. — Вы... поговорили?

«Ты оставишь его. Бедная, бедная девочка...»

Мои пальцы впились в спину мальчишке с такой силой, что не будь на нем рубашки, то наверняка ногти расцарапали бы медовую кожу до крови. Я думала, что Авантюрин отшатнется, зашипит — но он лишь вздрогнул... и обнял меня еще крепче. Почти до боли.

И это дало мне силу прошептать побелевшими губами:

— О, да, поговорили... Но на сей раз я предпочла бы, чтобы он промолчал.

Мило ответил не сразу. Но когда он заговорил, его слова были наполнены тягучей, холодной яростью — той, что почти целиком идет от рассудка, и совсем немного — от чувств.

— Знаете, а я бы с удовольствием поколотил его, вашего наставника. Хорошенько так, до черных синяков.

От неожиданности я даже перестала трястись, словно в лихорадке.

— За что?

Сухие, холодные пальцы коснулись моих век, снимая соленую росу.

— За то, что играл с вашей жизнью. За то, что бросил вас, наигравшись. За то, что свел вас с ума...

Мои губы тронула улыбка. Да, когда-то я бы тоже все отдала, чтобы начистить своему наставнику его тоскливую физиономию, но теперь... Мне многое пришлось пережить, и в полотно судьбы темных нитей было гораздо больше, чем цветных, но эти короткие мгновения счастья стоили и помешательства, и целого моря пролитых слез.

Если бы Холо взял меня с собою, я никогда не услышала бы чудесных песен Суэло Аметиста, этого воплощения всех пороков с невинным и соблазнительным взглядом. Не увидела бы картин Тарло, что в одно мгновение переворачивают мир. Не впустила бы в свою

душу Безумного шута, не спасла бы глупую девочку Шалавису... и не встретила бы своего единственного, такого любимого ученика.

— Госпожа... А вы испытываете чувства к Холо... лишь как к наставнику?

Ревность в голосе Мило звучала просто чудесно.

— Как сказать, дорогой мой...

— Скажите прямо, — я услышала, как он скрипнул зубами. И рассмеялась — нервно, почти истерически.

Рыжая кошка с хитрым взглядом, что живет в каждой женщине, требовала запустить коготки поглубже в сердце мальчишке — как любим мы мучить других, когда сами страдаем от боли! Но слишком велика была благодарность к Мило, чтобы вот так издеваться над ним.

— Нет, мой светлый. Холо — отец, наставник и друг... А любила я другого. Лило... Встреча с ним была подобна встрече с пламенем на заледеневшей равнине.

Я замолчала, давая Мило возможность заполнить тишину словами. Внутри рождалось странное чувство. Казалось, еще немного — и воспоминания выплеснутся из меня, как закипевший металл.

— Тебе, наверное, интересно, каким он был — Лило-из-Грёз? Тот, кого я любила больше жизни?

И снова ответом мне было молчание, пронизанное таким напряженным вниманием, что держать слова в себе стало невозможно.

— Что же, я расскажу. Слушай.

Ночь. Одиночество. Гулкая стынь.
В воздухе — пепел, туман и полынь.
Синюю бездну — шелковый лед,
Росчерком острым звезда рассекает.

Взгляд — очарован. Вздох... Или крик?
Как неуклюж человеческий язык!
Как описать ослепительный миг —
Тлеет звезда на ладонях моих?

Окоченевшего сердца надлом,
Словно росток, оживает в чужом
Ярком, волшебном, уютном тепле.
Снова — огонь на остывшей золе.

Это мгновение — счастья глоток.
Дальше — лишь жажда и горький урок:
Вспышка угаснет — станет горчей
Синяя бездна полынных ночей.

Я застываю... сердце в груди
Бьется, твердит мне: надейся и жди.
Если когда-то сломан был лед —
Солнце дорогу к небу найдет.

Я повстречала его на третий день пребывания во дворце. Помню, что возвращалась тогда, словно мертвая, в свою комнату — все еще пустую, неудобную, будто бы и нежилую. В горле стоял противный комок. Представление раскладу и принятие карты — не самая приятная процедура. Тебя словно выворачивает наизнанку, раздирает на части... а в душе поселяется кто-то чужой, толкающий на странные поступки. И до того мой разум нельзя было назвать ясным, а теперь я совсем потерялась в тоскливом, рвущем душу желании ощутить рядом простое человеческое тепло.

Когда из дворца пришло письмо, в котором меня жаловали титулом шута, когда во время личного разговора вдовствующая королева Ширле Сон-без-Сноведений сообщила, что я удостоилась чести стать картой... О, на мгновение в сердце зародилась надежда, что все изменится. «Уж теперь-то рядом со мною будут люди, которые смогут понять и принять Хранительницу», — тешила я себя наивными рассуждениями. Лишь позже пришло понимание, что ничего не изменилось. Карты слишком увлечены собою и делами расклада, чтобы тратить время на такие глупости, как дружба или любовь. Только немногие находят свое счастье — в супружестве или в приятельских отношениях.

Впрочем, это неважно.

Итак, шел третий день моего пребывания во дворце. Я, мертвая, вымерзшая изнутри, плелась по бесконечному коридору, улыбаясь безумно и бездумно. Двери передо мною открывались куда угодно, но не в покои королевского шута, которые должны были стать моим домом. Люди, чью спокойную, размеренную, лживую жизнь я нарушала своим внезапным вторжением, сначала пугались, а потом — как будто сговорившись — надевали маску холодного высокомерия.

И каждый пустой взгляд был еще одной иглой в моем измученном сердце.

Сколько времени я бродила, как печальный дух? Не знаю. Тогда мне казалось, что прошла целая вечность... Когда ноги стали подламываться от усталости, я опустилась на пол. Лицо все также искажала безумная, болезненная улыбка — словно маска. Холод тянулся от мраморных плит, проникал в кровь и кости, и дальше, глубже — в самую душу.

А потом я вдруг почувствовала легкое прикосновение теплых пальцев к волосам — и запрокинула голову.

Рядом был он — эфемерный, как образ предутренних снов. Настоящий, живой и сияющий, как рассвет. С первого взгляда мальчишка — мой ровесник. Лет четырнадцать-пятнадцать, не больше... Глаза — как прозрачная голубая вода. Волосы — невесомый белый пух, тончайший шелк, словно у ребенка.

«Можешь плакать, — сказала видение. — В этом нет ничего стыдного».

«Не могу, — честно ответила я, силясь согнать с уст фальшивую улыбку. Она словно оскорбляла его светлый образ. — Холо говорил, что горе питают слезы».

«Холо ошибался, — тихо, но уверенно произнес мальчик. И отчего-то я сразу и безоговорочно поверила ему. Как будто вдруг появился новый закон. — Как твое имя?»

Ладонь в моих волосах шевельнулась, чуть оттягивая корни. Немного больно — и ласково до одури. Я почувствовала себя пригревшимся на солнце рыжим котенком.

«Лале. Так меня зовут».

«Ты — леди Опал, верно? — улыбнулся мальчишка. Ледяное «леди» он умудрился произнести тепло и очень-очень лично, словно тайное прозвище. — А я — Лило. Лило-из-

Грѣз».

И тут-то я вспомнила, где уже видела это одухотворенное лицо — на большом семейном портрете, рядом с Ее величеством Ширле и покойным королем Энвьяло.

«Ваше высочество...» — ошарашенно пробормотала я, широко распахивая глаза.

А Лило, не поверишь, вдруг взял — и подмигнул мне.

«Зови меня «мой принц». Это так здорово звучит», — рассмеялся он.

А затем наклонился и легко коснулся губами моего лба.

«Мы теперь не одни, Лале», — шепнул Лило.

И столько было теплоты и нежности в простом действии, что я не выдержала, отпустила себя — расплакалась горько, наконец-то расставаясь с мучившим меня образом Холо.

Только потом, спустя долгие годы я поняла, какая это редкость — смеющийся, улыбающийся принц Лило. Придворные почти не видели наследника таким. Гораздо чаще его небесно-ясный взор затмевали облака печали, а уголки мягких губ опускались вниз. Но рядом со мною Лило всегда старался быть веселым и беспечным, насколько это под силу преемнику престола и сироте наполовину. Он стал моим лучшим другом. Дни что у меня, что у него, занимали дела государственные, но вечера принадлежали только нам. Мы говорили часами — обо всем на свете, или гуляли в саду, или просто смотрели на город с самой высокой дворцовой башни, гадая — какой огонек-окно погаснет первым?

И каждое мгновение с Лило я ощущала его внимание, тепло и участие. Пожалуй, именно в те вечера и зародилась моя любовь — отчаянная и пугливая, как свечной огонек на ветру. Я рано осознала это и с самого начала предчувствовала в своем маленьком счастье привкус грядущих слез. Наверное, поэтому довольно долго скрывала ее, словно драгоценность. И считала свои чувства безответными пока в день, когда Лило исполнилось девятнадцать, не случился странный разговор, который до сих пор бережно хранит моя память.

Мы устроили себе маленький праздник на площадке на крыше башни. Вообще-то находиться там опасно — перила низкие, ветер посильнее дунет — и полетишь вниз... Мне к тому времени уже случалось падать с большой высоты. Ничего приятного — сломанные кости у хранителей болят так же, как и у обычных людей. Но если я бы отделалась парой весьма наполненных впечатлениями часов, то для Лило такой полет стал бы первым и последним в жизни. Поэтому у края мы никогда не стояли — только сидели на камнях, держась за руки, и глядели на город за рекой.

В тот раз мы задержались почти до рассвета. Назавтра назначили пышный бал в честь дня рождения наследника. Мало кто в Доме знал, что Лило появился на свет раньше, чем об этом объявили на площадях. Роды у Ширле были тяжелыми, младенец оказался слишком слабым и болезненным. Король боялся, что сын его не выживет... забавно, если подумать — ведь Лило прожил втрое дольше, чем его отец, дотянув почти до седьмого десятка...

Впрочем, и это не имеет никакого значения.

Светало. Пора уже было расходиться. Мне — в свои покои, Лило — в королевскую часть дворца. Мы поднялись на ноги одновременно — хороший знак, сказали бы люди крестьянского сословия.

Лило вдруг расхохотался — немного пьяно, но больше от свежего воздуха и бессонной ночи, чем от разделенной на двоих бутылки дорогого западного вина.

«Смотри-ка, — сказал он. Глаза его сияли, словно драгоценные топазы. — Мне уже девятнадцать, а я все еще одного роста с тобою. Не подобает будущему королю».

«Говорят, что не по росту судят правителей, а по делам, — улыбнулась я. — Мой принц...»

Его взгляд остановился на моем лице и стал задумчивым.

«А ведь и правда... И к тому же... так гораздо удобней...»

В этот момент налетел порыв ветра. Мы рванулись навстречу друг другу, цепляясь за плечи, сталкиваясь носами, хихикая... Кто кого удерживал — не скажу даже сейчас.

«Удобнее — что?» — хотела я выкрикнуть, но получился только сбивчивый шепот.

Лило коротко рассмеялся — прямо мне в губы.

«Как что, милая Лале? Разумеется, целоваться...»

Его рука соскользнула с моего плеча вниз, по спине, глаза потемнели, как небо перед грозой. Он опустил ресницы, прерывисто вдохнул... и прильнул к моим губам властным поцелуем.

Лило был принцем — но только тогда мне стало ясно, что это значит. Я, неуступчивая и неуживчивая, холодная, словно стальная полоса, вдруг расплавилась в его руках податливым воском, ослабела... Эта чудесная уязвимость перед его уверенностью в собственном праве и чувстве кружила голову сильнее всего.

«Я люблю тебя, Лале», — произнес Лило, едва мы отстранились друг от друга, чтобы перевести дыхание.

Еще один порыв ветра — почти ураганный на такой высоте — качнул нас к краю.

«Сорвемся... — прошептала я хрипло, отступая назад. — Упадем...»

Лило улыбнулся:

«Я не против немножечко упасть...» — и сделал мне подножку.

Конечно, свалились мы вдвоем... и не вниз, на каменные дорожки в саду, а всего лишь на ту самую площадку, на которой стояли. Хохоча, целовались до одури, перекатывались, цеплялись дрожащими, горячими пальцами в спины...

Через дюжину дней уже весь двор знал, что у наследника появилась фаворитка. И впервые за долгое время — почти десяток лет — слухи о моем бессмертии и ключе, что открывает любую дверь, поблекли. Что ж, постель государя интереснее для добрых подданных, чем всякая мистика.

— Госпожа... Вы были счастливы с ним?

— О, да... Скажу больше — только тогда я поняла настоящий смысл этого слова. Считается, что о горе можно говорить бесконечно, а о счастье — не более одного оборота... Но я о тех десяти годах готова вспоминать часами.

— Всего лишь десяти? — едва заметная ирония пробилась сквозь сочувствие.

— Увы. Потому что в день двадцатидевятилетия... уже не наследника, а короля Лило-из-Грёз, интересы государства потребовали династического брака.

Итак, ее звали Миирле Черный Жемчуг. И я ненавидела ее всей душой.

Мать королевской невесты имела родственные связи с богатейшими семьями на побережье. Отец — огромное влияние на севере нашего государства. Договор о свадьбе был заключен еще до рождения Лило. Земли Черножемчужных присоединились к владениям Дома Камней и Снов в обмен на то, чтобы две семьи связали узы родства. Ребенок от этого брака должен был стать наследником и со временем взойти на трон.

Как в самых скверных историях, я узнала о свадьбе последней, от дворцовых

сплетников.

Первым делом ворвалась к нему в кабинет и устроила чудовищный, отвратительный скандал — в первый и последний раз в жизни.

Лило не стал смущаться и оправдываться — нет, не таков он был. В ответ на упреки и слезы король просто поцеловал меня — мягко и властно, как и всегда, и тихо произнес:

«Я должен, Лале».

«Ты любишь ее?» — слетел с языка сакраментальный вопрос всех брошенных женщин.

Мужчина покачал головой.

«Нет, милая. Скажу больше — она мне противна. Да посуди сама, как я могу быть счастлив с леди, которая выше меня почти на голову? — рассмеялся он и потрепал меня по волосам. Звякнули уныло колокольчики. — Но мне придется научиться любить ее — ради нашего ребенка и наследника престола. Ты понимаешь меня, Лале?»

«Да», — хрипло ответила я, стараясь опять не сорваться на крик. Или слезы.

О, нет, лучше пусть будет крик.

«Понимаю, — это слово далось мне невероятно тяжело. — Мы должны расстаться. Но можем мы хотя бы остаться друзьями?»

«Нет, — отвел он глаза — единственный раз за все время прячась за ресницами. — Прости. Так надо».

— Госпожа... Может, не стоит рассказывать дальше? — на этот раз сочувствие и тревога в голосе Мило были искренними до боли.

— Стоит, Мило. Я хочу, чтобы тебе стало ясно совершенно все.

Я ответила ему, что все понимаю — но на самом деле не понимала ничего. Не желала понимать! Сердце болело и обливало кровью, но умница Лале вела себя безупречно. И как вассал государя, и как Безумный Шут.

Мои выходы следующих трех десятков лет окончательно разрушили репутацию леди Опал, как Хранительницы ключа. Нет, отныне меня вспоминали, как насмешливую шутовку — и не больше. А все волшебство, безумие приписывали лишь карте.

Я хохотала в голос, разбивала судьбы острым словом, носилась со своими куплетами по дворцу, издевалась даже над дипломатами... Подданные терялись в догадках: что мог найти Его величество в такой фаворитке? А может, он сам безумен?

Те немногие, что осмеливались задавать этот вопрос вслух, заканчивали свои дни очень печально. Я не чуралась ни подлости, ни жестокости, защищая доброе имя того, кто сначала вознес меня к небесам, а потом втоптал в грязь.

Я любила его. Я все еще любила его.

Лило прекрасно понимал, что со мной происходит. Но не делал ничего, что могло бы облегчить мои страдания. Теперь-то я понимаю, что он просто боялся сорваться сам. Отношения с гордой, по-южному темпераментной Миирле не заладились, а несносная и любимая Лале была так близко...

Медленно вырослел Соло Янтарный, единственная отрада для мятущейся души государя. От отца он взял голубые глаза и самоуверенность, что балансировала на грани с самовлюбленностью, от матери — страсть к шумным шуткам. Соло был щедр и добр — в противовес довольно жестокому Лило. В народе юного принца любили гораздо больше, чем даже короля.

Это совершенно естественно — ведь гораздо легче питать привязанность к тому, кто не может послать тебя на плаху.

Лило гордился сыном — и баловал его до умопомрачения. К счастью, характер у мальчика был слишком твердый для того, чтобы бездумное исполнение капризов погубило будущего владыку.

Я же испытывала к Соло странные чувства. Дитя ненавистной Миирле — но и сын моего возлюбленного Лило. Так похожий на него в детстве, но с возрастом все больше напоминавший мать...

«Добрый принц», — говорила я, кланяясь.

«Не мой принц», — добавляла про себя.

А годы бежали неумолимо...

Бесстрастное время прибрало к рукам Миирле Черный Жемчуг. Странно — на церемонии погребения я вдруг осознала, что не могу воскресить в своей памяти ни единой черты, ни даже жеста женщины, отобравшей у меня счастье. Лишь размытый надменный образ со сверкающими темными очами — и больше ничего. И сейчас, размышляя о ней, я ощущаю Миирле только именем на языке да гладкостью прохладной жемчужины на цепочке, что висела у Лило на шее.

Возможно, в глубине души я надеялась, что после смерти соперницы возлюбленный вернется ко мне... И тем тяжелее был удар, который настиг меня на двенадцатый день траура по почившей королеве.

Лило отрекался от престола и покидал дворец, отправляясь в дальнее поместье.

Когда он произносил эти слова, я не верила в них. И через три дня, и через семь, когда короновали Соло, и через месяц... Номинально главой расклада стал Янтарный государь, но для меня Лордом Теней оставался Лило. Я чувствовала его через расстояние. Не знаю, заслуга в этом волшебства карт или наших особенных отношений...

Не важно.

Но однажды утром я проснулась и осознала — Лило нет во дворце. Он очень-очень далеко. А потом в памяти всплыли слова:

«Я устал, Лале. Я никого не хочу видеть. Все, что мне нужно — это покой».

«А меня? Меня тоже... не желаешь видеть?»

«Нет. Прости».

Еще четыре года я наблюдала за ним тайком — пробиралась с ключом по ночам в спальню, часами глядела на своего повелителя. На поседевшие, ставшие жесткими волосы, на утончившиеся от старости губы... Кожа, всегда напоминавшая дорогой шелк, пошла морщинами, распухли суставы на пальцах...

Но по-прежнему Лило казался мне прекрасным видением, пришедшим из грез и снов. Я продолжала любить его... и надеяться.

Надежда умерла холодным зимним днем. Спускаясь по лестнице, Лило оступился и сломал спину.

Лекари были бессильны. Лило страдал... но никак не мог расстаться с жизнью. Он запретил посещать поместье всем, кроме Соло и целителей...

А я нарушила запрет. Просто открыла дверь и вошла в его комнату. Обвела полубезумным взглядом столпившихся там людей и ровно сказала:

«Брысь».

В одно мгновение спальня опустела.

Я медленно приблизилась к ложу и опустилась рядом с ним на колени.

«Лале... — шепот легче было представить себе, чем расслышать. — Больно...»

«Потерпи», — сказала я и улыбнулась. И тонкие, белесые губы дрогнули в ответной улыбке. Или в намеке на нее?

Поймать его гаснувший взгляд было несложно. Погрузиться в него, словно в бледную небесную высь — и выплеснуть безумие.

Оно бывает разным — страшным, тревожащим, болезненным... А бывает и таким — тихим погружением в мечты.

В последний раз я наклонилась к его губам и коснулась их в легком, почти целомудренном поцелуе. А потом вышла, не оглядываясь.

Лило умер через три дня. Говорят, что он все время улыбался, будто бы видел что-то хорошее.

«Нелепая смерть, — шептались придворные. — Сначала лестница, потом помешательство...»

Я не понимала. Ведь смерть не бывает нелепой. Страшной, отвратительной — да. Но смешных масок она не носит.

...Его возложили на ритуальный костер — прекрасного, одетого в белое. Я боялась подходить ближе, чтобы случайно не посмотреть на такое любимое лицо. Каким было его выражение? Спокойным? Одухотворенным? Печальным?

Не знаю. Не хочу знать.

Я стояла вдали от пылающих языков пламени, пожирающих промасленные дрова и хрупкое, почти невесомое тело. Глаза словно сажеей запорошило. В груди ворочались раскаленные камни.

Мне хотелось оказаться там, рядом с ним... хотя бы мгновение... даже если бы пришлось заплатить за это жизнью.

Но я так и не сделала ни шага. Трусиха...

А может, мне просто было слишком больно?

Прошу тебя...

Не дай мне заплакать...

Позволь мне быть сильной...

Глаза болят...

Возможно, поэтому слякоть

На коже горячей и пыльной.

Позволь мне...

Не верить, не ждать и не помнить.

В дурном сне

Идти, зажимая в ладони,

Волос прядь,

Что кажется мне горячее огня.

Твоя страсть,

Твой взгляд и в безумии мучит меня.

Но ты — враг.

Ты, силу мою превращая в песок,
Развеешь беспечно по ветру.
Дурной знак —
Всю ночь напролет незакрытый замок,
Бессонная тяга к рассвету.

Глаза горят...
Бессмысленно тают картины,
Где ты живой...
Еще живой...
Прошу тебя...
Позволь мне снова быть сильной,
Позволь быть одной... не с тобой...

— Госпожа!.. — словно через пуховое одеяло донеслось до моих ушей. — Лале, Лале, Лале... Очнитесь, прошу! Все хорошо, я рядом... А это было так давно...

— Мило, — с трудом разомкнула я слипшиеся от слез ресницы. — Снова напугала тебя, да? Я безумна... Я люблю мертвеца...

— Нет, нет, нет! — горячо прошептал Мило. В темноте можно было различить лишь белую рубашку Авантюрина, и все мое существо сосредоточилось на ощущениях: холодные ладони, оглаживающие плечи и спину, шелк чужих волос, льнущий к щеке, отчаянные, почти болезненные поцелуи — по шее, вверх, к виску, по соленой коже — к уголку глаза... — Вы любите меня, Лале! Только меня! Потому что иначе быть не может! Я сойду с ума, я умру от ревности, если это не так... Лале, о, моя Лале...

Мило шептал еще что-то, столь же бессмысленное и необходимое — долго, пока я не перестала трястись, а вся соль с моих щек не перешла на его губы.

Но, кажется, мой слишком деятельный ученик не думал останавливаться на этом, собираясь подарить эту соль обратно — моим губам.

— Не надо, — мягко, но решительно отстранилась я. Каких усилий мне это стоило! — Не стоит затевать что-то, о чем ты потом будешь жалеть.

— Не буду, — упрямо заявил Мило. И даже в сумраке я разглядела, как сощурились чудесные глаза. — А вдруг я мечтал об этом десять лет?

В его голосе было столько страсти, что мои щеки запылали.

— Ну и дурак, — ляпнула я от растерянности. Стало немного страшно — еще чуть-чуть, и Мило бы даже уговаривать меня не пришлось на то, чтобы...

Ох, не хочу думать, на что. Пора уходить, пока я не натворила лишнего.

Мы не натворили.

— Почему? — настойчиво поинтересовался ученик. — Что в этом глупого?

— Все, — отрезала я, сползая с кровати. — Прости, — произнесла чуть мягче, уже вставая обеими ногами на твердый, замечательно холодный пол. — Я не должна была вспоминать все это. Только разбередила старые раны. Да и ты теперь напридумываешь себе невесть что...

— Вы убегаете? — довольно жестко оборвал Мило мое бормотание. — Зачем? Что вас тянет во дворец? Обязанности? Они подождут до утра.

— Вот если ты такой умный, то сам все поймешь, — в сердцах бросила я, пятась к двери. Ни себе, ни Мило я не доверяла. В моей крови все еще бродил яд одиночества и дурных воспоминаний, а Мило... ворон знает, что нашло на моего спокойного ученика. — Прости. Давай поговорим... завтра? — я наконец уперлась спиной в дверь.

— Завтра? — усмехнулся Мило с горечью. — Значит, все-таки убегаете... Что ж, я не смею настаивать. Светлых снов, госпожа.

— Светлых снов, — выдохнула я и почти вывалилась в свои покои. Голова шла кругом.

Что со мною творилось? Это чувство, что поселилось в груди, разгорающееся от поцелуев и даже простых слов Мило, как пламя на ветру... Неужели любовь? Снова?

Малая песчинка счастья на одной чаше весов — и горе, одиночество, боль потери на другой.

Меня лихорадило.

Решусь ли я?

Глава двадцать вторая, в которой Лале совершает ошибку

Наступило утро. Жаркое солнце взошло над дворцовым садом, просочилось сквозь задернутые занавески, обласкало лучами сомкнутые веки... В закрытой спальне свежесть предрассветного тумана медленно менялась на духоту раскаленного летнего марева. Не то, что спать — даже просто лежать, протягивая время до полудня, было невозможно.

Да и привыкла я за время, что путешествовала с Мило, вставать, чуть свет. Как и ко многим другим вещам: к свободе от придворных условностей и интриг, к ясному небу над головою, к чудесам... Нет, скучать во дворце было некогда, одна авантюра с разоблачением Ларры стоила целого приключения. Но отчего-то иногда накатывало, словно волна, желание бросить все и сбежать, куда глаза глядят. От плохих воспоминаний, от высокой политики и низких интриг... от сложных решений.

Ох, Мило, Мило, что мне делать с тобою? Что мне делать с собою?

— Встряхнись, Лале, — нарочито громко произнесла я, не открывая глаза. — Задумаешься об этом, когда Прилив больше не будет грозить королевству. А пока вставай-ка, дорогая, и приступай к работе.

При мысли о работе я ощутила приступ трусливого облегчения. Теперь у меня нашлась вполне приличная причина для того, чтобы отложить решение на потом.

Тем более что планы у нас с Тирле на сегодня были воистину грандиозные. Пока Ее величество собиралась оповещать расклад о грядущем представлении, мне поручалось заглянуть к Вышивальщице шелком и раскинуть с нею гадальные нити. Дело это небыстрое, требующее терпения и внимания, а также полной осведомленности о текущем положении для наиболее верного толкования результатов. Что ж, кому, как не Лале, знать о подводных камнях нашей маленькой «морской» проблемы?

Так я рассуждала, пока рука моя сама тянулась к колокольчику.

— Мило, неси завтрак... — начала я и осеклась. Ученик все еще пребывал в поместье Опал, и ждать мальчика следовало не раньше вечера. Вот она, сила привычки — почти двадцать лет утро начиналось с того, что Авантюрин угощал меня чем-нибудь вкусным и приводил в порядок рыжие волосы.

Придется самой о себе позаботиться.

В конечном счете, на утренний туалет ушло почти три часа. Лишь к полудню я позавтракала, искупалась, надела привычный шутовской наряд и заплела непослушные пряди в сотню косичек. Серебряные колокольчики мелодично позванивали на концах. На щеках, умытых прохладной водой, расцвел румянец... Никто не заподозрил бы, что шутовку половину ночи мучили кошмары и мрачные размышления. Оставалось только достать ключ и пройти к Вышивальщице.

Как я и предполагала, крестьянское прошлое заставило тринадцатую в раскладе подняться до света, и сейчас, по ее мнению, было уже время обеда.

— Госпожа Лале! Приветствую вас, — попыталась вскочить леди Мериса Яшма, ныне супруга дворцового лекаря, звавшаяся когда-то Мерипой, деревенской швеей. — Не желаете ли присоединиться? — краснея, спросила она и присела, вспомнив об уравнившем нас в титулах раскладе.

— Благодарю, но вынуждена отказаться, — последовал вежливый ответ, продиктованный, скорее, плотно набитым желудком, чем правилами хорошего тона.

— Вы пришли по делу или просто навестить? — чуткие пальцы Вышивальщицы смяли льняную салфетку.

— По делу, — склонила я согласно голову и, сжалившись над бедняжкой, добавила: — Но оно подождет. Мне нужно обдумать вопросы, а вам — завершить трапезу... Могу я взять какую-нибудь книгу из вашей библиотеки, леди Яшма?

— О... да, конечно, — снова подорвалась с места женщина. — Какую вы желаете...

— Не утруждайте себя, мне легче самой взглянуть и выбрать, — улыбнулась я и, опережая леди, подошла к шкафу. Вынула томик наугад — леди Мериса не держала плохих книг и присела в обитое розовым бархатом кресло, поглядывая на Вышивальщицу поверх страниц.

Госпожа Яшма принадлежала к тому редчайшему типу людей, которые, даже появившись на свет в крестьянской семье, с самого раннего возраста ведут себя, словно благородные особы — в лучшем смысле этого слова. От таких, как Мериса, вы никогда не услышите грубость или глупость. Опускаясь на сиденье, они держат спину прямо, ни одной капли не прольется из их чашки с чайным настоем на блюдце, а подол юбки не запятнается, даже если им случится пройти по осенней слякоти.

Откровенно говоря, рядом с лекарем Яшмой именно бывшая деревенская швея Мериса смотрелась аристократкой. Ее темные глянцевые волосы всегда были аккуратно уложены в узел на затылке, закрепленный янтарными шпильками. Не зная белил и румян кожа даже в сорок девять лет оставалась нежной и бархатистой, как у девушки. Полненькая и низенькая, милая леди Яшма двигалась с такой врожденной грацией, какой высоченным и тощим фрейлинам Ее величества не видать, как своих ушей. Но самым замечательным в облике тринадцатой в раскладе были руки — маленькие, изящные, с красивыми, немного пухлыми пальцами. Когда Вышивальщица бралась за шелковые нити, то сердце замирало от восхищения — так ловко и аккуратно управлялась она с ними.

Единственной слабостью почти совершенной госпожи Яшмы была еда. Кушала Вышивальщица много, часто и толк в деликатесах знала. Оторваться от обеда или завтрака для нее было смерти подобно... И любой, кто знал историю этой леди, ни за что не стал бы осуждать ее за несдержанность.

В детстве Мериса часто голодала. Она родилась в бедной семье, где кроме нее родителям приходилось заботиться еще десяти ртах. Когда девочка подросла, у нее открылся талант в обращении с нитками и иглой. Какие чудеса творила маленькая швея, имея в своем распоряжении только грубый лен и пару мотков цветной пряжи!

Когда Мерисе исполнилось тринадцать, отец ее надорвался на полевых работах и за несколько дней превратился в свою бледную тень. Заботы по дому полностью легли на плечи матери, а о пропитании пришлось думать девочке-рукодельнице. Продажа расшитых яркими узорами рубашек позволяла кое-как сводить концы с концами и накормить семью, но у самой Мерисы часто от рассвета до заката и крошки во рту не было.

Кто знает, чем закончилась бы эта история! Может, счастливо — подросли бы братья и сестры талантливой швеи, начали бы помогать с заработком, и зажила бы семья в достатке. Или печально — если бы девочка сожгла бы себя непосильным трудом.

Но малышке повезло — старая Вышивальщица перед смертью рассказала, где искать по себе замену.

Мерису пригласили ко двору, даровав титул леди, земли на юге и новое имя. Семья ее до сих пор жила в благоденствии в той самой деревушке и горя не знала.

А бывшая швея за несколько лет освоилась при дворе, примелькалась, а на третьем десятке выскочила замуж за главного лекаря. И до сих пор была просто неприлично влюблена в собственного мужа.

— Леди Опал? — вежливо и немного смущенно окликнула меня Вышивальщица. — Я завершила трапезу. Не могли бы вы изложить суть проблемы, что привела вас ко мне?

— Проблемы... не назвала бы это так, — улыбнулась я, откладывая книгу, в которой так и не прочитала ни одной строки. — Скорее, мне хотелось бы удостовериться, что я поступаю правильно. Риск слишком велик... Дела государственные, как говорится.

— О... тогда вам нужно серьезное гадание, — задумчиво опустила ресницы Вышивальщица. — Вопросы вы уже составили?

— Вместе с Ее величеством, — кивнула я.

— Хорошо. Подождите, пока я приготовлю нити. Лучше еще разочек мысленно повторите свои вопросы, — посоветовала мне леди Мериса и удалилась в другую комнату за принадлежностями. Я лишь завистливо вздохнула, глядя на ее величавую осанку и исполненные достоинства движения. Мне такого совершенства не достичь никогда.

Впрочем, что это я? Шуту и не нужно быть величавым. Семенить мелко или нестись, сломя голову — вот что больше подобает мне по должности. А женственность... в некотором смысле, это врожденный талант. У кого-то есть, у кого-то нет.

Тем временем Вышивальщица вернулась, неся в руках небольшой аккуратный сундучок. Внутри обнаружили уже очень хорошо знакомые мне предметы: серебряные пальцы, моточки разноцветных шелковых нитей, тонкие крючки...

Перво-наперво Мериса расстелила на столе отрез белого полотна. Простой лен, но так тонко выделанный, что этот кусок ткани локоть на локоть стоил больше, чем драгоценный атлас. По центру платка леди Яшма оставила пальцы, а клубочки ниток горкой выложила справа и слева.

— Каков твой первый вопрос?

Я вздрогнула: в одно мгновение звенящий, робкий голосок Мерисы превратился в глубокий, низкий, почти мужской. Сколько раз слышу эту перемену — и каждый раз чувствую почти мистический ужас.

— Что скрывает Ларра от Ее величества?

Проворные пальцы замелькали, опутывая пальцы паутиной разноцветных нитей. Уловить принцип, по которому Вышивальщица выхватывала то один клубок, то другой, выбирая оттенки, было невозможно. Серебряный обруч стал похож на ало-желтый моток — ни единой синей нити, хотя вопрос я задала о Лорде Волн. Сплошной огонь... и страсть.

Внезапно Мериса цапнула крючок — и дернула одну нить прямо из середины. И в одно мгновение воплощенный хаос натянулся — и обернулся стройным узором.

Вышивальщица взгляделась в него, вдохнула глубоко... и пропела — вновь нежно, звеняще, как весенняя капель:

Все тайны жизни сладостной и тонкой,
Желанье власти, горький крови гул
Легко бы поцелуй перечеркнул —
Изменит ласка и судьбинушку котенка.

Леди ослабила натяжение — и нити опали бесформенным комком. В такой же беспорядок пришли и мои мысли.

Как и всегда, в отсутствие Судьбы, гадание больше запутывало ситуацию, чем проясняло. Какой котенок имелся в виду, я поняла сразу — тот самый, подаренный Ларрой, как залог счастливого союза... Ее величество свернула малышу шейку — «За предательство». Означает ли это, что Ларра ведет нечестную игру? И при чем здесь тогда поцелуи?

Ох, тяжело! Ладно, главное — записать ответ, может, королева и разберется. Она-то с Ночным Бризом связана гораздо более крепкими узами, чем я.

— Следующий, — тем же страшным низким голосом приказала Мериса. Пяльцы опять были чисты.

— Верно ли поступили мы, собирая совет, дабы проверить искренность намерений Ларры? — быстро откликнулась я, не рискуя испытывать прочность транса Вышивальщицы.

И снова замелькали пухлые пальцы, и цветные нити, и тонкие крючки.

На сей раз ответ был таков:

Весь зал накрыла темнота —
Она от вод уберегла,
И поразила — вот дела! —
Случайно бедного шута.

Сердце упало.

— Что?! — вскочила я на ноги, позабыв о почтительности. Звякнули колокольчики. — Шут — это ведь обо мне? Что значит — шута поразила темнота? При чем здесь вообще я?

От неожиданности крючок выпал из расслабившихся пальцев Вышивальщицы, утягивая за собой нить... и узор преобразился.

Лицо Мерисы покраснело от натуги, словно она силилась вдохнуть — и не могла.

— Леди? — испуганно подалась я вперед, накрывая своей рукой дрожащую ладонь женщины. — Что происходит?

И в это мгновение вторая ладонь Мерисы с неожиданной властью накрыла мой затылок... и резко надавила, со всего размаху вжимая физиономией в переплетение нитей.

Горло перехватило. В глазах заплясали пятна — и я провалилась... в королевский кабинет.

Разумеется, Ее величества там не наблюдалось. А вот красноволосый мальчишка-шут и слепая девушка с синей повязкой на глазах все так же о чем-то негромко разговаривали.

— Ох ты! — воскликнул Безумный Шут, соскакивая с края стола и подбегая ко мне. — И угораздило же тебя, дурищу! Как сюда-то брякнулась? — весело ругал он меня, заботливо помогая подняться на ноги. Пальцы у мальчишки оказались невероятно сильными и горячими настолько, что обжигали даже сквозь толстые бархатные рукава камзола. — Вот ведь невезучая, откель такие берутся только... ну, не пугайся, все с тобою в порядке будет, — улыбнулся Шут, подводя меня к королевскому креслу, загодя освобожденному девушкой в повязке.

— Что за неаккуратная особа, — сморщила носик Судьба. — Право, Лале, от вас неприятностей больше, чем пользы. Зачем вам понадобилось путать узор бедняжке

Вышивальщице? Чуть не покалечили бедную девушку.

— Ну, извините, — прохрипела я, пытаюсь дышать и не сбиваться на всхлипы. — А как прикажете понимать такое предсказание?

— Про темнотищу, что ль? — хмыкнул Шут, ласково поглаживая меня по голове. При этом я ощущала себя так, будто на затылок мне вывалили ведро углей. — Да просто все. Судьбинушка, миленькая, подсажи моей девочке, что к чему. Видишь — ей и так несладко. Судьба медленно кивнула.

— Вижу — не то слово, дорогой мой друг. Но чувствовать — чувствую. Того узора, что сложился у Вышивальщицы, нам уже не распутать. Но в память о ваших прошлых заслугах, леди, — в тон Судьбы стал серьезным, — я могу дать вам одну подсказку, которая поможет изменить всю жизнь — если вы примените ее с умом.

— Буду премного благодарна, — осторожно ответила я. Подсказки Судьбы — это обоюдоострый меч. Истолкуешь не так — и все полетит под откос.

Девушка улыбнулась.

— Пустая карта истинно пуста, леди Опал. А вам такое категорически не подходит.

Второй раз за день я почувствовала себя круглой душой.

— Что, простите? Пустая карта?

Шут снисходительно потрепал меня по макушке. В глазах его плескалось веселье.

— Поймешь все ко времени, деточка моя ненаглядная. Ты нынче по краешку безумия бродишь — а как свалишься, так и ясенько все станет. Ну, а теперь — прощай, миленькая! Не место здесь живым людям, — рассмеялся Шут... и толкнул меня назад, вместе с креслом.

Я крепко приложилась затылком об пол... и очнулась на диванчике в покоях леди Яшмы.

— Вы в порядке, дорогая Лале? — встревожено спросила Мериса. На щеках ее были красные пятна, будто она сама себя исцарапала. — У меня словно провал в памяти. Надеюсь, я не натворила ничего... неисправимого?

— О, нет, леди, вы напротив очень помогли мне... и государству, — я сделала над собой усилие, поднимаясь на ноги. Ох, уж эти карты! То в колокольчик звенеть заставляют, то роняют... ишь, какая шишка на затылке набухает. Конечно, и оборота не пройдет, как рассосется, но все равно — приятного мало. — Благодарю за время, что вы согласились уделить мне и моим скромным... и совсем нескромным государственным... проблемам. Я, пожалуй, пойду.

— Легких путей, леди Лале, — немного смущенно попрощалась Мериса, комкая в руках платок.

— И вам — легких, — улыбнулась я искренне и вышла в коридор — просто так, без ключа и прочих затей.

Голова шла кругом. Слишком многое надо было обдумать...

Визит к Ее величеству вышел до безобразия коротким — Тирле выслушала меня, покивала... и отослала. Уже захлопывая за собою дверь, я увидела, как в кабинет тихо проскользнул Ларра. Вот, значит, какие срочные дела были у королевы... Внезапно мне стало нестерпимо жалко Ее величество — с таким отчаянием цеплялась она за последние — возможно! — мгновения рядом с Ларрой.

А еще в глаза вдруг бросилась картина над головою Тирле — Пустая карта. Ничто, перечеркнутое молнией... Вечная дорога. И тут же виски сдавило, словно тисками: «Не

время об этом думать, Лале».

В который раз за день прокляла я игры Судьбы. Вот ведь несносная девчонка!

И, действительно — у меня были и другие дела на сегодня. Дождаться Мило и объясниться с ним... Ох, и не хочется же этого делать — все, что угодно, отдала бы, чтоб этот тяжелый разговор отложился на далекое будущее. Но Авантюрин приезжает уже этим вечером, пусть даже ближе к ночи. А сейчас можно заняться чем-нибудь другим... Ну, скажем, зайти к Кириму за обещанной бутылкой «эликсира откровения».

Вот, решено. Навещу Незнакомца.

Сказано — сделано.

Открыв дверь прямо к покоям лорда Багряного Листопада, я развернулась и, собрав всю свою волю в кулак, постучалась.

Створки распахнулись незамедлительно, словно Кирим поджидал меня прямо за порогом с бокалом вина на пороге. Впрочем, вполне возможно, что так оно и было — я же обещала зайти.

— Леди, вы выглядите просто великолепно, — склонился он над моей ладонью. Кожу словно огнем обожгло, хотя прохладные губы лишь целомудренно скользнули по моим побелевшим от напряжения костяшкам.

По спине пробежали мурашки. Меня в разные стороны тянули два желания — выдернуть руку из цепких пальцев... или перевернуть ладонью вверх, чтобы ощутить это невесомое прикосновение-поцелуй на запястье.

— Позвольте вернуть вам комплимент, — с трудом справилась я с севшим внезапно голосом. — Вы тоже великолепны... как всегда.

В моих словах не было ни грана лести — только искреннее восхищение. Обильный макияж, который поначалу так меня забавлял, теперь казался вполне уместным. Густо подведенные глаза в красноватом полумраке покоев потемнели почти до черноты. Резкие черты лица немного сгладились, и даже губы перестали выглядеть тонкими и холодными, словно нарисованными глазурью. Сейчас более правдивым было бы сравнение с лепестками пламени... Хотя я замечательно помнила, что они холодны, как лед. Карминовая ткань одежд приобрела глубокий винный оттенок и мягко мерцала, словно умоляя прикоснуться и ощутить ее прохладную гладкость.

Кирим улыбнулся, чуть склонив голову набок. Рубиновые пряди, сегодня не сдерживаемые ничем, рассыпались по плечам.

— О чем вы задумались, леди? — глубокий голос пробрал до костей.

Я встряхнула головой, прогоняя наваждение перезвоном серебряных колокольчиков. Получалось... не очень. Наоборот, идея зайти к Кириму казалась мне все более и более замечательной. Мне никогда не приходилось подвергаться воздействию вина, но, кажется, опьянение должно быть именно таким. Восхитительная легкость, и быстро-быстро колотящееся сердце, и мурашки по коже...

— Ни о чем, лорд. Как насчет нашей сделки? — улыбнулась я, опуская ресницы. — Вас все еще интересует мой рассказ о путешествии?

Кирим словно задумался.

— Сделка... ах, да. Проходите, госпожа Лале. Не стоит задерживаться на пороге. У нас, в Доме Осени, говорят, что это дурная примета, — церемонно склонился он, направляя меня в комнату.

— В таком случае, не будем пренебрегать осенней мудростью, — шагнула я через порог.

В покоях было жарко. Трепетало низкое пламя в очаге, переливались багряно угли. По углам были расставлены лампы из дорогого стекла темно-гранатового оттенка, внутри которых по ароматному маслу метались язычки огня. Половину пола занимал пушистый ковер с разбросанными там и сям подушками — тяжелыми, бархатными. Я бы на такой подушке могла бы поместиться целиком, если бы свернулась в клубочек, а здесь их была рассыпана добрая дюжина. У края ковра стоял низкий стол с двумя бутылками, бокалами и блюдом фруктов.

— Вы ждали... — «кого-то» хотела я закончить дежурную фразу, но сказала: — ... меня?

Кирим обернулся, и пляска пламени отразилась в его зрачках.

— Я ждал вас, Лале, — согласно наклонил он голову. И произнес тихо настолько, что это могло мне лишь померещиться: — Всю жизнь...

— О... — смутилась я, ощущая, как вспыхнули румянцем мои щеки. — «Эликсир откровения» у вас? — неловко попыталась переменить тему.

— У меня, — тонко улыбнулся Незнакомец. — Вот он, — Кирим присел на одну из подушек, указывая мне на другую, и покачал в руке одну из бутылей — полупустую. — Надеюсь, этого достаточно, чтобы я мог рассчитывать на подробное и увлекательное повествование о ваших приключениях с тем мальчиком... Мило?

Имя моего ученика коснулось губ напоминанием о поцелуе... и бритвой резануло по оголенным нервам.

Я медленно, осторожно опустилась на подушки.

Надо что-то решать в наших отношениях... А вместо этого я собираюсь провести вечер в пустой беседе с Незнакомцем! «И хорошо, если только в беседе», — шепнуло мне благоразумие.

Ох, Лале, Лале, доиграешься, дотянешь время...

— Леди? — прохладная напудренная ладонь коснулась моей щеки. — Что с вами?

— Ничего... — только и сумела прошептать я. — А этот эликсир... он точно подействует? — предприняла я последнюю попытку взять себя в руки.

— Не верите мне? — усмехнулся Кирим и наклонился к столику. Откупорил пробку, наполнил бокал... Погрел в ладонях — и неторопливо осушил его. — Спросите что-нибудь на проверку? — губы изогнулись в улыбке. Краска немного расплылась, и казалось, что они измазаны в крови.

По спине прокатилась волна жаркого ужаса... почти сладостного.

— Вопрос... — интересоваться чем-нибудь безобидным смысла не было, поэтому я решила поставить на кон все. — Какое отношение Дом Осени имеет к покушению на Ларру?

— Прямое, — ответил Кирим и скривился. Я впервые увидела выражение открытого недовольства на его лице — и к моему удивлению, такой, оживленный и немного взволнованный Кирим понравился мне до одури. — Еще вопросы?

— Кто организовал покушение на Ларру?

Кирим выдержал лишь небольшую паузу.

— Я, — с явной неохотой признался он. — Мне было поручено снабдить леди-секретаря алхимическим мешочком и ядом... — Кирим прерывисто вздохнул, прикрывая глаза. — Лале... могу я попросить вас не задавать мне более подобных вопросов? Рассказывать о том, что я дал клятву держать в секрете... несколько болезненно. И мне бы не хотелось... вызвать недовольствие Его величества Амиро.

В памяти тут же зазвучал рассказ Холо о наказаниях для изменников в Доме Осени.

Мне как будто углей за шиворот засыпали, когда я внезапно осознала, какой опасности подвергла Кирима по неосторожности. Конечно, мы враги — из разных раскладов, из разных Домов, но пользоваться его доверием... так... это подло.

— Простите, — повинулась я, пряча взгляд. — В последнее время я сама не своя... Совершаю поступки, которым нет оправдания... — перед глазами пролетела сцена того, как Мило пытался удержать меня от неурочного визита в библиотеку Амиро. — Говорю всякие глупости... Прошу простить меня.

Прохладные пальцы подцепили мой подбородок, заставляя запрокинуть голову. Я медленно подняла ресницы — и встретила взглядом с Киримом, оказавшимся вдруг совсем-совсем близко.

— Лале... — тихо произнес он. Я дернулась — и застыла, попав в плен темных глаз, в глубине которых отражались мерцающие угли. — Что беспокоит вас? Я же вижу, что вы уже долго терзаетесь какими-то тяжелыми мыслями. Почему бы не поведать мне о ваших сомнениях? Клянусь, ни слова не выйдет за эти стены.

Я закрыла глаза. Голова кружилась, я словно падала с высоты — вниз, в пропасть, без дна...

«Мило, Мило, Мило...» — светилось в мыслях, как спасительный сигнал маяка.

— Лале?

Мое собственное имя упало тем самым последним камушком, который увлекает за собой лавину.

— Я в западне, — прошептала я почти беззвучно, чувствуя, как мое дыхание отражается от чужой кожи... так близко... — Я в западне, я не знаю, что делать... Так долго я была одна, не искала ни любви, ни дружбы... Слишком больно, слишком сложно... А сейчас... он... он...

— Кто он?

Я осеклась.

— Он... тот кого я люблю... без кого я не могу жить, и падаю в безумие, и умираю... Сначала это было почти незаметно — привязанность, просто привязанность, да... Но теперь... Все мои мысли только о нем, и даже сейчас...

«Мило, Мило, Мило...»

Да что такого в воздухе этой комнаты, что заставляет меня пылать и пугает мысли? Наваждение...

— А он... — его дыхание пощекотало мою шею. — Он любит вас?

— Да... Да, да!

Молчание.

— Он... говорил об этом?

Безжалостная память не дала мне солгать. Даже самой себе.

— Нет... не говорил, но...

— А почему тогда вы думаете, что это он — ваша судьба, Лале? — обласкал меня глубокий голос, растворяясь в горячей крови. — Вдруг это — просто притяжение тел? Любовь вечна, а влечение — проходит с рассветом... Говорил ли он, что любит вас, Лале?

— Нет... — по моим щекам уже не останавливаясь катились слезы. Жар в комнате, аромат благовоний и кожи Кирима, прохладные ладони, обхватывающие мое лицо — все это сводило с ума вернее, чем многолетнее одиночество. — Не говорил!

Руки медленно соскользнули на плечи. Я открыла глаза, встречаясь взглядом с Киримом.

— А я люблю вас, Лале. Любой — одинокой, безумной, веселой, грустной... — с неожиданной страстью прошептал он, и безупречная маска его раскололась под наплывом чувств. — С первой минуты, как я увидел вас на вечере леди Хрусталь — такую хрупкую и сильную... Я люблю и желаю вас, и вы знаете, что это не ложь... Ведь мои уста распечатаны эликсиром... — он наклонился — ниже, ниже, пока почти не коснулся моих губ. — Оставайтесь со мною, Лале... Вы так одиноки, как и я...

Одинока? Нет... у меня есть...

— Это неправильно, — попыталась я отстраниться, но руки на моих плечах держали крепко... или это я ослабела?

Наваждение, наваждение...

Кирим вдруг рассмеялся — и отстранился от меня.

— Неправильно? Я знаю вас, Лале, и понимаю, так, как никто никогда не поймет, — произнес он, удерживая мой взгляд. Мир окрасился в багрово-черные тона, сердце колотилось в горле. — Я знаю, какая вы... Лале...

Лишь время бесконечно, как и Вы.

И тянутся мучительно часы
От ледяной полночной синевы
И до жемчужной утренней росы.

И сколько не прошло бы горьких лет —
Вы неизменны. Такова судьба.
Но времени отравленный стилет
Пронзает грудь владыки и раба,

А Вы все так же — смотрите в окно,
И кто-то рядом — скрашивает час.
И Вам отчаянно желается одно:
Чтоб этот кто-то не оставил Вас!

Признанья нежные и огненная страсть
Угаснут, не оставив ничего.
И он уйдет. И Вы, чтобы не впасть
В безумие — забудете его.

Когда-нибудь истают дней мосты,
Как будто лед, во времени лучах.
А Вы... останетесь — молчать среди пустоты,
С улыбкой сумасшедшей на устах...

Это было больно — слушать его тихий голос, но когда Кирим замолчал, стало еще хуже.
— Лале, — негромко позвал он... и я сломалась.

Слабая, слишком слабая... Скверная ученица... отвратительная наставница...

— Мило... — простонала я, подаваясь вперед — куда угодно, лишь бы меня обняли, погладили по голове, сказали, что все хорошо...

— Нет никакого Мило, — отозвался Незнакомец жарким шепотом. — Есть только я. Тебе мало меня? Лале?

Я не говорила ничего. Я плакала, чувствуя, как ночными мотыльками поцелуи нежно скользят по моему лицу, спускаются на плечи... и вот уже делся куда-то камзол, и разлетелись колокольчики с косичек — нет больше серебряного перезвона, что вернет мне разум. А руки Кирима больше не были холодными, нет — они обжигали обнаженную кожу. И глаза тонули в сумрачных тенях, пронизанных алыми сполохами, и шелково касались лица пряди огненных волос, а я... я плакала.

— Лале, — донеслось сквозь туман, и цепочка мягко натянулась. — Могу я снять это? «Ключ?» — пробилась единственная мысль через зыбкое море.

— Нет...

Зачем? Он не мешает, совсем нет... Лило никогда не мешал... Но рядом со мною — не Лило... кто же?

— Мило... — сорвалось с губ.

Дохнуло жаром чужого тела.

— Ах, Мило? Значит, так? Будет тебе Мило!

— Ми...

Но он не дал мне договорить, просто накрыв мои губы своими. И я растворилась в этом, забывая себя... забывая все...

...так близко, кожа к коже, и бабочкино крыло не поместится между нами, и плавятся на губах поцелуи, и вспыхивает что-то острое в душе... и так больно, и так сладко...

А потом вдруг словно порыв ветра пронесся по этой комнате, наполненной огненной страстью. В сомкнутые веки ударил свет...

— Лале! — потрясенно воскликнули у дверей. — Госпожа... вы?...

И лишь звука его голоса хватило, чтобы прогнать дурман.

— Мило! — резко распахнула я глаза, холодея. Ключ на груди полыхнул горячо, словно уголь.

Темная фигура замерла в светлом проеме дверей. Вокруг нее вились мотыльки — беспорядочно, хаотично.

— Лале... — беспомощно выдохнул мальчишка. — Значит, я...

— Мило, это не...

Но дверь уже хлопнула.

Что я наделала...

Кажется, на то, чтобы одеться, у меня ушла всего минута. Я лихорадочно натягивала на себя вещи — как попало, поскользываясь на рассыпанных колокольчиках, которые звякали жалко, потерянно. Старалась не смотреть на обнаженного Кирима, застывшего в багряном полумраке комнаты. Волосы Незнакомца разметались по плечам, накрыли опущенное лицо... но даже сквозь рубиновую завесу я видела, как сияют его глаза — один желтым светом, другой — аквамаринно-синим.

Я хотела ненавидеть Кирима. Но не могла. Не могла.

— Удачи, Лале, — донеслось мне вслед, когда я хлопнула дверью, желая лишь одного — попасть к Мило.

Сила Хранительницы ключа привела меня на вершину башни. Той самой, высокой, где мы встречались когда-то с Лило. Я выскочила из нарисованной на перилах низенькой дверцы — и метнулась к замершей на фоне закатного неба высокой фигуре.

— Мило! — крикнула я, задыхаясь. — Прости, я...

Он обернулся — резко, в запрещающем жесте выставляя перед собой ладони... и попятился назад.

Еще шаг — и он сорвется.

— Я ненавижу вас, Лале! — голос его ломался. Такое дорогое, такое знакомое лицо было искажено гримасой боли, а светлые ресницы слиплись от слез. — Ненавижу! — крикнул он отчаянно, размазывая по щекам соленые дорожки. — Убирайтесь! Ненавижу! Ненавижу!

— Мило... — прошептала я потерянно. Земля стремительно уходила из-под ног.

А он вдруг шагнул ко мне — вплотную — и прокричал прямо в лицо:

— Ненавижу вас!

И я наконец поняла, о чем говорит мой Мило.

И сошла с ума.

Глава двадцать третья, в которой Лале выводит на чистую воду Его величество властителя вод Ларру и ступает в тени

Память безумцев жестока. Она не покрывает все спасительной пеленой, нет — отпечатывает четко, как сургуч.

— Ненавижу тебя, — кричит Мило, жмурясь, чтобы не видеть, не знать... — Убирайся!

По моему лицу струятся слезы. Губы выгибаются в улыбке — болезненной и привычной уже давно маске.

Убираться? Ты гонишь меня?

Хорошо. Как скажешь, милый. Как скажешь, любимый.

Мне пришлось потерять его, чтобы осознать, как он дорог моему сердцу.

Глупая, глупая Лале. На одну ночь... да что там — один оборот с Киримом ты променяла свое счастье. На больную, наколдованную страсть — истинную любовь.

Все старые страхи, оживленные рассказом о Лило, умерли, разбитые истинной жутью потери. Если бы вчера я осталась с Мило, то не было бы ничего этого — ни медленно темнеющего неба за его спиной, ни безумной пляски мотыльков в глазах.

Я ухожу — и закрываю за собой дверь.

Мы не встретимся больше. Я отпущу тебя — если таково твое желание, мальчик. Мой, Мило...

Медленно бреду по пустым коридорам. Кажется, весь дворец превратился в ловушку. Черные тени колеблются в свете фонарей, извиваются на полу. Перепрыгиваю через них...

Жду звона колокольчиков — но они молчат. И отчего-то это кажется смешным... но я плачу.

— Лале? — окликает меня знакомый голос. — Вы в порядке, дорогая моя?

Улыбаюсь.

Раз-два-три, идет дурак.

Телом бос, душою наг.

Все не то и все не так.

Молви, странник — ты мне враг?

— Лале?... — он в замешательстве.

Я остановилась и, приподнявшись на цыпочки, пригляделась к нему.

Станный. Похожий на меня — но другой. В моей голове будто хрустят под сапогом безумия осколки цветного витража — художник, Тарло, картины, путешествие... Но целиком его уже не собрать.

Я знаю все — и не знаю ничего.

— Вы в порядке? — Тарло — да, таково его имя! — смотрит на меня с ужасом. — Что-то не так в узоре Вышивальщицы?

Вышивальщица... Ах, да.

— Нет, — склоняю голову на бок. И снова жду звона бубенцов — напрасно. — На оба вопроса — нет.

Кажется, он терзается сомнениями. Но потом решает что-то и заглядывает мне в глаза.

— Лале, милая... неужели ваша карта одержала верх?

— Карта? — растерянно переспрашиваю.

Карта, художник, дорога, одиночество...

«Пустая карта истинно пуста».

Я вздрагиваю от пронзительно-острого ощущения — из осколков разбитого витража сложился новый, чудесный, смертельно необходимый.

Подаюсь вперед, оплетая художника руками, словно ядовитая лоза — каштан.

— Тарло... — шепчу его имя. Губы царапает жесткая ткань темно-серого сюртука. — Нарисуй мне Пустую карту. Нарисуй на ней дорогу.

— Что?

Я чувствую его дрожь. Он боится.

Ах, мой строгий Мило — чтобы ты сказал на это? Тебе неведом страх... ты бы поднял мой подбородок, заставляя смотреть в глаза.

Но художник не таков. Он боится безумия. Как и все. Как и все...

— Нарисуй на Пустой карте — черным по черному, углем по углю, — слетают с языка слова, что шепчет в мои уши безумие. — Нарисуй на ней дорогу. И дверь. Наш Дом взаперти — освободи его.

— Лале, — пытается он отстранить меня. Глупый! Хохочу — мои руки сильнее, чем его. Я — Хранительница ключа...

Нет, хватит себе лгать. Я — Ключ от всех дверей. Вечная странница. Дочь Холо — подобная ему, идущая его путем.

Я открываю любые двери — если есть тот, кто направляет меня.

— Тарло... Милый мой художник... — я мурлычу, словно большая кошка. Могут ли люди превращаться в кошек? Наверное, да. Дергается из стороны в сторону невидимый хвост, топорщатся смешно ниточки-усы, прижаты к голове ушки — кошка охотится. — Ты нарисуешь дверь в пустоте и дорогу сегодня ночью. На той самой картине в кабинете госпожи нашей королевы. Лишь ты можешь это — оживить ее. Сделай это, иначе...

— Иначе — что? — голос его хрипл. Страх плещется в нем — чистый, незамутненный, лишь отчасти разбавленный предчувствием вдохновения...

Не бойся, художник. Радуйся! Я подарю тебе твой лучший шедевр...

— Иначе... — задираю голову — и ловлю его взгляд, в котором пронзительная бледная синь неба и прозрачность льда. — Иначе я позову тебя в безумие. Нарисуй дверь. Этой ночью. Или все будет зря.

Не знаю, что он видит в моих глазах — но нечто заставляет его вдруг улыбнуться бесконечно тепло и произнести:

— Не смею отказать девятой в раскладе.

Отталкиваю его — и смеюсь. Запрокидываю лицо вверх, к уплывающему потолку, кружусь на месте под звон немых колокольчиков.

Леди Госка,

Наверняка

Гибель близка.

В пропасть — со скал.

Синь, глубина —

Небо без дна.

Леди Госка —
Выпей со мною вина
И — в синь, пока
Не раскололась она...

Я вхожу в комнату — и там, на самом видном месте, на столе... Бутыль.
«Эликсир откровения».

И короткая записка: «Прости».

Ноги слабеют — опускаюсь на ковер.

Ты слишком безумен даже для меня, Незнакомец.

Всю ночь на пролет — сижу неподвижно, чуть запрокинув подбородок. Смотрю в небо за окном.

Оно такое разное.

Сначала — лилово-оранжевое, огневое. Потом в него словно наливают чернил — густых, дорогих, какие очень ценит Ее величество, госпожа моя Тирле. Чья-то рука рассыпает по небу светлые крошки фосфора... голубого, розоватого, золотистого, белого и серебряного.

А ближе к рассвету — в чернила вливают молока. Постепенно, медленно, пока блики звезд не теряются в посветлевшем небосклоне.

Восходит солнце.

Ее величество ждет меня.

Поднимаюсь на ноги — стремительно. Будто разворачивается пружина. Ступаю к двери. В мутной зеркальной поверхности мелькает отражение — рдяно-рыжая грива, темные глаза — цвета грозных облаков, перепутанные пуговицы на сюртуке.

Останавливаюсь. Застегиваю сюртук правильно. Раздумываю мгновение — и развязываю серый бант под коленкой, чтобы стянуть волосы в хвост. Лишь лицо по-прежнему занавешивают неровные пряди.

Я прячусь? Возможно.

Шагаю — с порога своих покоев прямо в королевский кабинет.

Леди Теней, сгорбившись, сидит за столом. Седые локоны выбились из совершенной прически, под глазами залегла чернота.

Не только моя ночь — без сна.

— Госпожа, — кланяюсь низко. Бутыль с эликсиром оттягивает руку. — Все готово. Осталось заменить бокал Его величества и начать совет.

— В полдень, — медленно кивает Тирле и лишь затем поднимает на меня глаза — усталые, злые.

И — резко вдыхает, будто захлебываясь воздухом.

— Лале? — из горла ее вырывается смешок. — Тебе не кажется, что игра зашла слишком далеко?

Игра?

Нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу, морщю лоб.

Ах, да. Наш маленький спектакль для Ларры — «Безумица Лале».

— Я не играю, Ваше величество.

— Тебе не нужна... моя помощь? — Тирле смотрит в мои глаза, не отрываясь. Первая в раскладе слишком уверена в своем праве, чтобы бояться девятой. — Хочешь... вернуться?

Вернуться? Зачем? Все хорошо... Это смятение в мыслях, клубки тьмы в груди — лучше, чем боль.

Ведь я такая слабая.

— Благодарю. Возможно, позже.

Я безупречно вежлива. Мило гордился бы мною. Светлый мой мальчик...

Ее величество кивает и отводит глаза.

— Понимаю, — говорит она, и впервые — лжет. — До полудня еще долго. Подождешь здесь или в своих покоях?

— Здесь. Там пусто.

— Хорошо, — говорит королева. И снова лжет. Ей хочется сказать — плохо.

Опускаюсь прямо на ковер и замираю, как изваяние. Мне кажется, что кожа начинает каменеть, превращаться в мрамор. Если взять со стола Ее величества большую печать и ударить по моему плечу — разбегутся паутиной трещины, хрустнет что-то внутри — и я осыплюсь тысячью осколков.

Каменная оболочка... а внутри — ничего.

Течет песок из верхнего конуса в нижний. Из темно-синего — в бело-золотой. До полудня шесть часов, шесть тяжеловесных оборотов... Так мало! Но весь расклад и половина совета успевает побывать в королевском кабинете до начала собрания. Каждому дается задание.

Иногда на меня кидают удивленные взгляды. И — быстро опускают глаза вниз, догадавшись о терзающем меня безумии.

Все боятся. Они не стоят и ногтя Мило, моего храброго мальчика.

Я медленно качаю головой. Неслышно и глухо звенят колокольчики... призраки серебряных бубенцов.

Дзинь-дзинь-дзинь.

А песня Слепой Судьбы кажется мне исполненной смысла.

Нет ничего в груди... Лишь дин-дон — звонит костяной колокольчик... все дин и дон — звонит костяной колокольчик... и дин, и дон — звонит костяной колокольчик... Сердце мое разбито! Нет ничего в груди... Нет ничего в груди...

Как много она знает, эта странная девушка с повязкою на глазах... Как глубоко чувствует...

Когда шестой оборот почти завершен, мимо меня проходит художник. Я вижу черную краску под его ногтями — и улыбаюсь ему.

«Спасибо!» — шепчут мои губы.

Смотрю на карту над королевским столом — просто для того, чтобы убедиться. И перед моим взором из тени, рассеченной молнией надвое, выплывается изгиб приоткрытой двери... и все.

Я, Ключ, вижу это. А другие?

Вряд ли.

— Нам пора, милая Лале, — касается художник моего плеча. — Ее величество уже в зале. Ждут только вас, докладчицу... Идите. Я подойду позже, незаметно... Нужно завершить картину, — взгляд небесно-голубых глаз устремлен на Пустую карту. — За дверью должен быть путь. Или хотя бы комната...

— Верно, — киваю. — Спасибо, Тарло.

Поднимаюсь на ноги, отряхиваюсь. Огненные локоны вьются на плечах, словно змеи.

Они должны шипеть — но почему-то молчат.

Наверное, потому, что нет колокольчиков.

Открываю дверь в зал. Делаю шаг, другой, третий... и с каждым становится все тише, пока не воцаряется мертвое молчание. Оно настолько неправильное, что я испуганно отшатываюсь — и смеюсь.

Лишь встревоженный взгляд Ее величества — ты справишься, Лале? — заставляет меня оборвать смех.

Карты спокойны. Ларра — замер в неподвижности, но вся его поза источает уверенность. Совет сливается для меня в единую субстанцию — лица, взгляды, шепоты. Но один человек выбивается из одинаковых рядов. Он высок, светловолос, облачен в темно-красный камзол с золотой вышивкой...

У края стола, за спиной у одного из волшебников, стоит Мило. На белом воротнике его, словно кровавое пятно — мотылек.

На то, чтобы равнодушно отвести глаза, уходят почти все силы.

Зачем ты здесь, мой мучитель?

— А вот и леди Опал, — немного недовольно — ах, как можно опаздывать! — произносит Тирле. — Мы заждались. Вы готовы начать рассказ о Приливе, или вам требуется время, чтобы подготовиться, Лале?

Скольжу бессмысленным взглядом по раскладу. Место художника пусто. Вышивальщица бледна и встревожена. Держатель Мечей, Страж Покоя и Волшебник готовы в любое мгновение подскочить и силою своей обуздать могущество Лорда Волн... или защитить от него расклад и совет.

— Нет, времени мне больше не нужно, благодарю. Дозволите начать, о госпожа моя?

— Дозволяю, — снисходительно кивает королева. Ни следа слабости или усталости нет в ее глазах. И это вселяет надежду — уверенный полководец есть половина победы.

— Благодарю, — склоняюсь в коротком, мужском поклоне. — Господа! — оборачиваюсь к собранию. — Тревожные вести пришли к нам издалека — грядет Прилив приливов. Трижды уже прокатывались волны морские от побережий и до северных гор... трижды мешались карты и размывались границы. Четвертый раз допустить нельзя.

Именно поэтому Ее величество, мудрая королева Тирле послала меня к маяку на Лунной косе, дабы приобщиться к мудрости древней библиотеки... И там, у самого моря, я отыскала способ предотвратить Прилив. Гибель приходит из волн — и спасение отыскалось среди них. Но справиться с Приливом можно лишь ценою общих усилий... И потому — осушим бокалы за союз Дома Камней и Снов и Дома Раковин и Песка.

За королеву Тирле и короля Ларру! За владык! — я подхватываю со стола чей-то бокал — не важно, чей — и выпиваю вино залпом.

И следом за мною поднимаются и остальные, салютуя бокалами.

— За союз и владык! — разносится нестройный гул голосов. — До дна!

Один за другим опрокидывают бокалы гости, и среди них — Ларра. Негоже владыке пропускать такой тост — политика.

Но в бокале Его величества эликсир, а не пьяное вино. Ларра делает глоток, другой... до последней капли.

Королева улыбается торжествующе — и я зеркалом отражаю ее улыбку.

— А теперь о Приливе, — я глядела на Ларру, не отрываясь. На его лице промелькнула тень неуверенности... Он заметил, что вино странное на вкус? Государь столь сведущ в западных отравках? Или сила его может противостоять любому яду — как у первого в раскладе Дома Плаща и Кинжала, принца Кэрри Калум?

Я опускаю глаза.

Прочь, сомнения. Я должна испытать Ларру. Ошибусь — значит, такова моя судьба. Она и так уже слишком замарана и изломана, чтобы бояться лишней трещины...

Сейчас — или никогда.

— Прилив — не просто бедствие, что приходит из моря. Это сила, которой можно овладеть... если найдется человек, готовый взять на себя кровь многих и многих, пойти на предательство и убийство, умеющий лгать с улыбкой... Безумец, так отчаянно желающий власти, что перед этим желанием меркнут любые доводы рассудка... — перевожу взгляд с одного лица на другое, пока не впиваюсь глазами в государя Дома Раковин и Песка. — О, Ларра Ночной Бриз, Лорд Волн... ты — этот безумец?

Он открывает рот — мне кажется это страшно медленным — нахмуривает брови... и вместо гневного «нет» произносит:

— Да.

— Ты желал призвать прилив, завладев раскладом Дома Камней и Снов? — повторяю вопрос иначе.

В глазах Ларры появляется ужас, но непослушный язык вновь подводит владыку:

— Да.

— Ты... — начинаю я в третий раз, но меня заглушает ропот голосов. Гневные выкрики, презрительные шепотки.

Ларра вдруг теряет королевскую самоуверенность и величественность. Он зажимает рот руками, а из глаз его текут слезы, мерцающие, словно жемчужины.

Мальчишка. Запутавшийся мальчишка, которого чуть не свело с ума обещание невероятной силы Прилива. Ларра не изображал из себя несведущего в интригах юнца — он и был таковым.

— Смерть предателю! — кричит кто-то из совета.

— Я невиновен! — сквозь слезы восклицает Ларра, и синие локоны рассыпаются по плечам. Но ему все равно — он смотрит лишь на королеву, бледную, потемневшую лицом, разгневанную, сурово поджавшую губы. — Я не знал, что придется убить тебя, Тирле! Теперь я ничего не хочу! Я ведь не успел ничего сделать... ты простишь меня?

Мне становится горько. Каждое его слово — правда. Но он прибыл в Дом Камней и Снов только с одним желанием — подчинить расклад и принести его в жертву Приливу.

А Тирле не прощает предателей. Мне ли не знать.

— Смерть! — кричит кто-то вновь.

Королева опускает ресницы. А губы беззвучно повторяют:

«Смерть!»

Вокруг стоит такой шум и гам, что я почти опускаю мгновение, когда из Ларры начинает хлестать сила... а дворец содрогается под упругими ударами подземных потоков.

Несмотря на то, что многие ожидали такого исхода — поднимается паника. Небо набухает грозой, врываются в окна потоки воды... Волшебник пытается утихомирить стихию, Держатель Мечей и Страж Покоя оберегают незащищенных людей... но все идет не так, не так! Слишком велика оказалась сила Ларры, слишком он испуган, а совет ведет себя,

как стадо баранов.

Тирле вскидывает руки, призывая тени. Но могущество первой в раскладе не делит на своих и чужих, оно поражает всех... Пятна мрака выползают из углов, как уродливые слизняки. Скользят — быстро, так быстро! — к Ларре...

Хочу сквозь слезы. Неужели судьба королевы еще злее моей — заточить в тених возлюбленного собственными руками?

Кричит Кокетка, которую задело краем силы Тирле. Нанеле затягивает в сгусток мрака медленно, но неотвратно... На какое-то мгновение зал замирает в суеверном ужасе, но попытаться спасти леди Хрусталь — значит, занять ее место. Мрак хищен — он поглотит любого, кто окажется рядом. Расклад знает это, а люди совета слишком дорожат своими жизнями... Нанеле обречена — никто не окажется настолько безрассудным, что...

— Держитесь! — растрепанный светловолосый волшебник падает на колени рядом с пятном и протягивает руку Нанеле. И — оглядывается на меня. Со странным выражением лица — сомнение, торжество, боль, надежда. — Держитесь, леди! Я вытащу вас, не оставлю здесь... одну!

Сердце мое осыпается каменной крошкой.

Мило. Благородный идиот.

Только не он. Кто угодно, только не он!

Бросаюсь вперед без раздумий — под серебряный перезвон колокольчиков.

Я быстрее человека. И сильнее. Я могу и успеть.

А если и не успею... Наплевать. Моя жизнь не стоит ничего. Чем вечное ожидание в одиночестве — лучше погружение в мир теней, ночных кошмаров и пророческих снов.

Тоже — вечное...

Успеваю в последний момент — выдернуть и извивающегося от боли Мило, и потерявшую уже сознание Нанеле... отбросить их подальше, прямо в руки подоспевшему Стражу — в безопасность...

...и замереть у края темной бездны, ловя взгляд Мило.

Ты простил меня? Мило...

Светлые, слипшиеся от влаги ресницы поднимаются.

Тьма манит обещанием покоя.

Прошу, скажи, что я нужна тебе. Помани за собой.

Но в его глазах — все та же тень обиды и непонимания. Мило хочет что-то сказать — губы шевелятся беззвучно... и он отводит взгляд.

Я... не нужна ему больше?

Осколки сердца превращаются в пыль. Нет ничего в груди...

Шагаю назад — и, раскинув руки, падаю навзничь.

Тьма принимает меня... и в самый последний миг чудится — только чудится, я не смею себе лгать — звонкий крик:

— Госпожа, нет! Лале!

И — на самой границе сознания:

— Не лезь за ней, дурак! Ее уже не вернешь...

Раньше я считала, что тьма — это подобие света. Нечто неосязаемое, эфемерное, зрительный эффект... Теперь мрак для меня обрел запах и вкус — горький миндаль и соль. На ощупь — словно ласковый бархат.

Я плаваю в тених, как в речном потоке. Без сомнений, без раздумий... Я — воплощенный покой.

Просыпаюсь резко — от пощечины, злой и обидной.

— Поднимайтесь, леди, — надменно возвещает голос. — Сколько можно лежать без дела.

Открываю глаза и сажусь. Вокруг меня — черное ничто, в котором вьется серебряная дорожка. На ней я и лежу, а рядом стоит и стучит нетерпеливо каблуком девушка с синей повязкой на глазах. В руках ее белый веер из резной кости.

— Слепая Судьба? — еще один бесполезный осколок разбитого витража.

— Верно, — склоняет она голову. — Поднимайтесь, леди. Вам предстоит нелегкий путь, если вы желаете вернуться.

Ответ рождается на губах прежде, чем я могу его осознать:

— А если не желаю?

Твердая рукоятка веера пребольно бьет мне по лбу.

— Желаете, леди, желаете. Так что поднимайтесь немедленно и идите вперед, — она брезгливо поджимает губы. — Благодарите этого несносного мальчишку, Шута. Он останется мне должен за ваше возвращение.

Желание спорить пропадает. Встаю на ноги, оглядываюсь... Дорога ведет лишь в одну сторону. Пара шагов назад — и обрыв в ничто.

— Где я?

Судьба отчего-то радуется:

— О, проявляете любопытство? Это очень, очень хорошо! Значит, безумие не завладело вами полностью, леди. Мы на Сумеречных путях, Лале, — неожиданно тепло обращается ко мне она. — Чтобы вернуться, вам нужно пройти по этой дороге до конца. Не бойтесь ничего.

Девушка осторожно подбирает юбки, словно готовясь к прыжку.

Мне становится жутко.

— Я останусь здесь... одна? Вы уходите?

Она замирает.

— Да, Лале. Одна, — слова ее полны сочувствия. — Не бойтесь ничего. А мне пора возвращаться к супругу...

— Супругу? — спрашиваю я, чтобы хоть немного оттянуть наступление одиночества. — А кто имеет честь называться супругом самой Судьбы?

Девушка хохочет. В черной пустоте ее смех разлетается серебряной пылью.

— Безумный Шут, кто же еще? — кокетливо прикрывает она губы веером. — Порой влюбленные пары со стороны выглядят весьма странно... Не так ли? — усмехается Судьба... и прыгает с края дорожки.

Ворох бело-синих юбок мелькает в воздухе — и я остаюсь одна.

Есть ли у меня желание вернуться домой? Нет... Но и оставаться здесь я тоже не хочу.

Остается только идти вперед.

Но стоит мне сделать лишь несколько шагов — и тьма подергивается рябью. Из сумрака выплывает туманный сияющий силуэт...

Молодой мужчина сидит на качелях. Он кажется мне знакомым. Кудри светлее льна, дымчато-серые глаза с мечтательной поволокой, резкие скулы... Гитара стонет под прикосновениями тонких, чутких пальцев.

Красиво...

Внезапно он поднимает голову. Пальцы замирают.

— Лале? Что ты здесь делаешь, лисенок? — на его лице — удивление. — Неужели ты все-таки умерла?

И тут я вспоминаю. Только один человек на всем белом свете называл меня лисенком.

— Суэло! Это ведь ты, Аметист? — переспрашиваю взволнованно. Никогда не думала, что буду так счастлива, увидев своего врага.

— Узнала, — улыбается он невероятно обаятельно. Отставляет гитару... и через мгновение я оказываюсь в крепких объятиях, окутанная запахом сирени. — Знаешь, а я умер, — грустно говорит он и тут же смеется: — Это, конечно, скверно, но зато я опять молод. Старик из меня вышел отвратительный — уродливый, склочный и самодовольный.

Его слова странным образом пробивают мою завесу бесчувствия. Впрочем, это талант бардов — пробуждать людские сердца.

И хотя я знаю, что в груди у меня — пустота, что-то начинает рождаться внутри против воли... Нетерпеливое и способное болеть.

— Ты всегда был склочным и самодовольным, — отвечаю, отстраняясь. Хочется, чтобы меня обнимали совсем другие руки... но это невозможно.

— Что есть, то есть, — вздыхает Суэло и отпускает меня. Гитара вновь занимает свое обычное место на колене барда. — Знаешь, лисенок, я раньше тешил себя мыслью, что мне не нужен никто, звал себя эгоистом... Говорил, что песни пишу для себя, а все остальные должны благодарить судьбу за то, что я позволяю их слушать... А здесь есть только мы с моей гитарой — и все. И знаешь, лисенок, мне совсем не хочется петь. По правде говоря, мне совсем ничего не хочется...

— И долго ты здесь? — холодею от ужаса. Неужели мне предстоит то же самое?

— Довольно долго, — он смотрит на меня пристально. — Но время не имеет ровным счетом никакого значения... Я буду здесь до тех пор, пока кто-то там, наверху, извне, не позовет меня. Не ради песен... А просто так — полюбив. Как думаешь, могут живые любить мертвых?

— Не знаю, — качаю я головой. Мне становится жаль Суэло. Каким бы мерзавцем он не был при жизни, подобная участь слишком жестока. — Но твои песни любят многие.

Он сощуривается.

— А ведь ты жива, Лале... Почему же ты здесь, а не с теми, кто любит тебя?

Задумываюсь — но ненадолго.

— По той же причине, что и ты, Суэло. Я была слишком эгоистична в своем горе... и страхе. Считала, что никто не может меня понять... Как самонадеянно!

— Как самонадеянно... — отзывается он эхом и вновь улыбается. Тепло, чего почти не бывало при жизни. — Иди дальше, Лале. В отличие от моего, твой Сумеречный путь короток... Прощай, несносный лисенок...

Его лицо начинает расплываться. И снова плачет гитара...

Делаю шаг, оглядываюсь через плечо.

Суэло сейчас похож на клуб тумана, источающего свет и музыку.

— Иди, лисенок... Извинись за меня перед Шалависой, ладно? И перед другими... кто еще жив...

— Обещаю, — шепчу. Но сияние уже гаснет.

Смаргиваю. Кажется, у меня на глазах слезы. Я плачу? О мерзавце Суэло? Об эгоисте, разбивавшем чужие жизни?

Нет. Об Аметисте, который слишком поздно понял свои ошибки.

— Спасибо за урок, Суэло, старый мой враг, — обращаюсь я серьезно к пустоте и тьме. — Когда-нибудь тебя обязательно полюбят и позовут... Таких, как ты, не забывают... — и тихо: — Прощай.

Иду вперед — долго. Ноги сводит от усталости. Иногда во мраке по краям дороги мелькают лица и фигуры... Но я слишком боюсь разглядывать их и слушать чужие истории. Лишь однажды бросаюсь вперед с отчаянным криком:

— Лило!

И светящийся силуэт замирает. Я не могу различить деталей, но чувствую, ощущаю всей кожей — это он, мой принц.

А Лило грустно улыбается.

— Ты совсем не изменилась, любовь моя. А пора бы. Отпусти меня уже... Я причинил тебе столько боли, столько горя... Зачем тебе помнить?

— Но я люблю тебя!

— Любила, — мягко поправляет он. — Сейчас в тебе говорит память. Отбрось прошлое — иначе твое будущее погибнет. И... прости меня, Лале... Каким же я был глупцом...

Он рассыпается искрами, и я падаю на дорогу в изнеможении. Но вместе с почти привычной болью и горечью, в моей крови растворяется... облегчение?

— Грустишь? Вот дура, — с чувством произносят над ухом. — Ну, я в тебе не сомневалась.

В испуге вскакиваю на ноги. Никого!

— Что вертишься? — интересуются насмешливо. — Не видишь, что ли? А под ноги заглянуть не пробовала?

Голос звучит так, словно говорящая находится за спиной, но там пусто. Приходится присесть и внимательно взглянуться в дорожку. Она присыпана серебристым песком. Страхиваю его, всматриваюсь в прозрачный хрусталь... и вскрикиваю.

Внутри дороги... женщина в царских одеяниях. Почему? За что с ней так — даже более жестоко, чем с Суэло?

Сердце бьется в груди вполне отчетливо. Даже слишком. И как мне могло показаться, что там пустота!

— Не узнала? — спрашивает насмешливо женщина, заключенная в хрустале. Глаза ее закрыты, губы не двигаются, но у меня нет никаких сомнений в том, что говорит именно она. — А ведь мы, бывало, так с тобой спорили... и ссорились... Загляденье просто.

— Карле Пророческий Сон! — озаряет меня.

Она смеется.

— Предпочитаю зваться Карсой Сонной. После смерти титулы ни к чему.

Мне становится жутко.

— Что это за место такое, Карса? Мир мертвых? Я видела здесь и Лило, и Суэло...

— А Суэло все-таки помер? Ну и поделом, — хохочет она. — Поганец был знатный. Нет, Лале, это не мир мертвых. Куда бы ни уходили они — здесь их нет. Это Сумеречные пути, — повторяет она слова судьбы. — И тут нет никого, кроме тебя... и образов, что ты носишь в себе. Попавшие под чары Леди Теней могут веками бродить в здешних лабиринтах. Некоторые не выбираются вовсе... Ты ведь этого хотела? — голос ее становится ехидным. — Навсегда затеряться во мраке?

— Уже не хочу! — восклицаю, чувствуя, как меня поглощает ужас. — Я хочу выбраться!

Карса усмехается.

— Так позови на помощь.

— Кого? — теряюсь я.

— А кто затащил тебя в наш мир? Вот с того и спрашивай, — советует сердито. — А мне спать пора... Тяжело быть тенью прорицательницы... Вечно спать и видеть сны о том, что будет, чтобы та, настоящая Карле, могла изрекать предсказания... Ох, тяжело... А вы, глупые, все ходите ногами по своему будущему... Тяжело мне...

Она замолкает. Зову ее, стучу кулаками в хрусталь — все бесполезно. Я вновь одна на бесконечном пути. И, чтобы не утонуть в океане отчаяния — куда уж там Приливу Приливов! — начинаю размышлять над словами старой королевы.

Позвать на помощь того, кто затащил меня в наш... в их мир... Это Холо — других ответов нет. Но как мне позвать его, спрашивается? Просто кликнуть по имени?

— Эй, Холо! — говорю неуверенно. — У меня неприятности... учитель. Помогите мне!

Тьма поглощает слова, не откликаясь даже эхом.

— Холо! — кричу громче. — Да где же ты!

И вновь — тишина.

— Холо, вороний сын! — злюсь я от души, срывая обиду за все свои ошибки на наставнике. Речь моя становится совершенно непочтительной. — Бросил в чужом мире — и сбежал! Разве так делают? Ах, ты...

— Бедная девочка... Опять заблудилась?

Я осекаюсь на половине ругательства и резко оборачиваюсь. Холо, как ни в чем ни бывало, стоит на дорожке, старательно разравнивая ногой песок. В косе мужчины — желтая лента, сюртук черен, как и всегда, хоть и выглядит престранно... А вот вместо угольных брюк на нем какие-то узкие штаны из грубой ткани темно-синего цвета. И ботинки... я приглядываюсь... на завязочках.

Ну и дела.

— Заблудилась, — стоило мне увидеть Холо, как исчезли и злость, и страх, и обида... Я снова стала маленькой девочкой, которую он спас от смерти в заключении. — Я такая глупая...

— Просто молодая, — на полных губах — чуть виноватая улыбка. — Всегда молодая — и за это можешь благодарить только меня, — смеется он над собою. — Вот ведь учитель тебе достался... Не бойся ничего, моя Лале, — он вдруг оказывается рядом и нежно гладит по спутанным волосам. — Ты не можешь потеряться или заблудиться. Такие, как мы с тобой, гуляют по путям миров свободно... Просто открой дверь домой, девочка.

— Но как? — растерянно переспрашиваю, подаваясь вперед за ласковой рукой. Наставник... как же я все-таки по тебе скучала...

— Как угодно, Лале... Хочешь — придумай себе дверь. Хочешь — нарисуй ее на песке. Это не имеет значения. Все пути открыты тому, кто свободен душою. Ну же, попробуй, — мягко отступает он назад.

Я наклоняюсь к песку, вытягивая ключ из-за ворота. Аккуратно рисую железкой в песке контуры двери — маленькой, в такую надо проходить, сгибаясь в три погибели. Холо садится рядом и чуткими пальцами подправляет рисунок — там добавил ручку, там — завитушку, здесь разбросал песок ладонью — словно тень легла.

— Вот видишь, милая. Это не сложно, — улыбается он. — А теперь просто шагни — и все. Смотри на меня.

Холоо вдруг подмигивает мне... и дергает за нарисованную ручку.

Песчаная дверь отворяется. Даже не дверь — люк.

Наставник свешивает ноги с края и прыгает куда-то вниз.

Крышка захлопывается. Я остаюсь одна перед смазанным контуром.

Домой... а ждет ли меня кто-нибудь? Или, подобно Суэло, я оставлю по себе лишь песни и сказки?

— Не будь трусихой Лале, — говорю я себе и толкаю дверь.

Нарисованная створка легко поддается... и я соскальзываю с края. Неловко приземляюсь на ноги в полной темноте, взмахиваю руками, задеваю что-то, с грохотом падающее на пол... и теряю равновесие, чувствительно прикладываясь затылком об стену.

— Кота твоего об стену! — с чувством ругаюсь.

Поднимаюсь на ноги, иду вдоль стены, пока не нащупываю ставни... и распахиваю их настежь.

Скудный свет, исходящий от ночного неба и растущей луны, озаряет мою спальню.

Я дома. Я вернулась.

И я лишь в начале пути...

Глава двадцать четвертая, заключительная, в которой Лале ступает на бесконечный путь

В поместье Опал, куда привела меня песчаная дверь, было сумрачно и тихо. Судя по большим часам, в которых тоненькая струйка воды переливалась из верхней синей половины в нижнюю желтую, уже миновало три часа после полуночи. Через пару оборотов начнет светлеть небо, защебечут в зарослях птицы. С рассветом проснется управляющий и уныло поплетется в свой кабинет в западном крыле. Садовник начнет щелкать ножницами среди кустов сирени и жасмина, обрезая лишние ветви. Пробежится по комнатам, напевая песенку, горничная, сметая пыль со столов и полок. И поместье замрет в безвременье — почти до полудня.

Велик был соблазн остаться здесь, спрятавшись от всего мира. А еще лучше — распахнуть дверь и сбежать далеко-далеко... Туда, где светит иное солнце и даже ветер пахнет по-другому. Может, горными цветами, или морской солью, или холодным снегом — говорят, на севере он всю зиму укрывает поля и леса белым пуховым одеялом.

Но вместо того, чтобы поддаться слабости и замкнуться в уединении, я громко заявила о своем возвращении с Сумеречных путей, затрезвонив в колокольчик. Спустя пол-оборота явился заспанный управляющий. Получив приказ позаботиться о купальне для госпожи, мужчина коротко поклонился и вышел, зевая украдкой в ладонь.

А еще через четверть часа в мои покои робко постучалась его дочь и сказала, что вода уже нагрелась. Я поблагодарила девушку и, сжалившись, отпустила ее досматривать сны. А сама приготовила свежее белье, дорожный наряд и отправилась в купальню приводить себя в порядок. Даже одного-единственного дня безумия хватило, чтобы волосы спутались и потеряли блеск, кожа посерела — то ли от грязи, то ли от переживаний, а под ногтями появилась неопрятная темная полоса.

Фу, противно. Распустилась ты, дорогая Лале, ох, распустилась... Не удивительно, что Мило не торопится прощать такую неряху.

Вода была совершенно прозрачной и бесцветной, совсем не такой, как во дворце. Да и ароматную эссенцию мне пришлось разводить в ней самостоятельно. Выбор оказался невелик: мята, ваниль или корица. Ах, жаль, что великолепная коллекция масел с запахами со всего света осталась в столичных покоях! Поразмыслив, я решила, что лучше всего расслабит мои напряженные нервы сладкий и томный аромат ванили, и щедро плеснула в бассейн из флакона.

Получилось немного приторно, но сейчас мне отчего-то это пришлось по вкусу. Окунувшись с головой в горячую воду, я вынырнула и откинулась на бортик, прислоняя затылок к гладкому камню ступеней. Мысли были удивительно ясными и четкими... и отнюдь не самыми приятными.

Конечно, благоразумием я никогда не отличалась. Но в последние месяцы вела себя... попросту глупо. А уж в минувшее десятидневье...

Самонадеянность в маяке дамы Архив, упрямство в Амиро, Осиновом городе, беспечность в родном дворце... Но, бесспорно, величайшей моей ошибкой было то, что я недооценила Кирима-Шайю.

Его называли лордом — но с чего мне взбрело в голову, что он станет вести себя благородно и не посмеет применить к леди силу своей карты? Ха, ха и еще раз — ха! Он

заколдовал меня без малейших угрызений совести... и, уверена, считает, что находился в своем праве.

Кирим — Незнакомец-на-Перекрестке. Седьмые в раскладе не задумываются с порочности собственных желаний. Они просто берут то, что хотят. Таков был Холо — и лорд Багряного Листопада ничем не лучше. Меня сбили с толку тонкие и учтивые манеры Кирима, но это оказался лишь легкий флер западной изысканности над темной и страстной бездной. У Незнакомца, возможно, вовсе не было намерения разрушить мою жизнь или рассудок, но вряд ли бы подобные опасения остановили бы его.

Кирим сказал, что любит меня. Он не мог лгать под действием эликсира... Но кто знает — быть может, под любовью лорд Багряного Листопада подразумевает нечто иное...

«Любовь — желание обладать безраздельно», — говорил законченный эгоист Холо.

«Любовь — это необходимость быть рядом», — считал мой принц, Лило.

«Стремление принадлежать», — словно возражала им Карле.

А уж какими разными словами только не воспевал это чувство поганец... тьфу ты... величайший менестрель из всех, Суэло Аметист!

Что же такое любовь... для меня?

Немного насмешливое и безгранично преданное «госпожа», затаенная властность под показной покорностью, золотая россыпь в черно-фиолетовой глубине, намек на улыбку, нахальный и уверенный взгляд, который становится таким нежным, когда украдкой, пока я не вижу, скользит по моему лицу... и ладонь, на которую можно опереться, и тихий шепот:

«Все будет хорошо, Лале... Я не оставлю вас...»

— Мило... — выдохнула я и зажмурилась, ныряя под воду.

На сей раз задержалась на глубине надолго, пока в груди не закололо, а под веками не заплясали искры.

Я люблю своего ученика. Я хочу быть с ним — прямо сейчас. Но... имею ли на это право?

Еще три дня назад ответом стало бы уверенное «Да!». Но теперь... Сколько раз по моей вине Мило оказывался в шаге от гибели, а то и от участи худшей, нежели смерть! Я слишком долго закрывала глаза на его чувства, а потом — просто играла на них, зная, что он не посмеет меня оттолкнуть. Сама запретила мальчику произносить слова любви, чтобы не чувствовать себя обязанной, придумала глупые отговорки — «признания в глазах», «вовремя протянутая рука»... Не важно, говорил Мило или нет — он любил. А я знала это, все время знала — и принимала его чувства.

А потом — осквернила их, разделив ложе с Киримом. Пусть — околдованная, но это не может быть оправданием. Ведь волшебство карты не порождает новых желаний. Оно лишь усиливает те, что уже есть. А это значит, что даже не встретиться Кирим на моем пути, однажды я бы причинила Мило такую же боль.

Моя любовь — это зависимость, жалкая попытка убить свое одиночество. Она разрушает все, к чему прикасается.

Так ядовитая лоза

Питает к вишне жажду-страсть:

Обвиться, голодно припасть

К живительным, целебным сокам.

И мне ль, садовнику, не знать,
Что гибелен такой союз:
В плену любви жестоких уз
Погибнет дерево до срока.

Чувства к Лило были сильными и яркими, словно пламя. «Великая любовь — великое благо», — говорят побережники в Доме Волн, но с этим утверждением согласятся и жители Амиро, и Волки из Дома Зверей, и обитатели далеких северных гор. Мне и юному принцу был вручен бесценный дар, но мы не сумели распорядиться им правильно. Он принес больше горя, чем счастья, разрушил мою жизнь... и Лило. Принц не вынес своего медленного старения-угасания, в то время как я оставалась юной.

А я не выдержала разлуки.

Лило не смог забыть меня и начать все сначала, когда этого потребовала жизнь, ведь я занимала все его время, целиком, жаждала внимания каждую минуту... Чувство вины от вынужденной разлуки сломало его. А ведь он был таким сильным, мой принц!

Мило же — всего лишь мальчик. Такая, как я, может искорректировать ему судьбу. После того, как Авантюрин едва не провалился в тени, пытаюсь заставить меня... ревновать? Сожалеть? Не знаю... сомнений не осталось.

Шутовка Лале должна переступить через свои чувства и держаться как можно дальше от одного пылкого, влюбленного мальчишки.

От одной мысли о том, что мне придется покинуть Мило, сердце пронзила острая боль.

Нет. Я не вынесу. Сойду с ума снова — на этот раз навсегда, без возврата. Но и продолжать причинять боль ему я не могу.

«Как хорошо, что Тирле скинула меня на Сумеречные пути! — пронеслось внезапно в голове. — Наверняка все, кто был тем днем в зале, сбросили шутовку со счетов. Из теней не возвращаются... И Мило знает об этом».

Значит, для него я уже... мертва?

Какой замечательный... шанс.

— Надо запретить слугам распространять весть о моем возвращении, — произнесла я вслух, чтобы придать себе уверенности. — Пробраться тайком во дворец, разузнать обстановку... Расспросить того же Тарло. А потом уже решить, стоит ли воскресать.

Буду ждать знака судьбы — хотя бы три дня. Нечто, что подскажет мне верное решение, поможет определиться с выбором. И если он окажется не в мою пользу...

Я всегда могу наблюдать за Мило издалека.

Возможно, мне даже будет довольно этого.

Возможно...

— Вылезай из купальни, Лале, — вздохнула я, закрывая мокрыми ладонями лицо. — Пора.

Без помощи Мило и с тем ограниченным временем, которое осталось в моем распоряжении, и думать было нечего о привычных косичках с колокольцами на концах. Пришлось просто подсушить волосы отрезом мягкой ткани и утянуть их лентой в низкий хвост. Без своей неповторимой прически и яркой краски на лице, в простом дорожном платье — темно-серые бриджи, белая блуза, пепельный сюртук с тонким черным поясом — я была непохожа на саму себя. Из зеркала на меня смотрела вполне взрослая женщина —

немного грустная, очень усталая и маленькая... Но все же за девочку-подростка ее уже не приняли бы даже с пьяных глаз.

Потемневшие от влаги рыжие волосы четкими кольцами вились по плечам. Отросшая и аккуратно зачесанная набок челка щекотала скулу. Капелька воды с мокрой шевелюры медленно катилась по щеке. Я сняла ее пальцем и лизнула — пресная влага с горьковато-сладким запахом ванили.

Управляющий был понятливым человеком. Он пообещал хранить мою тайну хотя бы четыре дня. И если бы о живой и здоровой Лале Опал ничего не услышали бы по прошествии этого срока, то мужчина должен был огласить мое завещание, в котором все богатства рода Опал отходили бы Мило Авантюрину, верному вассалу своей госпожи.

Конечно, деньги и страх развязывают любые языки. Если мой ученик пожелает — он легко может расспросить управляющего и узнать, что я осталась в живых после погружения в тени. А посему без поддержки Ее величества мне не обойтись. Придется навестить и ее.

Но сначала — к Тарло.

Шаг — и я очутилась в мастерской.

Несмотря на слишком поздний — или ранний? — час, в комнате горел яркий свет, а Мечтатель застыл за мольбертом. Рядом, в глубоком кресле, где обычно сживала нахальная рыжая шутовка, устроился уютно, откинув голову на спинку, Танше. Гитара лежала поперек коленей, и сильные пальцы менестреля нежно оглаживали струны — беззвучно.

Художник посмотрел на меня поверх мольберта. Выражения голубых глаз было не различить — слишком много всего там смешалось.

— Так ты вернулась, Лале... — тихо, вопреки обыкновению, произнес Мечтатель. — Не ждал... Я думал, ты уйдешь навсегда. Это было в тебе — желание отправиться в бесконечное странствие. Или любовь все же победила?

— Ничего еще не решено, — заметил Танше, не открывая глаз. Венок из диких трав сбился немного набок, придавая барду залихватский вид. В сочетании с отстраненной улыбкой это выглядело странновато. — Присмотрись — она на пороге.

— Пожалуй, — кисть коснулась алой, как свежая кровь, краски и скользнула по холсту. — Но чтобы она не решила — вряд ли нам суждено увидеться еще. Вы зашли попрощаться, Лале?

— Да, — ответила я неожиданно для себя самой. Появилось жутковатое ощущение, что со мною говорит не старый мой приятель, а сама карта — Печальный Художник. Впрочем, возможно, так оно и было. — Это весьма... вероятно. Сколько времени прошло после совета?

— Четыре дня, — без улыбки ответил Тарло. Кисть в его пальцах порхнула — золото на палитре, холст, снова золото. — Дворец чуть не рухнул от чар Леди Теней и колдовства Лорда Волн. Это было красивое сражение — буря и сумрак, потоки воды и колеблющийся мрак. Хотелось бы мне запечатлеть такую картину! Но в конце концов нашей королеве удалось спеленать Ларру. Говорят, нынче вечером будет суд.

Четыре дня... неужели я скиталась по Сумеречным путям так долго? А Мило... искал меня? Спрашивал обо мне? Надо узнать у Тарло...

Нет. Нет. Если я начну думать о Мило сейчас, то не сумею принять верное решение. Сперва — дела государственные.

— Суд над Ларрой? — зацепилась я за последние слова. — Ее величество и вправду решится применить казнь или иное возмездие к владыке целой страны? Не угрожает ли нам

это войной с другими государствами? Думаю, Дом Осени крепко ухватится за возможность растоптать наше могущество...

Художник отложил кисти с палитрой и отер руки тряпкой. И лишь затем обернулся ко мне:

— Вы многое пропустили, Лале. Ее величество не собирается судить Ларру сама. О, нет. Она совершила то, что не отваживались сделать уже почти четыреста лет — созвала Совет Первых.

На мгновение мне почудилось, что я ослышалась.

— Ларру будут судить... раскладом?

— Не просто раскладом, милая Лале, — поправил меня Танше, наконец-то открыв глаза. — Первые — Лорды и Леди — соберутся, чтобы вынести решение. Равные судят равных, таков закон. Их величества Амиро и Лиран Третий, Рыжий Лис Райко и Ашен Рай из Дома Потерянных Имен... От запада до востока, от гор до побережья наемни прибыли гости во дворец. Дом Охоты, Дом Волн, Дом Прибрежных Скал, Дом Кораблей и Дом Мечей — почти все владыки будут следить за тем, чтобы решение было справедливым, ибо каждому грозила гибель от Прилива.

— А вы-то откуда знаете столько о раскладах, Танше? — от неожиданности я рассмеялась. Кто бы мог подумать, что за страстной натуре барда не чужда политика. А уж тайные знания мира... Редкое сочетание, ничего не скажешь.

— Откуда? О, позвольте мне оставить это своим секретом, — подмигнул мне Танше. Венок окончательно съехал куда-то за ухо. — Барды бродят везде и слышат многое... А если живешь достаточно долго, то и слухов этих накапливается превеликое множество!

— Любопытно, — только и смогла сказать я, глядя на веселящегося менестреля. Теперь мне уже казалось, что в выражении его лица проскальзывает некоторое сходство с Холо, вечным моим мучителем.

Тарло тоже рассмеялся — и поправил злосчастный венок менестреля небрежным и собственническим жестом.

— Да, леди Опал, недооценили мы малютку барда, — обменялся он взглядами с Танше и внезапно спросил: — А не желаете взглянуть на мою картину? Я редко показываю недоработанные полотна, но на сей раз мне бы хотелось сделать для вас исключение...

Пригасла и вспыхнула ярче на миг лампа на столе, словно в огонь попал мотылек. Небо за окном было уже белым, но света пока не давало. Переход из ночи в день — неуловимое время.

— Желаю.

Тарло склонился, старомодным и изысканным жестом указывая на картину. Я несмело шагнула вперед — и застыла.

Неужели...

Мило... и я?

— Кажется, я задолжал вам портрет, дорогая Лале? — спокойно, без усмешки спросил Тарло.

— За разбитую чашку из северного фарфора... — тихо прошептала я, очарованная. — Но почему... так?

— Грустно? — отозвался художник.

— Светло...

Да, именно это билось в висках, когда я смотрела на творение Тарло, пусть светлых

красок на картине и было немного. Темная комната, пустое кресло, приоткрытая дверь... Все — пока намеками, мазками. А рядом с дверью замерли, положив ладони на ручку, двое. Рыжая шутовка в несуразном наряде, маленькая, с тоскою в глазах — и высокий стройный юноша в красном камзоле с золотым тиснением.

Столь похожие на нас... Но неужели мы действительно так глядим друг на друга — с жаждой, тщательно спрятанной за насмешкою и заботой? Неужели мы столь похожи — в мелочах, в деталях, во взглядах и повороте головы?

— Он спрашивал обо мне? — слетело с губ сокровенное. — Мило... он искал меня?

Я обернулась к художнику. Но тот лишь отвел взгляд:

— Никто не видел юного Авантюрина с тех пор, как людей вывели из разрушенного зала. Говорят, он заперся в своих покоях.

Услышав это, я с трудом подавила желание метнуться к ближайшей двери и ворваться в комнаты Мило.

Нет, нет... мне следует быть спокойной, действовать обдуманно. Хватит уже кидаться в жизнь, как в омут. Однажды можно и не выплыть вовсе.

— Понимаю, — чудом мой голос не дрогнул. — Благодарю вас, Тарло, — я низко поклонилась художнику. — Думаю, когда вы завершите картину, она станет шедевром.

— Полагаю, это случится не раньше, чем мой добрый друг Танше закончит свою песню, которую он пишет для этой картины, — усмехнулся Мечтатель, небрежно проводя рукой по своим седым волосам. Бесплезная попытка пригладить хоть что-то! Серые пряди топорщились во все стороны, будто солома. — Как называется твоя ода любви, пылкий ты горец?

Танше кинул на меня хитрый до невозможности взгляд — и подмигнул:

— «Ключ от всех дверей». Символично, не так ли?

— До жути, — откровенно созналась я, чувствуя себя маленькой девочкой, которую водят за нос два прожженных интригана. — Хотелось бы мне услышать ее когда-нибудь...

Струны под пальцами Танше на мгновение ожили — мягким, мурлычащим перебором.

— О, кто знает, как повернется судьба! — коварный менестрель рассмеялся. — Но куда бы не завели вас дороги — пусть удача не расстанется с вами, Лале.

И внезапно я совершенно четко поняла, что действительно прощаюсь с ними, моими друзьями. Даже если мы с Мило и будем вместе — но не в стенах этого дворца. Я уже чувствую себя чужой здесь.

Возможно, Холо был прав — для Хранителей ключа нет дома. Есть только дорога. Бесконечный путь...

— Светлых снов, — прошептала я, отступая назад.

— Светлых снов! — откликнулись они одновременно — и хриплый, низкий голос Тарло удивительно гармонично слился с чистым, певучим — Танше.

На пороге я оглянулась. Они все так же смотрели мне вслед, художник и менестрель. Светлый взгляд и темный, седые пряди — черные локоны... Но как похожи были эти двое! Наверное, потому, что внутри у них горел один и тот же яростный огонь творения, недоступный другим людям. И рядом с ним мерк даже золотой пожар в рассветных небесах, заливающий первыми ясными лучами незаконченное полотно.

Прощайте, друзья. Не поминайте лихом шутовку, что однажды вмещалась в ваши судьбы, сведя вместе два таланта. Живите счастливо — во дворце или в странствии...

А мне следует навестить Ее величество.

В кабинете королевы не оказалось, как и в спальне. Пожалуй, я бы долго искала ее по всему дворцу и в конце концов обнаружила бы свое присутствие перед придворными, если бы не открыла проход наугад — «туда, где сейчас Тирле».

К величайшему моему удивлению, это оказалась площадка на вершине одной из дворцовых башен. Тирле стояла здесь одна, в наряде Леди Теней — длинном черном платье со строгим воротником. Веер в руках Ее величества, словно птица, то распускал «крыло» из черных костяных перьев, то складывался. Губы королевы шевелились, как будто она напевала — почти беззвучно для человеческого уха. Лишь мой тонкий слух мог различить слова предсказания Вышивальщицы:

Все тайны жизни сладостной и тонкой,
Желанье власти, горький крови гул
Легко бы поцелуй перечеркнул —
Изменит ласка и судьбинушку котенка.

— Ваше величество! — негромко окликнула я королеву, склоняясь в вежливом поклоне. Просто стоять и смотреть на нее было слишком неловко, словно бы мои взгляды вторгались в нечто очень личное. — Простите, что прерываю ваше уединение...

— О, Лале... — обернулась Тирле. Лицо ее было усталым... Да и каким оно может быть на рассвете у женщины, которая двадцать лет занималась тяжелой и неблагодарной работой. — Что так задержало вездесущую леди Опал в сумраке? Признаться, я ждала тебя еще вчера — помощь Шута мне бы не помешала.

— Призраки прошлого, о моя королева, — шагнула я ближе. Вид на далекие холмы и город за рекой открывался восхитительный — вся столица в ее блеске и великолепии была передо мною, как на ладони. — Но, кажется, теперь я свободна от них... как и от своей карты. Время безумной Лале прошло.

— Вижу, — грустно улыбнулась королева. Тонкие губы были совсем бескровными, словно Тирле мерзла. — Ты теперь принадлежишь только тебе... А вот моя воля — в рабстве у государства.

— Такова тяжелая ноша владык, — осторожно заметила я и подтянулась, присаживаясь на широкие перила. Теперь наши с Тирле лица были на одной высоте... впервые я смотрела на королеву не снизу вверх — и видела много такого, что прежде не могло открыться моему взору. Сейчас она удивительно напоминала мне ту, прежнюю Тирле — грубоватую и властную принцессу, любящую простые шутки и прямые фразы. Годы на троне научили ее лгать с улыбкой на устах, говорить знаками больше, чем словами, и быть жестокой с врагами. — Что беспокоит вас, о моя королева?

Веер крутанулся в пальцах... и сорвался вниз. Костяные пластинки раздвинулись в полете, и маленькую хрупкую вещичку закувыркал ветер. Конечно, спустя минуту она упадет — но пока еще она обманывает мечтательный взор иллюзией полета.

— Что беспокоит меня, Лале? — медленно повторила Тирле, и складка меж бровей стала резче. — Я впервые не уверена в том, что делаю. Ларра должен быть приговорен и казнен — он признал свою вину. Скорее всего, Совет Первых осудит Лорда Волн и оборвет его жизнь, чтобы больше никто никогда не поддавался соблазну призвать Прилив и стереть

Дома с лица земли... — она осеклась.

— Но?... — вопросительно подняла я брови.

— ...но я не смогу этого сделать. А ведь совет передаст мне право на его жизнь! — Тирле в остервенении хлопнула ладонью по перилам. — Я-королева желаю возмездия... но мне-женщине хочется совсем иного.

— Ваше величество...

— Молчи, Лале. Ты ничего не понимаешь. Мне уже четыре десятка лет с лишним. Я и не надеялась, что когда-нибудь полюблю... Думала, что трон после моей смерти отойдет второй ветви, потомкам младшей дочери Соло Янтарного. Но сейчас у меня появился этот шанс — нежный, любящий супруг, семья, ребенок моей крови, который унаследует престол! — голос ее почти сорвался на крик. А потом Тирле вдруг словно сломалась — обмякла, беспомощно обхватив себя за плечи. Высокая, нескладная, тонкая фигура в черном платье... Сколько отчаяния было в ней! — И теперь все надежды — в прах. И знаешь, что горше всего, Лале? — подняла она на меня больной взгляд. — Он, плененный, сумел победить меня — всего одним стремительным поцелуем. Единственным прикосновением губ к губам в тот момент, когда я подошла накинуть на него путы. Он не противился мне, как будто что-то сломило его изнутри. Что-то такое было во взгляде Ларры... потерянное. И мне стало не по себе... До тех пор уверенность в правильности собственных поступков не покидала меня. Так легко было опоить Ларру эликсиром, заставить признаться в предательстве, вынудить его применить силу своей карты, чтобы я сумела ударить в ответ... Но один поцелуй все изменил. Ларра любит меня — а я перечеркнула свое будущее тем, что уличила Лорда Волн в злом умысле.

Налетел порыв ветра — такой сильный, что мне пришлось на всякий случай спрыгнуть с перил на площадку. Но Тирле даже не шелохнулась, тоскливым и яростным взглядом вперившись в пространство.

— Ваше величество... — осторожно тронула я ее за рукав, погладила пальцами напряженно сжатые кулаки. — Не все еще потеряно. Позвольте мне присутствовать на Совете! — внезапно предложила я, переполненная сочувствием. — Пусть в любви я ничего не понимаю, зато в интригах расклада за две сотни лет научилась разбираться прекрасно. А вдруг я сумею вам помочь?

Ярость в ее глазах угасла, сменившись задумчивостью.

— Присутствовать на Совете... Конечно, это запрещено, Лале, и даже я не могу изменить правила — ведь ты лишь девятая в раскладе. Но... — лицо Тирле словно озарилось светом надежды. — Но кто может воспрепятствовать тебе, Хранительнице ключа, идти туда, куда вздумается?

— А ведь и верно, — улыбнулась я. — Когда начнется суд?

— На закате, — выпрямилась королева. — Тогда, когда перевернутся в третий раз большие часы в зале. Но... неужели ты собралась покинуть меня сейчас, Лале? Прошу, побудь со мною еще немного!

— Если такова ваша воля, — склонилась я в шутливом поклоне. Слух привычно насторожился в ожидании звона бубенцов... но высохшие пряди лишь свободно рассыпались по плечам и груди.

Мне до боли, до оторопи хотелось увидеть Мило — хотя бы одним глазком, сквозь замочную скважину... Но оставить сейчас Тирле — нет, не нынешнюю королеву, а прежнюю девочку, которую я когда-то знала — было бы сродни предательству.

Ее величество оставалась на площадке в башне почти до полудня, а потом отправилась в один из своих кабинетов в северном крыле дворца. Большой приемный зал, в котором произошла схватка двух первых в раскладе, сейчас спешно ремонтировали. Кроме него пострадало еще несколько помещений в той же части здания, в том числе библиотека этажом ниже и малый королевский кабинет с изображениями карт на стенах — на ярус выше. Эти залы отгородили от остальной части дворца, и перестройка их должна была начаться через несколько дней.

Тирле пыталась заниматься государственными делами, готовиться к суду, но все ее внимание сосредоточилось на образе Ларры, заключенного пока в темницу для знатных пленников. Я, как могла, развлекала свою госпожу — беседой, шутками и сказками. Королева смеялась, но глаза ее по-прежнему переполняла печаль. Мне хотелось пообещать ей, что все непременно наладится, но ложь, очевидная даже последнему глупцу, не шла с языка.

Надежда все еще жила... но чем дольше я размышляла, тем меньше ее оставалось.

Даже если отбросить интересы раскладов, а рассмотреть только дела Домов, смерть Ларры была выгодна слишком многим. Достаточно большая страна, в меру богатая и с обширными возможностями для торговли представляла собою лакомый кусочек. Наверняка Дом Зверей был бы не прочь получить выход к морю через Лунную бухту, да и Дом Волн давно зарился на земли побережников. Что уж говорить об Амиро — осенний государь с удовольствием бы отщипнул бы крошку от общего пирога.

Тирле тоже бы досталось приличное «вознаграждение за беспокойство» — жемчужные заводы, которые по сделке с Ларрой отходили Дому Камней, так и остались бы закрепленными за нами.

Да только жемчуг не вложишь в грудь вместо разбитого сердца. А потому нужно было хорошенько подумать, как устранить Ларру, не лишая его жизни и соблюдая древние законы возмездия в раскладах.

Во всем этом для меня было немного прока... Разве что после треволнений о делах государственных не оставалось уже сил на мысли о собственном счастье.

Ох, Мило, Мило... Как ты? Все ли с тобою в порядке? Ты упрям и не станешь просить помощи ни у кого... Но вдруг ядовитая лоза-любовь уже слишком сильно затянулась вокруг твоей души? Отчего я сейчас мучаюсь дурными предчувствиями — это самообман и пустые переживания или... тебе и впрямь что-то грозит?

«Как только закончится суд, отправлюсь прямиком в покои Мило», — твердо решила я, пытаясь заглушить глухой перезвон колокольчиков тревоги.

Когда Тирле отбыла на Совет, попросив меня выждать с пол-оборота и лишь потом тайком пробираться в зал, я чуть было не сорвалась с места и не кинулась в комнаты ученика. Но удержалась — в сотый раз за этот день.

Ах, время! Ты терпения губитель,
Ты и палач, и счастья даритель,
Жестокий, бессердечный обвинитель
И перед совестью смиреннейший проситель.
Терзаний злыми мыслями свидетель,
Но также — пред надеждою радетель.
В мечтаниях — проходишь торопливо,

Иногда мне казалось, что песок просто забил отверстие в часах и теперь сыплется куда медленнее, чем должен. С трудом я выждала, пока нижняя колба наполнится наполовину — и сразу же вскочила и кинулась к двери.

Все суды выглядят одинаково. Даже если обвиняют одного из владык. В Доме Камней, да и в других тоже действует замечательное правило: равные судят равных. Для крестьян — собирают деревенские сходы, где верховодит староста или другой человек, хорошо знакомый с законами. У горожан — свои постоянные «выборные». В тех редких случаях, когда преступление совершает аристократ, его участь решают такие же лорды и леди под председательством младшего наследника или самого монарха, если детей у него еще нет или они слишком юны.

Так и Ларру судили те, кто был ему равен — первые в раскладах. Обвинителем стала Тирле, как раскрывшая коварный замысел. Защитником, по старой традиции противостояния с нашим Домом, вызвался Амиро. Решение выносили все вместе, каждый определял для себя — виновен или нет.

Когда я приоткрыла дверь, то Тирле уже заканчивала свою речь.

— Да, он признался. Да, он раскаялся и отказался от своих замыслов. Но тем не менее, простить его — значит, дать шанс Лорду Волн поквитаться с нами в будущем. Прилив мог смыть в море все Дома, до самых гор... Погибли бы люди. Множество людей! И потому — нет прощения предателю.

— Нет прощения, — эхом отозвался кто-то.

Я, стараясь не привлекать внимания, скользнула вдоль двери к окну и спряталась за портьерой. Ничего оригинального — но безупречное исполнение таких трюков требует большого мастерства. Кажется, меня заметили только трое: Тирле, которая стояла лицом ко мне, закованный в цепи Ларра, безучастно оглядывающий зал, и Амиро, как раз поднимавшийся, чтобы сказать слово в защиту Ларры.

— Лорды и... Леди, — улыбнулся он, скользнув взглядом по портьере. — Сейчас вы все ждете, чтобы я нашел оправдание поступкам государя Ларры... но признаюсь откровенно, мне совсем не хочется этого делать. Я выступаю за то, чтобы Лорда Волн подвергли самому серьезному наказанию, лишив его права распоряжаться собственной жизнью. Но традиции требуют... и потому я скажу.

«Плохо дело», — подумала я. Большие надежды возлагались на то, что Амиро начнет выгораживать Ларру. С той силой убеждения, которой обладал Лорд Осени, можно было бы и оправдать владыку побережья... Но если и Амиро желает его смерти — можно лишь уповать на чудо.

— Чего желал этот юнец, лишь недавно получивший престол? — тем временем вопрошал Амиро. Голос его оставался равнодушным, только в глазах светилось непонятное предвкушение. — Вы теряетесь в догадках, верно? Но... приглядитесь и поймете: так же и он сам сейчас не может понять, что натолкнуло его на мысль воспользоваться столь ужасным могуществом.

А я знаю.

Это — сила.

О, мне ли не знать, как притягательно могущество... Когда в твоих руках оказывается

возможность получить все и сразу, пусть и чудовищной ценой, отказаться от нее невозможно. Только воистину сильные духом способны на это.

А мы, простые люди, несмотря на наши титулы... Что уж говорить о мальчишке!

Взгляните на него, — повел Амиро рукой. Взоры Лордов и единственной Леди устремились на несчастного Ларру. — Он потерял сейчас... и он влюблен. В прекраснейшую Тирле Обманчивый сон. Можно сказать, что в руках нашей Леди Теней находится поводок, за который она может дернуть в любое мгновение и осадить этого юношу. Так стоит ли лишать его жизни?

Амиро умолк, выдерживая паузу. А затем добавил, совершенно равнодушно:

— Я считаю, что стоит. Впрочем, решать вам.

И сел.

Ларра давно уже опустил глаза, не желая глядеть на тех, кто решает его судьбу. Он был почти жалок — в оковах, в простой, хотя и опрятной одежде, с распущенными волосами, небрежно откинутыми за спину. Пиратская лихость исчезла из его черт и манер, оставив только испуганного мальчишку, слишком поздно осознавшего, что отцовским кинжалом можно убить отнюдь не понарошку.

— Виновен, — глухо и веско произнесла Тирле. Глаза ее потемнели. — Лишаю его права распоряжаться своей жизнью.

— Виновен, — без улыбки откликнулся Золотой Лис Райко, тонкокостный невысокий мужчина с копной рыжих волос и жадным зеленым взглядом.

— Виновен, — вынес вердикт Лиран, которого я знала под именем Лир.

Последним говорил Амиро.

— Виновен, — усмехнулся он.

И снова кинул взгляд в сторону портьер, за которыми пряталась одна рыжая шутовка.

— Итак, решено, — голос Тирле совсем помертвел. — Лорд Мечей?

— Прошу, — один из сидящих, седовласый мужчина поднялся и подошел к Тирле, протягивая ей короткий клинок без ножен.

Леди Теней с вежливым полупоклоном приняла его из рук.

— Твоя жизнь принадлежит мне, — шепнули ее губы.

Меч поднялся над головой Ларры...

И тут меня осенило.

— Стойте! — выскочила я из-за занавеси, привлекая к себе удивленные... и отчасти гневные взгляды. — Вы сказали — «принадлежит». Верно? Таково решение совета? Он не может распоряжаться своей жизнью, так? Она вручена Тирле, верно? О, моя госпожа, — поклонилась я королеве. — Вам не обязательно лишать его жизни. Она уже ваша... и можете делать с ней все, что пожелаете. Уважаемый Амиро, — сделала я шуточный реверанс владыке Дома Осени, — предположил, что поводок от ошейника Ларры — в руках Ее величества. И смею вас заверить, господа, что эти руки удержат и не такую ношу. Предлагаю заменить похороны — свадьбой!

И я поклонилась.

— Великолепно! — вскочил с места Амиро и хлопнул в ладоши. Глаза его смеялись. — Я уж боялся, что мне придется самому прерывать сие занимательное действие. К слову, господа, позвольте представить вам несравненную Лале Опал, Хранительницу ключа и ученицу самого Холо.

Лиран хитро улыбнулся.

— Помню, помню эту милую девочку. Впрочем, не об этом сейчас. Предложение дельное. Кровь проливать нам не к лицу — владыки должны оставаться чистыми. К тому же мне, закоренелому холостяку, женитьба кажется судьбою более пугающей, чем казнь. Кто за то, чтобы принять предложение уважаемой Лале и погулять на свадьбе?

— Я против, — высказался Золотой Лис, кровожадно сверкнув глазами. Дом Зверей, что тут сказать!

Но, к счастью, он оказался единственным.

Ларра обводил мрачный зал ошеломленным взглядом, не веря своему счастью.

А Тирле тихо шепнула мне.

— Спасибо, Лале.

И от этого было невероятно тепло...

Ларру освободили от оков, и на некоторое время все внимание сосредоточилось вокруг него. Кто-то предлагал бывшему Лорду Волн воды, кто-то поздравлял с грядущей свадьбой... Пользуясь всеобщей суматохой, ко мне подошел Амиро.

— Не в моих правилах совершать больше двух добрых поступков подряд, милая Лале, — сказал он, словно между прочим. — Но позволь предупредить тебя... на правах друга твоего наставника. Пять дней назад Кирим-Шайю призвал силу своей карты. Берегись его — он может направить ее и против тебя. В последние месяцы несколько раз мы разговаривали с ним довольно откровенно, и Кирим-Шайю не скрывал интереса к тебе, милая Лале... и в его силах разрушить твою жизнь.

Я только горько усмехнулась.

— Боюсь, что это предостережение запоздало. Вот только свою жизнь я разрушила сама.

Амиро покачал головой.

— Не стоит недооценивать Кирима-Шайю. Во всех его поступках — двойное, а то и тройное дно. Никогда он не делает что-то только ради единственного результата. И очень часто сочетает удовольствие... и пользу.

Еще один удар от Кирима? Я замерла.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, осенний государь. И так я почти потеряла Мило потому, что лорду Багряного Листопада вздумалось... получить удовольствие, — от этих слов меня обдало жаром. — Что же будет, если он захочет еще и пользу извлечь, не заботясь уже о моих чувствах?

— Кто знает, милая Лале, кто знает... — склонил голову к плечу Амиро, до жути, до оторопи напомнив этим птичьим жестом Кирима. — Даже мне не под силу проникнуть в замыслы Незнакомца. Но как бы то ни было, — его голос потеплел, — я желаю тебе счастья, дочь Холо. И если встретишь еще своего наставника — попроси его заглянуть ко мне.

— Что?... — удивилась я неожиданной грусти в его словах.

— Владыки тоже скучают по близким, — невесело улыбнулся Амиро. — А осень — довольно тоскливая пора, ты не находишь?

— Я не понимаю тебя, — честно призналась я. — В прошлый раз мне казалось, что ты помогаешь мне только из уважения к Холо, осенний лорд, и ради спасения собственного государства. Но что за выгода теперь из этих предостережений?

Амиро склонился и тихо коснулся прохладными губами моего лба. Я замерла, словно очарованная.

— В мои годы, милая Лале, — шепнул он, — я могу позволить себе некоторую

сентиментальность... Будь счастлива, девочка. Верни себе Мило. Хорошо?

— Хорошо... — откликнулась я.

Оставаться после этих слов в мрачном месте, где проходил суд, у меня не было ни сил, не терпения. Но перед тем, как найти Авантюрина, я решила исполнить еще одну просьбу — извиниться перед Шалависой за Суэло.

Кто знает — вдруг это облегчит участь великого барда, который уже полвека скитается по тeneвым тропам.

Окинув на прощание взглядом зал, задержавшись на счастливых до неприличия Тирле и Ларре, я осторожно отворила дверь в крыло слуг. Шалависа с мужем частенько ночевали прямо во дворце, хотя и очень любили свой маленький и уютный дом в городе. Вот и сейчас я застала их вдвоем в небольшой гостиной перед камином. Повариха, близоруко щурясь, штопала большой синий носок. Супруг ее возился с чайным настоем, закипавшем на решеточке над камином.

— Добрый вечер, — вежливо поздоровалась я, прикрывая за собою створки. — Прошу простить за позднее вторжение...

— Ох, госпожа Лале! — шумно обрадовалась Шалависа, роняя носок. — Что ж вы так пропали! Ни вас, ни мальчика вашего уж четвертый день не видать — думали, в поместье съехали. Али как?

— Боюсь, я скоро надолго покину дворец. Так что лучше бы вам забыть о моем визите... Идет? Но сперва, уважаемая Шалависа, — присела я на ковер перед ее креслом, подхватила упавший носок и подала его поварихе, — мне нужно с вами перемолвиться словечком. С глазу на глаз, — кивнула я мужчине.

— Как пожелаете, — отвесил он уважительный поклон. — Доброго вечера вам, госпожа Лале. Мой дом — ваш дом.

— Благодарю, — улыбнулась я и, дождавшись, пока он перейдет в другую комнату, продолжила. — Шалависа... Мы с вами давно не говорили о прошлом... О Суэло... — я умолкла, внимательно следя за ее лицом. Если Шалависе еще больно вспоминать о барде, то, пожалуй, разговор следует замять, пока еще не поздно.

— Суэло Аметист... — взгляд женщины стал мечтательным и печальным. Она на одно мгновение напомнила мне ту непоседу, которая желала учиться у величайшего менестреля своего времени. — А что о нем говорить? — вздохнула Шалависа. — Что было — то было, чего прошлое-то ворошить...

— Вы еще сердитесь на него? — осторожно спросила я.

Повариха тяжело покачала головой.

— Сержусь? Да с чего бы... Уж сколько лет минуло. Я тогда девочкой была, несмышленьшем. Сколько он таких повидал? Не перечесть! — цокнула она языком. — А однодневок-то кто беречь станет? То-то и оно. Когда-то злилась, и ненавидела, и слезами из-за него, подлеца, горючими обливалась... Было дело. Но теперь-то все перегорело. Только песни его колдовские и остались.

Я улыбнулась, глядя на багровеющие в камине угли. Талант переживает человека — таков наш мир.

— А если бы Суэло сейчас попросил у вас прощения, вы бы простили его?

— Отчего не простить? — пожалала она плечами. — Да только что мертвых-то беспокоить... Пусть уходят высокими путями. Может, и встретимся еще. А вы почему спрашиваете это, госпожа Лале?

Сказать или в тайне сохранить?

— Госпожа Лале?

Сдается мне, некоторые тайны и должны оставаться тайнами. Ни к чему мне беречь уютный мирок Шалависы приветами с Сумеречных путей. Не по-человечески это будет.

— Просто так. Я зашла попрощаться, Шалависа, — по моим губам вновь скользнула улыбка — легкая, как перышко. — Вот и вспомнила, с чего все начиналось. Вы тут без меня в обиду себя не давайте — ни бардам, ни сплетникам. Ладно?

— Ох-ох, — вздохнула Шалависа. — И опять вас несет куда-то, только вернулись... А ученика своего с собою возьмете?

— Не знаю, — честно созналась я. — Да и стоит ли загадывать?

— Загад не бывает богат, — внушительно изрекла повариха, воздев указующий перст. Синий перештопанный носок опять свалился вниз, но она этого даже не заметила. — Вот что скажу вам, госпожа, я, почти целую жизнь прожившая: мы своему счастью сами мастера. Никто за нас шажочек не сделает, когда понадобится. Удачи вам, госпожа. Светлых снов да ровных путей!

— Светлых снов, Шалависа.

И послышалось мне, будто лопнула еще одна ниточка из тех, что привязывали меня к дворцу. Но оставалась еще самая важная, драгоценная...

Мило...

Не раздумывая больше, я отворила дверь в покои ученика.

В комнатах было темно и прохладно. Неуловимо пахло специями — корицей, кардамоном, гвоздикой, ванилью, немного — миндальным маслом и южными орехами. Подушки были небрежно раскиданы по диванам и ковру, ветер разметал на столе свитки. Витрина книжного шкафа была открыта, а на полу поблескивало...

...битое стекло?!

Холодея от почти суеверного ужаса, я бросилась к лампе. Чиркнула камешком о камешек, роняя искру в горючую смесь...

Комната озарилась ровным желтовато-розовым светом. И то, что в полумраке можно было принять за легкий беспорядок, превратилось в разгром. Будто бы кто-то отчаянно сопротивлялся, пытаясь не позволить... что? Кому?

Неужели Мило и впрямь грозила опасность? А я, дура набитая, весь день с Тирле нянчилась! Если с мальчиком что-то случилось...

Так, Лале, успокойся, глотни водички... вон графин стоит у кровати... о-хо-хо... Порассуждай спокойно: Мило могло взволновать твое исчезновение. Паренек он порывистый, да и к тому же волшебник. Может, просто покуролесил малость в комнате, душу отвел, а потом в город отправился — развлекаться?

Ой, не верится. И сердце болит — как будто что-то очень нехорошее с Мило произошло...

Внезапно мой взгляд зацепился за письмо, лежавшее на столе. Уголки его были аккуратно придавлены чернильницей и гладкими камешками-пирамидками, что я подарила Мило на первый день весны с десятков лет назад. Уж больно тщательно расправлен был лист бумаги... Такой и не захочешь, а заметишь.

Тщетно пытаюсь унять нервную дрожь, я медленно направилась к столу.

На листе было написано одно-единственное слово:

«Попалась».

— Что за вороны шутки? — пробормотала я, подхватывая письмо, но прямо у меня в руках оно рассыпалось десятком мохнатых красных мотыльков.

— Ну, наконец-то, — обласкал мой слух низкий, до дрожи чувственный голос. — Я жаждался тебя... Ла-аль-ле...

— Кирилл! — обернулась я, мгновенно закипая от ярости. Если он посмеет что-то сотворить с Мило...

Я встретилась с ним взглядами — и застыла. Ибо передо мной был не лорд Багряного Листопада, искушенный дипломат, взвешивающий каждое слово — о, нет! — а непредсказуемый, опасный и жадный до развлечений Незнакомец-на-Перекрестке.

Словно в первый раз я смотрела на него — и едва узнавала. Когда-то, кажется, целую тысячу лет назад, на балу Ее величества Тирле, он показался мне именно таким — кроваво-алым, смертельно опасным, темным и страстным:

Пощади! — кинь клич!
Я — хищник, ты — дичь,
Ты слаба — вот судьба:
По плечу хлопнет бич!

Карминово-красным горели губы на белом, как мел, лице. Языками багряного пламени вились вокруг головы глянцевые пряди волос. Сияли в полумраке глаза: один — пронзительно-желтым, другой — синим, как ночное небо. Ночные мотыльки вились вокруг него удушливым облаком, рассыпая с махровых крылышек серо-гранатовую пыльцу.

— Не угадала, милая, — усмехнулся он — будто огнем опалил. — Шайю.

И шагнул вперед — стремительно, будто разом заполняя все пространство, сминая мою волю, как тонкую бумагу.

— Где Мило? — хрипло прошептала я, как околдованная, глядя в его лицо. Гладкая белая кожа выглядела так, будто была покрыта лаком. Тронь ее — и разбегутся черной паутиной трещины.

Жутко. До дрожи жутко. Но я должна, обязана быть сильной.

— Где Мило? — повторила я тверже — и бесстрашно заглянула в его горящие глаза.

Шайю склонил голову набок. Огненные пряди колыхнулись — и опали на плечи.

Сердце колотилось в висках. Свет лампы померк. Или это у меня потемнело в глазах?

— Кирилл пока заботится о нем, — растянулись в улыбке блестящие, словно темная глазурь цвета киновари, губы. — Но если ты, маленькая моя, хочешь увидеть своего любовника целым и невредимым, то тебе стоит поторопиться... За четыре дня мы изрядно истощили терпение.

— Кто ты? — в упор спросила я. Внутри все кипело и плавилось, словно в котле сумасшедшего — ярость, страх, отчаяние, решимость, ненависть и острая, горячая любовь.

— Незнакомец, — холодные пальцы огладили мою щеку. Я брезгливо дернулась. И с этим... существом... я делила ложе? Не иначе, помрачение рассудка.

Постойте... Незнакомец? Сама карта?

— Как ты пробрался сюда из небытия?

Он усмехнулся вновь. Глаза его словно выжигали мою душу, но я упрямо не отводила взгляда — кусая губы до крови, с трудом борясь со слабостью в коленях.

— Юный Кирим-Шайю оказался столь любезен, что согласился разделить со мною тело и подарить мне свое ночное имя, — от звука его голоса меня вновь бросило в жар. Я сделала шаг назад — и в спину уперся твердый край стола. Холеная рука с золотыми ногтями вновь прошлась по моей щеке, лаская. Но чувствовала я себя так, словно с меня кожу сдирают.

— Значит, он отдал тебе часть своей жизни? — уточнила я, отстраняясь. Находиться рядом с ним становилось все сложнее... Ключ у меня на груди заледенел — ему не под силу было справиться с наваждением такой мощи.

— Именно так... Но я хочу и свою собственную жизнь, — выдохнул мне в лицо Незнакомец. — Мне мало той половинки, которую удалось забрать у этого гордого и самонадеянного мальчишки, Кирима. Приходи в малый королевский кабинет — тот, что лежит в руинах. Там ты сможешь обменять Мило на кое-что, принадлежащее тебе. Поторопись, шутовка...

Короткий смешок — и он разлетелся ворохом кроваво-красных мотыльков.

Я не медлила ни минуты. В один прыжок достигла двери — и распахнула ее в зал с портретами.

Там было темно — хоть глаз выколи. Я остановилась, тщетно пытаюсь унять бешено колотящееся сердце... и шагнула во мрак и неизвестность — раз, другой...

На пятом шаге вдруг вспыхнули свечи — все разом. Я оглянулась — и в ужасе застыла.

Во всем зале не было ни единой двери. Укрытые иллюзией или мороком, они заточали меня здесь вернее, чем тысяча засовов.

Отправившись спасти Мило я, кажется, сама угодила в ловушку.

— А вот и ты, Лале, — произнес усталый голос.

Я стремительно развернулась — волосы хлестанули по лицу — и не поверила своим глазам.

Это был Кирим. Но какой!

Без своих обычных западных одежд — в простом темном костюме. Брюки, рубашка, высокие сапоги... Краска с волос смылась — теперь они были цвета воронова крыла, тусклые, прямые. Лицо оставалось бледным и без грима, но теперь отчего-то он выглядел чуточку моложе... если не вглядываться в глаза: мертвые, полубезумные, усталые, обреченные.

Кирим легко удерживал связанного, яростно сверкающего глазами Мило одной рукой, а второй... прижимал к его горлу лезвие. И даже отсюда мне было видно, что оно невероятно острое. Одно лишнее движение...

— Лале! — воскликнул Мило и дернулся. Измученное — ожиданием? пленом? — лицо его озарилось счастьем. — Вы живы!

Сердце мое кольнуло... и я поспешила отвести глаза. Нет, сейчас мне нельзя было подолгу смотреть на Мило. Иначе я не смогу сохранить ясность рассудка...

А так хотелось подскочить к моему ученику! Обнять, прижать к себе...

Но — нельзя.

— Молчи, мальчишка, — едва успел отдернуть клинок Кирим. — Ты же не хочешь огорчить свою наставницу, так?

— Мило, не дергайся, — быстро приказала я, ловя взгляд ученика.

Мальчишка нахмурился. Темные глаза его полыхнули нетерпением и той злостью, которая захватывает нас, когда предмет наших мечтаний и надежд приходит слишком поздно.

— Госпожа...

— Мило! — повысила я голос, и Авантюрин послушно замер — обмяк, словно котенок, неловко подгибая длинные ноги, опустил покорно пушистые ресницы... Будто сдался. Это свойство умных людей — гнев или страх не затмевает им рассудка. Они способны подчиняться, смиряя свои чувства... и это сейчас давало нам с Мило шанс на спасение.

Согласие в действиях — половина успеха. Мы же почти едины...

Вот так, Лале. Спокойствие и уверенность. Правильно.

А теперь — обратить взор к мучителю нашему.

— Я так понимаю, этот мальчишка дорог тебе? — на помятом, утомленном лице Кирима промелькнула тень ярости. — Ты звала его в моих объятиях... Представляла вместо меня? Я так отвратителен тебе, Лале? — с издевкой поинтересовался он. — О, в моих руках ты была, словно воск...

Мило вздрогнул. Заиграли желваки... и мальчишка вновь расслабился, искусственно смиряя свою ярость.

И это придало мне сил.

— Ты жалок, Кирим, — спокойно произнесла я. — Конечно, я звала Мило — ведь я его люблю. Только его! И лишь Мило я желала видеть рядом с собою... А страсть, которую навевают чары Незнакомца, не может заменить истинных чувств. Отравленный родник не утоляет жажды — так вы говорите в Доме Осени?

— Верно, Лале, — усмехнулся Кирим и щекотнул лезвием загорелую кожу на шее Мило — моего умного, сильного, светлого мальчика, совершенно беспомощного в играх карт. Металл окрасился кровью. — А ведь я почти полюбил тебя... Увы, там, где решаются вопросы жизни и смерти, любви не место. А вот что ты выберешь, Лале? Жизнь своего ученика... или ключ?

Я механически отшатнулась, сжимая рукой цепочку. Разум отказывался воспринимать слова.

Отдать... ключ? То есть...

— Что? — глупо переспросила я, не веря своим ушам.

Кирим нетерпеливо дернул подбородком. Мило поднял голову и застыл — недвижимый и побледневший, ловящий каждый мой взгляд, готовый в любое мгновение попытаться — ах, почти без надежды на выигрыш! — обратить свою силу волшебника против седьмого в раскладе.

— Мне нужен твой ключ, Лале. Тот, что открывает все двери, — страстно выдохнул Кирим, и усталый взор его зажегся жизнью. — О, я перепробовал все — нанимал убийц, пытался покончить с тобою сам — да, та люстра — моих рук дело, свести с ума — в Доме Дорог, во снах... Подкинул идею глупышу Ларре отправить тебя в Маяк... Думаю, старая моя подруга Архив отдала бы мне твой ключ. И под конец даже соблазнил тебя... Но ты не рассталась с этой драгоценностью даже в минуту страсти! У меня не осталось выбора, Лале, — упрямо наклонил он голову. — Отдай мне ключ, что висит у тебя на шее — и я сохраню жизнь твоему ученику и возлюбленному. Больше того — клянусь, что я не причиню ему никогда вреда, ни прямо, ни косвенно... Принимаешь ли ты мою сделку? Если ты сбежишь — я не оставлю тебя в покое, клянусь! Я изведу все, что тебе дорого...

Слова никак не желали укладываться в голове. Разум тщился осознать невероятное, нежеланное, страшное...

Извести все, что дорого... мне?

А Мило?

Само мое существование несет опасность для него?

Мне лучше уйти?

Да... кажется, да...

Дзинь! Оборвалась последняя ниточка, что привязывала меня к этому миру.

Я обернулась.

В королевском кабинете царила разруха — под стать моей душе. Разлетелся в щепки стол, и стекла в окнах осыпались прозрачными осколками, изорвались ковры...

Единственное, что оставалось нетронутым в зале — это картины. И та, что изображала моего покровителя — Безумного Шута...

И Пустая карта...

Чернота, рассеченная молнией. Дверь... и бесконечная дорога за нею. Подарок Тарло...

Я улыбнулась. Горло свело, как судорогой.

Прости меня, Мило. Боюсь, нам не по пути... Хотела бы я вернуть время назад, чтобы изменить все — да уже поздно.

Музыка бесконечных странствий уже звучит в моей крови, и я не могу противиться ей.

Я уйду — так будет лучше для всех. Кирилл не посмеет нарушить клятву... бесполезную для него. Ты — отгорюешь и забудешь обо мне.

И, может быть — я так надеюсь на это! — когда-нибудь простишь свою глупую наставницу.

— Принимаю, — голос мой зазвенел серебряным колокольчиком. Только не поддаваться соблазну, не посмотреть на Мило... иначе я просто не смогу — стоит лишь увидеть его темные глаза, шелк его волос, вспомнить вкус губ... — Забирай ключ, что висит у меня на цепочке... Но поклянись прежде, что не причинишь Мило вреда — ни прямо, ни косвенно... И забудешь о нем, как только получишь ключ. Зачем тебе он, к слову?

— Клянусь, — веско произнес Кирилл. — А ключ... он вернет мне свободу! Я открою дверь в небытие — и выпущу Шайю на волю... и получу обратно свое имя. И жизнь. Я устал быть Незнакомцем! Я хочу стать... просто... живым... свободным...

Каждое следующее слово звучало все тише и глуше. Я грустно улыбалась — как знакомо мне это было! Да только не в карте дело.

Никакой ключ не может даровать свободу — уж мне ли не знать.

Она или течет в крови — или манит обещанием в небесах. Иного не дано.

Мы сами творцы своей свободы.

Жаль, что я поняла это так поздно.

Медленно сняла я цепочку. Взвесила в последний раз в руке тяжелый, резной, золотой ключ.

Раскачала — и кинула:

— Лови, Кирилл. Сделка свершилась.

Он легко ухватил ключ в воздухе — и небрежно чиркнул лезвием, рассекая стягивавшие Мило веревки. Авантюрин стряхнул с себя обрывки, как хлам — и неловко, заплетаясь на затекших ногах, шагнул ко мне.

Драгоценный, родной, светлый, добрый, любящий... Мой Мило...

Но я лишь грустно покачала головой — и отступила...

Назад, к Пустой карте.

Мир виделся мне смутно, как через тонкий мокрый шелк. И так же запоздало доходили

до сердца болезненные уколы тоски.

— Неужели я... победил? — неверяще прошептал Кирил, оглаживая пальцами холодный металл. — Неужели... все не зря?

Я рассмеялась. И что-то было в этом смехе, что заставило Мило остановиться, а Кирилу — поднять голову.

Ладонь моя уже лежала на прохладном полотне картины. Одно движение — и пальцы сомкнутся на нарисованной ручке... что дальше?

Почему по щекам моим текут горячие, соленые слезы?

Только не смотреть на Мило. Не смотреть. Я перетерплю — ради нас обоих.

— Ключ в твоих руках не отомкнет ни одной двери... Разве что старый комод в поместье Опал, — медленно проговорила я. — Это — просто символ. Старый дар Холо, моего наставника... А Ключ от всех дверей — это я сама, Лале Опал... И нет в этом мире того, кто стал бы моим Хранителем. Прощай, Кирил, — улыбнулась я сквозь слезы. Отчего-то мне было очень легко, почти до боли. — Желаю тебе отыскать свою собственную свободу. Прощай и ты, Мило... и прости меня. Пожалуйста... Прости...

— Лале! — крикнул Мило, кидаясь ко мне. — Лале, нет!

Но я уже повернула ручку — и шагнула в картину.

Слезы ослепили меня. Грудь стиснуло. В изнеможении я опустилась на холодные каменные плиты. В обе стороны тянулся длинный, темный коридор со множеством дверей — но мне не хотелось открывать ни одну из них.

Я ушла... и потому не видела больше ничего.

Я не видела, как захохотал безумно, выронив бесполезный ключ, Кирил. Он запрокинул голову, запустил пальцы в волосы — а из кармана посыпались на пол серебряным дождем маленькие колокольчики.

Я не видела, как захлебываясь криком, задыхаясь от ярости и боли колотил Мило кулаками в картину, как бессильно сполз он по стене, не сдерживая стоны.

И того, как соткался из воздуха статный черноволосый мужчина с желтой лентой в косе, я тоже не видела.

Он оглядел зал, усмехнулся... и покачал головой:

— Ты снова все неправильно поняла, моя девочка. Маленькая Лале... нежная, хрупкая. Куда тебе одной...

Я не видела, как он подошел к Мило и наклонился к нему, прошептав что-то... и как Мило с надеждою посмотрел на него... и вновь шагнул к картине — уверенно и спокойно, хотя слезы еще не успели высохнуть на его щеках.

... я не видела и не слышала ничего. И потому чуть не поседела от испуга, когда кто-то опустился рядом со мною на плиты — и заключил меня в крепкие, горячие объятия, шепча:

— Хотели сбежать от меня, госпожа? Я не отпущу. Никогда.

— Мило... — простонала я сквозь слезы и повернулась, пряча лицо на таком знакомом, таком сильном плече. — Как ты нашел меня? Как сумел последовать за мною?

— Холо помог, — усмехнулся бывший ученик и запрокинул мое лицо, заставляя смотреть себе в глаза. Темный коридор словно озарился солнечными лучами. — Он сказал мне, что не хорошо отпускать такую красивую леди одну... а еще — что любому Ключу нужен Хранитель. И что мне он, Холо, вполне может доверить даже собственную дочь. Лале, — посерьезнел он, и в каре-фиолетовой бездне зажглись жадные золотые искры. — Я

знаю, что вы не любите пышных признаний, но все же... Я люблю вас. Нет, не так — я люблю тебя. Ты — мой свет и моя тьма, моя боль и отрада, единственная радость моего сердца. Ты — единственное солнце, в которое я верю, и единственная ночь, пред которой я склоняюсь... Лале, любимая... Какие бы бедствия не сотрясали бытие, я всегда буду рядом с тобою. Как бы ты ни бежала от меня, сколько бы не ошибалась и не совершала глупостей — я всегда останусь с тобою. Я осушу твои слезы, я укурю тебя в своих объятиях. В любом мире, под небесами и в небесах — я буду с тобою рядом. Всегда. Вечно. И никакие двери на свете не смогут нас разлучить. Ведь я люблю тебя, Лале.

Я слушала его — и таяла, и горела, и сходила с ума — в лучшем смысле этого слова. И когда он в последний раз произнес мое имя — жарко, страстно, властно — подалась вперед, впиваясь в его губы поцелуем.

Ведь что ни говори — а словам я всегда предпочитала поступки.

Я люблю тебя, Мило. Ты веришь мне?

Да.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ты — сокровенный ключ от всех дверей.

Ты — воздуха глоток в чаду горячем.

Ты — гильотина гордых королей

И бедняка бессмертье и удача.

Ты — шаткий мост над темной бездной лжи.

Ты — светлый смех над злом и лицемерьем.

Речной поток, что к звездам ввысь бежит.

Награда за терпенье и потери.

Ты — пропуск в лабиринт забытых снов.

Ты — то, что слепит и прозрение дарует.

Ты — хитрый, осторожный зверолов,

Что на добычу зарится чужую.

Ты — миллиард отброшенных имен.

Ты — аромат жасмина в звоне стали.

Ты — все... Но кто не был влюблен,

Сумеет угадать тебя едва ли...